33

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

о

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ

II-го ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1856 и 1857 гг.

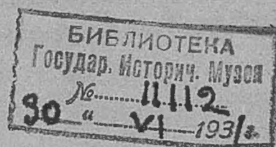
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, 23-го Іюля 1857 г.

За Непремѣннаго Секретаря *К. Веселовскій.*

Изъ V и VI-го тома Извѣстій II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

О ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Вмѣсто предисловія.

Участіе уже довольно многихъ изыскателей, особенно со времени Карамзина и Востокова, содѣйствовало къ объясненію памятниковъ древняго Русскаго языка; но общіе выводы о немъ, о соотношеніи языка памятниковъ съ языкомъ народа того самаго времени, когда они писаны, еще не достигли желаемой твердости и несомнѣнности. Рядомъ, а иногда и нераздѣльно вмѣстѣ, со строго-учеными наблюденіями встрѣчаются и предположенія, не строго выведенныя изъ наблюденій, и не побѣждена еще возможность рѣшать самые важные вопросы совершенно произвольно, такъ сказать эклектически, выбирая изъ высказаннаго другими только то, что случайно нравится, и отвергая безъ доказательствъ то, что не нравится. Все это тѣмъ болѣе возможно, что точное опредѣленіе принадлежностей древняго Русскаго языка, дѣйствительно, очень трудно — и по множеству памятниковъ, и по смѣшенію въ нихъ элементовъ народныхъ и ненародныхъ, не всегда рѣзко противоположныхъ.

Такое положеніе науки нашей относительно языка древнихъ памятниковъ Русской письменности, заставляетъ желать всякаго, кто съ любовію занимается изученіемъ отечественной древности, чтобы выводы о древнемъ нашемъ языкѣ книжномъ и народномъ были высказываемы отдѣльно отъ разбора памятниковъ, сводными положеніями, разумѣется, съ подведеніемъ доказательствъ. Каждое соображеніе, совѣстливо высказанное изслѣдователемъ, знакомымъ близко съ дѣломъ, должно непремѣнно пролить свѣтъ, пробудить мысль, а вмѣстѣ и трудъ, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, чѣмъ менѣе подчинено условіямъ эклектизма.

Признавая нужду общихъ соображеній о языкѣ древнихъ памятниковъ Русской письменности, Второе Отдѣленіе Академіи всегда съ радостію давало имъ мѣсто въ своихъ чтеніяхъ. Къ числу очень замѣчательныхъ записокъ въ этомъ родѣ принадлежитъ та, которая получена Отдѣленіемъ нынѣ отъ его достойнѣйшаго сочлена М. П. Погодина, оказавшаго уже столько услугъ возбужденіемъ мыслей о самыхъ важныхъ предметахъ древностей Русскихъ: она возбудитъ, конечно, и мысль и трудъ.

Будучи изложена отчасти въ формѣ замѣчаній на то, что высказано было въ «Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка», записка М. П. Погодина опровергаетъ нѣкоторые выводы, а другіе самостоятельно поддерживаетъ новыми доказательствами. Чтобы яснѣе видно было, какъ именно отличны понятія высказанныя М. П. Погодинымъ отъ того, что доказывалось въ «Мысляхъ», здѣсь представляется краткій перечень убѣжденій, высказанныхъ въ этой книгѣ.

—

1. Древній народный Русскій языкъ отличался отъ древняго Церковно-Славянскаго очень немногими особенностями употребленія звуковъ и грамматическихъ формъ.

— *Звуковъ.* Въ древнемъ Русскомъ не было носовыхъ гласныхъ: — *у, ю,* ꙗ замѣняли Ц.-Слав. ѫ, ѭ, ѧ, ѩ (д*у*бъ, имѣ*ю*, мꙗсо, ꙗгнꙗ). — Глухіе звуки *ъ* и *ь* при соединеніи съ *р* и *л* произносились почти исключительно передъ этими гласными, а не послѣ (гърдъ, вьрхъ, пълкъ, мьртъвъ). — *о* въ началѣ словъ стояло тамъ, гдѣ въ Ц.-Слав. было є (*о*сень, *о*сетръ). — *оро, ере, оло* господствовали вмѣсто Ц.-Слав. *ра, рѣ, ла, лѣ* (здоровъ, береза, володимеръ, полонъ), впрочемъ неисключительно. — Звуковъ согласныхъ среднихъ (въ родѣ западнаго Европейскаго *l*) не было, и потому слоги твердые не смѣшивались съ мягкими; а въ слѣдствіе этого между прочимъ и глухіе гласные звуки *ъ* и *ь* правильно отличались *). Звуки *з, ц, с* выговаривались и твердо и мягко (*заяць, зꙗть*), и потому правильно соединялись съ гласными (кънꙗзь, кънꙗзꙗ, кънꙗзю, а не кънꙗзу). Производные звуки Ц.-Слав. *жд* и *шт* выговаривались или навыворотъ какъ *тш = ч, дж = ж*, или троезвучно, какъ *штш, ждж = жч* (ночь, дажь, дъжчь); и проч.

— *Грамматическихъ формъ:* — Въ склоненіи прилагательныхъ и причастій опредѣленныхъ употребительна была мѣстоименная форма (великого, чюжего), впрочемъ неисключительно. — Причастіе дѣйствительное настоящее въ первообразныхъ глаголахъ оканчивалось въ имен. пад. муж. рода

---

*) Памятники, подобные Грамотѣ 1228 г. или Грамотѣ Варлаама наводятъ мысль на вліяніе иностранное, которое могло сдѣлаться обычнымъ кое гдѣ для кое кого, въ томъ родѣ напр. какъ у Сербскихъ монаховъ вошло въ обычай произносить нѣкоторые звуки совершенно иначе, чѣмъ произноситъ народъ.

болѣе на *а*, тогда какъ въ Ц.-Слав. только на *ѣ* (жива, мога). — Третье лице изъявит. наклоненія въ един. и во множ. числѣ оканчивалось и въ прошед. врем. на *ть* (доидеть, прославить, купить, дѣмшеть, быхуть). — Глаголъ существ. въ настоящ. времени изъяв. накл. могъ пропускаться, особенно въ третьемъ лицѣ един. числа; отъ этого образовались особенныя отличныя формы предложеній (попомъ пѣти вседеньнам, начмти см той пѣсни по былинамъ); и пр. Важнѣйшіе признаки опредѣленности грамматическаго строя принадлежали древнему Русскому и древнему Церковно-Славянскому одинаково. Таковы: 1) наращеніе въ склоненіи, 2) отличеніе склоненія неопредѣленнаго и опредѣленнаго, 3) двѣ формы неопредѣленнаго наклоненія, 4) двѣ формы прошедшаго простаго, 5) различныя сложныя формы временъ изъявительнаго наклоненія, 6) особенныя формы для разныхъ лицъ повелительнаго наклоненія, 7) двойственное число въ склоненіи и въ спряженіи, 8) употребленіе мѣстнаго падежа и безъ предлога (Кыѥвѣ, лѣтѣ), 9) дательный самостоятельный (Володимеру кнмжмщю, сблнцю выходмщю); и пр.

2. Съ такимъ богатствомъ строя оставался Русскій народный языкъ до XIV вѣка, впрочемъ не неподвижно, все болѣе удаляясь отъ первобытной правильности употребленія формъ; XIII—XIV вѣкъ былъ и для него, какъ для нѣкоторыхъ Западно-Славянскихъ нарѣчій временемъ рѣшительнаго перехода къ иному строю, высказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV — XVI вѣкѣ. Это время — XIII-XIV вѣкъ — было и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, Великорусскаго и Малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ, Нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень

рано (напр. употребленіе *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч*: ручѣ, отчю, *цинъ, цьстьнъ*, — смѣшеніе *у* и *в*: вдобь, оуспѧть и т. п.); но только говоровъ, а не нарѣчій. Повсюдныя отклоненія отъ древняго строя языка, сравнительно съ мѣстными отклоненіями, выражали себя яснѣе. Между такими отклоненіями замѣчаемъ нѣкоторыя грамматическія довольно важныя; напр. 1. Смѣшеніе звательнаго падежа съ именительнымъ (зри, братъ, отцѧ наю). 2. Употребленіе формы имен. падежа для винит. въ сущ. жен. рода (взѧти гривна, дати порука). 3. Употребленіе дѣепричастія (кнѧзю продажѣ въ челѧдинѣ или украдъше, въвести кму послухъ передъ кымь купивъше). 4. Употребленіе сложныхъ временъ вмѣсто простыхъ и между прочимъ сокращенно, т. е. съ пропускомъ существ. глагола *ксть* (за тотъ миръ страдалъ, ѧзъ далъ) и пр.; Нельзя сказать, навѣрно, когда именно какая форма древняя замѣнилась у насъ новою *навсегда, исключительно*, какъ нельзя напр. сказать, когда именно въ Германскихъ языкахъ введенъ членъ или когда именно въ Сербскомъ смѣшались въ одно дательный, творительный и предложный множ. числа, когда именно въ Чешскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ стали выговаривать мягкій *р* (рь) шепеляво; но изъ того, что употреблялась уже новая форма, еще не слѣдуетъ заключать, что формы древней уже не было, какъ не слѣдуетъ заключать, что Сербъ, говоря теперь *био сам* (былъ кємь), уже не говоритъ *бих* и *биjах* (быхъ, бѣѧхъ). Смѣшеніе формъ отживающихъ вѣкъ съ начинающими жизнь есть принадлежность переходнаго состоянія языка такъ же, какъ и всего другаго: для нашего Русскаго языка это переходное время выразилось рѣзкими чертами въ XIII—XIV в., и болѣе для всего языка, чѣмъ по нарѣчіямъ мѣстнымъ.

3. Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ сомнѣнія, всегда, но въ X-XIV вѣкѣ отличія одного отъ другаго у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Отъ близости строя Русскаго народнаго языка съ языкомъ книгъ Церковно-Славянскихъ, къ намъ занесенныхъ, зависѣло то, что сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ нашей письменности, элементы Старославянскій книжный и Русскій народный, языкъ этихъ произведеній сохранялъ правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ Старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ Греческій, Византійскіе обороты рѣчи, Византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, неумѣвшій выражаться правильно по Славянски. Прочное начало образованію книжнаго Русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV — XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять.

—

Эти положенія доказываются:

1. Сравнительнымъ изученіемъ Славянскихъ нарѣчій, изъ которыхъ всякое пережило, такъ или иначе, свой вѣкъ перехода отъ древняго строя къ новому. Важнѣе всего, разумѣется, тѣ нарѣчія, по которымъ есть и памятники древніе. Таково нарѣчіе Чешское. (Въ Приложеніяхъ къ «Мыслямъ» представле-

ны отрывки изъ памятниковъ Западно-Славянскихъ съ указаніями постепеннаго увеличенія отклоненій отъ древняго строя.)

2. Памятниками книжнаго Старо-Славянскаго языка, переписанными на Руси въ XI—XIV в. Писцы, переписывая, отступали отъ подлинника и съ намѣреніемъ и нечаянно, — въ томъ и другомъ случаѣ выражая свой Русскій элементъ (на это обратилъ вниманіе А. Х. Востоковъ уже давно).

3. Памятниками народнаго Русскаго языка XII—XIV вѣка, на которыхъ или совсѣмъ или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное. Въ однихъ изъ нихъ заключаются постановленія и распоряженія, — и потому господствуетъ наклоненіе повелительное и условныя времена изъявительнаго; въ другихъ передаются воспоминанія о прошедшемъ, — и потому господствуютъ прошедшія времена изъявительнаго. Отсюда кажущаяся разница языка тѣхъ и другихъ. (Въ Приложеніяхъ къ «Мыслямъ» представленъ разборъ важнѣйшихъ Русскихъ памятниковъ XII—XIV вѣка, съ указаніемъ особенностей строя народнаго языка).

4. Новымъ народнымъ языкомъ съ его мѣстными видоизмѣненіями. Онъ сохранилъ доселѣ по мѣстамъ довольно много остатковъ древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ чертами своего развитія на нарѣчія и говоры, если разсматривать ихъ сравнительно, даетъ ясное понятіе о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде, до развѣтвленія своего.

Эти источники могутъ, вѣроятно, привести изслѣдователя и не къ тѣмъ выводамъ, которые высказаны въ «Мысляхъ»; но ранѣе или позже приведутъ и къ истинѣ.

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕМЪ ЯЗЫКѢ РУССКОМЪ.

М. П. Погодина.

I.

(Письмо къ И. И. Срезневскому).

Вы заставили меня измѣнить моимъ князьямъ на цѣлой вечеръ, (такъ начиналъ я, занятый біографическимъ словаремъ удѣльныхъ князей, настоящее письмо свое къ вамъ еще въ 1853 г.): увидѣвъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Отдѣленія ваше изслѣдованіе о Новогородскихъ лѣтописяхъ, я вздумалъ напечатать свою рецензію, написанную вскорѣ послѣ ихъ изданія Археографической Коммиссіей, еще въ 1841 году, но остававшуюся до сихъ поръ въ моихъ бумагахъ по особымъ обстоятельствамъ, о коихъ рѣчь впереди. Съ этой цѣлію, я, послѣ вашихъ двухъ статей, принялся за чтеніе разсужденія г. Лавровскаго, по поводу котораго вы ихъ писали, а г. Лавровскій въ свою очередь привелъ меня къ вашимъ «Мыслямъ объ Исторіи Русскаго языка,» которыхъ, занятый исключительно удѣльнымъ періодомъ, я еще не читалъ, предоставляя себѣ это назидательное удовольствіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, по окончаніи моего труда. Тамъ, къ удивленію своему, нашелъ я одно новое положеніе, которое совершенно меня взволновало,—положеніе, вполнѣ согласное съ моими замѣчаніями, но *выведенное другими средствами и обращенное совершенно къ другой цѣли.* Вечерняя измѣна увеличилась до новыхъ сутокъ, и я рѣшился передать вамъ немедля свои мысли,

тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, когда филологія наша оживотворилась дѣятельностью и трудами Академіи, эти мысли скорѣе и успѣшнѣе могутъ быть подвергнуты суду, и получить себѣ утвержденіе или осужденіе.

(Между тѣмъ этотъ примѣръ оправдываетъ отчасти мое воздержаніе отъ постороннихъ занятій, въ коемъ теперь, увлеченный занимательностію предмета, дѣлаю исключеніе).

Передамъ вамъ весь ходъ мыслей, въ ихъ послѣдовательности, какъ въ новомъ случаѣ, по поводу вашихъ разсужденій, такъ и въ прежнемъ, при моемъ размышленіи объ языкѣ лѣтописей.

Въ разсужденіи г. Лавровскаго меня поразило слѣдующее мѣсто:

Мнѣніе «что письменный языкъ Русскій въ древнее время былъ Церковно-Славянскій, что *народный языкъ не могъ быть такимъ, какимъ встрѣчаемъ его въ памятникахъ и духовныхъ и свѣтскихъ до XIII вѣка, уже опровергнуто, какъ не имѣющее основанія.* Если народный языкъ, въ эпоху значительнаго уклоненія отъ Церковно-Славянскаго, прорывался неоднократно своими особенностями въ памятникахъ Церковно-Славянскихъ, за чистотой языка которыхъ постоянно сторожило духовенство Русское, то тѣмъ легче, тѣмъ естественнѣе, и тѣмъ несравненно въ большемъ количествѣ должны были отразиться особенности южно-Русскаго нарѣчія въ произведеніяхъ свѣтскихъ, писанныхъ нерѣдко рукою мірянъ, излагающихъ событія, заимствованныя часто изъ жизни чисто-народной. Но ихъ (особенностей южно-Русскихъ) не видно въ этихъ произведеніяхъ, значитъ, ихъ не было еще и въ языкѣ; когда же появились онѣ въ послѣднемъ, то неизбѣжно стали выказываться и въ письменности.»

При этихъ словахъ г. Лавровскій ссылается на ваше изслѣдованіе, въ Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка, гдѣ прочелъ (с. 95) я слѣдующее: «Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи *былъ одинъ и тотъ же*, до того что и слово Луки Жидяты, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о Полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Новгородскаго, *нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не Русскомъ, а Старославянскомъ.* Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ *не могъ бы не показать себя хоть кое-гдѣ своими особенностями* — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ.»

То есть — вы утверждаете, что языкъ народный съ языкомъ письменнымъ въ это время былъ одинъ и тотъ же, и что въ немъ не было ничего Малороссійскаго нынѣшняго.

Это положеніе есть совершенно новое, никогда никѣмъ у насъ прежде не сказанное, и я удивился, какимъ образомъ не произвело оно волненія въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ въ минуту своего произнесенія; я удивился, какимъ образомъ всѣ наши профессоры Русской словесности и Славянскихъ нарѣчій не сочли своей обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить опое. Въ жур-

нальной критикѣ, съ коей я тотчасъ справился, не нашелъ я ни одного отзыва: нашимъ міросозерцателямъ видно не до Русскаго языка!

Вы дѣлаете заключеніе изъ второй части вашего наблюденія: если въ языкѣ не примѣчается ничего Малороссійскаго, слѣдовательно его и не было, а произошло оно, Малороссійское, уже впослѣдствіи, начиная съ XIV вѣка.

Вотъ ваши мысли!

Теперь приступаю я къ изложенію моего мнѣнія, какъ оно составилося, въ продолженіи моихъ изслѣдованій и размышленій, независимо отъ посторонняго вліянія.

Въ 1839 году въ заключеніи своего изслѣдованія о лѣтописи Нестора я сказалъ, что изслѣдованіе объ его языкѣ предоставляю филологамъ.

Прошло много лѣтъ, но на этотъ вопросъ никто не обращалъ вниманія. Между тѣмъ, начавъ приведеніе въ порядокъ своихъ изслѣдованій объ удѣльномъ періодѣ, я принялся, послѣ Несторовой лѣтописи, за Кіевскую.

Мнѣніе мое объ ея языкѣ, какъ и объ языкѣ Нестора, было—извѣстно читателямъ—слѣдующее: Это языкъ церковный, для лѣтописателей чужой и мертвый, хотя родственный и понятный, употреблявшійся ими съ голоса, подобно употребленію Латыни на Западѣ *).

По существу своихъ работъ, долженъ былъ я также выучить Кіевскую лѣтопись почти наизусть, какъ Несторову. Чѣмъ дольше я занимался ею, тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ къ Нестору съ этой мыслію, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ, хотя

---

*) См. въ Изслѣдованіяхъ. Т. III, с. 355 и проч.

прежде, подъ вліяніемъ другаго предубѣжденія, я отзывался иначе*).

Я началъ отмѣчать на поляхъ у себя слова и обороты, явно не-Малороссійскіе и вмѣстѣ не-Церковные, и вскорѣ ихъ накопилось столько, что нельзя было быть не поражену ихъ совокупностію.

Мысль моя пошла слѣдующимъ путемъ—не строгой филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета.

Я разсуждалъ такъ: — Употребляя языкъ чужой, нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: Малороссіянинъ долженъ проговариваться подъ-часъ по-Малороссійски, Великороссіянинъ по-Великороссійски, Бѣлорусецъ по-Бѣлорусски, Сербъ по-Сербски, и т. д.

Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронили тамъ-сямъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія?

А между тѣмъ въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей.

Еще болѣе — слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату, сапоги, лапти, а не чоботы, — квасъ, медъ, жито, и т. п.

*) Тамъ же, с. 357.

Вѣрно, лѣтописи принадлежатъ не Малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не Малороссіяне.* Вотъ какое заключеніе представилось мнѣ естественно.

Выпишу нѣсколько словъ и выраженій для примѣра, на выдержку, изъ лѣтописи Несторовой и Кіевской, отъ 862 до 1200 года.

Сзывая безчисленное множьство народа, П.С.Р.Л.с.54.

Егда же *подпьяхуться,* начьнахуть роптати на князь... *зло есть нашимъ головамъ:* да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными. Се *слышавъ* Володимеръ, повелѣ исковати и проч. с. 54.

Видиши ли, колико ся мнѣ *сключи?* с. 86.

Бысть Іоаннъ... *молчаливъ.* с. 89.

Всеволодъ бѣ издѣтьска *боголюбивъ.* с. 92.

Володимеръ... нача *размышляти.* с. 93.

Не бѣ *лзѣ вкрастися* въ градъ. с. 94.

Бяше пришелъ Славята... къ Володимеру отъ Святополка на нѣкое *орудье,* с. 97. (Выраженіе самое употребительное).

Несуть *розно.* с. 109.

Уловъ уловивъ. с. 111.

Да *поправимъ* сего зла,... оже вверже въ ны ножь;... да аще сего не правимъ, то болшее зло *встанеть въ насъ;* и начнеть братъ брата закалати, и *погыбнеть* земля Русская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русскую. іb.

Володимеръ — росплакався. с. 112.

Ти суть *намолвили* на Давыда. с. 113.

Поча выти *волчьскы.* с. 115.

Мы *изнемогаемъ* гладомъ. іb.

Подъ *пазуху*. ib.

Не сдравьлю. с. 118.

Половци *присунушася* къ Баручю. СРЛ. II, с. 10.

Мстиславъ... *оставивъ* княженіе. с. 12.

Всеволодъ не хотя того, оже ся братья совокупила въ *едину мысль*, посла къ Давидовичема рка има: отступита вы отъ брату моею; азъ ваю *надѣлю*. с. 19.

Вячеславъ *смолвяся* съ Всеволодомъ. ib.

Не любяхуть сего Олговичи, и поропташа нань (на Всеволода), оже любовь *имѣеть* съ Мьстиславичи... и *осажался* ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстіе и собѣ. ib.

Оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животѣ *помогу* ти про Кіевъ. с. 20.

За трудъ. ib.

Сыну, *тако ти и гораздо, готовъ буди*, напередѣ иди, доспѣй же на путь. с. 31.

Того вы братъ мой не велѣлъ. с. 33.

То мнѣ есть *порока* всякаго отъ людій не уйти, тѣмъ есть речи: Изяславъ *велѣлъ* убити. с. 35.

Доколѣ ся рѣки *установять*. с. 36.

Ледъ *лихъ*. с. 37.

Днѣпръ *росполиваеть*. ib. *Рушися* Днѣпръ. ib.

Рече Володимеръ послу Изяславлю: *пойди вонъ*.

Рече Володимеръ: того братъ мой не велѣлъ. Се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отець тя *пріобидилъ* и волости ти не далъ; язъ же тя пріялъ въ правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь далъ, ако ни отець того вдалъ, *что я тебѣ вдалъ*, и еще есмь и Руской земли *приказалъ* стеречи тобѣ, с. 39.

Въ правду ли идеши на Изяслава? Гюрги же рече ему: како хощу не въ правду ити? Сыновець мой Изяславъ, на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на мя возложилъ; а любо соромъ сложю, и земли своей мыщю, любо честь свою налѣзу, пакы ли а голову свою сложю. Изяславль же посолъ пріѣха у Кіевъ, повѣда ему Святославлю рѣчь, и что ему Володимиръ сказалъ. Изяславъ же слышавъ, и не устряпа, но посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: брате, хрестъ еси честьный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложилъ и товары его; нынѣ же, брате, сего ли дозрѣвъ, то поминаеши, оже стрый мой на мя ратью идеть? Нынѣ же чи хресту честьному управити, яко же еси цѣловалъ; буди со мною, — не хощеши ли быти со мною, а ты уже хрестьное чѣлованіе переступилъ; а язъ есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ, а цѣ ми что было? а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестьная сила *). с. 42.

Сыновець ваю Изяславъ... передъ вами не творится правъ, но *кланяеться и милости ваю хочеть;* азъ же не простъ есмь *ходатай* межи вами. с. 48.

К. Вячеславъ... *потъкнуся* къ ряду и къ любви: бяшеть бо К. Вячеславъ *незлобивъ* сердцемъ, поминая писаніе, и пр. ib.

Въ утрій день, по *зорямъ,* с. 51.

Язъ, брате, тѣмъ не труденъ есмь... *радъ, ѣду.* с. 53.

Рѣки ся *смерзываютъ.* ib.

Язъ не могу на Изяслава одинъ поити; Изяславъ вчера

---

*) Эту длинную выписку, равно какъ и другую (со с. 145) я сдѣлалъ съ особымъ намѣреніемъ, о которомъ см. ниже.

со мною хотѣлъ ся бити, на вашего отца идя, а на мя ся *оборачивая, ловя* ся бити со мною. с. 56.

Будевѣ сеѣ весны вѣ *порозна.* с. 58.

Ать вси *видимъ по мѣсту,* што ны Богъ *явить.* ib.

Конь нача *соватися* подъ нимъ. с. 63.

Володимеръ... лежа творяся акы изнемогая съ ранъ, но *ранъ на немъ не было.* с. 69.

Приде вѣсть къ Ростиславу: Глѣбъ Дюргевичь съ множествомъ Половець идеть къ Переяславлю. с. 75.

Святославъ Ростиславичь, отпровадя Половци. ib.

Си ночи былъ веселъ съ своею дружиною и *шелъ спать здоровъ.* ib.

Всеволодовичь река: *избезумился* есмь. с. 77.

Яша коня *за поводъ.* с. 104.

Андрей князь толикъ *умникъ* сый. с. 109.

Половци яшася бѣгу *опять своею дорогою.* с. 122.

Они же *надогнавше* надъ берегъ. ib.

Бѣ рѣка *бережиста.* с. 123.

Святославъ *не любуя* на свою братью. с. 127.

Узрѣша Половци *помочныя* полкы. с. 128.

Половци *оборотилися* противу Рускимъ княземъ. ib.

Поганы есть всимъ намъ *обьчій* врагъ. с. 129.

Бишася крѣпко ту *днину.* с. 131.

Возлѣзше на заборолѣ. с. 132.

Опоздишася. с. 133.

Рюрикъ поча слати, *понужывая* его. с. 134.

Аже кто *раздумываеть* и не хочеть ити. ib.

Именины тогда бяхуть. с. 141.

Святославъ не *улюби...* не *могу съ половиною* ихъ мирится. с. 142.

Бѣ бо нѣчто *извергълося* ему на нозѣ. с. 143.

Коли будеть святыхъ Маковѣй. ib.

Язъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю; но же Всеволодъ наслалъ на мя, жалуяся про тебе, ажь есми на немъ чести не положили преже; я же есмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступился по волѣ, а намъ како любо ему было ю даяти. А намъ безъ Всеволода нелзя быти, положили есмы на немъ старѣйшиньство вся братья во Володимерѣ племени; а ты мнѣ свой, а то ти волость иная, той ровна. с. 145.

Кланяяся ему и моляся и *покладывая* на собѣ всю вину свою. с. 146.

Цѣлуй съ нами крестъ, како ти ся съ нами не воевати, доколѣ со Всеволодомъ и съ Давыдомъ любо ся *уладимъ*, любо ся не *уладимъ*.

Сташа *отоптавшеся* въ снѣгу. с. 147.

Чему еси почалъ волость мою воевати, а поганымъ руцѣ *полнишь*. с. 148.

Володимеръ, *ѣхавъ* со Мстиславомъ. с. 149.

Ты же еси то лѣто и ту зиму *перевелъ*... а про кого ми была и рать про зятя своего. с. 150.

Довольно! Какія же это слова, обороты, формы — не Малороссійскія и не церковныя?

Это слова, обороты и формы — чисто Великороссійскія.

Такъ неужели въ Кіевѣ, при Олегѣ, Владимирѣ, Рюрикѣ Ростиславичѣ, жили Великороссіяне?

Признаюсь — такое заключеніе сначала поразило меня, и я долго не могъ опомниться!

Но вѣдь нельзя отказаться отъ заключенія, если посылки вѣрны, а въ посылкахъ я былъ убѣжденъ.

Я продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно впрочемъ ободряясь.

Дайте прочесть лѣтопись Несторову, Кіевскую и прочія, любому Великороссіянину, не знающему церковнаго нарѣчія: онъ пойметъ ихъ, говоря вообще, кромѣ того или другаго стараго слова, вышедшаго изъ употребленія, а Малороссійской страницы онъ не пойметъ, даже образованный. Слѣдовательно въ лѣтописяхъ, вѣрно, господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ. Таковое заключеніе можно бы сдѣлать и а priori, мимо приведеннаго словаря.

Дайте прочесть лѣтописи Малороссіянину, не знающему Великороссійскаго нарѣчія, онъ пойметъ ихъ только, поколику понимаетъ Великороссійское и церковное нарѣчія, а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія.

Новыя подтвержденія, что въ Кіевѣ жили до Татаръ не Малороссіяне, а Великороссіяне.

Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе:

Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсень о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять то же заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли.

Характеръ князей, послѣ того какъ норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, чѣмъ къ Малороссійскому, обнаружившемуся въ казачествѣ, или извѣстному нынѣ.

Тоже должно сказать и вообще о характерѣ военнаго древняго сословія и самой войны.

Еще: мнимые Малороссіяне съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: казалось — они должны бы оказать свое Малороссійское вліяніе на что нибудь — въ обычаяхъ, въ языкѣ. Нѣтъ — мы не видимъ тогда никакой перемѣны на сѣверѣ. Слѣдовательно пришли тогда не Малороссіяне, а тѣ же Великороссіяне!

Великороссійское племя жило въ Кіевѣ — эта мысль была первою добычею моихъ разсужденій. Возвращаясь къ первому мнѣнію своему объ языкѣ церковномъ и его отношеніи къ лѣтописателямъ, я долженъ былъ теперь выразить его такъ: Лѣтописатели, пишучи на чужомъ, мертвомъ нарѣчіи, невольно проговарились по-Великороссійски, и обличили свое Великороссійское происхожденіе.

Одна удача ободрила на другую.

Да на что же предполагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? — сталъ разсуждать я дальше. Не слишкомъ ли это мудрено, неестественно?

Воображаю себѣ лѣтописателя-Нестора или другаго монаха, — какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть. Можно ли писать на чужомъ нарѣчіи, не зная его? а знать его было нельзя. За всякой формою ему надо бы справляться! Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за насиліе должно было дѣлать себѣ! Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это? Если теперь, во всякомъ нашемъ сочиненіи на церковномъ языкѣ,

напримѣръ молитвахъ, сочиняемыхъ на новые случаи, просвѣчиваютъ наши руссизмы, какимъ образомъ можно было уберегаться отъ нихъ въ древности, безъ нашихъ грамматическихъ и филологическихъ изслѣдованій и познаній. А въ лѣтописяхъ, въ грамотахъ, вы замѣчаете естественность, правильность, живость *), а не мертвенность!

Слѣдовательно *лѣтописатели писали на своемъ живомъ языкѣ*, не съ голоса, а по натурѣ, — второе заключеніе, представившееся мнѣ на пути моихъ размышленій, заключеніе, котораго, съ перваго раза, нельзя не испугаться еще болѣе, чѣмъ перваго — о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами.

Смѣлѣе и смѣлѣе!

Языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ Великороссіяне.

Слѣдовательно церковный языкъ есть нашъ языкъ, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное.

А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, который не узналъ своей Итаки!

Я разсуждалъ, такъ сказать, движеніями мысли. Обратимся къ бытамъ, и представимъ опытъ ихъ объясненія при такомъ новомъ воззрѣніи на предметъ.

Прежде всего предлагаю задачу или вопросъ филологамъ: могутъ ли они вывести естественно настоящій нашъ языкъ, по законамъ правильнаго развитія, отъ языка лѣтописей и грамотъ, какъ напримѣръ производится новый Нѣмецкій языкъ

---

*) Обращаю вниманіе на длинныя выписки изъ Кіевской лѣтописи, со с. 42 и 145. См. выше.

отъ языка древняго Нѣмецкаго? Судя, хоть поверхностно, по нѣкоторымъ новымъ нашимъ изслѣдованіямъ, можно, кажется, утвердить это.

А нынѣшнее Сербское и Болгарское нарѣчія гораздо труднѣе произвести отъ церковнаго нарѣчія, чѣмъ наше Великороссійское. Наше настоящее Великороссійское нарѣчіе, которымъ мы пишемъ и говоримъ, гораздо ближе къ древнему церковному нарѣчію, языку Остромирова Евангелія, лѣтописей и грамотъ, чѣмъ Сербское, Болгарское и всякое другое, во всѣ извѣстные періоды ихъ развитія. О западныхъ нарѣчіяхъ, Польскомъ, Чешскомъ, и говорить нечего.

Одно это замѣчаніе имѣетъ великую силу для подкрѣпленія моихъ заключеній.

Но какимъ же образомъ могло случиться, чтобъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же языкомъ, какой употреблялся гдѣ то около Солуни, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. Писаніе св. Кирилломъ и Меѳодіемъ?

А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представили собою въ историческое время растасованную колоду картъ.

Это мы знаемъ, въ этомъ мы увѣрены, и это мы положительно говоримъ *):

Словене жили на Ильменѣ и въ Словеніи, близь Адріатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабьѣ, въ Штиріи и Иллиріи.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, въ Булгаріи, въ Германіи.

---

*) См. Изслѣдованія Т. II, с. 386, 387 и проч.

Дулебы по Бугу и въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волыни и Полабьѣ.

Сѣверяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и Вислѣ и проч.

Племя, что мы называемъ теперь Великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи.

Положеніе историческое мы принимали безспорно—намъ слѣдуетъ теперь только распространить, такъ сказать, его, и придать ему смыслъ:

Если одно и тоже племя жило въ разныхъ мѣстахъ, то и говорило въ разныхъ мѣстахъ одинаково: Словене говорили сначала одинаково на Ильменѣ и на берегахъ Адріатическаго моря; Хорваты въ Галиціи и Иллиріи; Дулебы по Бугу и въ Чехіи.

Великороссіяне, (которыхъ мы теперь такъ называемъ), могли жить и говорить сначала одинаково около Солуни, въ Кіевѣ и нынѣшней Великороссіи.

Эта одна рѣчь по разнымъ мѣстамъ подверглася въ послѣдствіи разнымъ вліяніямъ.

Самъ церковный языкъ, заключенный такъ сказать въ формы, остановленный въ своемъ движеніи,носитъ теперь по мѣстамъ слѣды этихъ вліяній. Но не смотря на ихъ разность, все таки единство языка, сходство въ переводѣ Евангелія по Остромирову списку, въ языкѣ лѣтописей и въ языкѣ живомъ настоящемъ Русскомъ, повторяю, гораздо виднѣе, нежели въ какихъ-нибудь другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ ны-

нѣшнемъ Болгарскомъ и церковномъ, нынѣшнемъ Сербскомъ и церковномъ и т. д.

—

Откуда же и когда пришли Малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной?

Они пришли послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, и заняли Кіевскую губернію, такъ, какъ потомки ихъ въ XVI столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску.

А можетъ быть и прежде Великороссіянами обитаемъ былъ только Кіевъ съ окрестностями, то есть Великороссіянами были только Поляне, которые такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ даже по словамъ самого Нестора: «Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имѣху: не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче» Галиція, Волынь, Подолія, могли быть заселены искони Малороссійскими племенами, среди которыхъ жило Великороссійское на извѣстномъ пространствѣ.*)

Изслѣдуйте собственныя имена около Кіева, на Волыни, въ Подоліи, Галичѣ, и по собственнымъ именамъ можетъ быть можно будетъ прослѣдить разселеніе древняго Великороссійскаго племени въ нынѣшней Малороссіи, предѣлы занятаго ими пространства. При географическихъ моихъ изслѣдованіяхъ**), я былъ пораженъ характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, вовсе не Малороссійскимъ.

*) Любопытно было бы имѣть свѣдѣнія о Польскихъ Полянахъ.
**) См. Т. IV, с. 148 и проч.

Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ къ стыду своему мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій.

Изслѣдованіе этого нарѣчія необходимо: покажите намъ степени его родства со всѣми прочими такъ-называемыми восточными и западными Славянскими нарѣчіями.

Покажите или, лучше, отыщите присутствіе въ немъ восточнаго элемента, то-есть слѣды вліянія Торковъ, Печенѣговъ, Черныхъ Клобуковъ. Изслѣдуйте особенности Малороссійскаго нарѣчія. Такія изслѣдованія прольютъ свѣтъ и на происхожденіе козаковъ.

—

Куда же дѣлись Кіевскіе Великороссіяне?

Послѣ Татаръ они отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ, вмѣстѣ съ князьями. Не даромъ же Несторъ, описывая разселеніе племенъ по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію почти пусту *). Туда пришли Великороссіяне съ юга, какъ послѣ съ юга же начали наступать и Малороссіяне, къ Курску, Харькову, Воронежу.

—

Не странная ли судьба, замѣчу мимоходомъ, что назвалась таки Великою Россіей собственная сѣверная сторона, куда ушло, или гдѣ размножилось собственно Великороссійское племя.

—

А какъ объяснить то, что лѣтописи послѣ Татаръ писались прежнимъ языкомъ, и Малороссійскаго элемента все-таки

*) См. т. IV, с. 336.

въ нихъ не оказывается, хотя Малороссіяне заняли напримѣръ Галичь и Волынь (если не жили тамъ искони), хотя поселились въ послѣдствіи безъ сомнѣнія въ Днѣпровской области.

На это отвѣчу я вотъ что: Лѣтопись, которая можетъ навести на это сомнѣніе, есть одна, Волынская, и только до конца XIII столѣтія. Можетъ быть, Малороссіяне тогда еще не достаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедеминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское нарѣчіе употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ между грамотѣями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской лѣтописи (подъ г. 1205): бѣ Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отцество* *) *имѣя въ градѣ Кыевѣ.*

*) Повинюся кстати: когда-то и гдѣ-то, лѣтъ 15 кажется назадъ, я говорилъ, что слово отечество въ нынѣшнемъ словѣ есть новое. Приведенный примѣръ доказываетъ противное.

Слово *отьчество* и равносильное съ нимъ *отьчествиѥ* попадаются довольно часто въ древнихъ памятникахъ въ двухъ смыслахъ: 1) вмѣсто Греч. πατριά; напр. да пріиметь кождо. ѡвчѧ на домъ въ ѿчество свое (Исх. XIII, 3); възмѣте начало всего сон҆ма... по домомъ ѿчьства ихъ (Числ. II. 2.); иосифъ бѣаше отъ домоу и отъ отьчьствиꙗ Дв҃дова (Лук. II. 4); 2) вмѣсто Греч. πατρὶς; напр. Халдѣйскъı землѧ ѿчьства ихъ (Iезек. XXIII, 15); ни которъı же пророкъ приꙗтъ ѥсть въ отьчествии своѥмъ (Лук. IV. 24). Примѣры взяты изъ Уваров. списка Библіи

Прицѣпясь къ послѣднему замѣчанію, могутъ возразить мнѣ: Малороссійское нарѣчіе, говорите вы, не обнаруживалось на письмѣ при Бѣлорусцахъ, хотя Малороссіяне жили тогда уже безспорно: точно также могло оно не обнаруживаться и прежде, до Татаръ, а Малороссіяне все-таки жили.

Нѣтъ, это возраженіе неосновательное. Малороссійскаго послѣ Татаръ не обнаруживалось потому, что писали Бѣлорусцы, и писали на своемъ нарѣчіи, а не Малороссіяне; а въ первомъ періодѣ надо вѣдь въ смыслѣ возраженія предполагать Малороссіянъ писавшихъ.

Конечно, здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго;—предоставимъ объясненіе времени, а теперь удовольствуемся положеніями, для меня, достовѣрными.

Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ.

Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ.

Великороссійское нарѣчіе есть или само церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть родное, органическое развитіе.

Формы письменнаго языка часто костенѣютъ, между тѣмъ какъ народная рѣчь течетъ своимъ потокомъ. Она врывается по временамъ въ письменный языкъ, который между тѣмъ и самъ, подъ перомъ писателей, подвергается своимъ измѣненіямъ. Сравните настоящую Великорусскую рѣчь съ письменнымъ и литературнымъ языкомъ; сравните языкъ Петровскій, Ломоносовскій, Карамзинскій, нынѣшній; сколько

XV вѣка и изъ Остромирова Евангелія. Вотъ еще изъ Акад. Стихираря XII вѣка изъ стихеръ Борису и Глѣбу: «непрестаита молѧщасѧ. христоу. вѣчно съхранити правовѣрьноую вѣроу. пе врѣдьноу. въ отьчьствии ваю; б) не престаита молѧщасѧ за отьчьство ваю. *Ред.*

измѣненій на нашемъ вѣку и на письмѣ и въ устахъ! Еще больше должны мы предполагать ихъ въ древности, какъ было болѣе простора мысли, и въ языкѣ было болѣе жизненной силы.

На этомъ основаніи можетъ быть легче понять органическую связь между языкомъ Св. Кирилла въ Солуни, варіантомъ его на Черномъ морѣ *) или Днѣпрѣ, въ IX вѣкѣ, языкомъ Нестора и Кіевской лѣтописи въ XI и XII в., языкомъ лѣтописей Московскаго періода, языкомъ Петровскимъ, Ломоносовскимъ, Карамзинскимъ и нынѣшнимъ.

II.

Обращаюсь къ старымъ мнѣніямъ, и по тщательномъ, внимательномъ ихъ разложеніи, что же нахожу въ нихъ?

Зародыши, залоги, намеки на эту истину, нами теперь сознанную; слѣды ея вездѣ, не смотря на невѣрности, излишки, ошибки.

*) Св. Кириллъ, приставъ къ берегамъ Чернаго моря, нашелъ тамъ Евангеліе, переведенное по-Русски! Не осталось ли оно у насъ, замѣтимъ кстати, гдѣ нибудь? Не найдемъ ли мы его въ какомъ нибудь изъ тысячи нашихъ списковъ, столько разнообразныхъ, когда мы всмотримся въ нихъ по пристальнѣе? Я встрѣчалъ удивительные варіанты, (особенно въ Апостолѣ), и сожалѣю, что ихъ не записывалъ. Укажу теперь на важнѣйшій варіантъ въ Евангеліи Іоанновомъ: «въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ въ Богѣ», который по мнѣнію одного знатока указывалъ на древнѣйшее чтеніе Греческаго подлинника, давно не существующее. *П.*—Варіантовъ въ древнихъ спискахъ книгъ Новаго Завѣта довольно много,—и почти всѣ они важны для исторіи перевода. Трудъ сопоставленія ихъ (въ формѣ словаря, кажется, всего болѣе удобный) должно мнѣ кажется считать необходимымъ и для объясненія многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи нашей Русской словесности древней. Замѣчательно важныя указанія уже сдѣланы въ «Описаніи рукописей Синодальной Библіотеки». *Редакт.*

Какое же заключеніе?

Мысли живутъ: онѣ зараждаются, зрѣютъ, даютъ плодъ, очищаются и умираютъ. Снисходительность, терпимость — должны быть непремѣнными правилами изслѣдователя. Мысль у инаго кажется мнѣ нелѣпостью: не сердись, не негодуй — въ этой нелѣпости есть зародышъ, которому суждено возрасти и развиться при нашихъ внукахъ; эта нелѣпость дастъ поводъ къ отысканію истины. Это мимоходомъ.

—

Отъ отвлеченностей перейдемъ опять къ положительности.

Переберемъ мнѣнія, постараясь найти въ нихъ генеалогію, какъ Максимовичь въ системахъ растительнаго царства.

Старое мнѣніе: Церковный языкъ есть нарѣчіе древнее, неизвѣстное (одни говорили—Сербское, другіе—Болгарское, Добровскій — Сербо-Булгаро-Македонское).

Это нарѣчіе есть прародитель всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, то есть отъ него произошли всѣ настоящія Славянскія нарѣчія: нашъ Русскій языкъ, Сербскій, Болгарскій, Польскій, Чешскій, и проч.

(Такъ мы молоды въ ученомъ дѣлѣ, и такъ у насъ все еще дѣлается легко и поверхностно, что я не могу указать положительно на писателя, у кого это мнѣніе формулировано, а оно было общее).

Въ III томѣ Изслѣдованій я опровергалъ это мнѣніе, разсуждая такъ:—Отъ Церковнаго языка произошелъ нашъ Русскій письменный языкъ. А Малороссійскій? Когда же это случилось, и какія были условія такихъ различныхъ происхожденій? Исторія не помнитъ ихъ. Почему здѣсь произошло одно нарѣчіе, а тамъ другое, третье? Нѣтъ, этого не можетъ

быть: нарѣчія эти всѣ ровесники, и существовали современно. Церковное можетъ быть старшее, но въ IX столѣтіи Великороссійское и Малороссійское уже образовались. Церковное мертвое, введенное случайно, употреблено у насъ на письмѣ, вмѣстѣ съ принесенными переводами, подобно Латыни, а Великорусское и Малорусское употреблялось въ устной рѣчи.

Въ XII столѣтіи южные князья переселились на сѣверъ— однако никакого Малороссійскаго вліянія на сѣверѣ ни въ чемъ они не оказали; слѣдовательно, заключалъ я, Малороссіяне не переселялись съ ними, а оставались на своихъ мѣстахъ, а на сѣверѣ жили тогда уже Великороссіяне.

Въ послѣдствіи я повелъ свое разсужденіе, какъ видѣли читатели, слѣдующимъ образомъ, изъ чего и составилось представленное мнѣніе: если Малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ.

Если слѣдовъ нѣтъ, то должно заключить, что не Малороссіяне жили тамъ, гдѣ писаны лѣтописи.

А есть другіе слѣды. Какіе? Великороссійскіе.

Слѣдовательно жили Великороссіяне. И это былъ ихъ языкъ живой; не можетъ быть, чтобъ лѣтописатели вздумали ломать себѣ языкъ, и успѣли такъ счастливо; слѣдовательно церковный есть языкъ нашъ, слѣдовательно Русскій языкъ точно происходитъ отъ церковнаго, или лучше это есть одинъ и тотъ же языкъ, переходящій свои степени, и правильно въ продолженіи тысячи лѣтъ развивающійся.

А прочія нарѣчія не происходятъ отъ него, но имѣютъ свое собственное происхожденіе, свою собственную судьбу, отъ того неизвѣстнаго корня, который скрывается въ глубинѣ

вѣковъ, и до котораго, кажется, добираются, или скоро доберутся, нѣкоторые изъ молодыхъ нашихъ филологовъ.

Слѣдовательно въ старомъ мнѣніи, сравнительно съ настоящимъ, вотъ что было справедливо:

Языкъ Русскій точно происходитъ отъ церковнаго.

А несправедливо вотъ что: языкъ Русскій происходитъ отъ церковнаго, но не какъ сынъ отъ отца, новый отъ стараго, и живой отъ мертваго; это не два языка, церковный и Русскій, это *одинъ и тотъ же языкъ* живущій, ростущій, развивающійся, одинъ и тотъ же человѣкъ — младенецъ, юноша, мужъ, старецъ, т. е. умножающійся годами.

Прочія же нарѣчія не отъ церковнаго произошли, а вмѣстѣ съ нимъ въ одно время происходили, развивались изъ тѣхъ звуковъ, кои принесены были праотцами Славянъ изъ Индіи, и по мѣстамъ сдѣлались родоначальниками разныхъ Славянскихъ нарѣчій. Церковное нарѣчіе (Великороссійское тожь) имѣло на нихъ переводомъ священныхъ книгъ свое вліяніе, отъ котораго они теперь начинаютъ отчасти освобождаться, то есть писать съ живой рѣчи, а не съ церковнаго голоса, какъ поступали до сихъ поръ, на примѣръ, Сербы.

Въ моемъ мнѣніи вотъ что было справедливо: Въ эпоху перевода Священнаго Писанія племена Малороссійское, Великороссійское, Церковное, т. е. то, на чей языкъ переведены были книги, жили, каждое своею жизнію, какъ Чешское, Польское, Сербское, жили и говорили своими языками.

А вотъ что несправедливаго, или лучше темнаго, неопредѣленнаго, что теперь дополняется и уясняется: Великорос-

сійское и церковное не суть два нарѣчія, какъ тогда я полагалъ, а есть одно и то же нарѣчіе, по мѣстамъ (въ Селуни и на Днѣпрѣ) имѣвшее нѣкоторыя легкія отличія, подобныя нынѣшнему Малороссійскому Полтавскому и Малороссійскому Галицкому. Нынѣшнее письменное Великороссійское нарѣчіе есть тотъ же церковный языкъ, въ устахъ народа подвергшійся измѣненіямъ и достигшій трудами писателей настоящаго совершенства, а не особое нарѣчіе.

Выражу главную мысль еще короче. Прежде говорили: Церковный языкъ корень; отъ него происходятъ всѣ нарѣчія.

Я говорилъ: Церковный языкъ и прочія Славянскія нарѣчія братья — ровесники и происходятъ всѣ отъ одного неизвѣстнаго корня, принесеннаго изъ Индіи.

Нынѣ соединяю церковный языкъ съ Русскимъ языкомъ, оставляя тоже происхожденіе.

Форма церковнаго языка, нѣкогда живая, измѣняясь последовательно въ устахъ народныхъ, образовываетъ собою языкъ лѣтописей, грамотъ, и наконецъ нашъ нынѣшній письменный и изустный языкъ.

Г. Срезневскій разсужденіемъ своимъ обратившій было меня въ 1852 году къ обработкѣ настоящаго моего разсужденія, справедливо утверждалъ тожество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ и вмѣстѣ отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскихъ.

Вотъ собственныя слова его и ученика его г. Лавровскаго:

Г. Срезневскій, Мысли объ Исторіи Русскаго языка: «Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи (лѣтописи, Русская Правда, грамоты, Слово о

полку Игоревѣ и проч.), отличался отъ книжнаго, то онъ *не могъ бы не показать себя хоть кое гдѣ своими особенностями* — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ.» с. 96.

Это для меня весьма важно въ устахъ профессора Славянскихъ нарѣчій, подтверждая вполнѣ мои разсужденія.

Г. Лавровскій объ языкѣ сѣверныхъ лѣтописей: с. 6. «Развѣ тотъ же самый Несторъ не обнаружилъ бы *хотя однажды и хотя одного признака* нарѣчія Малорусскаго, подобно лѣтописцамъ Новогородскимъ, которые никакъ не могли удержаться, чтобъ въ XIII—XIV столѣтіи, вмѣстѣ съ чертами языка обще Русскаго древняго не включить особенностей своего говора мѣстнаго.»

А вотъ что невѣрно, и что сильнѣе моего опровергнется безъ сомнѣнія г. Максимовичемъ, котораго задеретъ оно за живое, — будто до Татарскаго времени совершенно не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія:

Лавр. с. 5. «Одинаковость Славянскаго происхожденія, однообразіе родоваго быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ Славянъ въ то отдаленное время, *не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югѣ и сѣверѣ.*

С. 7. «*Разнообразія* въ строѣ языка, его фонетикѣ и формахъ грамматическихъ, разнообразія, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго государства *видѣть въ языкѣ Русскомъ два нарѣчія не было,* и по тогдашнему положенію Славянъ Русскихъ *быть не могло.*»

С. 11. «Съ XIII — XIV столѣтія южная Русь была покинута Сѣверомъ... При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе.»

С. 19. «Давнія но неиспоконныя черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — Великорусское и Малорусское... не восходятъ выше XIII—XIV столѣтія» *).

Г. Срезневскій и за нимъ Лавровскій, не видятъ ничего Малороссійскаго въ лѣтописяхъ, изъ чего и заключаютъ, что Малороссійскаго совсѣмъ еще не существовало.

Нѣтъ, Малороссійское существовало, въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые потому и оставили свои слѣды, а не Малороссійскіе.

Къ сказанному прежде еще возражаю: Малороссійское нарѣчіе составилось, говорите вы, вновь, но народъ-то Малороссійской, характеръ его совершенно отличный отъ прочихъ Славянскихъ племенъ, неужели и народъ Малороссійскій и характеръ его образовался, обособился только послѣ Татаръ? Не можетъ быть: онъ носитъ всѣ признаки самобытнаго племени.

Кто же жилъ, напримѣръ, въ Галичѣ въ XIII вѣкѣ, если Малороссіяне тогда только раждались?

Малороссіяне жили въ Карпатахъ какъ въ своей колыбели, въ Галичѣ, представляющемъ совсѣмъ другой характеръ; жили вѣроятно и на Волыни, гдѣ опять другой характеръ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, во время Курбскаго, а характеръ

*) У Срезневскаго И. Р. Я. с. 95—96. См. выше.

времени Курбскаго тотъ же съ характеромъ Галицкихъ бояръ до Татаръ.

Далеко ли кругомъ около Днѣпра жили Малороссіяне, покажетъ, повторяю географія.

Далѣе на югѣ жили Торки, Берендѣи, остатки Печенѣговъ и всѣ Черные Клобуки.

Къ этимъ Торкамъ и проч. перешли, можетъ быть, скажемъ здѣсь кстати, Малороссіяне съ Волыни (а среднее Великороссійское пространство опустошено Татарами), равно какъ и остатки всего военнаго сословія Русскаго, и составили тамъ новое племя казацкое.

—

Теперь естественно я вспомнилъ о г. Сенковскомъ, противъ котораго вооружался въ 1843 году, по поводу замѣчаній на Исторію Малороссіи, Маркевича.

Въ его мысли брезжило понятіе о новости Малороссіянъ въ Малороссіи, произшедшее впрочемъ отъ нерасположенія къ казачеству. П. А. К. напечаталъ сильную филиппику въ Москвитянинѣ *), къ коей приложилъ я тогда слѣдующее примѣчаніе, повторяемое мною здѣсь, потому что оно дополняетъ нѣсколько разсужденіе о нашемъ вопросѣ **):

«Библіотека говоритъ, что Малороссіяне произошли отъ бѣглецовъ Литовскихъ.

А отъ кого же произошли, спрошу я его, жители Галицкаго княжества, которые во время Владимира Святаго, передъ Монголами и послѣ Монголовъ, наконецъ и въ наше

*) Москвитянинъ, 1843, № 5.
**) Москвитянинъ, 1843, № 6, с. 354.

время, живутъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, и говорятъ однимъ языкомъ; жители Галицкаго княжества, которые до Литовцевъ были слишкомъ хорошо извѣстны Исторіи, которые во времена Даніиловы властвовали надъ Литовцами, которымъ Воишелгъ предоставлялъ по завѣщанію свою Литву? Слѣдовательно и они бѣглецы Литовскіе? Они вѣдь одни и тѣже люди съ нынѣшними Малороссіянами Чернигова, Полтавы, Переяславля? Неужели Библіотека не видитъ, что она съ своимъ утвержденіемъ доходитъ до исторической безсмыслицы, не простительной даже г. Полевому, не только ея учености. Я говорилъ о Галиціи; но сѣверо-восточная Венгрія по Карпатамъ населена тѣми же Русинами: и они бѣглецы Литовскіе? А если они не бѣглецы, то и прочіе Малороссіяне также. Мнѣ кажется, довольно и этихъ двухъ словъ для показанія нелѣпости старыхъ бредней о Малороссіи, кои господствовали между Польскими историками.»

—

Перечитывая все относящееся къ моему предмету, я нашелъ слѣдующія весьма важныя для меня строки у г. *Каткова* въ его разсужденіи: Объ элементахъ Русскаго языка:

«Въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской письменности до-Московскаго періода встрѣчаемыя формы исконнаго быта языка, (и между ними форма двойственнаго числа), почему непремѣнно должны быть относимы ко вліянію Церковнаго нарѣчія? И Церковное и Русское нарѣчіе суть видоизмѣненія одного и того же языка. Правда, нарѣчіе Церковныхъ книгъ представляетъ намъ формы Славянскаго языка большею частью въ полнѣйшемъ и древнѣйшемъ видѣ, нежели прочія нарѣчія; однако причина этого преимущества состоитъ

только въ томъ, что церковные памятники языка суть древнѣйшіе памятники.

У насъ еще доселѣ не найдено мѣрила для различенія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго. Послѣднее такъ сопрониклось съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту. Большею частію, говоря объ Русскомъ языкѣ, имѣютъ въ виду только либо языкъ Московскаго государства, либо нынѣшнюю Русскую рѣчь. Не забудемъ, что Русскій языкъ сложился изъ многихъ коренныхъ Славянскихъ стихій, даже доселѣ не совсѣмъ угасшихъ, и даже доселѣ не совсѣмъ извѣстныхъ, а частію и вовсе неизвѣстныхъ. Почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи, сіи разнообразные, богатые памятники нашей письменности, почему непремѣнно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать, что эти памятники писались по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, но Русскому же? Я такъ думаю, что не только лѣтописи, или Русская Правда или Слово о Полку Игоревѣ, или Вопросы Кирика и пр.; но и тотъ проповѣдникъ Туровской каѳедры въ своихъ столь же глубокихъ, сколь простодушныхъ словахъ, исполненныхъ живаго сочувствія съ настоящимъ, всенародно говоренныхъ, и часто какъ рѣченіями, такъ даже и формами напоминающихъ свое мѣсторожденіе, сторону Руси югозападную, что Кириллъ Туровскій входитъ не только въ исторію Русской словесности, но по многому и въ исторію Русскаго языка *).

*) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. М. Каткова, 1835, с. 215 и проч.

Эти строки для меня весьма важны. Г. Катковъ представилъ свое изслѣдованіе, чисто филологическое, объ элементахъ и формахъ, по строгимъ законамъ новой филологіи. Слѣдя языкъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, какое я сдѣлалъ почти a priori; тожество ихъ доставляетъ мнѣ сильное подкрѣпленіе.

Г. *Кубаревъ* подкрѣпляетъ меня совсѣмъ съ другой стороны, какъ вы думаете, съ какой? Съ орѳографіи. Въ своемъ разсужденіи о Патерикѣ Печерскомъ *) онъ указываетъ на многіе признаки Великороссійскаго произношенія въ древнихъ нашихъ рукописяхъ.

Выпишу еще нѣсколько словъ изъ разсужденія профессора *Григоровича*, кои показываютъ также движеніе мысли около нашихъ положеній: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Славянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Славянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала — древне-Славянскій и древній Русскій, и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Славянскаго языка, *постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ* **).» Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности». Въ исторіи нашего просвѣщенія — говоритъ

---

*) Чтенія Общества И. и Д. Р. 1847.

**) Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. I, 1855. с. 247. См. тоже въ Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка (1850) стр. 31—32: изъ памятниковъ XIII—XIV вѣка «увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ слѣдствіе этого языкъ получилъ новый видъ.»

онъ — не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно Славянскаго языка на Русскій, сколько обратно вліяніе Русскаго на Церковно-Славянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не при имая въ себя ничего, что разнитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи».

Вотъ еще одно любопытное замѣчаніе изъ статьи Г. *Сухомлинова: Тожество* языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій» языкъ *).

—

Соображая теперь всѣ сіи отдѣльныя замѣчанія, въ разныя времена, по разнымъ поводамъ, разными лицами, сдѣланныя, я убѣждаюсь въ моихъ заключеніяхъ болѣе и болѣе, и приглашаю филологовъ стать на мою точку, и разсудить безпристрастно объ этомъ дѣлѣ по законамъ ихъ науки.

Съ самаго начала я счелъ свои мысли фантастическими, и предложилъ ихъ такъ Шафарику, кажется, еще въ 1840 г. Онъ одобрилъ ихъ, и я напечаталъ тогда отзывъ изъ его письма, но теперь не найду гдѣ.

Узнавъ о занятіяхъ В. И. Даля, я послалъ ему свое замѣчаніе о нарѣчіи Великороссійскомъ, и онъ напечаталъ его

*) Учен. Зап. Втор. Отд. Ак. I. с. 249.

въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ нарѣчіяхъ, въ Трудахъ нашего Географическаго Общества, въ 5 книгѣ Вѣстника на 1852 годъ, см. с. 16.

Не могу не прибавить въ заключеніе: Великороссійское нарѣчіе заключаетъ столько свойствъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, по свидѣтельству многихъ нашихъ филологовъ, что по всей справедливости считается ихъ представителемъ; удивительную судьбу предназначилъ ему Богъ, вложивъ въ уста того племени, которому суждено первое мѣсто между всѣми Славянскими, между всѣми племенами въ мірѣ Славянскомъ, и можетъ быть Европейскомъ!

Многіе Славяне, разсуждая о необходимости избрать въ наше время одно общее Славянское нарѣчіе для основанія, облегченія и укрѣпленія взаимности между Славянами, для обезпеченія ихъ успѣховъ и возбужденія способностей, рѣшаются писать на Церковномъ Славянскомъ языкѣ. Причиною такого выбора поставляютъ они то, чтобъ не обидѣть ни одно племя и не возбудить ни въ комъ зависти — въ Полякахъ, Сербахъ, Чехахъ и проч. То есть, они берутъ языкъ IX вѣка, языкъ остановившійся, и хотятъ заднимъ числомъ говорить имъ, писать на немъ, воротиться, такъ сказать, къ нему назадъ, — но онъ вѣдь жилъ, шелъ, развивался, богатѣлъ — такъ возмите его себѣ не изъ могилы, а изъ жизни, возмите жизнь, а не смерть, то есть *пишите по Русски!*

Русскій языкъ долженъ въ свою очередь обогатиться всѣми нарѣчіями, а онъ и теперь уже первый языкъ въ Европѣ! Что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань съ живой рѣчи, которая раздается на пространствѣ 15 тысячъ верстъ въ длину и 10 тысячъ въ ширину, безпрестанно богатѣетъ

еще въ устахъ народа, творится, — что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань и со всѣхъ Славянскихъ живыхъ нарѣчій, со всѣхъ ихъ литературъ древнихъ и новыхъ? Это — чудное явленіе, такое же чудное, какъ Русская исторія, какъ Русская пѣсня, какъ Русское право, какъ вся Россія....

II.

ОБЗОРЪ

РЕДАКЦІЙ КІЕВО-ПЕЧЕРСКАГО ПАТЕРИКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРЕВНИХЪ.

Орд. Акад. Макарія, Епископа Винницкаго.

Кіево-Печерскій Патерикъ важенъ для насъ въ троякомъ отношеніи: церковномъ, литературномъ и историческомъ. Въ церковномъ: это одна изъ самыхъ благочестивыхъ книгъ, какія предлагаетъ св. Церковь для чтенія вѣрующимъ,—книга тѣмъ болѣе близкая сердцу Русскихъ и назидательная, что она повѣствуетъ о нашихъ отечественныхъ и самыхъ первыхъ подвижникахъ, о началѣ и процвѣтаніи нашей святой, великой, чудотворной Лавры. Въ литературномъ: это, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ частяхъ своихъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и притомъ лучшихъ памятниковъ нашей духовной письменности частію XI, а частію XIII вѣка. Въ историческомъ: это одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ нашей церковной, частію и гражданской исторіи въ ея древній періодъ, столь небогатый источниками.

Благодаря превосходной статьѣ г. Кубарева *о Патерикѣ Печерскомъ*, напечатанной въ журналѣ М. Н. Пр. (1838, мартъ) и потомъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Московск.

Истор. Общества (1847 г., № 9), ученые довольно познакомились какъ съ составомъ, такъ и съ историческою судьбою этой драгоцѣнной книги. Почтенный авторъ сообщилъ вѣрныя свѣдѣнія о названіи и содержаніи Кіево-Печерскаго Патерика, о цѣлости и достовѣрности главныхъ статей его, о его писателяхъ и редакціяхъ. Но отдавая полную справедливость отчетливому изслѣдованію, не можемъ не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ относительно къ описанію редакцій Патерика, оно далеко недостаточно. Г. Кубаревъ сказалъ только о четырехъ редакціяхъ, трехъ рукописныхъ и одной печатной, между тѣмъ какъ нынѣ ихъ можно насчитывать до десяти. И изъ четырехъ редакцій, онъ подробно описалъ только двѣ: рукописную, такъ называемую, Арсеніевскую по списку, сдѣланному въ 1406 г. для Тверскаго епископа Арсенія, и печатную, изданную первоначально въ Кіевѣ въ 1661 году,—а о двухъ остальныхъ рукописныхъ: такъ называемой Кассіановской, сдѣланной въ 1462 г., повелѣніемъ Кіево-Печерскаго уставщика Кассіана, и безъименной—неизвѣстнаго времени, упомянулъ очень кратко и какъ бы мимоходомъ. Увлекшись понятнымъ сочувствіемъ къ драгоцѣнному по древности списку Арсеніевской редакціи, онъ недовольно ясно указалъ недостатки этой редакціи, и не отдалъ справедливости другимъ рукописнымъ редакціямъ, имѣющимъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже преимущества предъ Арсеньевскою. Рѣшаясь сдѣлать обзоръ всѣхъ десяти, извѣстныхъ намъ, редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, мы отнюдь не думаемъ, чтобы со временемъ не открылись новыя редакціи, намъ неизвѣстныя, и желаемъ только хоть не много подвинуться впередъ въ рѣшеніи вопроса: объ исторической судьбѣ Кіево-Печерскаго Патерика.

Всѣ редакціи Кіево-Печерскаго Патерика раздѣляются по времени на три разряда: четыре, древнѣйшія, относятся къ XV вѣку или, точнѣе, извѣстны по спискамъ XV вѣка, еще четыре по спискамъ XVI вѣка, и двѣ составлены въ XVII вѣкѣ. Различіе этихъ редакцій зависитъ болѣе всего отъ количества статей, входящихъ въ составъ каждой, потомъ отъ различнаго помѣщенія и раздѣленія статей, отъ перестановки самихъ частей ихъ, накопецъ отъ нѣкоторыхъ сокращеній, вставокъ, вообще небольшихъ измѣненій. По этому, чтобы правильнѣе судить о разныхъ редакціяхъ Патерика, необходимо *предварительно* дать понятіе о статьяхъ, вошедшихъ въ составъ ихъ.

I.

Статьи Кіево-Печерскаго Патерика по разнымъ его редакціямъ можно раздѣлить на два класса: на статьи *основныя*, встрѣчающіяся во всѣхъ редакціяхъ, и на статьи *дополнительныя*, встрѣчающіяся только въ нѣкоторыхъ.

Къ *основнымъ* статьямъ относятся: 1) Посланіе св. Симона, епископа Владимірскаго, къ черноризцу Кіево-Печерскому Поликарпу, писанное въ 1225 г., 2) Посланіе черноризца Поликарпа къ Кіево-Печерскому архимандриту Акиндипу, писанное около 1228 года, и 3) Сказаніе о первыхъ черноризцахъ Кіево-Печерскихъ, заимствованное изъ лѣтописи преп. Нестора. И очень вѣроятно, что самую первоначальную редакцію Кіево-Печерскаго Патерика составляли собственно только эти три статьи: потому что есть рукописные сборники, въ которыхъ хотя находятся и другія статьи, вошедшія въ послѣдствіи въ составъ Патерика, но имя Пате-

рика Печерскаго стоитъ уже вслѣдъ за ними только надъ этими тремя статьями, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Въ Посланіи св. Симона три части, хотя связанныя между собою весьма тѣсно. Въ первой, нравоучительной, онъ преподаетъ черноризцу Поликарпу наставленіе укротить въ себѣ порывы честолюбія, не покидать Печерской обители и смиренно подвизаться въ ней согласно даннымъ обѣтамъ: эта часть по преимуществу извѣстна подъ именемъ Посланія Симона къ Поликрпу. Во второй, исторической, представляетъ въ примѣръ назиданія рядъ Кіево-Печерскихъ иноковъ, отличившихся разными подвигами благочестія, и такихъ, которые погубили душу свою страстями, дѣлая по мѣстамъ личныя обращенія къ Поликарпу, и именно говоритъ: а) о пр. Онисифорѣ и безъименномъ недостойномъ мнихѣ, потомъ б) о преп. Евстратіѣ Постникѣ, в) Никонѣ Сухомъ, г) священномученикѣ Кукшѣ и Пиминѣ Постникѣ, д) Аѳанасіѣ Затворникѣ, е) Николаѣ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ, ж) Еразмѣ, з) Ареѳѣ, и) Титѣ попѣ и Евагріи діаконѣ. Въ третьей, такъ же исторической, части повѣствуетъ о чудесномъ созданіи или основаніи великой Кіево-Печерской церкви, о мастерахъ и живописцахъ, прешедшихъ изъ Царяграда для устроенія ея, о росписаніи и освященіи этой церкви. Въ третьей части такъ же встрѣчаются обращенія къ Поликарпу.

Въ Посланіи Поликарпа, написанномъ по просьбѣ архимандрита въ память и назиданіе послѣдующимъ Кіево-Печерскимъ инокамъ, разсказывается о жизни, дѣлахъ и чудесахъ другихъ Печерскихъ подвижниковъ, о которыхъ не упомянулъ въ своемъ посланіи св. Симонъ, именно: а) Никиты затворника, бывшаго послѣ епископомъ Новгородскимъ, б) Гри-

горія чудотворца, в) Агапита-безмезднаго врача, г) Григорія Чудотворца, д) Затворника Іоанна многострадальнаго, е) Моисея Угрина, ж) Прохора, з) Марка пещерника и Өеофила, и) Өеодора и Василія, і) Спиридона и Никодима просфорниковъ, к) Алимпія иконописца, л) Пимена многоболѣзненнаго. Посланіе начинается общимъ вступленіемъ; за тѣмъ есть частныя вступленія въ нѣкоторыя отдѣльныя статьи; о подвижникахъ и какъ въ началѣ, такъ въ срединѣ и концѣ Посланія встрѣчаются обращенія къ Акиндину.

Наконецъ, въ статьѣ о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ, заимствованной изъ Несторовой лѣтописи, послѣ общаго замѣчанія о высокихъ подвигахъ этихъ иноковъ, повѣствуется а) кратко о Даміанѣ, Іереміи и Матөеѣ, и, б) довольно подробно объ Исаакіѣ.

Такимъ образомъ всѣ основныя статьи, общія для всѣхъ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, по содержанію своему вполнѣ соотвѣтствуютъ идеѣ этого Патерика или *Отечника*: всѣ онѣ повѣствуютъ объ отцахъ Печерскихъ, создавшихъ Печерскій монастырь и подвизавшихся въ немъ, первая—объ одинадцати, вторая—о пятнадцати, третья о четырехъ, а всѣ вмѣстѣ о тридцати.

Дополнительныя статьи, встрѣчающіяся только въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Патерика, можно подраздѣлить такъ же на два класса: на *однородныя* съ основными и соотвѣтствующія идеѣ Патерика, и на статьи, по содержанію своему только *соприкосновенныя* этимъ однороднымъ и основнымъ или *побочныя*.

Статьи перваго рода суть: 1) Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря и о преп. Антоніи, цѣликомъ заимствованное изъ лѣтописи Нестора, впрочемъ встрѣчающееся и въ

другомъ видѣ; 2) Обширное житіе препод. Ѳеодосія Печерскаго, написанное Несторомъ, повѣствующее мимоходомъ и о другихъ Печерскихъ иконахъ: Антоніѣ великомъ, Варлаамѣ игуменѣ, Ефремѣ, который былъ въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ и Переяславскимъ, Никонѣ—сподвижникѣ великаго Антонія, Исаіѣ, впослѣдствіи епископѣ Ростовскомъ, Даміанѣ пресвитерѣ, Иларіонѣ и Стефанѣ, бывшемъ послѣ епископомъ Владимірскимъ; 3) Сказаніе объ открытіи и перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія, взятое изъ Несторовой лѣтописи; 4) Похвала преп. Ѳеодосію неизвѣстнаго автора; 5) Посланіе преп. Ѳеодосія къ В. К. Изяславу о вѣрѣ Латинской или Варяжской; 6) Выписки изъ лѣтописей: о препод. Нифонтѣ, въ послѣдствіи епископѣ Новгородскомъ, и о попѣ Василіѣ, избранномъ въ настоятели Печерскаго монастыря по смерти архимандрита Поликарпа въ 1182 году, 7) Посланіе въ Кіево-Печерскій монастырь Всероссійскаго митрополита Фотія.

Статьи побочныя — это тѣ, которыя не говорятъ о самомъ Печерскомъ монастырѣ, а повѣствуютъ только о предметахъ и происшествіяхъ, болѣе или менѣе къ нему относившихся, соприкосновенныхъ. Таковы: 1) статьи о происхожденіи и первоначальномъ состояніи нашей Церкви, о проповѣди у насъ св. Апостола Андрея, о крещеніи Славянъ и переводѣ священнаго Писанія на Славянскій языкъ, о крещеніи В. Кн. Ольги и потомъ В. К. Владиміра, о первыхъ нашихъ церквахъ и нѣкоторыхъ епископахъ, о первыхъ нашихъ св. мученикахъ Варягахъ, убіенныхъ при Владимірѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ и т. под.; 2) статьи изъ исторіи нашего отечества: о призваніи Рюрика на княженіе въ землю Русскую, о послѣдующихъ князьяхъ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Ярополкѣ, Ярославѣ, Владимірѣ мономахѣ и другихъ.

Надобно замѣтить, что статьи перваго рода, т. е. однородныя съ основными и соотвѣтствующія идеѣ Кіево-Печерскаго Патерика, находятся въ большей части его редакцій, а статьи послѣдняго рода — статьи побочныя помѣщены только въ двухъ редакціяхъ и преимущественно въ одной изъ позднѣйшихъ.

Теперь съ готовыми понятіями о составныхъ частяхъ Кіево-Печерскаго Патерика, мы уже легко и безъ всякой запутанности можемъ сдѣлать обзоръ разныхъ его редакцій.

II.

Древнѣйшія редакціи Кіево-Печерскаго Патерика, какъ было сказано, относятся къ XV вѣку. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ редакція Арсеньевская, восходящая къ самому началу этого вѣка. Она извѣстна по тремъ спискамъ: первый пергаменный писанъ въ 1406 году «замышленіемъ» Тверскаго епископа Арсенія и подробно описанъ г. Кубаревымъ; вторый писанъ къ концу XV или въ началѣ XVI вѣка и находится въ Новгородской Софійской библіотекѣ *); третій принадлежалъ Всероссійскому митрополиту Іоасафу (1539—1543) и находится въ библіотекѣ Моск. Дух. Ака-

*) Въ числѣ книгъ изъ Ѳерапонтова монастыря № 28. Списокъ этотъ писанъ на бумагѣ въ осьмушку полууставомъ, не имѣетъ ни начала, ни конца; въ одномъ мѣстѣ листы въ немъ при переплетѣ перемѣшаны, такъ что послѣ л. 56 надобно читать 65—67, потомъ возвращаться къ 57 об. Рукопись начинается Житіемъ преп. Ѳеодосія, въ которомъ, къ сожалѣнію, и заглавіе и первыя пять строкъ написаны позднѣйшею рукою на бѣлой бумагѣ, приклѣенной къ старой сверху вмѣсто клочка оторваннаго. На первой сторонѣ 57 листа, до половины незанятой текстомъ, видны разныя пробы пера и, между прочимъ, написано: «Да ся исправитъ молитва моя, якой кадило предъ Тобою.... о князя Василья Ивановича». Это, впрочемъ, написано уже другимъ позднѣйшимъ почеркомъ.

деміи *). Мы будемъ судить объ этой редакціи по двумъ первымъ спискамъ: потому что послѣдняго не видали; и такъ какъ она обстоятельно описана г. Кубаревымъ, то ограничимся не многимъ.

Оба списка, Арсеніевскій и Софійскій, имѣютъ между собою существенное сходство и несомнѣнно относятся къ одной редакціи, но имѣютъ и нѣкоторыя отличія. Въ Софійскомъ спискѣ начало не сохранилось, и потому нельзя сказать, стояло ли въ немъ названіе: *Патерикъ Печерскій*, или нѣтъ, какъ не стоитъ оно въ спискѣ Арсеніевскомъ, и была ли помѣщена въ началѣ, какъ помѣщена въ этомъ послѣднемъ спискѣ, служба преп. Ѳеодосію, которая впрочемъ къ составу Патерика во все не принадлежитъ.

За тѣмъ собственно составныя части Патерика въ обоихъ спискахъ по порядку слѣдующія: 1) житіе святаго и преподобнаго отца нашего игумена Печерскаго Ѳеодосья, 2) похвала святаго отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерскаго, архимандрита всея Руси; 3) сказаніе Симона, епископа Володимерьскаго, о Печерскихъ черноризцахъ, иже въ Кіевѣ въ Лаврѣ святаго Ѳеодосія; 4) написаніе второе — къ архимандриту игумену Печерьскому Акиндину отъ Поликарпа о черноризцахъ святыхъ, иже въ Печерьскомъ монастырѣ (всѣ эти заглавія въ обоихъ спискахъ буквально одинаковы); 5) статья о Даміанѣ, заимствованная изъ сказанія лѣтописи о первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Оба списка не кончены. Въ Софійскомъ, въ концѣ послѣдней страницы сохранилось только заглавіе: *о Даміанѣ прозвитерѣ*; въ Арсеніевскомъ помѣщена сполна эта статья и за нею еще: *о Спиридонѣ проскур-*

*) Объ этомъ спискѣ упоминаетъ Авторъ Исторіи Рус. Церкви I, примѣч. 122.

ницѣ изъ посланія Поликарпа; но не достаетъ въ обоихъ спискахъ изъ этото посланія статьи о преп. Алимпіи.

Разности между списками встрѣчаются и въ житіи преп. Θеодосія и въ обоихъ посланіяхъ. Въ Арсеніевскомъ спискѣ житіе преп. Θеодосія изложено непрерывно, безъ всякаго раздѣленія на главы и безъ частныхъ надписей; въ Софійскомъ такія главы и надписи есть и число ихъ простирается до девятнадцати. И именно: а) о Варламѣ, б) о пощеньи, в) о пакости бѣсовстѣй, г) о Даміанѣ, д) о церкви пресв. Богородица чюдо, е) чюдо 1-е, ж) чюдо 2-е, з) о преслушаньи и) чюдо 3-е, і) чюдо 4-е о маслѣ древянѣмъ, к) чюдо 5-е о меду, л) о скотѣ чюдо 6-е, м) чюдо 7-е о муцѣ, н) чюдо 8-е о преселеніи монастыря; о) о церкви, п) о преставленьи, р) чюдо 9-е, с) чюдо 10-е о Кононѣ, т) чюдо 11-е о ицѣлѣвшемъ. Въ Арсеніевскомъ спискѣ, въ Посланіи Симона къ Поликарпу Сказанія о подвижникахъ Печерскихъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: о преп. Онисифорѣ, Евстратіи, Никонѣ, Купшѣ и Никонѣ (чит. Кукшѣ и Пименѣ), Аθанасіѣ, князѣ Святошѣ, Еразмѣ, Ареθѣ, Евагріи и Титѣ, о созданіи Печерской церкви, а мастерахъ и писцахъ. Въ Софійскомъ — статьи эти размѣщены такъ: о преп. Онисифорѣ, Ареθѣ, Евагріи и Титѣ, Евстратіи, Никонѣ, Купшѣ и Никонѣ (чит. Кукшѣ и Пименѣ), Аθанасіи, князѣ Святошѣ, Еразмѣ, о созданіи Печерской церкви, о мастерахъ и писцахъ. Перестановка очень значительная, и, безъ сомнѣнія, зависѣвшая отъ прихоти переписчика. Въ посланіи Поликарпа къ Акиндину по обоимъ спискамъ статьи расположены въ одинаковомъ порядкѣ и оглавлены совершенно одинаково: о Агапитѣ лѣчьци, о блаженѣмъ Григоріи чудотворцѣ, о Никитѣ затворницѣ, о Лаврентіѣ затворницѣ (о Іоаннѣ затворницѣ только въ Арсен.),

о Моусиѣ Угринѣ, о Прохорѣ черноризцѣ, о Марцѣ печерницѣ и Өеофилѣ черици, о Өедорѣ печерницѣ (и Василіи), о Пиминѣ печерницѣ, о Демьанѣ пресвитерѣ. Но въ Софійскомъ спискѣ двѣ статьи о Лаврентіи и Іоаннѣ затворникахъ соединены въ одну, а отъ статьи о Маркѣ печерникѣ и Өеофилѣ отдѣлена часть подъ особымъ заглавіемъ: «о двою брату».

Достоинства Арсеніевской редакціи Кіево-Печерскаго Патерика состоятъ въ томъ, во первыхъ, что здѣсь житіе преп. Өеодосія, сочиненное Несторомъ, сохранено во всей цѣлости, безъ тѣхъ, по мнѣнію г. Кубарева, вставокъ, впрочемъ немногихъ и небольшихъ, какія сдѣланы въ другихъ редакціяхъ; во вторыхъ—въ томъ, что здѣсь сказаніе о созданіи Печерской церкви помѣщено на своемъ мѣстѣ въ концѣ Посланія Симонова и въ связи съ предыдущими частями, тогда какъ во всѣхъ другихъ редакціяхъ оно совершенно отдѣлено отъ Посланія и поставлено впереди его, какъ особое сочиненіе неизвѣстнаго: безъ Арсеніевской редакціи мы не знали бы, что это Сказаніе принадлежитъ св. Симону и есть часть его посланія къ Поликарпу. Наконецъ по отношенію къ языку Арсеніевская редакція сохранила болѣе слѣдовъ древности, нежели послѣдующія редакціи. Но есть и немаловажные недостатки въ этой редакціи: а) вся первая, поучительная часть посланія Симонова, извѣстная по преимуществу подъ именемъ посланія къ Поликарпу, опущена; б) почти всѣ назидательныя обращенія Симона къ Поликарпу въ двухъ остальныхъ частяхъ и большая часть переходовъ отъ одной статьи къ другой такъ же опущены,—почти всѣ, говоримъ, ибо нѣкоторые, неизвѣстно почему, уцѣлѣли: знакъ, что составитель редакціи не руководствовался никакою опредѣленною мыслію; в) порядокъ статей во второй части Посланія Симо-

нова, по крайней мѣрѣ, въ Софійскомъ спискѣ перепутанъ; г) въ Посланіи Поликарпа къ Акиндину, какъ общее вступленіе въ Посланіе, такъ и нѣкоторыя частныя вступленія въ отдѣльныя статьи о подвижникахъ, равно какъ почти всѣ обращенія къ Акиндину, опущены, а оставлены только, по неизвѣстной причинѣ, не многія; д) порядокъ статей о подвижникахъ въ началѣ и концѣ въ обоихъ спискахъ измѣненъ *); е) въ это Посланіе вставлена статья о пресвитерѣ Даміанѣ, не принадлежащая Поликарпу, и при томъ такъ, что за нею въ Арсеніевскомъ спискѣ слѣдуютъ опять статьи изъ того же Посланія Поликарпа.

Такимъ образомъ Арсеніевская редакція Кіево-Печерскаго Патерика, которую такъ превозносилъ г. Кубаревъ предъ другими, имѣетъ едва ли не болѣе недостатковъ, нежели достоинствъ: по ней мы никакъ не могли бы составить себѣ ни вѣрнаго, ни полнаго понятія о двухъ изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности — Посланіи св. Симона и Посланіи Поликарпа.

---

*) Въ началѣ здѣсь помѣщены статьи: объ Агапитѣ, потомъ о Григоріи чудотворцѣ и далѣе о Никитѣ и Лаврентіи затворникахъ. Между тѣмъ самъ Поликарпъ въ предисловіи къ своему посланію, по нѣкоторымъ спискамъ, излагая свое намѣреніе описать подвиги нѣкоторыхъ черноризцевъ Печерскихъ выражается: «отъ нихъ же памепю во первыхъ преп. Никиту Затворника»...., и далѣе говоритъ: «Лаврентій же блаженный, теплѣ возревновавъ крѣпкому подвигу тогожде преподобнаго....». Естественно думать, что статьи о Никитѣ и Лаврентіѣ стояли у Поликарпа впереди другихъ и послѣдняя непосредственно слѣдовала за первою, какъ это и видимъ въ другихъ редакціяхъ. Въ концѣ же посланія Поликарпова по Арсеньевской редакціи статьи разорваны вставкою изъ лѣтописи о Даміанѣ.

III.

Другая редакція Кіево-Печерскаго патерика, относящаяся къ XV вѣку, сохранилась въ спискѣ, который писанъ полууставомъ на пергаменѣ въ началѣ XV вѣка, если даже не ранѣе, хотя неизвѣстно въ какомъ году, и помѣщенъ въ сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки, № 578, въ большую четверть, отъ листа 136—192 *). Редакцію эту для отличія отъ другихъ можно назвать *Θеодосіевскою* на томъ основаніи, что составитель ея или только переписчикъ нѣсколько разъ называетъ себя въ спискѣ Θеодосіемъ. Настоящій списокъ Патерика въ своемъ родѣ единственный и доселѣ почти неизвѣстный ученымъ: позднѣйшая копія съ него, находящаяся въ Румянцевскомъ Музеумѣ (№ 306), крайне не полна и содержитъ въ себѣ только пять краткихъ статей, снятыхъ на удачу и вовсе не въ порядкѣ. А потому считаемъ долгомъ сказать объ этомъ спискѣ нѣсколько подробнѣе.

Порядокъ статей въ немъ, надписанныхъ киноварью, слѣдующій:

1. *Начало Киевьскаго патерика. Слово о томъ, како крестися Ольга, княгини Русская* (л. 136). *Нач.* «Иде Ольга къ Царюграду, и бѣ тогда царь именемъ Цеместій....» *Оконч.* «праведницы бо не умираютъ, яко же рече Соломонъ....» Вся статья заимствована изъ лѣтописи Нестора (П. С. Р. Лѣт. 1, 25 — 29), но по мѣстамъ сокращена, именно опущены нѣкоторые тексты писанія, приводимые лѣтописцемъ, и сказаніе о воинскихъ подвигахъ Святослава. Есть одна прибавка, не находящаяся въ лѣтописи: «умре Ольга мѣсяца Іюля въ 11 день, и бѣ заповѣдала Ольга, посла

*) Этотъ Сборникъ кратко описанъ въ Предисл. къ I-му тому П. С. Р. Лѣт. стр. XVI—XVII, подо числомъ 8.

злато къ патріарху». Одно мѣсто выражено яснѣе: «сію бо хвалятъ Рустіи сынове, видяще тѣло ея, нетлѣніемъ вѣнчано», — между тѣмъ какъ въ лѣтописи сказано: «видяще лежащая въ тѣлѣ на многа лѣта...»

2. *Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возма Корсунь* (л. 137 об). *Нач.* «Въ лѣто 6495 созва Володимеръ бояры своя и старцы градскія...» *Оконч.* «юже (неизреченную радость) буди, улучити всѣмъ хрестьяномъ и мнѣ грѣшному Ѳеодосію, Богу же нашему слава въ вѣки вѣкомъ»... Другая статья, буквально взятая изъ лѣтописи (П. С. Р. Лѣт. 1, 45—57), съ пропускомъ только исповѣданія вѣры, преподаннаго Владиміру, собственныхъ размышленій Нестора и того, что относится къ дѣламъ Владиміра гражданскимъ и воинскимъ. Къ концу не много сокращена и имѣетъ прибавку: «и мнѣ грѣшному Ѳеодосію», указывающую на имя составителя этой редакціи Патерика или перепищика.

3. *Слово о томъ отъ чего прозвася Печерскій монастырь* (л. 142). Эта статья напечатана сполна въ приложеніяхъ къ I тому П. С. Р. Лѣтописей стр. 254—258, на столбцѣ 1. Она такъ же взята изъ Несторова временника, съ тою только разностію, что здѣсь годъ, подъ которымъ статья помѣщена въ лѣтописи, означенъ въ концѣ: «тогда лѣто 6559», а въ лѣтописи въ самомъ началѣ.

4. *Слово о созданіи преславныя великия церкве пресвятыя Богородица Печерския. Благослови, отче* (л. 144 об.) *Нач.* «бысть въ землѣ Варяжской князь Африканъ, братъ Якуна слѣпаго...» *Ок.* «вдаже (Святославъ) сто гривенъ золота въ помочь блаженному, мѣру положше златымъ поясомъ, по оному гласу, иже отъ небесъ слышаша на мо-

ри...» Эта статья отдѣлена отъ посланія Симонова къ Поликарпу и нѣсколько сокращена.

5. *О Симонѣ и Ѳеодосіи* (л. 146). *Нач...* «нѣкогда сему Симону пришедшу къ блаженному, по обычнѣй повѣсти рече блаженному: прошю у тебе дара единаго....» Продолженіе того же Симонова Сказанія объ основаніи Печерской церкви, только сокращеннѣе. *Оконч.* «сии убо Симонъ первый положенъ бысть въ той церкви....» Сокращенія не всѣ удачны. На примѣръ, повѣствуя о разрѣшительной молитвѣ, данной преп. Ѳеодосіемъ Варягу Симону, сократитель выразился: «понуженъ же бывъ, пишетъ тако: во имя Отца и Сына и св. Духа», а самой молитвы за тѣмъ не представилъ.

6. *О Георгии Симонович*(*ѣ*) (л. 146 об.) *Нач.* «оттолѣ сынъ его Георгии, великую любовь»... т. е. продолженіе того же сказанія о созданіи Печерской церкви. И послѣ словъ: «яко отцю предаждь область Суждальскую», которыми оканчивается настоящая статья, какъ увидимъ, въ спискахъ Кассіановской редакціи, непосредственно на той же строкѣ слѣдуетъ: «Въсхотѣ убо сии Симоновичь оковати гробъ святаго Ѳеодосія», какъ это нераздѣльно читается и въ спискахъ Патерика Арсеніевской редакціи. Впрочемъ въ разсматриваемомъ нами спискѣ статья о покованіи гроба Ѳеодосіева немного некончена и заключается словами: «града же не бывало, ни сами разумѣша бывшаго, но исшедше видѣша крови пролитие и подивишася»...

7. *Слово о томъ, како придоша мастери отъ Царягдада* (л. 147) *Нач...* «ино чюдо скажю вамъ, *о Христолюбци, но молю вы, приклоните уши ваши, исполнь бо есть дива и сладости повѣсть си, еже створися* о той преславной церкви Печерской. Придоша отъ Цараграда

четыре мужи...» *Ок.* «многажды же иконѣ приходити на то мѣсто, ангеломъ ту носящимъ; блаженъ убо сподобивыйся въ той положенъ быти и написанъ, еже поминаему быти всегда предъ очима тоя...» Продолженіе того же сказанія, но съ сокращеніями и дополненіями, какъ показываютъ уже представленныя выписки. Обращенія Симона къ Поликарпу въ концѣ статьи: «что сего, брате, чюднѣе? прошедъ убо книги ветхаго...», — здѣсь вовсе нѣтъ.

8. *Слово о томъ, како писци придоша отъ Царьграда* (л. 149) *Нач.* «придоша же писци отъ Царьграда».... *Ок.* «сутъ же и нынѣ свиты ихъ и книги ихъ Греческии на полатѣхъ и блюдомыи на память таковаго чудеси». Такое же продолженіе того же Сказанія.

9. *О Стефанѣ игуменѣ* (л. 150) *Нач.* «Егда же Стефанъ игуменъ изгнанъ бысть». *Окон.* «сія же едина Богоросичиа церкви пребываетъ»... Продолженіе того же Сказанія.

10. *Слово о освященіи церкви Печерския* (л.150 об.). *Нач.* «Въ лѣто 6497 священа бысть церкви Печерская, въ первое лѣто игуменьства Иванова». *Ок.* словами митрополита: «пресв. Бце, яко же въ свое преставленіе Аплы собравши, тако и нынѣ на освященіе своея церкве созвавши сие святители». А самаго разсказа объ освященіи церкви, слѣдующаго за этими словами, здѣсь вовсе не помѣщено. Продолженіе того же Симонова Сказанія о Печерской церкви.

11. *Слово отъ Патерика Печерскаго о томъ, яко нельзѣ Богу ругатися* (л. 151) *Нач.* «И се сказаша намъ блажени ти черньци: бяста два мужа отъ великихъ града того друга себѣ, Иванъ же и Сергий». *Ок.* «симъ же златомъ и сребромъ создана бысть церкви св. Іоанна предтеча, уду же на полати всходятъ, во имя Ивану боярину и сынови его

Захарии». Продолженіе и окончаніе того же Симонова сказанія. Но по Арсеньевской и по другимъ редакціямъ эта статья: объ Іоаннѣ и Сергіи предшествуетъ статьѣ объ освященіи церкви Печерской, которою (статьею) собственно и оканчивается Симоново Посланіе. Здѣсь сдѣлана перестановка совершенно произвольно.

12. *Слово о Алумпии иконници, прозвитерѣ* (л. 152). *Нач.* «Блаженный Алумпии данъ бысть родителема своима на учение писания иконамъ». *Ок.* «игуменъ попомъ постави и, и въ такомъ ряду добрѣ и богоугодно пожитъ». Это одна изъ самихъ послѣднихъ статей Посланія Поликарпа къ Акиндину.

13. *Чудо святаго Алумпия* (л. 152). *Нач.* «Нѣкто отъ Киева прокаженъ, много отъ вохвъ».... *Ок.* «съй же исцѣлѣ возвратися въ домъ свой». Продолженіе того же сказанія о Алимпіи.

14. *Слово о блаженѣмъ Алумпіи и о нѣкоемъ христолюбци* (л. 153 об.). *Нач.* «Инъ нѣкто христолюбецъ отъ града Киева церковь постави». *Ок.* «а икона безъ вреда пребысть, ни знамения огненаго имущи». Продолженіе того же сказанія.

15. *Слово (о) Онсифорѣ и о прозорствѣ его, да и мы грѣшни покаемся* (л. 154). *Нач.* «и се ти, брате, скажю, что ради мое тщание къ святыма Антонию и Өеодосию: слышахъ вещь предивную». *Ок.* «сего дѣля азъ грѣшный Өеодосии мнихъ (вмѣсто: епископъ Симонъ), недостоиный ерей, тужю и плачю и желаю тамо ми скончатися, да быхъ точию положенъ былъ въ божественѣй той персти, да поне малу отраду приялъ быхъ многих ми грѣховъ, святыхъ ради». Взя-

то изъ второй части Посланія Симонова къ Поликарпу съ нѣкоторыми измѣненіями.

16. *Слово о Аѳонасіи, воскресшемъ из мертвыхъ на 2 день* (л. 155 об.). *Нач.* «Бысть убо и се въ томъ стмъ монастыри: братъ единъ живый». *Ок.* «Блаженъ сподобивыйся здѣ положенъ быти, и почи съ миромъ. Гди, молитвами преподобныхъ твоихъ, сподоби и мене грѣшнаго тамо скончатися». Изъ второй части того же Посланія Симонова.

17. *Чюдо стго Аѳонасія* (л. 156). *Нач.* «нѣкто братъ Вавила...». Продолженіе той же статьи о преп. Аѳанасіи. *Ок.* «се слышахъ отъ слышавшихъ у того Вавилы исцелѣвшаго».

18. *Слово о Николѣ святоши, сынѣ Давидовѣ, внуцѣ Святославлѣ* (л. 156). *Нач.* «Сии блаженый князь Святоша, оставивъ богатство». Изъ той же части Посланія Симонова. *Ок.* «О блаженѣмъ князѣ Святоши». За тѣмъ непосредственно *и обращеніе къ Поликарпу:* «обращю къ тобѣ слово: что таково ты сдѣя, богатство ли остави»; только обращеніе здѣсь сокращено и оканчивается словами: «приимъ оружие на врага и того въ своемъ сердцѣ въдрузилъ еси».

19. *Слово о Еразмѣ* (л. 160). *Нач.* «Бысть черноризецъ Еразмъ, имѣя богатство». Оттуда же. *Ок.* «къ Гду отъиде въ добрѣ исповѣданіи». За тѣмъ *обращеніе* Симона къ Поликарпу: «се слышахъ отъ тѣхъ свидѣтель и самовидѣцъ», но только до словъ: «и та отверзетъ ти двери милости своея».

20. *Слово о томъ, иже вещь страшна сътворися в манастыри Печерскомъ* (л. 160 об.). *Нач.* «бѣста два брата по духу, Евагрии дьякъ, Титъ же попъ». Оттуда же. — *Оконч.* «Глаголетъ же Ефремъ: аще кому лучится умрети

во враждѣ, неизмолимый судъ обрящетъ». Обращенія Симонова къ Поликарпу нѣтъ.

21. *Слово о Моисеи Угринѣ, новомъ Иосифѣ* (л. 161 об.). *Нач.* «Сии бысть родомъ Угринъ, братъ же Георгия». *Оконч.* «умре о Гдѣ въ добрѣ исповѣданиі, того молитвами, Гди, спаси грѣшнаго раба Твоего Өеодосія, аминь». Статья изъ Посланія Поликарпа къ Акиндину.

22. *Слово о Пимини, его же Ангели постригоша въ чернъци* (л. 165 об.). *Нач.* «сии Пименъ болѣнъ родися». *Ок.* «а на другаго возложена, иже бѣ не постриженъ и много уди(ви)вшеся прославиша Бога, извѣстившаго имъ таковое пострижение на разсужение». Изъ того жъ Посланія.

23. *Слово о Марцѣ о печерницѣ и Феофилѣ черньцѣ, чтеться по раздным недѣлямъ* (л. 168 об.). *Нач.* «сии Марко бѣ имый житіе въ печерѣ; при семъ изнесенъ бысть святый Өеодосій отъ печеры». *Ок.* «да сѣявшеи слезами в радости пожнутъ о Христѣ І-сѣ, Гдѣ нашемъ, ему же подобаетъ всяка слава». Изъ того же Посланія.

24. *Слово о блаженѣмъ Прохорѣ лободницѣ, Смолнянинѣ* (л. 171 об.). *Нач.* «Во дни княжения своего Святополкъ Киевѣ много зла створи». *Ок.* «самъ свидѣтель бывъ, ясно исповѣдую чудеса же и знамения, Прохора же и инѣхъ святыхъ, съ ними же буди и мнѣ милость получити о Христѣ І. Гдѣ нашемъ, ему же подобаетъ всяка слава». Оттуда же съ нѣкоторыми сокращеніями.

25. *Слово о Григорьи чюдотворцѣ, чтеться въ недѣлю* (л. 174 об.). *Нач.* «Память любящимъ Бога присно чтома». Впрочемъ здѣсь вступленіе не все, а только до словъ: «аки умѣ ты вмѣниша», и имя Поликарпа не упоминается. За тѣмъ самое сказаніе: «сии приде къ блаженному Өеодосию».

Ок. «а смиреннымъ даетъ благодать. Богу же нашему». Оттуда же съ сокращеніями.

26. *Слово о Іоаннѣ затворницѣ* (л. 176 об.). *Нач.* «по истиннѣ си Іоанъ отлучися на Божию волю, заповѣди Его непорочно схрани, въ чистотѣ сблюдъ тѣло свое». Вступленіе опущено. *Ок.* «сихъ и по смерти исцѣленія дары обогати» Оттуда же.

27. *Слово о Спиридонѣ проскурницѣ* (л. 178 об.). *Нач.* «бѣяше блаженый Спиридонъ проскурамъ печецъ, повелѣніемъ игумена Пумена постника, и съ нимъ Никодимъ». Вступленія нѣтъ и прочее нѣсколько сокращено. *Ок.* «и истече вода отъ свиты, ею же угасиша силу огненую». Оттуда же.

28. *Слово о Демьянѣ и о Ѳеодосіи* (л. 179). *Нач.* «инъ братъ бяше именемъ Демьянъ». *Ок.* «и тако честно похорониша тѣло его». Тутъ же безъ особаго заглавія слѣдуетъ: «бѣже и другий братъ, именемъ Еремѣя, иже помняше крещеніе Руси». Все взято изъ лѣтописи Несторовой и напечатано въ приложеніяхъ къ І-му тому Собр. Р. Л. стр. 259.

29. *Слово о Матфеи прозорливомъ* (л. 179 об.). *Нач.* «Бѣ же инъ старецъ именемъ Матѳей прозорливъ». Такъ же взято изъ лѣтописи и напечатано въ приложеніяхъ къ І-му т. Собр. Р. Лѣт. стр. 259.

30. *Слово о Ѳеодорѣ черньцѣ и о Васильи повѣсть дивна* (л. 180). *Нач.* «яко же речено есть: мати благинямъ не стяжание». *Ок.* «сии же мученичьскии вѣнецъ прияста о Христѣ І. Гдѣ нашемъ». Изъ Посланія Поликарпова.

31. *Слово о Агапитѣ лѣчьцѣ, чтеться по раздnымъ недѣлямъ* (л. 185). *Нач.* «Нѣкто отъ Киева пострижеся, именемъ Агапитъ». *Ок.* «Армянинъ же постиргся въ Печерскомъ

манастыри, живот свой скончa въ добрѣ исповѣдании». Изъ Посланія Поликарпова.

32. *Слово о Никитѣ затворницѣ* (л. 187 об.). *Нач.* «Бысть во дни препод. игумена Никона братъ единъ, именемъ Никита». *Ок.* «И нынѣ со святыми чтутъ блаженаго Никиту». Изъ Посланія Поликарпова, гдѣ эта статья занимаетъ первое мѣсто.

33. *Слово о иномъ затворницѣ въ недѣлю* (л. 188 об.). *Нач.* «По семъ нѣкто отъ братия, именемъ Лаврентій, въсхотѣ въ затворъ». *Ок.* «Сего ради писахъ ти, кире Анкундине, да не крыются тмою невидѣния дивная чудеса святыхъ мужъ. Блаженъ сподобивыйся съ тѣми написанъ быти и положенъ быти, съ ними же и мене, Өеодосия грѣшнаго (вставка), да сподобитъ Гдь милости въ день судный молитвами ихъ, аминь». Изъ того же посланія.

34. *Слово о Исаакьи великомъ печерници, чтеться въ недѣлю* (л. 189 об.). *Нач.* «инъ чернецъ бяше». Все изъ лѣтописи Нестора и напечатано въ приложеніяхъ къ І-му т. Собр. Р. Лѣт. стр. 259—261.

35. *Слово новосвятою мученику Михаила князя Русскаго и Өеодора воеводы перваго въ княжении его, сложено въ кратцѣ на похвалу стма отцемъ Андреемъ* (л. 192). *Нач.* «Въ лѣто 6746 бысть нахожение поганыхъ». Эта статья, неизвѣстно почему, вставлена между статьями Кіевопечерскаго Патерика.

36. *О Кононѣ сухомъ* (л. 195 об.). *Нач.* «бысть же инъ мнихъ именемъ Кононъ, въ полонѣ сый». И разсказывается изъ житія *св. Евстратія*, какъ онъ въ день Пасхи Жидами распятъ на крестѣ. А имя *Конона сухаго* вовсе

извѣстно въ Патерикѣ. Статья изъ второй части Посланія Симонова.

37. *А се о Кононѣ же* (л. 196). *Нач.* «приде нѣкто отъ Киева, хотя искупити его; онъ же не хотяше». И далѣе излагается по порядку сказаніе о Никонѣ сухомъ; оканчивается словами: «себе же гоньзну горкия смерти. Си убо Кононъ (вмѣсто Никонъ) сухій зоветься въ вашемъ поминаніи, истекъ кровию, изгни отъ ранъ и исхну» Изъ той же части Посланія Симонова.

38. *Поученіе Семеона епископа къ нѣкоему черньцю Печерьскому* (л. 197). *Нач.* «брате, сѣдя въ безмолвіи, сбери си умъ». Изъ первой части Посланія Симонова. *Ок.* «терпи же, брате, досажение: претерпѣвый бо до конца спасеться». И послѣ большаго пропуска: «прашаю тобе, чѣмъ хощеши спастися, аще постникъ еси и трезвитель о всемъ; нощи бе сна пребывая, а досады не терпя, не можеши спастися». Вообще здѣсь далеко не все это Посланіе (Сравн. Памямн. Росс. Слов. XII в. стр. 241), а лишь четвертая часть его, и притомъ сокращенно.

Вотъ и всѣ статьи Кіево-Печерскаго Патерика въ разсматриваемомъ нами спискѣ! Что же можно сказать объ этой новой редакціи Патерика? То, что, не смотря на свою относительную древность, она одна изъ самыхъ неудачныхъ и гораздо болѣе несовершенна, нежели редакція Арсеніевская. Здѣсь все сбито и перепутано, какъ попало. Первыя три статьи взяты изъ лѣтописи Нестора; восемь слѣдующія (4 — 11) изъ послѣдней части Посланія Симонова; потомъ три (12 — 15) изъ послѣдней части Посланія Поликарпова; далѣе пять (11 — 20) изъ второй части Посланія Симонова; за ними семь статей (21 — 27) изъ Посланія Поликарпова;

28-я и 29-ая изъ лѣтописи Нестора; отъ 30 до 33 включительно изъ Посланія Поликарпова; 34-я изъ лѣтописи Нестора; 35-я написана неизвѣстнымъ отцемъ Андрѣемъ: три послѣднія статьи (36—38) изъ посланія Симонова, и Патерикъ оканчивается тѣмъ, чѣмъ собственно начинается Посланіе Симона. Такимъ образомъ Посланія Симона и Поликарпа разорваны на части и перемѣшаны; имена самихъ сочинителей вовсе неупомянуты, напротивъ, вмѣсто ихъ, упоминается имя какого-то Ѳеодосія. Обращенія Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину въ однихъ мѣстахъ оставлены, въ другихъ опущены, въ третьихъ замѣнены обращеніями вообще къ христолюбцамъ. Кромѣ того, какъ статьи изъ этихъ Посланій, такъ и другія изложены, большею частію, сокращенно и невсегда удачно, имѣютъ нѣкоторыя искаженія и вставки. Житія преп. Ѳеодосія здѣсь вовсе нѣтъ, тогда какъ есть статьи о крещеніи св. Ольги, св. Владиміра и мученичествѣ князя Черниговскаго Михаила, которыя къ Печерскому Патерику вовсе не относятся. Не только въ литературномъ, но и въ историческомъ смыслѣ настоящая редакція имѣетъ мало значенія: ссылаться на статьи, взятыя изъ лѣтописи, для подтвержденія сказаній лѣтописи, было бы странно; ссылаться на статьи изъ Посланій Симона и Поликарпа, которыя разорваны здѣсь, перепутаны, кое-гдѣ сокращены—такъ же было бы странно и неосновательно.

IV.

Третья редакція Кіево-Печерскаго Патерика, относящаяся къ XV вѣку, извѣстна намъ по тремъ спискамъ. Одинъ находится въ Сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки, Кирилловскаго книгохранилища, въ листъ, XVI вѣка, № 503,

л. 1 — 260, и есть копія съ Патерика, писаннаго въ Кіевѣ въ 1460 г., по повелѣнію Печерскаго клирошанина Кассіана для священноинока Акакія, какъ видно изъ слѣдующей приписки въ концѣ списка: «Написаны же быша книги сіа, нарицаемыя Патерикъ Печерьскій, житіа и чюдеса стыхъ оцъ в лѣто ,ѕ. ц. ѯи. индикта. и. ѳемилиосъ. з. мца іюня ѳі, на память стго Апла Іюды брата Господня, в богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ обители пречистыя Богоматере и преподобныхъ отець нашихъ Антоніа и Ѳеодосіа, въ монастыри Печерьскомъ, при княженіи благовѣрнаго князя Симеона Александровича и при архимандритѣ Печерьскомъ Николѣ; а повелѣніемъ инока Касіана крилошанина Печерьскаго. А писаны быша книги сіа на имя священноиноку киръ Акакію, бывшаго намѣстника Кіевскаго. Тѣхъ святыхъ молитвами и чюдотворець и преподобныхъ отець нашихъ Печерскихъ Антоніа и Ѳеодосіа, Ги Ісе Хе Боже, помилуи насъ. Начало и конецъ всякому дѣлу благу аминь». Въ самомъ началѣ списка помѣщено: «сказаніе главъ Патерика Печерскаго, списано Іоанномъ мнихомъ печерскимъ», и такихъ главъ перечислено по именамъ 35. Заглавіе списка: «Патерикъ Печерскій, иже о Бозѣ почипаемъ». Другой списокъ находится въ сборникѣ Новгородской Соф. библіотеки, Кириллов. книгохранилища, въ четверть, XVI вѣка, № 410, л. 1 — 206 *). Этотъ списокъ, въ которомъ сначала помѣщено тоже самое: «сказаніе главъ Патерика», сохранепо тоже заглавіе и самыя главы слѣдуютъ совершенно въ томъ же порядкѣ, есть копія съ списка, снятаго въ 1462 году, по приказанію княгини инокини Евпраксіи, въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, со

*) **Объ обоихъ этихъ спискахъ см. въ Предисл. къ І-му т. П. Собр. Р. Лѣт. стр. XVII, подъ числами 9 и 10.**

списка, писаннаго 1460 г. въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, по волѣ инока Кассіана для священноинока Акакія; что такъ же видно изъ слѣдующей въ концѣ приписки: «сия же книги преже сего написаны быша, нарицаемыя патерикъ печерьскій, и шития и чюдеса стыхъ оць, в лѣто ҂ѕ҃. ц҃. ѯи҃. индикта и҃. фемелиосъ з҃. іюня ѳ҃і, на память стго Апла Іюды брата Господня, въ богоспасаемѣмъ градѣ Киевѣ, вѣ обители пречистыя Богоматере· и преподобныхъ оць нашихъ· Антония и Ѳеодосия, в монастыри Печерьскомъ, при княженіи благовѣрнаго князя Семиона Александровича и при архимандритѣ Печерьскомъ Николѣ, а повелѣніемъ инока Касіяна крилошанина Печерьскаго; а писаны быша книги сия. на имя священноиноку киръ Акакию, бывшаго намѣстника Киевьскаго. Нынѣ же сия книги написана быша, нарицаемыя Патерикъ, в лѣто ҂ѕ҃. ц҃. ѳ҃. индикта г҃. ѳемелиосъ к҃о. мца ноямвріа въ к҃а день въ богоспасаемѣмъ градѣ Москвѣ, въ обители великаго Възнесенія, при княженіи благовѣрнаго и великаго князя Василья Васильевича, и при сыну его благовѣрномъ великомъ князи Иванъ Васильевичѣ, и при священномъ архиеппѣ Ѳеодосіи; а повелѣніемъ благовѣрныия и христолюбивыя княгиніи иноки Евраксіи; а рукою многогрѣшныхъ дву дьячишьковъ: Григорія и Ермолая, скорости ради дѣля. Тѣхъ же стыхъ молитвами и чюдотворець и преподобныхъ оць нашихъ Печерьскихъ Антония и Ѳеодосия, Ги Іу Хе Бже, помилуй насъ. Начало и конець всякому дѣлу благу аминь». Накопецъ, третій, совершенно подобный второму, списокъ находится въ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки XVI вѣка, по каталогу рукописей Гр. Толстова, отд. 2, № 221. Настоящую редакцію Кіево-Печерскаго Патерика, писаную въ 1460 г., по повелѣнію Печерскаго инока клирошанина Кас-

сіана, можно назвать Акакіевскою по имени священноинока Акакія, для котораго она писана, и что бы отличить ее въ особенности отъ другой редакціи, писанной въ 1462 г., по повелѣнію того же инока Кассіана, уже уставщика Печерскаго, и названной Кассіановскою, о которой сказано будетъ далѣе.

Въ Акакіевской редакціи, которая если не безъизвѣстна ученымъ, по крайней мѣрѣ, никѣмъ доселѣ неописана, Кіево-Печерскій Патерикъ является въ первый разъ, какъ одно опредѣленное цѣлое, какъ сборникъ, отличный отъ всѣхъ другихъ, носящій названіе Печерскаго Патерика, имѣющій начало и конецъ, представляющій даже нѣкоторую, хотя болѣе внѣшнюю, связь между статьями: потому что, не смотря на разнообразіе ихъ, всѣ онѣ расположены по программѣ, помѣщенной въ началѣ списка и раздѣлены на 35 главъ или словъ, слѣдующихъ одно за другимъ въ непрерывномъ порядкѣ.

Статья первая—есть «слово о созданіи церкви, да разумѣютъ вси, яко самаго Господа промысломъ и волею Его пречистыя Матере, молитвою и хотѣніемъ, създася и совершися боголѣпная и небеси подобная великая церькви Богородица, Печерская, архимандритіа всеа Рускыя земля, еже есть лавра святаго и великаго отца нашего Θеодосіа». Статья эта взята изъ посланія Симонова къ Поликарпу, хотя здѣсь о томъ ничего не замѣчено. Она раздѣлена на шесть словъ. Слово 1-е не имѣетъ частнаго заглавія и повѣствуетъ о Симонѣ Варягѣ и бывшемъ ему видѣніи касательно будущей Печерской церкви. Слово 2-е — еже когда основана бысть церкви Печерская. Слово 3-е—о пришествіи мастеръ церковныхъ отъ Царяграда къ Антонію и Θеодосію. Слово 4-е — о пришествіи писцевъ церковныхъ къ игумену Никону. Слово 5-е о Іоаннѣ

и Сергіи чудо изрядно. Слово 6-е—сказаніе о св. трапезѣ и о освященіи тоя великія церкви. Вся эта статья, если сравнивать её съ тѣмъ, какъ она изложена по Арсеніевской редакціи, нѣсколько измѣнена. Обращенія Симона къ Поликарпу, которыхъ впрочемъ не много, превращены здѣсь въ обращенія ко всѣмъ христіанамъ. Въ Словѣ 1-мъ о Симонѣ Варягѣ, гдѣ говорится о нашествіи Половцевъ на землю Русскую въ княженіе Изяслава, здѣсь обозначенъ самый годъ нашествія: «въ лѣто 6576», совершенно согласно съ лѣтописью, чего въ Арсеніевской редакціи нѣтъ. Въ словѣ 2-мъ объ основаніи Печерской церкви опущено сказаніе о покованіи раки преп. Θеодосія и, какъ увидимъ, помѣщено далѣе въ качествѣ особой статьи. Въ концѣ слова 3-го о пришествіи мастеровъ читается слѣдующее довольно значительное мѣсто, котораго нѣтъ въ Арсеніевской редакціи: «Долженъ есьмь похвалити прежде-отшедшихъ блговѣрныхъ кнзіи, и холюбивыхъ боляръ, и чтныхъ мнихъ. Блаженъ и треблаженъ сподобивыйся в той положенъ быти Велики блтіи млти отъ Га достоінъ бы млтвами стыя Бца и всѣхъ стыхъ. Блаженъ во истіноу и треблаженъ сподобивыйся в тоі написанъ быти, яко оставленіе греховъ приметъ и мьзды нбныя не погрешитъ: радуйте бо ся, рече, и веселитися. яко имена ваша написана суть на нбѣхъ. цркви бо си Бгови любльши есть нбси и того рождьшия изволи сию содѣлати. якоже обещася влахерне мастеромъ си рекше. иду видѣти цркве в ней же хощю жити. добро убо и зѣло добро стою водворитися во стѣй ея и бжественней цркви и какоя славы и похвалы улучити положенный в той. и написанъ в не в жывотныя книгы и еже одре тоя очима поминаему быти вьсегда, и еще вы братие приложу слово на утвержение ваше. что сего злѣе. еже отъ таковаго свѣта отпасти и тму любити. и себѣ

измѣтати отъ сея бгонареннныя цркве. еже оставити Бгомъ созданную. и искати члкы сотворенныя. отъ насилья и грабления. еже та сама вопиеть на создавшаго ю, сея же зижытель и хытрець и художникъ и творецъ Бгъ. иже огнемъ Бжесьства своего попали вещы тлѣнныя. древеса же и горы путь равная дому мтре своея. на преселение рабомъ своимъ». Подлинность этого мѣста, какъ не находящагося въ Арсеніевской редакціи, г. Кубаревъ считаетъ сомнительнымъ. Но извѣстно, что въ Арсеніевской редакціи большая часть обращеній Симона къ Поликарпу опущена или сокращена; слѣд. могло быть опущено и это обращеніе. А по содержанію своему оно вполнѣ гармонируетъ съ главною цѣлію посланія Симонова къ Поликарпу — убѣдить послѣдняго не оставлять Печерской обители и предпочитать ее всѣмъ прочимъ, какъ мѣсто святое и особенно богоугодное.

Вторая статья — «Нестера мниха обители монастыря Печерскаго сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь». Цѣликомъ взята изъ лѣтописи Несторовой и составляетъ слово 7-е. Напечатана сполна въ Приложеніяхъ къ I-му т. Полн. Собр. Р. Лѣт. стр. 254—258, во второй колоннѣ.

Статья третья — мѣсяца маія въ 3-й день житіе преп. отца нашего Θеодосія игумена Печерьскаго, съписано Нестеромъ мнихомъ того же Печерьскаго монастыря». Здѣсь все это обширное житіе составляетъ одно слово 8-е, и не раздѣлено на главы. Хотя и есть въ немъ нѣкоторыя мѣста въ самомъ текстѣ (всего до осьми), написанныя киноварью какъ бы въ родѣ частныхъ оглавленій; но они ни мало не прерываютъ хода повѣствованія. — Такъ, говоря о пришествіи преп. Θеодосія къ преп. Антонію, писецъ пишетъ черниломъ: «и облече его въ мнишескую одежду», за тѣмъ кино-

варью: «въ лѣто 6540 при князи благочестивѣмъ Ярославѣ Володимеричи», и опять черниломъ: «отецъ же нашъ Өеодосій весь предався Богу» и пр. Равнымъ образомъ написаны киноварью извѣстныя слова текста: «исповѣдати хощу о тацѣмъ свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Өеодосіи», или: «но обаче уже на первое исповѣданіе возвратимся, яко о блаженѣмъ Өеодосіи», или: «преставися отецъ нашъ Өеодосій въ лѣто 6582 мѣсяца маія въ 3-й день въ субботу, якоже пререче самъ, въсиявшу солнцу». Г. Кубаревъ въ житіи преп. Өеодосія по этой редакціи указалъ двѣ вставки: во первыхъ ту, что здѣсь означенъ годъ постриженія преп. Өеодосія; во вторыхъ ту, что здѣсь говорится о послѣднемъ свиданіи князя Святослава съ болящимъ Өеодосіемъ, который будто бы завѣщалъ ему слѣдующее: «и се поручаю твоему благочестію святый сии монастырь...., да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клирикъ Софейскихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоего». Вставками эти мѣста признаны на томъ основаніи, что они не встрѣчаются ни въ харатейномъ-Арсеніевскомъ, ни въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ спискахъ. Но когда извѣстно, что въ Арсеніевскомъ спискѣ Патерика есть сокращенія и даже опущенія: то справедливо ли считать вставками всё то, чего нѣтъ въ Арсеніевскомъ спискѣ? И вообще, если въ однихъ спискахъ нѣкоторыя мѣста встрѣчаются, а въ другихъ опущены: почему эти мѣста должно признать именно вставками, а не пропусками? Годъ постриженія Өеодосіева могъ быть вставленъ, — не споримъ; но точно ли вставленъ,—не утверждаемъ... А достовѣрность свиданія кн. Святослава съ пр. Өеодосіемъ предъ кончиною послѣдняго,—о чемъ вовсе не упоминается въ Арсе-

ніевскомъ Патерикѣ, засвидѣтельствована лѣтописью Нестора. Здѣсь завѣщаніе преподобнаго выражено короче нѣсколько, и именно такъ: «Се отхожу свѣта сего и се *предаю* ти монастырь на сблюденье, еда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду». Князь же, продолжаетъ лѣтописецъ, цѣловавъ его и обѣщася *пещися* монастыремъ» (1—80). Если монастырь преданъ былъ непосредственно вѣдѣнію и попеченію в. князя: то естественно монастыремъ этимъ не могъ обладать, или самовластно въ немъ распоряжаться, ни архіепископъ, ни другой изъ клириковъ Софійскихъ, хотя чрезъ то монастырь не исключался еще изъ вѣдомства духовнаго. И дѣйствительно мы видимъ, что въ послѣдующее время настоятель для Печерскаго монастыря поставлялся не иначе, какъ съ вѣдома и утвержденія самаго в. князя (П. Собр. Р. Лѣт. 11, 3).

Статья четвертая — «мѣсяца августа въ 14 день о пренесеніи мощемъ святаго и преподобнаго отца нашего Θеодосія Печерскаго слово 9-е». Взята сполна изъ лѣтописи преп. Нестора (1, 89—92), только здѣсь три раза Несторъ упоминаетъ собственное имя въ началѣ и концѣ, чего нѣтъ въ лѣтописи, и есть въ началѣ и концѣ самыя небольшія измѣненія. Напечатана въ приложеніяхъ къ I-му т. Полн. Собр. Р. Лѣт. стр. 265—267.

Статья пятая—«Слово 10 о покованіи раки преподобнаго отца нашего Θеодосія Печерскаго». Отдѣлена отъ Посланія Симонова, и именно отъ Сказанія его объ основаніи Печерской церкви, и помѣщена здѣсь безъ перемѣны.

Статья шестая — «Похвала преп. отцу нашему Θеодосію, игумену Печерскому, иже есть въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, слово 11-е». Таже самая статья безъ всякой

перемѣны, что и въ Арсеніевской редакціи, неизвѣстнаго автора.

Статья седьмая—«Посланіе смиреннаго епископа Симона Володимеръскаго и Суждальскаго къ Поликарпу черноризцю Печерскому». Здѣсь помѣщены собственно двѣ первыя части Посланія Симонова и раздѣлены на десять словъ отъ 12—21. Слово 12-е безъ особаго заглавія заключаетъ всю первую вступительную часть посланія, извѣстную по преимуществу подъ именемъ Посланія Симона къ Поликарпу. Оно имѣетъ здѣсь тотъ самый видъ, съ весьма немногими варіантами, въ какомъ напечатано Калайдовичемъ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка (стр. 249—257). Слово 13-е — «что ради имѣти тщаніе и любовь къ святому Антонію и Ѳеодосію отцемъ Печерскимъ»: излагается сказаніе о преп. Онисифорѣ и объ одномъ безъименномъ и недостойномъ мнихѣ. Слово 14-е «о блаженѣмъ Евстратіи постницѣ». Слово 15-е «о смиренномъ и многотерпѣливѣмъ Никонѣ черноризци». Слово 16-е «о святѣмъ священномученицѣ Кукшѣ и о Пиминѣ постницѣ». Слово 17-е «о святомъ Аѳонасіи затворицѣ, иже умеръ и паки въ другій день оживе и пребысть лѣтъ 12». Слово 18-е «о преподобнѣмъ Святоши князи Черниговскомъ». Слово 19-е «о Еразмѣ, иже истроши имѣніе свое къ святымъ иконамъ и тѣхъ ради обрѣте спасеніе». Слово 20-е «о Ареоѣ черноризци, ему же татьми украденое имѣніе въ милостыню вмѣнися и сего ради спасеся». Слово 21-е «о двою брату, о Титѣ попѣ и Евагріи дьяконѣ, имѣвшимъ между собою вражду». Не смотря на эти частныя заглавія, которыя, безъ сомнѣнія, сдѣланы переписчикомъ или редакторомъ, посланіе Симона представляется здѣсь, какъ

одно непрерывное цѣлое: всѣ обращенія къ Поликарпу и переходы отъ одной части къ другой сохранены.

Статья осьмая — «Втораго посланія, еже къ архимандриту Печеръскому Акиндину, о святыхъ и блаженныхъ черноризецъ, братіи нашей, списано Поликарпомъ черноризцемъ того же Печерскаго монастыря». И это посланіе, въ которомъ такъ же сохранены всѣ вступленія, общія и частныя, и всѣ обращенія Поликарпа къ Акиндину, раздѣлено редакторомъ на двѣнадцать словъ (отъ 22—33), безъ всякаго нарушенія цѣлости сочиненія... Слово 22-е безъ особаго заглавія обнимаетъ собою общее вступленіе въ Посланіе. Слово 23-е «о Никитѣ затворницѣ, иже посемъ бысть епископомъ Новуграду». Слово 24-е «о Лаврентіи затворницѣ». Слово 25-е «о святѣмъ и блаженнѣмъ Агапитѣ безмездно врачи». Слово 26-е «о святѣмъ Григоріи чудотворци» Слово 27-е «о многотръпеливѣмъ Іоанѣ затворницѣ». Слово 28-е «о преподобнѣмъ Моусеи Угринѣ». Слово 29-е «о Прохорѣ черноризци, иже молитвою въ быліи, глаголемѣмъ лебеда, творяше хлѣбы и въ пепелу соль». Слово 30-е «о преподобнѣмъ Маркѣ печерницѣ, его же повелѣнія мертвіи послушаху». Слово 31-е «о святыхъ преподобныхъ отцехъ Ѳеодорѣ и Василіи». Слово 32-е «о преподобнѣмъ Спиридонѣ проскурницѣ и о Алипіи иконици». Слово 33-е «о преподобнѣмъ и многострадальнѣмъ отци Пиминѣ и о хотящихъ прежде смерти во иноческій образъ облещися».

Статья девятая — «Октобрія въ 4 день о первыхъ черноризцехъ Печерскихъ». Взята изъ лѣтописи и напечатана въ приложеніяхъ къ I-му т. П. Собр. Р. Лѣт. стр. 261—265. Подраздѣлена на два слова. Слово 34-е безъ особаго заглавія говоритъ вообще о подвижникахъ Печерскихъ и въ част-

ности о Даміанѣ, Іереміи и Матѳеѣ. Слово 35-е о преподобнѣмъ Исаакіи печерницѣ.

Послѣ этого 35-го слова, которымъ, по программѣ, приложенной въ началѣ, долженъ бы окончиться Патерикъ, сдѣланы нѣкоторыя прибавленія. И во-первыхъ написана помѣтка киноварью: «въ лѣто 6614 пострижеся благовѣрный князь Святоша Черниговскій, сынъ Давидовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля 17». (сравн. П. Собр. Русск. лѣтописей I, 120). За тѣмъ непосредственно безъ всякихъ заглавій написаны черниломъ краткія статьи, буквально взятыя изъ лѣтописей: о внесеніи имени св. Ѳеодосія въ синодикъ (см. тамъ же I, 120), о Новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ (тамъ же т. II, 72) и объ избраніи въ настоятели Печерскаго монастыря попа Василія, по смерти архимандрита Поликарпа въ 1182 г., (тамъ же т. II, 126). По окончаніи послѣдней статьи сдѣлана приписка о времени написанія этого Патерика, намъ уже извѣстная, заключающая собою весь Патерикъ.

Чтобы опредѣлить теперь достоинство Акакіевской редакціи Патерика, всего лучше сравнить ее съ древнѣйшею Арсеніевскою (о Ѳеодосіевской не упоминаемъ: ея недостатки такъ велики). Въ Акакіевской редакціи главныхъ статей девять; но нѣкоторыя изъ нихъ суть только разрозненныя части однихъ и тѣхъ же сочиненій. А если соединить эти части: то окажется, что и здѣсь тѣ же пять главныхъ статей, какія въ редакціи Арсеніевской, именно: 1) Житіе преп. Ѳеодосія, 2) Похвала ему, 3) Посланіе Симона, 4) Посланіе Поликарпа, 5) выписки изъ лѣтописи. Житіе преп. Ѳеодосія изложено и здѣсь во всей полнотѣ и цѣлости, какъ въ Арсеніевской редакціи: немногія мнимыя вставки едва ли можно

признать вставками. Похвала преп. Өеодосію одна и та же по обѣимъ редакціямъ. Изъ Посланія Симонова здѣсь въ первый разъ является вся первая часть, которой въ Арсеніевскомъ спискѣ совершенно не достаетъ; и сохранена въ цѣлости вторая часть со всѣми переходами и обращеніями къ Поликарпу, которыя въ Арсеніевскомъ спискѣ большею частію опущены. Только третья часть, поставленная въ Арсеніевской редакціи на своемъ мѣстѣ, отдѣлена здѣсь отъ Посланія и помѣщена съ нѣкоторыми измѣненіями въ самомъ началѣ Патерика подъ заглавіемъ: о созданіи Печерской церкви, а потомъ изъ этой статьи выдѣлена еще небольшая часть о покованіи раки преп. Өеодосія, помѣщенная уже послѣ житія Өеодосія и сказанія о перенесеніи мощей его. Посланіе Поликарпа, такъ же довольно сокращенное и искаженное въ Арсеніевской редакціи, сохранено здѣсь во всей полнотѣ и цѣлости. Выписокъ изъ лѣтописи здѣсь гораздо больше, нежели въ Арсеніевской редакціи: кромѣ сказанія о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ Даміанѣ и Іереміи, находящагося въ послѣдней и неконченнаго, здѣсь находятся статьи: а) о началѣ Печерскаго монастыря, б) о пренесеніи мощей преп. Өеодосія, в) о преп. Исаакіи затворницѣ, и г) въ прибавленіяхъ—о внесеніи имени преп. Өеодосія въ Синодикъ, о Новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ, бывшемъ черноризцѣ Печерскомъ, и объ избраніи попа Василія въ настоятели Печерскаго монастыря. Но надобно замѣтить, что всѣ эти выписки изъ лѣтописи сдѣланы кстати и соотвѣствуютъ идеѣ Кіево-Печерскаго Патерика. Языкъ въ Акакіевской редакціи сравнительно съ Арсеніевскою, по мѣстамъ нѣсколько измѣненъ, но весьма не много, въ чемъ легко убѣдиться изъ указанныхъ нами приложеній къ І-му т. П. Собр. Р. Лѣтописей.

V.

Послѣдняя редакція Кіево-Печерскаго Патерика, XV вѣка, извѣстна подъ именемъ Кассіановской. Первоначальный списокъ ея писанъ въ Кіевѣ въ 1462 г., по повелѣнію уставщика Печерскаго Кассіана, начатъ въ Лаврѣ, а окончен въ Николаевскомъ монастырѣ.

Другихъ списковъ, снятыхъ съ этаго первоначальнаго весьма много и въ концѣ почти всѣхъ ихъ повторяется приписка: «Написаны же книги сіа, нарицаемыя Патерикъ Печерскій, и житія и чудеса стыхъ и преподобныхъ оцъ Печерьскихъ Антоніа и Ѳеодосіа. и всѣхъ преподобныхъ оцъ, а повелѣніемъ смѵренаго інока Касіяна уставъника Печерскаго въ лѣто ѕ. ц. о. індик. г мца апреля. і. въ суботу, стаго и праведнаго Лазоря друга Христова. на память стыхъ мученикъ. Терентіа и Помпліа, і иже с ними. въ богоспасаемѣмъ градѣ Кіевѣ. въ обители црьстѣй пречистыа Богоматере и преподобныхъ оцъ нашихъ Антоніа и Феодосіа. въ Печерьскомъ монастырѣ. а дописана бысть въ монастырѣ стаго и великаго стля и чудотворца Хва Николы Мирь Ликійскыхъ в пустынцѣ. при княженьи благовѣрнаго и христолюбиваго князя Сѵмеона Александровича и при архимандрите Печерскомъ киръ Николѣ. тѣхъ стыхъ молитвами преподобныхъ оцъ Печерьскихъ Антоніа и Феодосіа. и стыхъ чюдотворецъ Печерскихъ». Такіе списки есть: въ Румянцевскомъ Музеумѣ — XV в., неполный (стр. 428—434), въ Императорской Публичной библіотекѣ XVI вѣка (по опис. рукописей Гр. Толстова отд. 1, № 196, стр. 118), въ библіотекѣ графа Уварова, бывшей Царскаго — два XVI и одинъ XVII (по Опис. рук. Царскаго №№ 296—298, стр. 305), въ Новгородской Софійской библіотекѣ — два XVI в. (Кирилл.

книгохран. №№ 202 и 957), въ моей библіотекѣ одинъ XVI вѣка, № 37.

Кассіановская редакція имѣетъ большое сходство съ редакціею Акакіевскою, но имѣетъ и существенныя отличія въ томъ, что а) количество статей здѣсь больше, б) нѣкоторыя изъ нихъ иначе размѣщены, в) нѣкоторыя представлены въ другомъ видѣ. Озаглавливается эта редакція въ однихъ спискахъ: «Патерикъ Печерскый» (Царск. №№ 296. 297), въ другихъ: «Сказаніе Патерика Печерскаго, списано Іоанномъ мнихомъ» (Новг. Соф. библ. № 502 и моей № 37). По однимъ спискамъ въ самомъ началѣ, а по другимъ въ концѣ приложено: «Сказаніе главъ Патерика Печерскаго, списано Іоанномъ мнихомъ Печерьскымъ», которое, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ не находится (Царск. № 298, Новг. Соф. 957). Во всякомъ случаѣ можно заключать, что и настоящая редакція составлена или первоначально писана тѣмъ же самимъ Іоанномъ мнихомъ Печерскимъ, какимъ была писана редакція Акакіевская. И здѣсь, какъ въ Акакіевской редакціи, всѣ статьи Патерика связаны между собою означенною программою и представляютъ одно непрерывное цѣлое; только здѣсь главъ или словъ не 35, а 38.

Первая статья здѣсь таже самая безъ всякой перемѣны, что и въ Акакіевской редакціи: Сказаніе о созданіи Печерской церкви, и такъ же раздѣлена на шесть словъ, оглавленіе которыхъ можно видѣть въ Описаніи рукописей Царскаго, № 296.

Вторая статья, составляющая слово 7-е, по заглавію та же: Сказаніе преп. Нестора о началѣ Печерскаго монастыря; но по содержанію значительною своею частію не та

же. Въ редакціяхъ Ѳеодосіевской и Акакіевской это сказаніе начинается словами: «Боголюбивому князю Ярославу любящу Берестово...», будучи цѣликомъ взято илъ лѣтописи Несторовой. Здѣсь оно начинается такъ: «Въ княженіи самодръжца Русскіа земля, благовѣрнаго великаго князя Владимера Святославича благоволи Богъ явити свѣтильника Рустей земли и наставника иночествующихъ...», и повѣствуетъ, что преп. Антоній ходилъ на Аѳонскую гору еще при св. Владимірѣ, при немъ возвратился въ Россію и поселился въ пещерѣ Варяжской, потомъ по случаю смятеній при Святополкѣ снова удалялся на Аѳонъ, откуда пришелъ уже при Ярославѣ. Дальнѣйшая рѣчь сходна съ лѣтописью. Откуда взялъ редакторъ эту приставку къ Сказанію лѣтописца о преп. Антоніи, и точно ли это приставка или находилась въ самомъ сказаніи Нестора о началѣ Печерскаго монастыря, существовавшемъ особо, которое для лѣтописи только сокращенно имъ, сказать не можемъ. Но трудно повѣрить, чтобы тотъ же инокъ Печерскій, который въ одной изъ редакцій Патерика помѣстилъ это сказаніе совершенно согласно съ лѣтописью, въ другой осмѣлился прибавить къ нему отъ себя ни на чемъ неоснованную прибавку. Не заимствовалъ ли онъ ее изъ древняго житія Антоніева, которое могло еще существовать въ XV в., какъ существовало въ XIII, хотя до насъ не дошло?

Третья статья, составляющая слово 8-е, есть Житіе преп. Ѳеодосія. Только здѣсь не какъ въ Акакіевской редакціи, оно раздѣлено на главы въ однихъ спискахъ на 60, въ другихъ на 61, въ третьихъ на 62, названіе которыхъ можно видѣть въ Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума стр. 428—429. Имѣетъ и другія особенности: на при-

мѣръ, кромѣ мнимыхъ вставокъ, какія находятся и въ Акакіевской редакціи, здѣсь есть еще одна, гдѣ, при повѣствованіи объ основаніи Печерской церкви, упоминается о чудесномъ назнаменованіи мѣста для нея огнемъ и росою. Позволительно однакожь думать, что и это не вставка, а подлинное мѣсто. Св. Симонъ Владимірскій, повѣствуя о томъ же событіи, замѣтилъ — по Акакіевской и Кассіановской редакціямъ: «въ житіи св. Антонія сего пространнѣе обрящеши, въ Θеодосіевѣ же житіи всѣмъ явлена суть, како столпъ огненъ явися отъ земля до небеси...», или, какъ это читается въ харатейномъ спискѣ Θеодосіевской редакціи, вообще отличающемся сокращеніями: «въ житіи св. Антонія и Θеодосія всѣмъ вѣдома суть о той божественѣй церкви, како столпъ огненъ явися отъ земля до небесе».

Четвертая статья, составляющая слово 9-е, есть Сказаніе о перенесеніи св. мощей преп. Θеодосія. Только здѣсь это сказаніе передѣлано въ слово на праздникъ 14 августа, когда мощи были перенесены. Въ началѣ прибавленъ довольно обширный приступъ: «съ похвалами бывающая памяти праведныхъ возвеселятся...» и проч. За тѣмъ слѣдуетъ самое Сказаніе о перенесеніи мощей отъ имени Нестора, взятое изъ лѣтописи. Подъ конецъ сказанія сдѣлана вставка изъ лѣтописи же о внесеніи имени преп. Θеодосія въ сѵнодикъ. Наконецъ помѣщено заключеніе сказанія, находящееся въ лѣтописи, только болѣе распространенное въ обращеніи къ преп. Θеодосію отъ лица преп. Нестора.

Пятая и шестая статьи (слово 10 и 11) суть тѣ же самыя, что и въ Акакіевской редакціи, именно: о покованіи раки преп. Θеодосію и похвала ему, и оставлены безъ всякой перемѣны.

Статья седьмая (слово 12) о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ Даміанѣ, Іереміи и Матѳіѣ взята цѣликомъ изъ лѣтописи, какъ и въ Акакіевской редакціи, только поставлена здѣсь на новомъ мѣстѣ и совершенно отдѣлена отъ сказанія объ Исаакіѣ.

Статья осмая (слово 13-е) о Нифонтѣ, епископѣ Новгородскомъ, такъ же изъ лѣтописи, помѣщенная въ Акакіевской редакціи только въ Прибавленіяхъ, здѣсь внесена въ самый Патерикъ и представлена какъ бы продолженіе Сказанія о первыхъ Печерскихъ черноризцахъ. Въ ней придѣланъ для этого небольшой приступъ, показывающій связь ея съ предыдущимъ: «Блаженный Нифонтъ бысть убо черноризецъ Печерьскаго монастыря, *тѣхъ святыхъ отецъ житію поревнуя*, и за многую его добродѣтель поставленъ бысть епископомъ Новуграду» и пр. А въ концѣ прибавлено небольшое заключеніе для связи съ послѣдующимъ: «Сицевы чудніи мужи въ томъ святѣмъ Печерскомъ монастырѣ быша, иже мнози отъ нихъ Апостоломъ причастницы быша и престоломъ ихъ намѣстницы, яко же настоящее слово въ посланіи семъ извѣстно явитъ намъ».

Статья девятая — посланіе св. Симона къ Поликарпу, т. е. двѣ первыя части. Оно то же самое, что и въ Акакіевской редакціи и такъ же раздѣлено на 10 словъ (14 — 23). Но, во первыхъ, есть въ немъ нѣкоторыя разнословія, преимущественно въ первой части, которыя кажутся ближайшими къ подлинному тексту. Во вторыхъ, въ концѣ первой части стоятъ слова, недостающія въ Акакіевской редакціи, которыя служатъ какбы переходомъ къ слѣдующій собственно исторической части: «Въ истину глю ти, брате Поликарпе, гдѣ слыша сих дивнѣйши бывших в' том въ стѣм монастырѣ Печерь-

скомъ чюдесъ? что ли бжтвенѣйши сих оцевъ. иже в конца вселен'ныа просиыша подобно лучам слнчным. о них же достовѣрно повѣдаю ти настоящемъ писанiем. К сим же иже к тебѣ реченымъ. и се ти брате скажю. что ради мое тщавiе и вѣра къ стму Антонiю и Өеодосiю». Въ третьихъ, во всей второй части, гдѣ только есть обращенiя къ Поликарпу послѣ частныхъ сказанiй о подвижникахъ, эти обращенiя отдѣлены отъ самыхъ сказанiй особыми заглавiями: «къ Поликарпу», или: «къ Поликарпу прилогъ».

Статья десятая посланiе Поликарпа къ Акиндину. Раздѣлена, какъ и въ Акакiевской редакцiи на двѣнадцать словъ (24—35) и оставлена безъ всякой перемѣны. Только оглавленiя нѣкоторыхъ статей написаны здѣсь на другомъ мѣстѣ. Такъ обращенiе Поликарпа къ Акиндину, слѣдующее послѣ сказанiя о преп. Агапитѣ, раздѣлено въ Акакiевской редакцiи на двѣ половины заглавiемъ: о святѣмъ *Григорiи чудотворци*, и одна половина составляетъ заключенiе статьи объ Агапитѣ, а другая вступленiе въ статью о Григорiи чудотворцѣ. Между тѣмъ въ Кассiановской редакцiи все это добращенiе къ Акиндину помѣщено въ заключенiи статьи объ Агапитѣ и потомъ уже помѣщено заглавiе о св. Григорiи чудотворцѣ.

Статья одинадцатая (слово 36) о *преп. Исаакiѣ печерницѣ*—взята, какъ и въ Акакiевской редакцiи, изъ лѣтописи. Но здѣсь въ началѣ статьи придѣлано краткое вступленiе: «Яко въ огни искушаетси злато и члцы прiятни в пещи смиренiя. i аще убо Гу в пустыни приступити искуситель непостыдѣся. колико паче члкю ис'кусы принести хощет'. яко же и сему бы блжнному. сiи убо прпдбны оць нашъ Iсакiе...» и пр. А въ концѣ распространено заключенiе слѣдующими

словами: «да и насъ сподобитъ Гь молитвами имъ. избыти отъ сѣти ловящаго насъ діавола. и обрѣстися в мѣсте оца Антоніа и Ѳеодосіа. и призовемъ братіе. блаженыя тыя оца и чюдотворца. помощьники и млтвенники тыя обрѣсти к гу Бгу. еже не отлученомъ вамъ быти прпбныхъ тѣхъ черноризець. ни отторженомъ о блженаго. и стаго того мѣста. и пречистыя двы жилища не лишеномъ быти еже сама обѣщася. но потщимся и прочая дни своя, в покаяніи препроводити і угодити Бгу. буди же всѣмъ намъ милость получити. о Хе Ісѣ Гдѣ нашемъ».

Статья двѣнадцатая (слово 37) *Посланіе преп. Ѳеодосія къ В. Кн. Изяславу о Латинахъ.* Эта статья не встрѣчается ни въ какой другой редакціи Кіево-Печерскаго Патерика, кромѣ Кассіановской, и представляетъ собою одну изъ трехъ, извѣстныхъ намъ, фамилій Посланія Ѳеодосіева о вѣрѣ Варяжской, въ началѣ нѣсколько измѣненную (см. Изв. Имп. Ак. Наукъ по Отд. Русск. языка и Словесн. т. IV, стр. 288).

Статья тринадцатая и послѣдняя (слово 38) *о кончинѣ Печерскаго архимандрита Поликарпа и о поставленіи на его мѣсто попа Василія.* Какъ и въ Акакіевской редакціи цѣликомъ взята изъ лѣтописи безъ всякой перемѣны.

Слѣдовательно всѣхъ статей въ Кассіановской редакціи, сравнительно съ Акакіевскою, вновь явившихся три или точнѣе одна — *посланіе преп. Ѳеодосія къ Изяславу:* потому что двѣ другія о *Нифонтѣ Новгородскомъ* и *о попѣ Василіѣ,* вновь внесенныя въ составъ Патерика по Кассіановской редакціи подъ особыми заглавіями, существовали уже и въ Акакіевской редакціи, только были помѣщены не въ са-

момъ Патерикѣ, а въ прибавленіяхъ къ нему и безъ заглавій. Статей болѣе или менѣе измѣненныхъ, или явившихся въ нѣсколько другомъ видѣ шесть. Статей, оставшихся безъ перемѣны, тоже шесть. По отношенію къ этимъ послѣднимъ статьямъ достоинство обѣихъ редакцій, безъ сомнѣнія, одно и то же. По отношенію къ статьямъ втораго рода оно неодинаково: тамъ, гдѣ допущенныя перемѣны несомнѣнно зависѣли отъ руки редактора, напримѣръ въ статьяхъ о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія, о Нифонтѣ Новгородскомъ и о преп. Исакіѣ, Кассіановская редакція должна уступить Акакіевской. А тамъ гдѣ кажущіяся перемѣны вовсе не суть перемѣны, но представляютъ текстъ сочиненія въ болѣе подлинномъ или болѣе полномъ видѣ, на примѣръ въ первой части посланія Симонова къ Поликарпу, надобно отдать предпочтеніе Кассіановской редакціи предъ Акакіевскою.

VI.

Переходя отъ древнѣйшихъ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, нами разсмотрѣнныхъ, къ редакціямъ XVI и XVII вѣка, мы будетъ говорить объ нихъ съ возможностію краткостію, чтобы только составить о каждой изъ нихъ отчетливое понятіе: потому что почти всѣ онѣ уже описаны и вмѣстѣ потому, что мы можемъ судить объ нихъ почти только по этимъ описаніямъ, а не по самымъ спискамъ.

Редакціи XVI вѣка—всѣ безъименныя, неизвѣстно кѣмъ и для кого составленныя.

1. Списокъ первой изъ нихъ, восходящій къ самому началу XVI вѣка, находится въ библіотекѣ Импер. Москов. Истор. Общества, № 157. Изъ печатнаго описанія этого списка (Библіотека Импер. Общества Ист. и Древн. Росс., стр. 53, Моск. 1845) видѣнъ составъ редакціи слѣдующій:

На первомъ мѣстѣ послѣ общаго заглавія: «книга глаголемая Патерикъ Печерскій», стоитъ статья о созданіи Печерской церкви, начинающаяся извѣстными словами. На второмъ — Посланіе Симона къ Поликарпу, собственно двѣ первыя части во всей полнотѣ и безъ измѣненій, согласно съ Кассіановскою редакціею. На третьемъ — Посланіе Поликарпа къ Акиндину, также полное и безъ опущеній, согласно съ тою же редакціею. На четвертомъ — Сказаніе о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ: Даміанѣ, Іереміи, Матѳіѣ и Іереміи. На пятомъ — Похвала преп. Ѳеодосію, начинающаяся, какъ и въ другихъ спискахъ. На шестомъ — Посланіе митрополита Фотія въ Кіево-Печерскій монастырь, напечатанное въ Дополн. къ Акт. Истор. I, № 180. На седьмомъ и послѣднемъ — Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, взятое изъ лѣтописи.

Эта редакція отличается отъ прочихъ: а) меньшимъ количествомъ статей и, въ частности, недостаткомъ въ ней значительнѣйшей статьи — Житія преп. Ѳеодосія, б) внесеніемъ въ составъ Патерика новой статьи — Посланія Фотіева въ Печерскій монастырь, которая прежде въ Патерикахъ не встрѣчалась, и в) отчасти особымъ распорядкомъ и размѣщеніемъ статей.

2. Списокъ второй редакціи XVI вѣка, относящійся такъ же къ началу вѣка, находится въ библіотекѣ графа Уварова, бывшей Царскаго № 300 (Опис. стр. 310). Этотъ списокъ представляетъ собою редакцію Патерика, совершенно отличную отъ всѣхъ извѣстныхъ. Заглавіе его: «Слово святыхъ преподобныхъ отецъ о Патерицѣ Кіевскомъ и о житіи преподобнаго и богоноснаго Антонія Печерьскаго, преп. Ѳеодосія и инѣхъ мнозѣхъ и о чудесѣхъ ихъ и како составленъ

бысть монастырь Печерьскій. Въ составъ Патерика вошли отрывки, или отдѣльныя статьи изъ лѣтописи, изъ Житія преп. Θеодосія, изъ Посланій Симона и Поликарпа, и расположены въ такомъ порядкѣ: 1. Статья изъ лѣтописи о началѣ Печерскаго монастыря, не имѣющая подписи. 2. Три статьи изъ Житія преп. Θеодосія: а) подъ общимъ заглавіемъ: «Житіе преп. отца нашего Θеодосія», продолжающееся до Сказанія о Варлаамѣ, потомъ б) повѣсть о Варлаамѣ и в) повѣсть о пощеніи преподобныхъ отецъ, какъ извѣстно, продолжающаяся въ Житіи до Сказанія о поставленіи преп. Θеодосія во игумена. 3. Три статьи изъ Посланія Симонова: а) о созданіи Печерской церкви, б) о мастерахъ, в) о писцахъ. 4) Еще двѣ статьи изъ Житія преп. Θеодосія. а) о чудѣ, бывшемъ въ Печерской церкви, и б) о преставленіи преп. Θеодосія. 5. Еще статья изъ Симонова Посланія о князѣ Святошѣ, 6. Три статьи изъ Посланія Поликарпа: а) о Григоріѣ чудотворцѣ, б) о Пименѣ и в) о Моѵсеѣ Угринѣ. 7. Еще двѣ статьи изъ Посланія Симонова: а) о Никонѣ и б) о Кукшѣ съ Пименомъ постникомъ. 8. Еще четыре статьи изъ Посланія Поликарпова: а) объ Агапитѣ, б) о Никитѣ, в) о Лаврентіѣ и г) о Прохорѣ.

Списокъ не имѣетъ конца. Но изъ сохранившагося содержанія очевидно, что это одна изъ самыхъ несовершенныхъ редакцій. Кромѣ того, что здѣсь мы видимъ только отрывки изъ главныхъ статей Патерика и ни одной цѣлой, эти отрывки еще перемѣшаны между собою, такъ что безъ пособія другихъ редакцій мы не могли бы даже опредѣлить, какому автору принадлежитъ каждый.

3. Списокъ третьей редакціи XVI вѣка находится въ Новгородской Макаріевской Чети-минеи за мѣсяцъ май, пи-

санной въ 1544 г., какъ значится на заглавномъ листѣ. Это, кажется, та самая безъименная редакція, о которой говоритъ г. Кубаревъ послѣ Арсеніевской и прежде Кассіановской. Въ означенной Чети-минеи подъ 3-мъ числомъ помѣщены, безъ общаго заглавія, слѣдующія статьи: 1. Житіе преп. Ѳеодосія — все сполна, 2. Похвальное слово преп. Ѳеодосію — то же сполна, 3. Посланіе митрополита Фотія въ Кіево-Печерскій монастырь, напечатанное въ Дополн. къ Акт. Истор. I, № 180, 4. О зачалѣ Печерскаго монастыря, изъ лѣтописи, 5. Наконецъ, подъ заглавіемъ: «Патерикъ Печерьскій» — а) Сказаніе о созданіи Печерской церкви, заключающее въ себѣ всѣ шесть отдѣловъ, какъ въ Акакіевской редакціи, б) Посланіе Симона къ Поликарпу — обѣ первыя части со всѣми отдѣлами, какъ въ Акакіевской редакціи, в) Посланіе Поликарпа все сполна, какъ въ той же редакціи; г) Сказаніе о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ, Даміанѣ, Матѳіѣ и Исакіи, какъ въ той же редакціи. Въ концѣ списка какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Акакіевской редакціи, повторена помѣтка, что онъ писанъ въ 1462 г., по волѣ княгини инокини Евпраксіи, въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ дьяками Григоріемъ и Ермолаемъ, и спятъ со списка, писаннаго въ 1460 г., въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, по приказанію инока Кассіана для священноинока Акакія.

Настоящая редакція Патерика, весьма близкая, особенно въ послѣдней половинѣ, къ Акакіевской редакціи, отличается отъ нея: а) меньшимъ количествомъ статей, б) особымъ распорядкомъ ихъ, в) внесеніемъ новой статьи — Посланія Фотіева въ Печерскій монастырь и г) усвоеніемъ названія: *Патерикъ Печерскій* только тремъ статьямъ въ совокупности: Посланію Симона, Посланію Поликарпа и Сказанію о первыхъ

черноризцахъ Печерскихъ. Подобный списокъ Патерика, писанный уже въ XVII вѣка, есть въ библіотекѣ графа Уварова, бывшей Царскаго, № 299 (Опис. стр. 309); только здѣсь не достаетъ Посланія Фотіева, и Посланія Симона и Поликарпа нѣсколько измѣнены.

4. Списокъ четвертой редакціи XVI вѣка находится въ библіотекѣ Императорскаго Москов. Истор. Общества, № 158 (Опис. стр. 56). Онъ не полонъ, не имѣетъ начала. Но изъ того, что сохранилось, можно заключать, что главное отличіе его отъ прочихъ списковъ состоитъ въ новомъ распорядкѣ статей. Здѣсь, прежде всего, подъ особыми надписаніями (киноварью) идутъ *слова* о подвижникахъ Печерскихъ: а) о Пименѣ — изъ Посланія Поликарпова, б) о Даміанѣ и Іереміи, в) о Матѳіѣ, г) о Исакіи — изъ лѣтописи. Потомъ слѣдуетъ Житіе преп. Ѳеодосія съ перепутанными листами. За Житіемъ—Посланіе Симона, двѣ первыя части. Наконецъ Посланіе Поликарпа, оканчивающееся сказаніемъ о Спиридонѣ и Алимпіи.

Впрочемъ, можетъ быть, такой распорядокъ статей въ настоящемъ спискѣ зависитъ отъ того, что листы въ немъ при переплетѣ были перемѣшаны. И потому нельзя сказать рѣшительно, точно ли списокъ этотъ представляетъ собою особую редакцію.

VII.

Двѣ позднѣйшія редакціи Кіево-Печерскаго Патерика явились въ XVII в.: одна рукописная редакція Іосифа Тризны, бывшаго архимандритомъ Кіево-Печерскимъ съ 1647 по 1656 годъ; другая редакція Патерика печатнаго, въ первый разъ изданнаго въ 1661 году.

1. Редакція Іосифа Тризны есть самая обширная изъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ: она описана г. Ундольскимъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Историческаго Общества, 1846, № IV, Отд. IV, стр. 5 — 10. Списокъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Патериконъ Кіевопечерскій, житія и подвизи преподобныхъ отецъ нашихъ, въ пещерахъ просіявшихъ. Списанъ трудолюбіемъ блаженнаго Нестора Русскаго лѣтописца. По времени же паки приложи нѣкіихъ житія святыхъ отецъ Печерскихъ боголюбивый епископъ Симонъ Суждалскій и Владимерскій; послѣди же пространнѣе написа и въ едино счини блаженный Поликарпъ, архимандритъ Печерскій. Нынѣ же мало пространнѣе отъ Лѣтописца Русскаго, отъ начала въ лѣта Ноева по потопѣ откуду корень изыде преславнаго Славянскаго языка ражаю и како израстоша въ немъ вѣтви богоугодныя, сочиненъ и во едино совокупленъ тщаніемъ и повелѣніемъ боголюбиваго архимандрита св. великія, пресвѣтлыя царскія Лавры Печерскія киръ Іосифа Тризны».

Статей въ этомъ Патерикѣ 105 и онѣ разнородны.

Первыя 34 статьи можно назвать предварительными. Онѣ, за исключеніемъ впрочемъ 23-й, говорятъ о разныхъ событіяхъ нашей гражданской и церковной исторіи, предшествовавшихъ основанію Кіево-Печерскаго монастыря, какъ то: о разселеніи племенъ человѣческаго рода и происхожденіи Русскаго народа, о первыхъ нашихъ князьяхъ: Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ и Ярославѣ, о проповѣди св. Апостола Андрея въ землѣ Русской, о крещеніи Славянъ и переводѣ свящ. книгъ на Славянскій языкъ, о крещеніи Ольги и Владиміра, объ утвержденіи послѣднимъ св.

вѣры въ Россіи, о созданіи имъ Десятинной и другихъ церквей, о убіеніи Бориса и Глѣба, и проч.

Слѣдующія за тѣмъ шесть статей (35—40) относятся къ самому Патерику. Это 1) житіе преп. Антонія и о началѣ Печерскаго монастыря: неизвѣстно въ какомъ видѣ. 2) Житіе преп. Ѳеодосія не полное: ибо, какъ увидимъ, изъ него исключены сказанія о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ, помѣщенныя далѣе. 3) О перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія. 4) О покованіи раки преп. Ѳеодосія. 5) О внесеніи имени преп. Ѳеодосія въ сѵнодикъ и 6) Похвала преп. Ѳеодосію.

Статьи 41—44 повѣствуютъ о событіяхъ, современныхъ основанію Кіево-Печерскаго монастыря: о добродѣтеляхъ и преставленіи в. кн. Ярослава, о небесныхъ знаменіяхъ, явившихся волхвахъ, о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ деревянную, а потомъ каменную церковь, при Владимірѣ мономахѣ.

38 статей, съ 45 до 83 относятся къ самому Печерскому Патерику, за исключеніемъ впрочемъ 55-й и 67-й, относящихся къ нему только стороною. Онѣ взяты изъ лѣтописи, изъ Житія преп. Ѳеодосія, изъ Посланій Симона и Поликарпа, нѣкоторыя вновь составлены, — и всѣ расположены въ безпорядкѣ. И именно: 1) три статьи (45—47) взяты изъ Посланія Симонова: а) о созданіи Печерской церкви, б) о пришествіи мастеровъ и писцевъ, в) объ освященіи этой церкви; 2) три (48—50) изъ лѣтописи: а) о Даміанѣ, б) Іереміи и в) Матѳіѣ; 3) статья 51-я изъ Житія пр. Ѳеодосія: о преп. Никонѣ игуменѣ Печерскомъ; 4) статья 52-я изъ Посланія Симонова: объ Іоаннѣ и Сергіѣ; 5) двѣ статьи (53 и 54) изъ Житія преп. Ѳеодосія: а) о преп. Варлаамѣ и Ефремѣ,

б) о преп. Исаіи, бывшемъ епископѣ Ростовскомъ; 6) статья 55-я, вѣроятно, вновь составленная: извѣщеніе о Ростовскихъ епископахъ; 7) двѣ статьи (56 и 57) — изъ Посланія Поликарпова: о Моусеѣ Угринѣ и Іоаннѣ затворникѣ; 8) статья 58 изъ лѣтописи: о преп. Исаакіи; 9) восемь статей (59—66) изъ Посланія Поликарпова: а) о Никитѣ, б) Лаврентіѣ, в) Алимпіѣ, г) Агапитѣ, д) Григоріѣ, в) Прохорѣ, ж) Марцѣ печерницѣ, з) Ѳедорѣ и Василіѣ; 10) статья 67-я, вѣроятно, изъ лѣтописи: о плѣненіи Кіева отъ Половцевъ; 11) двѣ статьи (68 и 69) изъ Посланія Поликарпова: а) о Пиминѣ, б) о Спиридонѣ; 12) семь статей (70 — 76) изъ Посланія Симонова: а) о Евстратіи, б) Никонѣ, в) Кукшѣ и Пименѣ, г) Аѳанасіи, д) князѣ Святошѣ, е) Еразмѣ и ж) Ареѳѣ; 13) статья 77-я, вѣроятно, вновь составленная: о Симонѣ епископѣ Володимерскомъ; 14) статья 78-я подъ заглавіемъ: «Посланіе епископа Симона Володимерскаго къ Поликарпу»: вѣроятно, одна первая часть; 15) двѣ статьи (79 и 80) изъ того же Посланія Симонова: а) о Онисифорѣ, б) о Титѣ и Евагріи; 16) статья 81-я изъ лѣтописи: о Нифонтѣ, епископѣ Новгородскомъ; 17) статья 82-я подъ заглавіемъ, посланіе Поликарпа къ архимандриту Акиндину: вѣроятно, одно только начало или общее вступленіе.

Остальныя 23 статьи отъ (83—105) составляютъ какъ бы заключеніе Патерика или, вѣрнѣе, приложенія къ нему. Кромѣ двухъ статей: 91-й о Поликарпѣ, архимандритѣ Печерскомъ, и 92-й о чудѣ, случившемся въ пещерахъ, въ день св. Пасхи, всѣ прочія статьи не относятся къ Печерскому монастырю, а говорятъ о событіяхъ, церковныхъ и гражданскихъ, частію современныхъ основанію и послѣдующему устроенію Печерскаго монастыря, а частію даже предшество-

вавшихъ; напримѣръ — повѣсть о Владимірѣ мономахѣ, о убіеніи князя Игоря, о Константинѣ митрополитѣ Кіевскомъ, о Θеодорѣ епископѣ Ростовскомъ, о епископѣ Лукѣ, о убіеніи кн. Андрея Боголюбскаго, о равноапостольномъ Владимірѣ, о убіеніи Бориса и Глѣба и перенесеніи мощей ихъ, о мученической кончинѣ Михаила, князя Черниговскаго и под. Къ самому концу помѣщены: а) три родословія князей Русскихъ, б) извѣстіе о созданіи церквей и монастырей въ Кіевѣ, в) повѣсть о Калкской битвѣ съ Татарами, г) повѣсть о плѣненіи всей Русской земли отъ Батыя и д) повѣсть о убіеніи Батыя.

Излишне замѣчать, что редакція Іосифа Тризны есть одна изъ самыхъ несовершенныхъ: статьи, собственно составляющія Патерикъ, здѣсь разорваны на части и перемѣшаны, а большинство статей вовсе къ Патерику и не относится.

2. Совсѣмъ другаго рода редакція Печерскаго Патерика печатнаго, изданнаго первоначально при Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1661 году: здѣсь вовсе нѣтъ статей, не относящихся прямо къ Печерскому монастырю и все подчинено идеѣ Патерика и проникнуто ею. Издатели предположили себѣ цѣлію дать благочестивымъ читателямъ такую книгу, въ которой, соотвѣтственно названію Печерскаго Патерика, говорилось бы только о Печерскомъ монастырѣ и объ его св. отцахъ подвижникахъ, въ которой излагалась бы, по возможности, полная и послѣдовательная исторія этого монастыря въ его лучшій періодъ, но такъ, что бы житія подвижниковъ представляли собою рядъ отдѣльныхъ біографій, что бы о каждомъ св. отцѣ читатель могъ получить разомъ всѣ сохранившіяся о немъ свѣдѣнія. Въ основаніе для своего труда издатели приняли тѣже самыя сочиненія преп. Нестора, св. Симона Владимірскаго и черноризца Поликарпа, какія издавна

входили въ составъ Патерика, но только воспользовались этими сочиненіями сообразно съ предположенною цѣлію, по мѣстамъ присовокупляя къ нимъ нѣкоторыя новыя извѣстія изъ лѣтописей. Одни сочиненія дополняли другими; отъ нѣкоторыхъ отдѣляли частныя сказанія и составляли изъ нихъ особыя житія; нѣкоторыя повѣствованія въ сочиненіяхъ переставляли на новыя мѣста, ко многимъ житіямъ придѣлывали свои вступленія и заключенія; многое, что говорили авторы о себѣ самихъ и отъ своего лица, исключили, или измѣнили; желая быть болѣе вразумительными для современныхъ читателей немало поновили слогъ. Въ слѣдствіе всего этого Кіево-Печерскій Патерикъ получилъ новый видъ, если не по содержанію своему, то по формѣ.

Печатный Патерикъ раздѣленъ на три части. Въ первой части содержатся житія самыхъ первыхъ подвижниковъ Печерскихъ и другія статьи, относящіяся къ нимъ и къ первоначальной исторіи Печерскаго монастыря, основанныя преимущественно на сочиненіяхъ преп. Нестора и дополненныя, по мѣстамъ, изъ сочиненій Симона и Поликарпа. И именно: 1) Житіе преп. Антонія Печерскаго: это собственно сказаніе Нестора о началѣ Печерскаго монастыря, какъ оно изложено въ Кассіановской редакціи Патерика, дополненное изъ Житія Θеодосіева, того же автора, и изъ Посланій Симона и Поликарпа. 2. Похвала преп. Антонію: позднѣйшее сочиненіе неизвѣстнаго. 3. Житіе преп. Θеодосія, написанное Несторомъ; только здѣсь нѣкоторыя частныя сказанія опущены, изъ которыхъ далѣе составлены отдѣльныя Житія святыхъ, и нѣкоторыя главы, для связи повѣствованія, переставлены на другія мѣста. 4. Сказаніе о перенесеніи мощей преп. Θеодосія, о вписаніи имени его въ сѵнодикъ и о покованіи раки его: статья,

составленная изъ трехъ извѣстныхъ статей, взятыхъ изъ лѣтописи и Посланія Симонова. 5. Похвала преп. Ѳеодосію, встрѣчавшаяся еще въ рукописныхъ Патерикахъ. 6. Сказаніе о созданіи святой чудотворной церкви Печерской со всѣми частными его отдѣлами, взятое изъ Посланія Симонова съ дополненіями изъ Посланія Поликарпова. 7. Житія подвижниковъ Печерскихъ, современныхъ преп. Антонію и Ѳеодосію, взятыя изъ Житія Ѳеодосія, какъ то: а) житіе преп. Стефана, б) преп. Никона, в) преп. Варлаама, г) преп. Ефрема евнуха, д) преп. Исаіи чудотворца. 8. Житія такихъ же подвижниковъ, взятыя изъ лѣтописи: а) житіе Даміана, б) Іереміи, в) Матоія, г) Исаакія и д) въ заключеніе всего общее свидѣтельство преп. Нестора, изъ той же лѣтописи, о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ.

Вторую часть составляютъ Житія святыхъ Печерскихъ, изложенныя въ Посланіи Поликарпа: издатели почему-то думали, будто Поликарпъ написалъ свое Посланіе прежде Посланія епископа Симона, и потому помѣстили Житія, описанныя Поликарпомъ, прежде тѣхъ, какія описаны Симономъ, — тогда какъ самъ Поликарпъ, въ началѣ Житія Алимпіева, упоминаетъ уже о Посланіи Симоновомъ. Въ частности, во второй части изложены Житія: а) Никиты затворника, б) Лаврентія затворника, в) Алимпія иконописца, г) Агапита, д) Григорія чудотворца, е) Моѵсея Угрина, ж) Іоанна многострадальнаго, з) Прохора лебедника, и) Марка печерника и Ѳеофила, і) Ѳеодора и Василія, к) Пимена многоболѣзненнаго, л) Спиридона и Никодима просфорниковъ. Въ заключеніе этихъ Житій, которыя сохранены почти безъ перемѣны, помѣщена статья подъ названіемъ Посланія Поликарпа къ архим. Акиндину, въ которой соединены собственно всѣ

обращенія Поликарпа къ Акиндину, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Послація, и общіе отзывы Поликарпа о подвижникахъ Печерскихъ.

Къ третьей части отнесены Житія святыхъ Печерскихъ, описанныя въ Посланіи Симоновомъ, именно: а) Житіе Евстратія постника, б) Никона сухаго, в) Кукши и Пимена постника, г) Аѳанасія затворника, д) Николая святоши, е) Еразма, ж) Ареѳы, з) Тита и Евагрія. Къ этимъ Житіямъ присовокуплено Житіе Нифонта Новгородскаго, составленное на основаніи лѣтописей, и въ заключеніе всего стоитъ статья подъ именемъ Посланія Симона къ Поликарпу, заключающая въ себѣ собственно первую нравоучительную часть Посланія и всѣ послѣдующія обращенія Симона къ Поликарпу.

Въ концѣ Патерика сдѣлано «пристеженіе» или приложеніе, гдѣ самими уже издателями изложены: 1) Житія трехъ преподобныхъ Печерскихъ, послужившихъ своими писаніями составленію Печерскаго Патерика, т. е. Нестора, Симона и Поликарпа; 2) краткое сказаніе о чудѣ, случившемся въ пещерѣ въ день св. Пасхи и 3) такое же сказаніе о мѵроточивыхъ главахъ въ Печерскомъ монастырѣ.

—

Такъ кончился рядъ многочисленныхъ и разнообразныхъ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, которыя, безъ сомнѣнія, мы разсмотрѣли не всѣ! При послѣдовательномъ обозрѣніи тѣхъ изъ нихъ, какія намъ извѣстны, мы произнесли частныя сужденія о каждой порознь: теперь пришла очередь сказать о всѣхъ ихъ общее слово.

Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого либо человѣка. Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали Патерика. Первый составилъ только Житіе преп.

Θеодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ Печерскихъ. Второй написалъ свое Посланіе къ частному лицу, въ назиданіе которому упомянулъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое Посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ и дѣлаетъ обращенія къ частному лицу. А потому, когда впослѣдствіи начали пытаться изъ этихъ отдѣльныхъ сочиненій составить общій Патерикъ, то могли поступать двоякимъ образомъ: или такъ, чтобы сочиненія эти сохранить въ подлинномъ видѣ безъ всякой перемѣны, соединивъ только ихъ въ одинъ Сборникъ, или такъ, чтобы, принявъ эти сочиненія за основаніе Патерика, воспользоваться ими по усмотрѣнію, дополнить ихъ другими свѣдѣніями и статьями, относящимися къ Печерскому монастырю, и изъ всего вмѣстѣ образовать такой Сборникъ, который бы, соотвѣтствуя идеѣ Патерика, имѣлъ въ виду одну цѣль — представить рядъ жизнеописаній св. Отцевъ Печерскихъ для назидательнаго чтенія благочестивыхъ христіанъ.

Если смотрѣть на разныя редакціи Кіево-Печерскаго Патерика съ первой точки зрѣнія: въ такомъ случаѣ всѣ онѣ оказываются болѣе или менѣе несовершенными, потому что ни одна изъ нихъ не сохранила сочиненій Нестора, Симона и Поликарпа о подвижникахъ Печерскихъ безъ всякой перемѣны, а нѣкоторыя даже измѣнили ихъ значительно. И въ этомъ отношеніи сравнительно лучшими редакціями можно назвать: Арсеніевскую, Акакіевскую и Кассіановскую. Но такой взглядъ на редакціи Патерика былъ бы не совсѣмъ справедливъ, (хотя, сознаемся, мы разсматривали частныя редакціи преимущественно съ этой точки зрѣнія): не спра-

ведливо требовать, чтобы составители Патерика заботились только сохранить въ подлинномъ видѣ означенныя сочиненія Нестора, Симона и Поликарпа, когда эти сочиненія написаны разными лицами и съ разными цѣлями, не имѣютъ между собою связи и единства, а два обращены притомъ къ частнымъ лицамъ. Нѣтъ, долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о Печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы по возможности соотвѣтствовалъ идеѣ Патерика, представлялъ собою одно опредѣленное цѣлое и обращенъ былъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Если смотрѣть на редакціи Патерика съ этой послѣдней точки зрѣнія: въ такомъ случаѣ всѣ онѣ оказываются болѣе или менѣе совершенными, потому что всѣ болѣе или менѣе могли достигать своей цѣли, доставляя христіанамъ назидательное чтеніе о подвижникахъ Печерскихъ. Менѣе совершенными должно назвать тѣ, которыя менѣе соотвѣствують идеѣ Патерика, менѣе содержатъ статей, относящихся къ Печерскому монастырю, менѣе представляютъ связи и единства между статьями и заключаютъ въ себѣ статьи, вовсе не относящіяся къ Печерскому монастырю. И въ этомъ отношеніи лучшая изъ всѣхъ редакцій есть, несомнѣнно, редакція печатная.

А потому желать, какъ нѣкоторые желали, чтобы Кіево-Печерскій Патерикъ изданъ былъ по какой либо древней редакціи, напримѣръ, Арсеніевской, вовсе напрасно: никакая изъ извѣстныхъ редакцій не можетъ сравниться по достоинству съ печатною и замѣнить ее собою въ церковномъ употребленіи. Иное дѣло желать для цѣли собственно литературной, чтобы изданы были по древнимъ спискамъ три основныя статьи Патерика: Житіе преп. Ѳеодосія, составлен-

ное Несторомъ, Посланіе св. Симона къ Поликарпу и Посланіе Поликарпа къ Акиндину, какъ три памятника нашей древней словесности, — и чтобы притомъ изданы были не подъ именемъ Патерика, а каждая отдѣльно подъ своимъ собственнымъ именемъ, какъ и вышли онѣ первоначально изъ рукъ своихъ писателей. Въ такомъ случаѣ для изданія Житія Өеодосіева можно бы принять за основаніе четыре списка: списокъ XII или XIII вѣка, находящійся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и Списки XV вѣка по редакціямъ Арсеніевской, Акакіевской и Кассіановской. А для изданія Посланій св. Симона и Поликарпа — три списка по этимъ самимъ редакціямъ XV вѣка, если не отыщутся еще другіе, болѣе древніе или лучшіе.

III.

ДАНІИЛЪ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Записка И. Д. Бѣляева.

Даніилъ, по прозванію Рязанецъ, вѣроятно Рязанскій уроженецъ, былъ ученикомъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, и еще при жизни Іосифа былъ избранъ братіею въ его преемники, на игуменство въ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ житіи Іосифа Волоколамскаго объ избраніи Даніила въ игумены сказано такъ: «полюбиша вси въ совѣтѣ своемъ старца, любяй нищету и пребывая въ трудѣхъ и постѣ и въ молитвахъ, и нелюбя празднословія, нарицаема Даніила по реклу Рязанца.» Это избраніе Даніила въ игумены Іосифскими старцами еще при жизни Іосифа, этого, по тогдашнему времени на Руси, ученѣйшаго и строгаго ревнителя православія, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что Даніилъ между современниками пользовался славою мужа благочестиваго, ученаго и ревнителя иноческихъ подвиговъ. Но время, въ которое жилъ Даніилъ, было самое смутное; движеніе и шатаніе умовъ въ западной Европѣ, породившее и сопровождавшее реформацію, сообщилось и Россіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; и на Руси явились люди, сочувствовавшіе Европей-

скому движенію и недовольные современнымъ имъ порядкомъ вещей въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ и въ церкви. Даже само правительство, вводя новые порядки въ только что присоединенныхъ къ Москвѣ удѣлахъ, нѣкоторымъ образомъ, хотя отрицательно, способствовало этому новому движенію, и при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ нѣкоторое время, кажется, находило нужнымъ дать новый порядокъ и церковнымъ уставамъ; такъ изъ дѣла о Максимѣ Грекѣ мы знаемъ, что современникъ его старецъ Вассіанъ сынъ князя Ивана Юрьева Патрикѣевича писалъ церковные уставы или правила и подалъ ихъ великому князю Василью Ивановичу[1]. Это, вѣроятно, была попытка исправленія церковныхъ правилъ, предварившая Стоглавный соборъ 1551 года, но, очевидно, неимѣвшая успѣха, ибо по свидѣтельству того же дѣла о Максимѣ Вассіановы правила остались у великаго князя въ казнѣ, и на соборѣ 1531 года, бывшемъ противъ старца Вассіана, были отвергнуты и признаны еретическими и противными уставамъ церковнымъ[2]. Самое приглашеніе Максима Грека и порученіе ему исправить и вновь перевести нѣкоторыя церковныя книги ясно свидѣтельствуетъ о новомъ движеніи умовъ и потребности въ нѣкоторыхъ церковныхъ измѣненіяхъ или исправленіяхъ, впрочемъ отнюдь не въ нововведеніяхъ, въ которыхъ сама церковь нисколько не нуждалась. Также о движеніи умовъ свидѣтельствуетъ и то, что видимыми послѣдователями, друзьями и совѣтниками Максима преимущественно были люди, недовольные современнымъ порядкомъ вещей и требовавшіе разныхъ нововведеній, въ которыхъ ясно высказывалось вольнодумство и дерзость противъ уставовъ Церкви;

[1] Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 7, стр. 7.
[2] Тамъ же № 9, стр. 2.

такъ напримѣръ упомянутый уже нами князь старецъ Вассіанъ прямо отвергалъ церковныя правила и называлъ ихъ кривилами, а не правилами, и т. п. А еще прежде того новое западное движеніе умовъ высказалось въ ереси жидовствующихъ, которая нѣкоторое время имѣла большой успѣхъ и въ Новгородѣ и въ Москвѣ, такъ что ея держался, хотя тайно, митрополитъ Зосима и ясно ей слѣдовали многіе довѣреннѣйшіе бояре великаго князя Ивана Васильевича. Хотя строгіе ревнители православія — архіепископъ Новгородскій Геннадій и преподобный Іосифъ Волоколамскій, послѣ многихъ усилій, и успѣли посрамить и подавить эту ересь; но движеніе и шатаніе умовъ на томъ не остановилось: его продолжали поддерживать князь-старецъ Вассіанъ, нѣкоторое время пользовавшійся неограниченною довѣренностію великаго князя Василья Ивановича, а также и многочисленные послѣдователи Вассіана, такъ что оппозиція недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей и въ церкви и въ обществѣ, судя по указаніямъ, разсыпаннымъ въ поученіяхъ митрополита Даніила, не уничтожалась, и наконецъ снова нагло и явно высказалась въ ереси Матѳея Башкина и Ѳеодосія Косаго.

Митрополитъ Даніилъ, ревностный ученикъ и послѣдователь Іосифа Волоколамскаго, главнѣйшаго противника ереси жидовствующихъ и ихъ послѣдователей, естественно не могъ жить въ согласіи съ тогдашними приверженцами западнаго движенія. Одно имя Іосифлянина поднимало въ нихъ желчь и возбуждало къ ненависти. На ихъ языкѣ Іосифлянинъ и ковварный, вселукавый, потаковникъ злобы и жестокосердія—значили одно и тоже; они обыкновенно учениковъ Іосифа называли презлыми и вселукавыми Іосифлянами, или Іосифлянскою

лукавою четою, скорыми послушниками лютости и во всѣхъ злыхъ потаковниками и подражателями[3], и старались не имѣть съ ними никакого общенія. Такъ старецъ-князь Вассіанъ говорилъ на соборѣ 1531 года: «Іосифова монастыря старци у меня и въ кельи не бывали, язъ ихъ къ себѣ не пущаю, и дѣла мнѣ до нихъ нѣтъ»[4]. При такомъ задаткѣ ненависти ко всѣмъ Іосифлянамъ со стороны вольнодумцевъ и нововводителей, митрополитъ Даніилъ, какъ главный представитель Іосифовскаго братства и самый ревностный и непреклонный распространитель правилъ преподобнаго Іосифа, какъ въ ученіи такъ и въ дѣятельности житейской, сдѣлался главнымъ предметомъ ихъ злобы и козней. Не было такой безстыдной клеветы, надъ которою бы задумались или остановились враги Даніила, чтобы очернить, обезславить его; они ставили ему въ вину все: и любовь и расположеніе великаго князя, и ревность на защиту Церкви, и заботы о благѣ государственномъ, и борьбу съ вольнодумствомъ и другими современными пороками; они не иначе называли его, какъ прегордымъ и лютымъ, проклятымъ[5]; даже не хотѣли называть его митрополитомъ:—такъ Берсень говорилъ о немъ: «не вѣдаю деи митрополитъ, не вѣдаю простой чернецъ, учительна слова отъ него нѣтъ никотораго»[6]. Соборъ противъ дерзкаго вольнодумца князя старца Вассіана они считали гоненіемъ и несправедливостію, а старца Вассіана величали блаженнымъ страдальцемъ, подобнымъ въ ревности и жизни великому Антонію и даже Іоанну Крестителю[7].

[3] Курб., Исторія Іоанна, гл. 1 и 3.
[4] Чтен. Общ. 1847 г. № 9, стр. 10.
[5] Курб., Исторія Іоанна, стр. 42.
[6] Ак. Арх. Эксп., т. I, № 172.
[7] Курб., Ист. Іоанна, стр. 5.

Разводъ великаго князя съ первою своею супругою Соломоніею и второй бракъ съ Еленою Глинскою Даніиловымъ врагамъ послужили предлогомъ къ сильнымъ нападеніямъ и клеветамъ. Даніилъ въ этомъ дѣлѣ принялъ сторону великаго князя: знавши двадцатишести-лѣтнее неплодство Соломоніи и предвидя безпорядки, которые произойдутъ въ государствѣ по смерти бездѣтнаго великаго князя, онъ рѣшился отступить отъ церковныхъ правилъ, уступая настоятельной нуждѣ государственной, и согласился на разводъ великаго князя съ Соломоніею и самъ вѣнчалъ его вторымъ бракомъ; враги же Даніиловы, явные нарушители и ругатели церковныхъ правилъ, предводимые дерзкимъ вольнодумцемъ княземъ старцемъ Вассіаномъ, объявили себя защитниками церковныхъ уставовъ относительно развода, провозгласили Даніила льстецомъ, человѣкоугодникомъ и даже развратителемъ, и распустили молву о беременности Соломоніи, даже начали толковать, что она родила сына Георгія и скрываетъ его отъ гонителей[8]. Они успѣли привлечь на свою сторону и ученаго Максима Грека, человѣка прямаго и откровеннаго, но далеко незнакомаго съ Московскими обычаями; этотъ ученый и благочестивый мужъ, понимая обстоятельства дѣла превратно, по заговорамъ своихъ мнимыхъ друзей и покровителей, началъ смотрѣть на разводъ великаго князя съ одной только точки религіозной, нисколько не принимая въ разсчетъ ни историческихъ преданій государства, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя бы послѣдовали по смерти бездѣтнаго Московскаго государя, и, въ слѣдствіе таковаго взгляда, написалъ къ великому князю наставленіе, — не покоряться плотскимъ страстямъ, и, вмѣстѣ съ недовольными, сталъ противиться и раз-

[8] Герберштейнъ, стр. 18, 19.

воду, и второму браку государя. Великій князь, доселѣ любившій и уважавшій Максима Грека, теперь увидалъ въ немъ не только строптиваго иноземца, но и явнаго союзника своихъ домашнихъ враговъ; надъ Максимомъ былъ наряженъ судъ, его стали обвинять въ недоброжелательствѣ къ государю и въ разныхъ дерзкихъ разговорахъ. Максимъ хотя и оправдался, и оставленъ на свободѣ, но вскорѣ митрополитъ Даніилъ составилъ противъ него соборъ, и обвинивъ его въ нѣкоторыхъ неправильныхъ толкованіяхъ при исправленіи церковныхъ книгъ, сослалъ въ заточеніе въ Іосифовъ монастырь.

Заточеніе Максима было самымъ блестящимъ торжествомъ для враговъ Даніиловыхъ. Они объявили себя защитниками невиннаго страдальца, только не для облегченія судьбы Максима, за котораго они не ходатайствовали, а для удобнѣйшаго нападенія на митрополита, ибо, прикрываясь славнымъ именемъ несчастнаго страдальца, имъ было гораздо удобнѣе чернить митрополита, какъ пристрастнаго судію и гонителя невинныхъ; въ Максимѣ Грекѣ многіе принимали участіе, слѣдовательно враги Даніиловы, указывая на живой примѣръ Максима, удобно могли взводить всѣ клеветы на того, кто былъ видимымъ виновникомъ гоненій на страдальца[9]. И должно сказать, что Даніиловы враги не были скупы ни на клеветы, ни на ругательства, они преслѣдовали его даже

[9] Въ самомъ дѣлѣ, сколько былъ виноватъ митрополитъ Даніилъ въ осужденіи и гоненіи на Максима, мудрено судить; ибо хотя самъ Максимъ былъ человѣкъ прямой и откровенный; но мнимые друзья его, отъявленные вольнодумцы и даже кощуны, пользуясь его простотою и откровенностію, такъ успѣли запутать его въ ихъ собственныхъ дѣлахъ и сдѣлать ненавистнымъ и великому князю и митрополиту, что почти безошибочно можно сказать, что Даніилъ осудилъ Максима по убѣжденію, а не по пристрастію.

и тогда, когда онъ уже умеръ:—такъ напримѣръ князь Курбскій прямо говоритъ, что Максимъ пострадалъ «по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ»[10]. А при жизни всѣмъ и каждому чернили его, даже пріѣзжимъ иностранцамъ:—такъ они увѣрили Герберштейна, что Даніилъ преданъ обжорству и пьянству, и, чтобы показаться передъ людьми постнымъ, неиначе выходитъ въ общество, какъ наведши на лицо блѣдность посредствомъ сѣрнаго дыма[11].

Впрочемъ, пока былъ живъ великій князь Василій Ивановичъ и его супруга Елена, высоко цѣнившіе заслуги митрополита Даніила и питавшіе къ нему сильную довѣренность, всѣ клеветы и сплетни, разсѣваемыя Даніиловыми врагами, не имѣли успѣха; Даніилъ былъ твердъ на своемъ святительскомъ престолѣ, управлялъ церковію съ непоколебимою строгостію и не робѣлъ передъ врагами, хотя, придерживаясь строго церковныхъ правилъ, и не рѣшалъ дѣлъ иначе, какъ по соборнымъ опредѣленіямъ, что, конечно, было особенно необходимо по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Но когда скончался великій князь Василій Ивановичъ, а потомъ и супруга его, то враги незамедлили возстать на Даніила, и въ первой же боярской смутѣ, когда князья Шуйскіе захватили кормило правленія, онъ принужденъ былъ оставить святительскій престолъ и сосланъ въ Іосифовъ монастырь; враги даже принудили его дать запись, по которой онъ будто бы добровольно отказывается отъ престола, находя себя неспособнымъ; въ записи сказано: «разсмотрихъ разумѣнія своя немощна къ таковому дѣлу, и мысль свою погрѣшительну и недостаточна

---

10 Курб., Ист. Іоанна, стр. 40.

11 Herber. Rerum. Moscov. commen. edit. Francofurt. pag. 20.

себе разумѣхъ въ таковыхъ святительскихъ начинаніихъ»[12]. Это назначеніе Іосифской обители мѣстомъ ссылки и вытребованіе отреченной грамоты, ясно указываютъ на умыселъ враговъ Даніиловыхъ, чтобы показать людямъ невраждебнымъ къ Даніилу, что онъ самъ добровольно, по собственному убѣжденію, нашелъ себя неспособнымъ, и удалился на покой въ любимую обитель, гдѣ первоначально былъ постриженъ. Но далеко не то было на самомъ дѣлѣ: ссылка и лишеніе сана епископа Коломенскаго Вассіана, друга Даніилова, въ одно и тоже время, ясно указываютъ на происки враговъ и насиліе, да и одинъ изъ нихъ, князь Курбскій самъ свидѣтельствуетъ, что отреченіе Даніила было недобровольное; вотъ подлинныя слова его, ясно обличающія злобную радость: «и скоро по смерти князя великаго Василія, яко митрополита Московскаго Данила, такъ того Коломенскаго епископа Вассіана, не токмо по совѣту всѣхъ сигклитовъ, но и всенароднѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости».[13]

Даніилъ, упрекаемый врагами въ невниманіи къ пастырскому учительству,—«учительна слова нѣтъ отъ него никотораго», какъ говорилъ о томъ Берсень,—на самомъ дѣлѣ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ учителей нашей церкви. Послѣ него намъ осталось нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ и по разнымъ случаямъ; посланій сихъ и теперь хранится цѣлый сборникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и сверхъ того нѣсколько посланій имѣется въ разныхъ сборникахъ въ библіотекѣ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, и большой сборникъ поученій или словъ находится въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, къ которому мы теперь

---

12 Акт. Арх. Эксп., т. I, стр. 163.
13 Курб., Ист. Іоанна, стр. 42.

и обратимся; въ немъ мы ясно увидимъ, что митрополитъ Даніилъ въ своихъ поученіяхъ отзывался на всѣ современные ему вопросы, и внимательно смотрѣлъ за жизнію своихъ современниковъ, такъ что его поученія служатъ живымъ изображеніемъ многихъ обычаевъ Московскаго общества въ началѣ XVI вѣка. Даніилъ особенно сильно и настойчиво преслѣдовалъ вольнодумство и непокорность церковнымъ правиламъ; почти нѣтъ поученія, въ которомъ бы онъ не касался сего предмета; ясно, что это былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ недуговъ того времени. Уже *въ предисловіи* къ своему сборнику онъ пишетъ: «Служители слова духовніи отци должни суть подаати всѣмъ вся. и заблуждшихъ взыскати, и прелщенныхъ обращати, и немощныхъ врачевати. изнемогающихъ бо рече вѣрою пріемлите, да не звѣрми похищени будутъ, но да плоды принесутъ въ земли сердца ихъ.» Потомъ въ первомъ же своемъ словѣ: «*отъ свидѣтельства божественныхъ писаній, яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей*» прямо и ясно нападаетъ на современныхъ ему вольнодумцевъ и раціоналистовъ. Вотъ подлинныя слова его: «Якоже учителемъ такоже и ученикомъ нелѣпо есть плотскаа мудрованіа имѣти. Учителемъ бо творити же и учити по свидѣтельству божественныхъ писаній, яже суть божіа, а не человѣческаа. Сице же и ученикомъ глаголемаа отъ учителей по свидѣтельству святыхъ писаній яже суть божіа а не плотскаа хотѣніа. сихъ послушати и повиноватися а не прерѣковати, нижъ хотѣти плотскіа сласти свершати. и сихъ ради ити въ муку вѣчную. И ради сихъ всѣхъ молю васъ учащихъ же и учимыхъ, бѣгати плотскихъ мудрованій и безсловесныхъ стязаній. аще ли же о благословныхъ винахъ взысканіе нѣкое будетъ. тогда стя-

заніе и испытаніе въ любви божественнѣй и съ опаствомъ покажемъ не поносяще ни укоряюще другъ друга, но любовнѣ съвѣтующе и съвъпрашающеся. да взыскаемыя вещи разрѣшеніе пріимутъ, или о церковныхъ каковѣхъ любо и о догматѣхъ нѣкыихъ разпря. и елико такова или мала или велика. лѣпо есть тихо и кротко избирати истинаа разумѣніа и разсуженіа по свидѣтельству божественныхъ писаній и отеческихъ преданій, аще въ лучшаа приходятъ. Ащели же кто отъ святаго духа положенныа законы развращаетъ, и древніа отеческіа благыа обычаи отмѣщетъ и съвѣта благаго и ученіа не пріемлетъ. но вводя узаконеніа, якоже древніе еретицы отъ десно подкрадающе и погубляюще родъ человѣческый. къ таковымъ лучше есть мира отлучающаго насъ отъ Бога похвальнаа брань.» Или тамъ же далѣе пишетъ: «непремоудритися паче, еже подобаетъ моудрити, но моудрствовати въ цѣломоудріи, якожъ пріатъ святаа Церкви отъ Бога, и отъ святыхъ апостолъ и преподобныхъ отецъ ученіа и предапіа и законъ. Сіа моудрствовати и творити и хранити подобаетъ всѣмъ намъ». Это поученіе прямо мѣтитъ на современныхъ Даніилу вольнодумцевъ и нововводителей, подобныхъ старцу Вассіану. Въ словѣ *«яко нелѣпо есть враждовати другъ на друга»* Даніилъ такъ описываетъ тогдашнихъ вольнодумцевъ, не внимающихъ церковному ученію пастырей: «Егда же пастырь начнетъ ихъ учити глаголя. о чада, сице и сице творите, якоже повелѣваютъ намъ Христовы заповѣди, и прочая божественная писаніа. и они отвѣщаютъ глаголюще, преже себе научи: писано бо есть, начатъ Іисусъ творитиже таже учити: Иногдажъ глаголютъ до чего ти доучити насъ. а ты самъ по писанію ли житіе хранишн. а онъ а сей по писанію ли жительствуютъ. точію на насъ въоружился еси. а тѣхъ не ви-

диши ли. а себе забылъ ли еси о отче, отче како ти нѣсть срама. Учитель же пакы отъ божественнаго писаніа начнетъ учити. Они же възглаголютъ. о учитель нашь яко фарисей тщеславится. видиши ли како мнится. видиши ли како презорствуетъ. видиши ли како гордится. сіа же и симъ подобнаа и инаа тмами ничтожъ стыдящеся глаголютъ. тако обезсрамившу ихъ сатанѣ». Потомъ, въ томъ же словѣ, обращается къ пастырямъ и учителямъ. «Не отъ себе потщаваимся глаголати что, но отъ святыхъ писаній евангельскихъ заповѣдей и апостольскихъ и отъ священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, и особь блаженныхъ мужей, и отъ преданій житіа и обычая богоносныхъ отецъ. да ничтожъ странно и чюжде глаголемъ. но да любомудрствуимъ и глаголемъ и весь свой разумъ въ сихъ полагаемъ, ихъ же пріатъ отъ Бога и отъ святыхъ апостолъ и отъ преподобныхъ отецъ святаа и соборнаа апостольскаа церковь. и пріемъ намъ предаде.» А въ словѣ *о храненіи церковныхъ уставовъ* Даніилъ еще сильнѣе нападаетъ на тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые не уважаютъ церковныхъ уставовъ, или дружатся съ неуважающими: «Тыжъ видя и слыша неподобнаа глаголющихъ, и церковныа законы и уставы презирающихъ невъспрещаеши ни възущаеши и скверныхъ уста не заграждаеши. и не точію не въспрещаеши имъ, но и услажаешися о сихъ, и инѣхъ на сіе понужаеши. егда бо слышиши прочитаемо божественное писаніе, или кого глаголюща отъ божественныхъ писаній, затыкаеши яко аспидъ уши своа, помраченъ сый прелѣстію сатаны. и егда услышиши събирающихся въ божественную церковь на молитвы и моленіа отбѣгаеши яко звѣрь и пронырствуеши яко змій, и лаеши на братію яко песъ. и валяешися въ нечистотѣ, яко свиніа въ ти-

мѣніи. И егда срама ради внидеши въ божественную церковь, и не вѣси почто пришелъ еси, позевая и протязаяся и ногу на ногу поставляеши, и бедру въставляеши и потрясаеши и кривляешися яко похабный. О умѣ же твоемъ что и глаголати. ничтожъ обрѣсти въ тебѣ ни памяти грѣховъ ни памяти смерти и еже по смерти, и стоиши яко нечувственъ, не слушаа ни чтущихъ, ни поющихъ, считаеши лихвы богатство, управляеши домы, глаголеши о женѣ, о дѣтехъ, о рабѣхъ, и превозношаешися яко другый сатана, всяжъ человѣкы безумны и грѣшны глаголеши, точію себе разумна и премудра всѣмъ являеши». (Здѣсь, кажется, сочинитель прямо мѣтитъ на гордаго старца князя Вассіана, а можетъ быть и указываетъ, что много было подобныхъ Вассіану въ его время). Въ словѣ *о знаменіи честнаго креста* говоритъ о величающихся своими познаніями и презирающихъ учителей церкви. «Ты же свѣрѣпствуеши и скачеши акы разтерзати мя хотя, и глаголеши. вѣлѣ вѣмъ азъ сіа, еще же и сихъ множае, и новая и вѣтхаа. благо убо тебѣ подвижниче любомудрый, яже вѣси многа и вѣтхаа и новая, но мнѣ худому сіе не мало, еже недоумѣтельнаа възмощи обрѣсти, сіа обрѣтъ насыщаюсь, и инымъ даю». Въ словѣ *о въплощеніи Господа нашего Іисуса Христа,* обращаясь къ пасомымъ, говоритъ: «Пасомыхъ же дѣло есть, еже повиноватися въ всѣмъ пастырю о Господѣ, тыжъ пастыря презираеши и ни въ чтожъ полагаеши, не вѣси ли великіа власти пастырскіа, яже пріаша отъ владыки Христа, на земли и на небеси вязати и рѣшити.... вси убо купно внимаемъ и старіи и юніи, и раби и свободніи, въззримъ на будущаа, приготовимъ путешественаа, а другаа предпослемъ, да тамо пришедше готово обрящемъ, смерть близъ а конецъ безъ вѣсти.

Ты же реченнаа басни мниши, ибо нечувственъ еси, похабенъ еси. не вѣси ли еже слово се точію изглаголахомъ, уже колико претече живота нашего прелѣстнаго. не вѣси ли вчера глаголавшаго съ нами, и днесь въ гробъ отнесена. помысли колико при твоей памяти отыдоша на будущую жизнь, колико же до твоея памяти, и како ли нынѣ скоро текутъ другъ по друзѣ на вѣчное селеніе. ты же безсмертенъ ли мнишися быти, ибо здѣшнихъ ищеши паче будущихъ, не вѣмъ коего разума еси, тмы паче свѣта желая, възбуди око сердца твоего и прозри на будущая, и къ симъ простирайся весь и сихъ желай паче всѣхъ и преже всѣхъ. Възлюбимъ Господа нашего Іисуса Христа.... и не будемъ мудри о себѣ, но взыщемъ разума божественныхъ писаній. и не преступаимъ законы положенныа отъ святаго Духа, и шествуимъ по стопамъ блаженныхъ отецъ нашихъ, храняще заповѣди Христовы». Въ словѣ *о послушаніи властямъ* проповѣдникъ обращается и къ властителямъ, требуетъ, чтобы и они не щадили еретиковъ и лжеучителей. «Подобаетъ пріемшимъ отъ Бога таковое служеніе, яко Божіимъ слугамъ много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и съблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ, и не давати воли злотворящимъ человѣкомъ, ими же имя Божіе безчествуется. осужаеми бываютъ татіе и разбойници и прочіи злотворящіи человѣцы, пріемлютъ же казнь поправшеи и оплѣвавшеи образъ земного царя. и аще убо сіи и прочіи казнь пріемлютъ, множае паче хулящеи и безчествующеи сына Божія и Бога и пречистую Богородицу, но и съвершенною ненавистію възненавидити ихъ». Въ томъ же словѣ, обращаясь ко всѣмъ христіанамъ, прямо намекаетъ, что въ его время расположеніе къ нововведеніямъ еретическимъ сильно было развито въ

Русскомъ обществѣ, и что общество находилось внутренно въ движеніи и раздраженіи умовъ. Онъ говоритъ: «Въ наученіа странна и многоразлична не прилагайтеся. и блюдитеся отъ псовъ и злыхъ дѣлателей. сътворимъ добраа дѣла о Господѣ. каа сіи. покажемъ праведную ярость и божественную ревность. научимъ хулящаа не хулити имени Господня. не послушающаа же человѣколюбно врачуй, цѣли и исправляй. и ли еще не исправляется, паки накажи любовію и мудростію, тихо, кротко. съвратившихся съ праваго пути направи человѣколюбнѣ и милостивѣ. да и самъ милость отъ владыки Христа получиши въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Къ непріемлющимъ же врачеваніа по мнозѣмъ наказаніи и не въсхотѣвшимъ въ лучшее пріити въ конецъ. възревнуй ревностію божественною, дажъ и прочіи страхъ имутъ и отступятъ отъ сатаны и обратятся къ Господу Богу, да покаявшись поживутъ блаженное житіе. Буди ревнитель по Господѣ Бозѣ, не попусти еретикомъ хулити имени Христа Бога. помяни владыки твоего Христа человѣколюбіе. колико тебе ради сътвори..... и будущаа благаа тебѣ обѣща и царство небесное и съ ангелы житіе. а ты не хощеши злодѣйственнымъ еретикомъ хулящимъ его и пречистую матерь въспретити възустити устрашити. но и совокупляещися съ ними, и яси и піеши и покрываеши и заступаеши, и како христіанинъ наречешися. непрельщайся, ни какожъ наречешись христіанинъ, но паче лукавый бѣсъ и самый сатана. Ащели глаголеши, яко обращаю и въ покаяніе привожу, ей добро убо сіа, аще тако есть. обращай и въ покаяніе приводи: Ащели не пріемлютъ наказаніа по мнозѣмъ врачеваніи, аще не обращаются и въ познаніе истины къ Христу Богу не приходятъ, почто съ ними

совокупляешися, что ради имъ другъ бываеши, почто отъ нихъ не отступаеши».

Много бы свидѣтельствъ могли мы найти въ бесѣдахъ Даніила о томъ, что онъ постоянно преслѣдовалъ одну мысль, — искорененіе вольнодумства, которымъ, очевидно, было сильно заражено современное ему общество; но достаточно и приведенныхъ нами указаній, чтобы убѣдиться, какъ постоянно занимала проповѣдника мысль о томъ, чтобы обратить современниковъ къ покорности церкви и возбудить въ нихъ потребность обуздывать движенія неспокойнаго ума священнымъ писаніемъ, церковными правилами и ученіемъ святыхъ отцовъ. Таковое направленіе онъ оправдывалъ даже формою построенія своихъ поученій. Всѣ поученія его, построенныя по одному образцу, состоятъ изъ трехъ частей. *Въ первой части* онъ обыкновенно, вслѣдъ за текстомъ Св. Писанія, выводитъ изъ него тему проповѣди и развиваетъ ее иногда подробно и осязательно, а иногда коротко и сжато, но всегда мѣтко и живо; дѣлаетъ приложенія къ современной жизни общества. *Вторую часть*, самую обширную въ каждой проповѣди, составляютъ пространныя выписки изъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, церковныхъ правилъ и твореній святыхъ отцевъ; выписки сіи служатъ всегда основаніемъ и утвержденіемъ мыслей, развитыхъ въ первой части проповѣди, такъ что проповѣдникъ второю частію всегда повѣряетъ первую часть, и такимъ образомъ самымъ опытомъ свидѣтельствуетъ передъ слушателями или читателями, что высказанныя имъ мысли вполнѣ согласны съ священнымъ писаніемъ, правилами церкви и ученіемъ святыхъ отцовъ. *Третью часть* въ каждой проповѣди составляетъ заключеніе, которое Даніилъ постоянно называетъ *наказаніемъ*, и на

самомъ дѣлѣ третья часть у него почти всегда состоитъ изъ нравоученія и приложенія къ жизни мыслей, выведенныхъ изъ двухъ первыхъ частей; въ ней проповѣдникъ иногда съ большею подробностію развиваетъ свои мысли изложенныя въ первой части, ежели тамъ они были высказаны кратко.

Но, преслѣдуя постоянно одну мысль, преимущественно его занимавшую, Даніилъ, какъ мы уже сказали, не оставлялъ безъ вниманія и другихъ вопросовъ, на которые вызывало его современное общество своею жизнію. Онъ особенно сильно вооружается противъ современныхъ ему пороковъ, и говоритъ противъ нихъ съ силою и убѣжденіемъ, а самые пороки описываетъ не въ общихъ выраженіяхъ, но мѣтко и живо, какъ бы съ натуры; такъ что сіи мѣста его проповѣдей могутъ служить превосходнымъ историческимъ комментаріемъ на нѣкоторыя стороны тогдашней общественной жизни въ Москвѣ. Такъ напримѣръ проповѣдь изъ текста *«аще каа зла створимъ братіамъ нашимъ въ таажде впадемъ»* онъ начинаетъ прямо картиною тогдашняго быта богачей любителей пировъ. «Вчера и днесь повари въ поварню стекаются и сію украшаютъ и свиты измѣняютъ, и руцѣ простираютъ, и лысты укрѣпляютъ и ножи острятъ и дрова накладаютъ и огонь вжигаютъ и котлы ставятъ и сковрады и горнцы поставляютъ, къ насыщенію чрева пищу готовятъ. и сима наслажается и укрѣпляется тѣло. и потомъ къ истлѣнію сводится. точію внѣшнюю нашу жизнь съдержатъ брашна и питіа. и колико тщаніе и подвигъ имать пища и питіе. колико же злата и сребра на сіе изчезаетъ. и колики подвиги и поты и труды и болѣзни пріемлютъ чреворабoтницы. но сіа вся человѣческаа и плотскаа пристрастнаа сластолюбнаа мирскаа мудрость временнаа и суетная. и аще таково тщаніе

и учрежденіе имѣемъ о брашнахъ и питіахъ. множае паче подобаетъ намъ о духовныхъ всяко тщаніе и веліе пристояніе имѣти». Въ словѣ о томъ, *чтобы соблюдать обѣщаніе, данное при крещеніи, и евангельскія заповѣди*, Даніилъ между прочимъ свидѣтельствуетъ о страсти его современниковъ къ поединкамъ въ отмщеніе нанесенныхъ оскорбленій. «Господь всѣмъ христіанамъ заповѣда не противитися злу. но въ терпѣніи рече вашемъ стяжити души ваша, и апостолъ не себе отмщевающе возлюбленніи. ты же не точію симъ не повинуешися но ни слышати сихъ не хощеши. но себе отмщевая сваришися поля сътворяеши, убиваеши. и како христіанинъ нарицаешися, супротивнаа творя обѣщанію твоему еже во святѣмъ крещеніи». Въ томъ же словѣ описываетъ вкусъ къ сплетнямъ, нарядамъ и женоугодничеству въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ. «Апостолъ якоже вопіа рече, непрестанно молитеся. ты же непрестанно вся человѣки съблазняеши. якожъ самый тотъ сатана баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши, грохощеши, смѣешися, всякую кознь всякаа ухищреніа твориши смѣхотворнаа. да человѣкомъ, иже въ святѣмъ крещеніи отрѣкшимся сатаны и обѣщавшимся Христу Богу, бѣсовскаа ученіа приносиши. рци убо которыа законы христіанскіа твориши и храниши, а не паче діавольскіа. Велій подвигъ твориши угажаа блудницамъ, ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапогы велми червлены и малы зѣло, якоже и ногамъ твоимъ велику нужу терпѣти отъ тѣсноты и гнѣтеніа ихъ. сице блистаеши, сице скачеши, сице рыгаеши и рзаеши, уподобляся жребцу. Благому же обычаю простотѣ и кротости и смиренію, якоже боголюбцамъ обычай есть цѣломудренно и смиренно житіе, ни мало хощеши навыкнути, но яко блудницамъ

обычай есть, сицевъ нравъ твой уставляеши. власы же твоя не точію бритвою и съ плотію отъемлеши, но и щипцемъ изъ корени исторгати и щипати нестыдишись, женамъ позавидѣвъ мужеское свое лицо на женское претворяеши, или весь хощешь жена быти. о помраченіе сластей плотскихъ..... лице же твое много умываеши и натрываеши, ланиты червлены красны свѣтлы твориши. якоже нѣкаа брашна дивно сътворена на снѣдь готовишися. устнѣ же свѣтлы чисты и червлены зѣло дивно уставивъ, якоже нѣкіимъ женамъ обычай есть кознію нѣкоею ухищряти себѣ красоту. Сице же подобно имъ ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зѣло уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити: Апостолъ Павелъ заповѣдуя рече. вся въ славу Божію творите. ты же вся въ бѣсовскую славу твориши, позорища играніа плясаніа събираеши, и къ симъ паче течеши, неже къ божественнымъ церквамъ. и не точію се, но и въ домъ твой къ женѣ и къ дѣтемъ приводиши скомрахи плясци и сквернословцы». Въ словѣ *о еже что миръ и яже въ мирѣ* опять описываетъ наряды, и сверхъ того птичью и псовую охоту. «Каа тебѣ нужа сапогы шолкомъ шитыа носити, или каа ти нужа есть не точію выше мѣры умывати руцѣ, но и перстни златыа и сребреныа на персты твоя налагати. Кый ли же прибытокъ ти есть надъ птицами дни изнуряти, каа жъ ти нужа есть псовъ множество имѣти, каа жъ тебѣ похвала будетъ на позорища ходити, кое жъ ти любомудріе всуе претись». Въ томъ же словѣ онъ описываетъ молодыхъ развратныхъ людей того времени. «О юніи къ вамъ ми слово. не уподобляйтеся блуднымъ юношамъ, иже всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вящше женъ, умываніи различными и натираніи хитрыми.

умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею препоясаніи, о сапозѣхъ, о остриженіи главы, о повѣшеніи космъ, о налицаніи ока, и о киваніи главѣ, о уставленіи перстъ, о выставленіи ногъ, и инаа многаа понужаються творити.»

Митрополитъ Даніилъ, отзываясь на многіе вопросы современной ему жизни, не оставилъ безъ вниманія и вопроса о разводѣ и второмъ бракѣ, вѣроятно возбужденнаго въ тогдашнемъ обществѣ разводомъ и вторымъ бракомъ великаго князя Василья Ивановича; онъ на этотъ предметъ написалъ три поученія, въ которыхъ, строго держась церковныхъ правилъ, отрицаетъ разводъ и второй бракъ состоящимъ въ разводѣ, и не допускаетъ никакихъ случаевъ, по которымъ бы разводъ могъ быть законнымъ. Ясно, что во время Даніила было нѣсколько случаевъ, по которымъ требовали развода, ссылаясь на допущенный митрополитомъ разводъ великаго князя; и онъ вынужденъ былъ написать свои поученія о разводѣ и второмъ бракѣ, въ которыхъ доказалъ, что уступки противъ церковнаго закона по государственнымъ нуждамъ не могутъ служить примѣромъ для частныхъ лицъ. Изъ трехъ поученій о семъ предметѣ особенно замѣчательно второе, въ которомъ Даніилъ въ приступѣ и заключеніи, ни слова не говоря ни о разводѣ, ни о второмъ бракѣ, исключительное вниманіе обратилъ на то, чтобы прежде всего каждый заботился, дабы всякая вещь, и начинаніе, и дѣло, и слово было ради Бога и о Богѣ, и чтобы каждый любомудрствовалъ о душѣ и благочестіи, и что вредно и страшно учить и наказывать тому, что противно божественнымъ писаніямъ. Очевидно, что послѣ перваго поученія, въ которомъ рѣшительно отрицается разводъ, до митрополита дошли городскіе слухи и толки о

томъ, что онъ, дозволивши разводъ великому князю, теперь учитъ совершенно противному, и слѣдовательно двоедумничаетъ, противорѣчитъ самъ себѣ. Противъ сихъ-то толковъ и обвиненій и были устремлены приступъ и заключеніе втораго поученія. Здѣсь особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто, въ которомъ Даніилъ, нападая на злословіе и сплетни, между прочимъ ловко описываетъ разные пороки тогдашняго общества. «А еже щапити и дрочитись, и туне и всуе дни своя иждивати, зѣло губительно есть. Откуду бо многогубительныа расходы, и долги. не отъ гордости ли и безумныхъ проторовъ. и на жену и на дѣти кабалы, и поруки, и сиротство, и рыданіе, и мичаніе и слезы. Всегда наслаженіа, и упитѣніа, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе. всегда мысли и помыслы нечистыа. всегда праздность и безумнаа тасканіа, якоже нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ, дѣмонскимъ наученіемъ. Всякъ лѣнится учитися художеству. вси бѣгають рукодѣліа. вси щапятъ торгованіи. вси поношають земледѣлателемъ. вси отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей уклоняются. вси отъ духовныхъ бесѣдъ бѣгаютъ. вси плотская любятъ. всѣмъ грѣховнаа и беззаконная радостна. вси на земли хотятъ жити. вси по смерти житіа не памятствуютъ. вси красятся и упестряются, и поступающе хупаятся, и въ сихъ весь умъ свой изнуриша и уже и на небо не вѣмъ како взираютъ. вси кощунници, вси смѣхотворцы, вси злоглагольници, клеветници. Сіа же не ихъ осужая и поношая глаголю, но себе укаряя и осужая, и свою лѣность възущаа. и вамъ молюся вы моя радость, вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатьство. обуздаимъ любимицы языкъ, удержимъ несмысленная вѣщаніа, бѣжимъ тучныхъ трапезъ и піанства, бѣжимъ блудниць, и сіатель-

ныхъ лицъ и свѣтлости тѣла. чистотою и кротостію и смиреніемъ и любовію поживемъ, милостынею просвѣтимъ себе и другихъ».

Въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ поученій митрополита Даніила довольно ясно видны его пастырская дѣятельность въ дѣлѣ ученія и его постоянное вниманіе къ жизни своихъ современниковъ, а равно виденъ и его языкъ; но чтобы вѣрнѣе судить о семъ послѣднемъ предметѣ, я представляю здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ нѣсколько выраженій, можетъ быть не лишнихъ для исторіи языка, и цѣлое поученіе съ соблюденіемъ тогдашняго правописанія и пунктуаціи.

Замѣчательныя слова и выраженія въ поученіяхъ Даніила митрополита.

В.) Свое сладострастіе възоущаю. безчинныхъ невъзоустиша. Лѣнящюжеся к второму смертоносномоу. и къ смерти въсхлащающоуся, но еже не освободитись отъ настоящихъ бѣдъ.... Рабъ твой изыде на въин'ство брани.... Тѣмъ же възбните проповѣдайте слово.... Обою речь слыша, и ꙗко обрѣте многи таковыхъ вадьбы истинны соуща. принесе горящ8 свѣщ8, и ижже вся писаніа данныя емоу.

Д.) Разоумѣвъ же ꙗко скрылъ есть братъ женоу подъ делвою. шедъ сѣдѣ верхоу ея.

Е.) Отъ нихъ же бѣша манихеане, и прочіи ересници.... Проклинаю Аполлинаріа, и иже еговая моудрьствовавшихъ.... Но срѣтаемъ брата иного. и абіе глаголемъ емоу. еде что, и еде что бысть.

З.) Обличающихъ заоущаа и клеветниковъ обоуздаваа уста.... знатіе истиннаго пастыря.... Почто не ѕѣлаго ради сіаніа истины невъзмогъ разумѣти.... Каколи при Ели-

сѣи масло искипѣ отъ зда.... Въ малыхъ же нѣкіихъ ѕѣлни быша инѣмъ испытатели.

И.) Сіи же христоборци Армене поты его (т. е. выраженіе евангельское: «ıако капля кровавыя поты его текоуща) онъ Евангеліа искрептавше.... Изгибенію (смерти) предаде.

К.) Краста растлѣваетъ смѣшающихся недоугомъ съдержимыхъ.... Сице и крадба закономъ осоужается.... Самая любовь покрывала бы котороуюждо вещь.

Л.) Но лѣпы и строи братіи нашей покажемъ.... И безбожна показахъ и лжимаго Христа.... Бѣжи оупестреніа и ломленіа женскаго. Духъ истинный и доухъ льстечь.

Н.) Пороугаются, нахжгнаютъ, смѣются, ıако прелщеннымъ намъ.... Иже и тать настоино нарицается.... Рабомъ своимъ господемъ повиноватися бл҃гооугодномъ быти непрекоѓльникомъ.... Хоудая и неразоумная моя немованія пріемлете.... И сіе блаженный Іоаннъ имѣаше, еже не бездобь осоужати.... Той бо есть немощнѫа (немощенъ).

О.) Тѣмъ же и онѣхъ ѡшаатися повелѣ.... Остени имъ ıаже отъ себе моукоу рекъ.... ıако безъ правды бывшоу обидѣноу царскому градоу.... Изверженъ Діоскоръ бываетъ и проклятъ и въ оземствіе осоужается въ Асъ островъ.... Ожестиша лица своа ıако камень.... Отъ часа оубо онаго обгорсти мя бѣсъ, и не можахъ видѣти ни слышати гласа его.... Окраставѣхъ быхъ, ıакоже чешоуя пмый.

П.) Млекомъ питѣся.... И пришедъ порыноу ногою Флавіана.... И осязаноу емоу быти отъ нихъ, да всяко ихъже прежасаше невѣрованіе.... По еже падноути емоу лицемъ на ногоу Ангела.... Отъ нихъ же (отъ яствъ) имѣаше старецъ посмагъ. Прикрȣтьство соудіини ȣмякчиша.

Р.) И неисповѣдоущихъ въ реснотоу поистинѣ святоую Марію Богородицу.... ıакоже чинъ съдѣанныхъ ıав-

ляетъ добрѣ разлоучити начинъ отъ твоеа рети. егда нашимъ отвѣтомъ одержимъ.... Пристоупи и възстави и̓ и словесы, и дѣлы, и крѣпостію и раменьствомъ.

С.) Отъ негожъ начала и власти съодѣ вся.... И не глаголи ми стыдкаго сего слова.... Неможете и страхливы быти и братися.... И посла абіе съклетника своего, и призва черноризца, идѣже бѣ затворенъ.

Т.) Проклинаю Евтихіа оумовреднаго, и иже тоговая моудръствовавшихъ.... Нетоговѣмъ повелѣніе Цріе бываютъ.... Сію тоность (тонкость, остроуміе) не многи имоутъ.

У.) Оумерщвяа оуды, еже на земли.... Оупотскаа моудрованіа и смоущеніа и молвы.... Оуспиваютъ скверныа помыслы. Ѩко видъ нѣкоего оудавлѧющасѧ въ рѣцѣ (и часто повторяются подобныя выраженія, вмѣсто утопиться въ рѣкѣ, удавиться въ рѣкѣ; вмѣсто утопиться въ морѣ, удавиться въ морѣ).... Дѣти Іовови, праведни сȣще, оумиленоу смерть претерпѣша.... (Здѣсь умиленный, кажется, значитъ *напрасный*, нужный, насильственный).

Ш.) Досажаютъ, ложнаа шепераніа съживаютъ, клеветы стоудъ и пр.

Щ.) Възноситися и щапити и пиры съставляти.... Не питаніе и піанство и щапленіе и прохлаженіе.... Бѣгай щаповства бляднваго.

IV.

СВ. КИРИЛЛЪ, ЕПИСКОПЪ ТУРОВСКІЙ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

Ординарнаго Академика преосвященнаго Макарія, епископа Винницкаго.

Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей древней литературы, если не самое первое, какъ по достоинству своихъ произведеній, такъ по количеству ихъ и разнообразію. Между современниками и ближайшими потомками, онъ пользовался величайшею славою и народностію: древній жизнеописатель называетъ его вторымъ златословеснымъ учителемъ «паче всѣхъ» въ Россіи возсіявшимъ, и упоминаетъ о «множайшихъ» его сочиненіяхъ, которыя онъ предалъ церкви и которыми просвѣтилъ всѣ концы Россійскіе.[1] Въ рукописныхъ сборникахъ проповѣдей, начиная съ XIII вѣка, творенія св. Кирилла помѣщались на ряду съ твореніями знаменитѣйшихъ ораторовъ христіанскаго міра: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и потомъ читались въ церквахъ для поученія народа.

Новѣйшіе наши изслѣдователи и историки обратили справедливое вниманіе на произведенія святителя Туровскаго. Незабвенный Калайдовичь первый извлекъ изъ мрака библіотекъ и издалъ въ свѣтъ пятнадцать статей этого святителя въ «Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка», сообщивъ въ предисловіи свѣдѣнія, какъ о писателѣ, такъ и о достоинствѣ его писаній. Г. профессоръ Шевыревъ въ своей «Исторіи Русской словесности» еще глубже вникъ въ духъ его проповѣдей и подробнѣе опредѣлилъ характеръ его произведеній, представивъ анализъ трехъ изъ нихъ, болѣе замѣчательныхъ. Преосвященный Филаретъ въ «Исторіи Русской церкви» и г. профессоръ Соловьевъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» высказали, хотя краткія, но весьма меткія и основательныя замѣчанія о тѣхъ же произведеніяхъ. Другіе любители отечественной словесности стараются отыскивать и издавать въ свѣтъ новые списки твореній св. Кирилла Туровскаго (Ист. чтен. въ засѣд. II-го отд. Импер. Ак. Наукъ 1854 и 1855 г., стр. 137, 221), или даже новыя его творенія, доселѣ остававшіяся въ неизвѣстности (Приб. къ Твор. св. Отц. X, 341).

Довольно сдѣлано и дѣлается для изученія писаній нашего древняго знаменитаго витіи; но, безъ сомнѣнія, сдѣлано не все. Доселѣ мы знаемъ только печатныя сочиненія св. Кирилла, изданныя въ недавнее время; но они составляютъ едва половину всѣхъ его литературныхъ трудовъ, которыхъ остальная половина несправедливо предается забвенію. Эти печатныя сочиненія обыкновенно признаются всѣ подлинными и достовѣрными, тогда какъ между ними есть сомнительныя, недостовѣрныя. Доселѣ мы знакомы только съ общимъ характеромъ произведеній святителя Туровскаго, но мало зна-

комы съ ихъ подробностями и особенностями. А потому попытка—обозрѣть, по возможности, всѣ извѣстныя и доступныя намъ сочиненія св. Кирилла, какъ изданныя въ печати, такъ и неизданныя; опредѣлить, какія сочиненія его не дошли до насъ и какія несправедливо ему приписываются; показать частныя, отличительныя свойства подлинныхъ его сочиненій, эта попытка, мы думаемъ, не можетъ показаться излишнею.

Изъ подлинныхъ и достовѣрныхъ сочиненій св. Кирилла Туровскаго, до насъ дошли: I) девять Словъ, произнесенныхъ имъ во храмѣ предъ народомъ; II) три статьи, изложенныя въ формѣ посланій или наставленій къ инокамъ; III) болѣе двадцати молитвъ и канонъ молебный. Всѣ эти три рода подлинныхъ сочиненій святителя Туровскаго мы обозримъ въ особыхъ отдѣлахъ, а потомъ обратимъ вниманіе на сочиненія его затерянныя и сомнительныя или неподлинныя.

I.

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ словъ св. Кирилла находятся восемь на опредѣленные праздники и дни года, именно: а) въ недѣлю вайй, б) на св. Пасху, в) въ недѣлю Ѳомину, г) въ недѣлю о муроносицахъ, д) въ недѣлю о разслабленномъ, е) въ недѣлю о слѣпомъ, ж) на Вознесеніе Господне и з) на соборъ 318 св. отцевъ перваго вселенскаго собора, и одно слово, неприспособленное ни къ какому празднику и изложенное въ видѣ притчи о слѣпцѣ и хромцѣ[1]. Каждое изъ

[1] Всѣ эти слова помѣщены въ изданіи Калайдовича. Подлинность ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Первыя два слова приписываются св. Кириллу въ Сборникахъ: XIV в. (Опис. рук. Царскаго, стр. 344, М. 1848), XV в. (тамъ же 600), XVI в. (—137. 417. 671; Опис. рукоп. Толстов. стр. 52. 165). Слѣдующія за тѣмъ шесть словъ приписываются ему въ Сборникахъ: XIII в. (Опис. рук. Толстов. 4—5), XIV в. (Опис. рук. Царск. 344), XV в. (тамъ же 362. 660),

этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ, большею частію, выражена какая либо общая мысль, не всегда однакожь удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частію распространяетъ, нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной, драматической

XVI в. (—76. 139. 372. 382. 418. 672; Опис. рук. Толст. 52 — 57). Послѣднее слово, приписывается ему въ Сборникахъ XV в. («Зборница» Новг. Соф. библ., по стар. катал. № 94, л. 1; Истор. чтен. во II-мъ Отд. Импер. Ак. Наукъ въ 1854 и 1855 гг., стр. 138. 140), XVI в. (Оп. рук. Толстов. 215. 520) и XVII в (Оп. рук. Царск. 504). Во всѣхъ указанныхъ сборникахъ слова означены именами: *Кюрила мниха, Кюрила грѣшнаго мниха, Кюрила недостойнаго мниха, св. Кирила мниха, препод. отца Кирила мниха*, или: *блаженаго Кюрила, св. Кюрила епископа*, а иногда въ тѣхъ же самихъ рукописяхъ: *Кюрила епископа Туровьскаго, или Туровьска, св. Кюрила, епископа Турскаго.* Не льзя здѣсь не замѣтить, что въ Сборникѣ XIV в. Царскаго, гдѣ въ оглавленіи словъ стоитъ уже имя Кирилла епископа Туровскаго на ряду съ другими его именами, находится еще: «того же Кюрила наказанье», доселѣ неизвѣстное, которымъ, къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться (Опис. рук. Царск. 344). Кромѣ того за подлинность всѣхъ означенныхъ словъ, изъ которыхъ одни прямо подписаны именемъ Кирилла *Туровскаго*, а другія только именемъ Кирилла мниха или Кирилла епископа и под., ручается то, что всѣ они имѣютъ одинъ внутренній характеръ, одинъ слогъ, одни любимые обороты, одинъ тонъ, которые мы опредѣлимъ далѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ св. Кирилла Туровскаго вошли подъ его именемъ въ печатные сборники, изданные у насъ въ XVI и XVII вѣкѣ, и тамъ слово о слѣпцѣ и хромцѣ назначалось для чтенія въ церкви въ 5-ю недѣлю Великаго поста (*Калайд.* Пам. Росс. Слов. XII, предисл. стр. XXV—XX).

формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и не рѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова. Всѣ слова оканчиваются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ. Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія и даже прекрасныя, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и совершеннаго слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искуственности и изысканности, какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій,—слѣд. не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія. Перейдемъ къ частностямъ.

Приступъ перваго слова, т. е. въ недѣлю Ваій, вовсе не приспособленъ къ нему. Сначала проповѣдникъ изрекаетъ общую, довольно неопредѣленную, мысль: «Велики и древни сокровища, дивно и радостно откровеніе добраго и сильнаго богатства, неоскудѣваемы дары, подаваемые ближнимъ, искусны строители славнаго и весьма честнаго дома, обильны и переполнены многіе остатки царской трапезы, отъ которыхъ нищіе питаются пищею не гибнущею, но пребывающею въ животъ вѣчный». Вслѣдъ за тѣмъ святитель какъ бы поясняетъ свою мысль: «Слова евангельскія, которыя Христосъ многократно изрекалъ ради человѣческаго спасенія, суть пища душамъ нашимъ; Его славный и честный домъ—церковь имѣетъ искусныхъ строителей: патріарховъ, митро-

политовъ, епископовъ, игуменовъ, іереевъ и всѣхъ церковныхъ учителей, которые чрезъ чистую вѣру сдѣлались ближними Богу и благодатію Духа Святаго пріемлютъ различные дары ученія и исцѣленія, по мѣрѣ даянія Христова. Потому и мы, убогіе, взимая крупицы отъ остатковъ той же трапезы, наслаждаемся ими: ибо всякой рабъ своего господина хвалитъ». Послѣ этого сочинитель прямо переходитъ къ предмету слова: «а намъ, братіе, нынѣ радость и веселіе всему міру отъ наступившаго праздника, въ которомъ сбылись пророческія писанія по случаю совершеннаго нынѣ Христомъ знаменія». Изложеніе обстоятельствъ празднуемаго событія наполнено иносказательными толкованіями: «Нынѣ Христосъ отъ Виѳаніи входитъ въ Іерусалимъ, сѣдъ на жребя осле, да исполнится пророчество Захаріи о Немъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй, дщи Іерусалимля: се Царь Твой грядетъ Тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ и всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. 9, 9). Разумѣя сіе пророчество, мы веселимся: ибо души святыхъ называются дщерями горьняго Іерусалима, а жребя— это увѣровавшіе во Христа язычники, которыхъ онъ, пославъ апостоловъ, отрѣшилъ отъ лести діавола.... Нынѣ апостолы возложили на жребя ризы своя, и Христосъ сѣлъ верху ихъ: какое явленіе преславной тайны! Христіанскія добродѣтели суть ризы апостоловъ, которые своимъ ученіемъ сотворили благовѣрныхъ людей престоломъ Божіимъ и вмѣстилищемъ Св. Духа.... Нынѣ народы постилаютъ по пути Господу ризы своя, а другіе, ломая отъ деревъ вѣтви, полагаютъ на пути: добрый и правый путь для міродержителей и всѣхъ вельможъ есть Христосъ, которымъ, постилая его милостынею и незлобіемъ, удобно входятъ въ небесное цар-

ство; а ломающіе вѣтви отъ древа суть прочіе люди и грѣшники, которые, уравнивая путь свой сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ души, постомъ и молитвами, приходятъ къ Богу, изрекшему: *азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6). Нынѣ предыдущіе и послѣдующіе восклицаютъ: *осанна, Сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне!* Предыдущіе — суть пророки и апостолы: тѣ напередъ пророчествовали о пришествіи Христовомъ, а эти проповѣдали во всемъ мірѣ пришедшаго Бога отъ Бога и крестили во имя Его народы. Послѣдующіе — суть святители съ мучениками: одни крѣпко борятся за Христа съ еретиками и отрѣшаютъ ихъ, какъ враговъ, отъ церкви; другіе пострадали за имя Христово даже до крови и, считая все за уметы, текли вслѣдъ Его, чтобы содѣлаться причастниками Его страданій.... Нынѣ подвигся весь Іерусалимъ по случаю входа Господня: старцы шествовали быстро, да поклонятся Іисусу, какъ Богу; отроки текли скоро, да прославятъ Его за чудесное воскресеніе Лазаря; младенцы, какъ бы крылатые, парили вокругъ Іисуса и вопіяли: *осанна Сыну Давидову!..* Какое откровеніе таинъ и разрѣшеніе пророческихъ писаній! Подъ старцами разумѣются язычники: ибо они явились прежде Авраама и Израиля; тогда, будучи прельщены, они уклонились отъ Бога, а нынѣ поклоняются вѣрою Сыну Божію. Отроки знаменуютъ всечестный, любящій дѣвство, иноческій чинъ, непрестанно славящій Христа и творящій чудеса благодатію Божіею. Младенцы прообразовали всѣхъ христіанъ, которые ничего не испытываютъ о Христѣ, но, Имъ живя и за Него умирая, воздаютъ Ему обѣты и молитвы...». Сказавъ потомъ о скорби и смущеніи Анны, Каіафы и вообще священниковъ, которые не уразумѣли пророковъ, замышляли

злой совѣтъ противъ Іисуса и не хотѣли раздѣлить радости народа, проповѣдникъ продолжаетъ: «Нынѣ тварь веселится, будучи освобождаема отъ работы вражіей, а врата и вереи адскія потряслись и силы бѣсовскія ужаснулись. Нынѣ горы и холмы источаютъ сладость, юдоли и поля приносятъ плоды Богу... Горніе воспѣваютъ, а преисподніе рыдаютъ ...». И наконецъ обращается къ своимъ слушателямъ: «Посему, братіе, намъ подобаетъ, какъ людямъ Божіимъ, прославить возлюбившаго насъ Христа. Прійдите, поклонимся и припадемъ Ему, мысленно лобызая пречистыя ноги Его, подобно блудницѣ. Отстанемъ, подобно ей, отъ злыхъ дѣлъ; изліемъ, яко муро, на главу Его вѣру и любовь нашу. Изыдемъ любовію, подобно народамъ, во срѣтеніе Ему; сломимъ, какъ вѣтви, укрощеніе нашего гнѣва; постелемъ Ему, какъ ризы, наши добродѣтели; воскликнемъ молитвами и беззлобіемъ, какъ младенцы; предъидемъ Ему милостынями къ нищимъ; послѣдуемъ за Нимъ смиреніемъ и постомъ, бдѣніемъ и блаженнымъ покаяніемъ и не погубимъ труда сорокадневнаго поста, въ который мы подвизались, очищая себя отъ всякой скверны, да и въ нашъ Іерусалимъ внидетъ нынѣ Христосъ.... Уготовимъ, яко горницу, души наши смиреніемъ, да чрезъ причастіе внидетъ въ насъ Сынъ Божій и пасху сотворитъ со учениками своими.....» Вообще заключеніе—вполнѣ приличное слову и празднику, хотя нечуждое иносказаній.

Слово на св. Пасху начинается весьма естественно: «Нынѣ сугубая радость всѣмъ христіанамъ и веселіе міру неизрѣченное ради наступившаго праздника, вмѣсто скорби прежде бывшаго таинства.... Какая же была скорбь предшествовавшаго таинства? Предъ вчерашнимъ днемъ Господь нашъ І. Христосъ, какъ человѣкъ, былъ распинаемъ, а какъ Богъ,

помрачилъ солнце и преложилъ луну въ кровь, и тьма была по всей землѣ; какъ человѣкъ, возопивъ, испустилъ духъ, а какъ Богъ, потрясъ землею и распались камни; какъ человѣкъ былъ прободенъ въ ребра, а какъ Богъ раздралъ завѣсу древняго закона; какъ агнецъ, источилъ кровь съ водою и принесъ Собою жертву Богу Отцу за спасеніе міра..... Сошелъ Господь во адъ и попралъ бѣсовское царство крестомъ и умертвилъ смерть, и сѣдящіе во тьмѣ увидѣли свѣтъ..... Нынѣ же воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ, и души святыхъ отъ ада вселились на небеса. Потому двоякое и троякое имя имѣетъ настоящій праздникъ» После этого проповѣдникъ останавливается собственно на двухъ именахъ праздника: на имени Пасхи и на имени великаго дня. При раскрытіи первой мысли, онъ сначала объясняетъ, что — какъ ветхозавѣтная Пасха напоминала собою кровь закланныхъ агнцевъ, которою Іудеи помазали въ Египтѣ праги домовъ своихъ и тѣмъ спасли своихъ первенцевъ отъ смерти, такъ и новозавѣтная Пасха знаменуетъ кровь Агнца Божія Іисуса, закланнаго за спасеніе всего міра; а потомъ приглашаетъ своихъ слушателей причаститься животворящаго Тѣла и Крови сего Божественнаго Агнца. При раскрытіи второй мысли сначала говоритъ: «по истинѣ великъ день сей не потому, что бы онъ имѣлъ больше часовъ, но ради великихъ чудесъ, совершенныхъ Господомъ Іисусомъ». И какъ бы въ изъясненіе этихъ словъ излагаетъ, какъ жены мvроносицы, минувшей субботѣ, пришли рано заутра на гробъ Іисусовъ и увидѣли здѣсь двухъ ангеловъ, возвѣстившихъ имъ воскресеніе Господа (при чемъ въ уста ангеловъ влагается длинная рѣчь); какъ мvроносицы возвѣстили о томъ единонадесяти апостоламъ и апостолы не

повѣрили имъ; какъ Петръ и Іоаннъ, возставъ, текли ко гробу и Іоаннъ пришелъ скорѣе Петра, однакожь не вошелъ во гробъ, а Петръ, послѣ пришедшій, вошелъ (тутъ замѣчается, что Іоаннъ образовалъ собою ветхій законъ, который хотя чаялъ Христа, но, по пришествіи Его, не вошелъ въ вѣру Его; а Петръ представлялъ образъ новаго закона, который хотя пришелъ послѣ, но прежде увѣровалъ во Христа); какъ Господь явился двумъ ученикамъ своимъ, шедшимъ въ Еммаусъ и вразумилъ ихъ (при чемъ въ уста Спасителя влагается длинная рѣчь), и какъ эти два возвратились въ Іерусалимъ и возвѣстили прочимъ апостоламъ, яко во истину возсталъ Христосъ и явился имъ.... Заключеніе слова состоитъ изъ краткой молитвы: «А мы, братіе, видѣвъ воскресеніе Христово, поклонимся Ему и воскликнемъ: Ты еси Богъ нашъ и кромѣ Тебя иного не знаемъ. Человѣче видимый и Боже разумѣваемый! Вся земля да поклонится и да поетъ Тебѣ; помилуй насъ, Господи, вѣрующихъ въ Тебя; Тебѣ молимся, очисти грѣхи наша, отпусти долги душъ нашихъ.... Вчера съ разбойникомъ мы сраспинались Тебѣ, а нынѣ совоскресли съ Тобою; вчера съ Логгиномъ взывали: воистину Сынъ Божій еси Ты, а нынѣ съ ангелами говоримъ: воистину Христосъ воскресе; вчера съ Никодимомъ со креста снимали Тебя, нынѣ съ Магдалиною видимъ Тебя воскресшаго...» и проч.

Слово въ недѣлю новую или Ѳомину святитель начинаетъ такъ: «Для украшенія праздника церковь требуетъ великаго учителя и мудраго проповѣдника, а мы—нищи словомъ и мутны умомъ, и не имѣемъ огня Св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ. Впрочемъ любви ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи Воскресе-

нія Христова.» Въ послѣдующемъ изложеніи двѣ главныя части. Въ первой объясняется значеніе недѣли новой и артоса. Съ этою цѣлію проповѣдникъ, показавъ великіе плоды воскресенія Христова, которое праздновалось въ минувшую недѣлю, замѣчаетъ, что теперь царицею дней уже не суббота, а недѣля, въ которую воскресъ Господь, и что какъ Іудеямъ заповѣдалъ Богъ поновлять день избавленія ихъ отъ рабства Египетскаго, такъ и мы нынѣ поновляемъ день избавленія нашего отъ власти темныя, т. е. день воскресенія Христова; какъ Іудейскіе левиты несли изъ Египта по пустынѣ на главахъ своихъ опресноки, пока не перешли Чермнаго моря, и тогда, посвятивъ хлѣбъ Богу, раздѣлили его всѣмъ, и всѣ вкушавшіе бывали здравы и страшны врагамъ; такъ и мы, спасенные воскресшимъ Владыкою отъ работы мысленнаго Фараона-діавола, износимъ со дня воскресенія Христова священный хлѣбъ-артосъ въ продолженіе цѣлой недѣли, и наконецъ, посвятивъ сей хлѣбъ Богу, вкушаемъ отъ него и хранимъ его на здравіе тѣламъ и душамъ нашимъ. Потомъ снова и съ особенною подробностію изображаются великіе плоды воскресенія Христова и большею частію въ смыслѣ метафорическомъ. Напримѣръ: «Нынѣ небеса просвѣтились, совлекшись, какъ бы вретища, темныхъ облаковъ, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню: не видимыя небеса разумѣю, но разумныя, т. е. апостоловъ, которые, познавъ нынѣ на Сіонѣ явившагося имъ Господа, и забывъ всю печаль и скорбь, и осѣнившись Духомъ Святымъ, ясно проповѣдаютъ воскресеніе Христово..... Нынѣ луна, сошедши съ высшей ступени, большему свѣтилу честь отдаетъ: уже ветхій законъ съ субботами престалъ, и пророки отдаютъ честь закону Христову съ недѣлею..... Нынѣ красуется

весна, оживляя земное естество; бурные вѣтры, тихо повѣвая, благопріятствуютъ плодамъ, и земля, питая семена, раждаетъ зеленую траву: весна красная—это вѣра Христова, которая крещеніемъ возрождаетъ человѣческое естество; бурные вѣтры—грѣхопаденій помыслы, которые, чрезъ покаяніе претворившись въ добрые, приносятъ душеполезные плоды...» и такъ далѣе. Во второй части излагается евангельское сказаніе о явленіи воскресшаго Спасителя апостолу Ѳомѣ и ихъ бесѣда; но только рѣчи, какъ апостола Ѳомы, такъ особенно Спасителя слишкомъ длинны. Заключеніе слова почти такъ же кратко, какъ и приступъ: «Такъ, братіе, будемъ вѣровать во Христа Бога нашего; поклонимся Ему распеншемуся, прославимъ воскресшаго, повѣримъ явльшемуся апостоламъ, воспоемъ показавшаго ребра Свои Ѳомѣ, похвалимъ пришедшаго оживить насъ, исповѣдаемъ просвѣтившаго насъ, возвеличимъ подавшаго намъ обиліе всѣхъ благъ, познаемъ единого отъ Троицы Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, ему же слава со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно».

Слово въ недѣлю третью по Пасхѣ есть одно, если можно такъ выразиться, изъ самыхъ поэтическихъ. Сказавъ предварительно, что праздники Господни образуютъ собою какъ бы золотую цѣпь, украшенную жемчугомъ и многоцѣнными камнями, и упомянувъ о двухъ предшествовавшихъ праздникахъ—Пасхѣ и недѣлѣ новой, святитель выражается: «А нынѣ похвалимъ благообразнаго Іосифа съ мѵроносицами, послужившаго по распятіи тѣлу Христову.» Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ картина снятія со креста тѣла Христова. Іосифъ Аримаѳейскій, пораженный знаменіями, сопутствовавшими смерти Христовой, приходитъ во Іерусалимъ ко кресту Спасителя и видитъ здѣсь Пречистую Матерь Его съ однимъ

изъ учениковъ, которая со слезами взываетъ: «Тварь соболѣзнуетъ мнѣ, Сынъ мой, видя неправду Твоего умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и Творче тварей! Что нынѣ буду оплакивать: заушенія ли, или ударенія по ланитѣ, или заплеваніе пречистаго Твоего лица, которыя принялъ Ты отъ беззаконныхъ? Увы мнѣ, Сыне ...» и проч. Выслушавъ этотъ плачь Богоматери, весьма продолжительный, Іосифъ приближается къ ней и слышитъ отъ нея новыя слова: «Потрудись, благообразне, сходить къ беззаконному судіи Пилату и испроси у него позволенія снять со креста тѣло учителя своего, моего же Сына и Бога; подвигнись и предвари, причастниче Христову ученію, тайный апостоле, общниче Божію царствію!» и такъ далѣе—довольно продолжительно. Іосифъ приходитъ къ Пилату и произноситъ предъ нимъ весьма длинную рѣчь: «Дай мнѣ, о игемоне, тѣло страннаго онаго Іисуса, распятаго между двумя разбойниками, оклеветаннаго архіереями по зависти и поруганнаго отъ воиновъ безъ правды. Дай мнѣ тѣло онаго Іисуса, котораго книжники называли Сыномъ Божіимъ и фарисеи исповѣдывали царемъ. Дай мнѣ тѣло Того, котораго собственный ученикъ предалъ жрецамъ лестію за сребро и о которомъ пророкъ Захарія, провидя, написалъ: *дадите ми цѣну мою, или отрецытеся* (11, 12)....» и проч. и проч. Пилатъ, съ изумленіемъ выслушавъ Іосифа и узнавъ, что Іисусъ уже умеръ, повелѣлъ отдать тѣло Его Іосифу. Іосифъ, приступивъ къ снятію со креста пречистаго тѣла, взываетъ: «Солнце незаходимое, Христе, Творче всѣхъ и Господи тварей! какъ я коснуся пречистому тѣлу Твоему, когда Тебѣ не прикасаются сами силы небесныя, со страхомъ служащія Тебѣ? Какими плащаницами обвію Тебя, покрывающаго землю мглою и небо

облаками? или какое благовоніе возлію на твое св. Тѣло, когда цари Персидскіе, принесши Тебѣ дары съ благовоніями, поклонялись Тебѣ, какъ Богу, прообразуя Твое за весь міръ умерщвленіе?...» и проч. и проч. Наконецъ Іосифъ вмѣстѣ съ Никодимомъ погребаютъ тѣло Іисусово. Послѣ этой картины открывается новая, менѣе сложная, представляющая путешествіе св. женъ мироносицъ ко гробу Христову и длинную, весьма длинную рѣчь ангела къ мироносицамъ, котораго онѣ увидѣли при гробѣ Господнемъ. Въ остальной части слова содержится обширная похвала Іосифу («Блаженъ еси, по истинѣ преславный и досточудный Іосифе, сподобившійся толикаго блага и великаго богатства на земли и на небеси...» и такъ далѣе), оканчивающаяся краткою молитвою къ нему.

«Неизмѣрима небесная высота, неиспытана преисподняя глубина, недовѣдомо таинство Божія смотрѣнія о насъ,— такъ начинается слово въ недѣлю четвертую по Пасхѣ,— ибо велика и неизреченна милость Божія къ роду человѣческому, которою мы спасены. Потому мы должны, братіе, хвалить и пѣть и прославлять Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, исповѣдуя Его великія чудеса, какія совершилъ Онъ, неисповѣдимыя ни ангеламъ, ни человѣкамъ. Нынѣ же побесѣдуемъ о разслабленномъ, котораго нынѣ самъ Богъ воспомянулъ, и призрѣлъ и помиловалъ.....» Въ словѣ передается извѣстная евангельская исторія объ изцѣленіи разслабленнаго, только передается въ видѣ распространенномъ; особенно обширны рѣчи разслабленнаго къ Спасителю и Спасителя къ разслабленному, потомъ рѣчь изцѣленнаго разслабленнаго къ Іудеямъ и другая рѣчь Господа Іисуса къ изцѣленному. Въ заключеніе — обращеніе къ слушателямъ: «И

мы, братіе, прославимъ І. Христа, Бога нашего, изцѣлившаго насъ отъ недуговъ грѣховныхъ, и припадемъ къ Нему вѣрою, говоря: не помяни прежнихъ беззаконій нашихъ и очисти нынѣшнія согрѣшенія. Ибо Ты еси Богъ всѣхъ, небесныхъ и земныхъ, Творче ангеловъ, Царь всего міра, Владыко архангеловъ, Содѣтель херувимовъ, украситель серафимовъ! помилуй насъ, на Тя уповающихъ, да спасени Тобою, славимъ Тя со Отцемъ и съПресв. Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки.»

Слово вь недѣлю о слѣпцѣ, по составу своему очень похоже на предыдущее. Почти такой же приступъ: «Милость Божію и человѣколюбіе Господа нашего І, Христа, благодать же св. Духа, дарованную обильно человѣческому роду, проповѣдую вамъ, братіе, добрые, христолюбивые послушники, чада церкви, сыны свѣта и причастники царства небеснаго! Не отъ своего сердца изношу сіи слова, но творимъ повѣсть, взимая изъ нынѣчтеннаго евангелія Іоанна Богослова, бывшаго самовидца чудесъ Христовыхъ.» Далѣе подробно разсказывается евангельская повѣсть объ изцѣленіи слѣпорожденнаго со всѣми обстоятельствами предшествовавшими и послѣдующими, по мѣстамъ показывается переносный смыслъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и въ уста слѣпца и Іудеевъ влагаются обширныя рѣчи. Слово оканчивается краткою похвалою слѣпцу, какъ прозрѣвшему не только тѣлесными очами, но и душевными, содѣлавшемуся проповѣдникомъ Сына Божія и удостоившемуся на небеси вѣнца апостольскаго.

Слово на Вознесеніе Господне болѣе всѣхъ другихъ словъ святителя Туровскаго запечатлѣно игривою фантазіею и нечуждо произвольныхъ предположеній. Въ самомъ началѣ онъ взываетъ къ пророку Захаріи: «Пріиди нынѣ духомъ, священный пророче Захаріе, дай начатокъ нашему слову отъ

твоихъ прорицаній о вознесеніи на небеса Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Ибо ты не въ притчѣ, а ясно показалъ намъ это, говоря: *и изыдетъ Господь и ополчится.... и станутъ позѣ его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на востокъ* (Зах. 14, 3. 4.). Желаемъ и прочее увѣдать отъ тебя; а о брани, бывшей на общаго врага діавола, мы знаемъ отъ Исаіи, видѣвшаго серафимовъ.» Сказавъ потомъ о крестной смерти Спасителя, о Его побѣдѣ надъ адомъ, объ освобожденіи изъ ада человѣческихъ душъ, о возведеніи ихъ въ разныя мѣста высшихъ обителей, однихъ въ рай, другихъ въ едемъ, третьихъ въ жилище Авраама и проч., гдѣ онѣ должны пребывать до будущаго, послѣдняго мздовоздаянія, о возведеніи собственно на небеса однихъ только пророковъ и праведниковъ, святитель обращается къ слушателямъ и вѣщаетъ: «пойдемъ и мы нынѣ, братіе, на гору Елеонскую и мысленно посмотримъ на совершившіяся тамъ преславныя событія. На ту гору пришелъ нынѣ самъ Господь Богъ нашъ и тамъ собрались чины всѣхъ святыхъ (?): соборы праотцевъ, множество патріарховъ, полки пророческіе, лики апостольскіе и толпы вѣрныхъ съ семидесятью учениками Христовыми(?)... Тамъ же нынѣ ангельскія силы и архангельскія воинства: одни крилами вѣтреными приносятъ облака для взятія отъ земли Христа, Бога нашего, другіе готовятъ херувимскій престолъ. Богъ Отецъ ждетъ Того, Кого отъ вѣка имѣлъ въ лонѣ Своемъ; Духъ же Святый повелѣваетъ всѣмъ ангеламъ; возмите врата небесная, да внидетъ Царь славы. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да удостоятся они благословенія отъ своего Творца, возносимаго съ плотію на облакахъ сквозь небесныя врата; земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, и вся

тварь красуется, будучи просвѣщаема отъ горы Елеонской, гдѣ совокупились ангелы вмѣстѣ съ апостолами, ожидая вознесенія Господня.... Ангелы призываютъ всѣхъ, говоря: *воскликните Богу вся земля, пойте же имени Его* (Пс. 65, 2). Патріархи начинаютъ пѣснь: се Богъ нашъ возносится, совокупивъ обое во едино, земная съ небесными. Преподобные возглашаютъ: *вознесися на небеса, Боже, по всей земли слава Твоя* (Пс. 56, 6). Праведницы велегласно вопіютъ: *вознесися, Судяй земли* (93, 2), да и мы въ свѣтѣ лица Твоего пойдемъ. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные гласы, взываетъ: *вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія*, да *взыдетъ Богъ въ восклικновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Пс. 46, 2. 6). Всѣхъ же гласъ оканчиваетъ Павелъ (?), говоря: *кто взыдетъ на небо, сирѣчь Христа свести, или кто снидетъ въ бездну, сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести? Но той есть сшедый и паки возшедый превыше всѣхъ небесъ* (Рим. 10, 7; Еф. 4, 10)...» Все это происходило на Елеонѣ еще предъ вознесеніемъ Христа на небеса. Но вотъ Онъ, благословивъ апостоловъ, начинаетъ возноситься на небеса, неся съ Собою въ даръ своему Отцу человѣческія души. Впереди Христа текутъ ангельскія силы со страхомъ и радостію, желая отверсть небесныя врата; но вратари небесные возбраняютъ имъ, пока не узнаютъ отъ ангеловъ, что возносящійся есть вочеловѣчившійся Сынъ Божій. Тогда и Христосъ возгласилъ: отверзите мнѣ врата правды, да возшедъ возвѣщу Отцу Моему, что содѣлалъ Я на землѣ и какъ пострадалъ. Познавъ гласъ Господа всѣ силы небесныя поклонились Ему. Духъ Святый, изшедъ во срѣтеніе Ему, вводитъ равнаго Себѣ Сына Божія и повелѣ-

ваетъ: да поклонятся Ему вси ангелы Божіи. Самъ Отецъ небесный возгласилъ къ грядущему во плоти: Сынъ Мой еси Ты, сѣди одесную Мене, —и, посадивъ Его на престолѣ, вѣнчалъ славою и честію и помазалъ помазаніемъ Божія существа. Заключеніе слова соотвѣтствуетъ торжеству: «Потому и мы, братіе, пріидите—возрадуемся Господу, вознесшемуся на небеса; поклонимся сѣдящему одесную Отца, помолимся пріявшему всякую власть на небеси и на земли, принесемъ въ даръ вѣру царствующему со Отцемъ, не явимся предъ Нимъ тщи въ день праздника, да пріимемъ Божію благодать. Ибо нынѣ Христосъ всѣмъ раздаетъ свои дары: Отцу даетъ принесенную имъ въ жертву плоть, апостоламъ посылаетъ Св. Духа, души св. пророковъ вводитъ въ небесное царство, угодникамъ своимъ раздѣляетъ обители горьняго града, праведникамъ отверзаетъ рай, страдавшихъ за Него мучениковъ вѣнчаетъ, святителямъ даетъ душеполезныя прошенія, благовѣрнымъ князьямъ нашимъ посылаетъ здравіе тѣлесное и душевное и одолѣніе на враги.... Пріидемъ и мы, братіе, во св. церковь; возвеличимъ Христа Бога нашего; вознесемъ имя Его вкупѣ, да низпошлетъ и намъ своего Пресв. Духа...»

Слово на соборъ 318 св. отцевъ начинается слѣд. образомъ: «Если историки и витіи приклоняютъ слухъ свой къ бывшимъ между царями ратямъ и ополченіямъ, чтобы возвеличить мужественныхъ воиновъ, крѣпко стоявшихъ за своего царя, и увѣнчать ихъ славою: не тѣмъ ли болѣе прилично намъ приложить хвалу къ хвалѣ храбрымъ и великимъ воеводамъ Божіимъ, крѣпко подвизавшимся по Сынѣ Божіемъ, своемъ царѣ и Господѣ нашемъ І. Христѣ?.... Но молю вашу любовь, братіе, не зазрите моей грубости: я ничего не пишу здѣсь отъ своего ума, но прошу у Бога дара слова на

прославленіе св. Троицы.....» Въ слѣдующемъ за тѣмъ изложеніи слова двѣ части. Въ первой части повѣствуется о происхожденіи ереси Аріевой, о созваніи перваго вселенскаго собора, о томъ, какъ происходило дѣло на соборѣ, что говорилъ Арій и какъ доказывали противъ него божество Сына на основаніи писаній апостольскихъ и пророческихъ отцы собора (рѣчь весьма длинная), какъ Арій осужденъ, сосланъ въ заточеніе и погибъ лютою смертію наконецъ исчисляются по именамъ нѣкоторые отцы собора. Вторую часть составляетъ похвала св. отцамъ перваго вселенскаго собора, соединенная съ молитвою къ нимъ: «О богоблаженные отцы, вѣрные правители правовѣрныя вѣры, недремлющіе стражи св. церкви, за которую вели вы брань даже до крови противъ враговъ....., добрые пастыри Христова стада, за которое положили вы и души свои! О блаженные святители, добрые дѣлатели богонасажденнаго винограда!.. Вы есте рѣки разумнаго рая, напоившіе весь міръ ученіемъ спасенія и омывшіе грѣховную скверну струями вашихъ наставленій. Земные ангелы, присно предстоящіе престолу Божію!.. Просите мира всему міру и благовѣрнымъ князьямъ нашимъ тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія..... О богоблаженные наши учители, свѣтильники міра, наставники заблудшихъ, безмездные врачи...» и проч. и проч. Краткою молитвою къ тѣмъ же отцамъ и оканчивается настоящее слово.

Приступъ послѣдняго слова св. Кирилла о слѣпомъ и хромомъ составленъ такъ, что могъ бы идти и ко всякому другому церковному поученію. Здѣсь витія возбуждаетъ своихъ слушателей къ чтенію св. Писанія: «Хорошо, братіе, и весьма полезно разумѣть ученіе божественныхъ писаній. Ибо оно и душу содѣлываетъ цѣломудренною, и усмиряетъ умъ,

и сердце изощряетъ къ добродѣтели, и мысли возводитъ на небеса къ обѣтованіямъ Владыки, и приводитъ къ духовнымъ трудамъ, и избавляетъ отъ житейскихъ печалей свѣта сего. Потому молю васъ, постарайтесь прилежно читать святыя книги, да насладившись словесъ Божіихъ, стяжаете желаніе и неизреченныхъ благъ будущаго вѣка..... Но не будемъ говорить отъ себя своимъ ненаученнымъ языкомъ, а, взимая отъ божественныхъ писаній, станемъ бесѣдовать евангельскими словами.» Послѣ этого непосредственно проповѣдникъ излагаетъ притчу, которая однакожъ заимствована не изъ божественныхъ писаній, кромѣ нѣсколькихъ начальныхъ словъ: «Былъ нѣкто, говоритъ онъ, человѣкъ домовитый, который насадилъ виноградъ, оградилъ его стѣною, ископалъ въ немъ точило, сотворилъ ворота, но не затворилъ ихъ. Отходя въ домъ свой, онъ разсуждалъ: кого оставить стражемъ моему винограду? Если оставлю изъ служащихъ мнѣ рабовъ: то, зная мою кротость, истребятъ мои блага. Лучше поступлю такъ: приставлю ко вратамъ хромца и слѣпца. Если кто изъ враговъ моихъ захочетъ обокрасть мой виноградникъ: то хромецъ увидитъ, а слѣпецъ услышитъ. Если же кто изъ нихъ самихъ захочетъ войти въ виноградникъ, то хромецъ не имѣя ноги, не можетъ войди, а слѣпецъ, если и пойдетъ, заблудится и впадетъ въ пропасть. И, посадивъ ихъ у воротъ, поручилъ имъ охранять виноградникъ, снабдилъ ихъ въ довольствѣ пищею и одеждою, запретилъ только касаться самаго винограда. Потомъ отошелъ, предваривъ о времени своего возвращенія и обѣщавшись воздать тогда мзду за вѣрную службу и наказать за нарушеніе заповѣди. Посидѣли они нѣсколько времени и вотъ слѣпецъ сказалъ хромому: Что это за благоуханіе вѣетъ на меня отъ воротъ? Хромецъ отвѣчалъ:

Тамъ у господина нашего много благъ, которыя имѣютъ неизреченную сладость для вкуса; но такъ какъ господинъ нашъ премудръ, то и посадилъ здѣсь тебя—слѣпца и меня хромаго, что бы мы не могли дойти до нихъ и насытиться ими. Слѣпецъ замѣтилъ: Да что ты не сказалъ объ этомъ прежде? Пусть я слѣпъ; но имѣю ноги и силенъ, могу носить тебя. Садись на меня, я понесу тебя; а ты указывай мнѣ путь и мы насладимся благами господина. Когда онъ придетъ и спроситъ меня о татьбѣ,—я скажу: ты знаешь, господине, я слѣпъ. Если тебя спроситъ, отвѣчай: я хромъ и не могу войди туда. Такъ они и поступили: хромецъ сѣлъ на слѣпца и вмѣстѣ обокрали виноградникъ. Услышавъ объ этомъ господинъ, повелѣлъ обоихъ удалить отъ виноградника, и, разлучивъ ихъ, потребовалъ къ себѣ сначала слѣпца на испытаніе. Слѣпецъ отвѣчалъ, что онъ, какъ слѣпой, не могъ самъ обокрасть виноградника, да и не слышалъ, чтобы кто извнѣ приходилъ для кражи, а вѣроятно это сдѣлалъ хромецъ. Тогда господинъ повелѣлъ блюсти слѣпца въ особомъ мѣстѣ, пока не придетъ онъ снова къ винограду своему и не позоветъ на судъ слѣпца и хромца вмѣстѣ. Когда дѣйствительно господинъ пришелъ собрать плоды отъ винограда своего и увидѣлъ, что все расхищено: тогда поставилъ предъ собою обоихъ стражей вмѣстѣ, и они начали обличать другъ друга. Хромецъ говорилъ слѣпцу: если бы ты не носилъ меня, я не могъ бы войти въ виноградникъ для кражи. А слѣпецъ отвѣчалъ: если бы не ты указывалъ мнѣ путь, и я не могъ бы этого сдѣлать. Тогда господинъ сѣлъ на судномъ престолѣ, началъ судить ихъ и сказалъ: какъ вы крали вмѣстѣ, такъ и теперь пусть сядетъ хромецъ на слѣпца. И за тѣмъ повелѣлъ обоихъ ихъ немилостиво казнить предъ всѣми своими рабами

и мучить въ темницѣ кромѣшней, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.» Эту притчу святитель передаетъ своимъ слушателямъ не всю разомъ, а по частямъ, и послѣ каждой части дѣлаетъ обширныя на нее толкованія, сущность которыхъ наконецъ выражаетъ кратко въ слѣдующемъ заключеніи: «Разумѣйте, братіе, смыслъ предложенной притчи: человѣкъ домовитый есть Богъ Отецъ, Творецъ всего, у котораго единородный Сынъ—Господь нашъ І. Христосъ; виноградникъ—это земля и міръ; оплотъ—это законъ Божій и заповѣди; слуги господина—ангелы, хромецъ—тѣло человѣка, а слѣпецъ—душа его; ихъ посадилъ господинъ у вратъ: это значитъ, что человѣку предалъ Богъ во власть всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Когда человѣкъ преступилъ повелѣніе Божіе, тогда тѣло и душа его осуждены на смерть и разлученіе. Первая приводится къ Богу душа и отпирается, говоря: не я, Господи, согрѣшила, но тѣло. И потому нѣтъ (полнаго) мученія душамъ до втораго пришествія Господня, но онѣ блюдутся, пока не пріидетъ Господь обновить землю и воскресить мертвыхъ. Тогда души наши снова войдутъ въ свои тѣла и вмѣстѣ пріимутъ воздаяніе по дѣламъ своимъ: праведники отыдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники въ безконечную муку.»

Оканчивая здѣсь обзоръ извѣстныхъ намъ словъ святителя Туровскаго, не излишнимъ считаемъ присовокупить, что всѣ они по объему своему довольно велики, а нѣкоторыя, особенно послѣднее слово, могутъ быть названы даже обширными. Потому не удивительно, если слова эти издавна были сокращаемы, чтобы удобнѣе произносить ихъ въ церкви предъ народомъ. Такъ еще въ Прологѣ XIII—XIV вѣка, встрѣчается въ сокращеніи и безъ имени автора слово о слѣпцѣ и хромцѣ, а въ Сборникѣ XIV—XV в.—слово на соборъ 318 св.

отцевъ[2]. Помѣщая проповѣди нашего витіи на ряду съ поученіями древнихъ знаменитыхъ отцевъ церкви, составители сборниковъ или переписчики иногда, по ошибкѣ, приписывали эти проповѣди кому либо изъ самихъ отцовъ: по крайней мѣрѣ, можно указать на слово въ недѣлю ваій, которое въ одномъ сборникѣ приписано св. Кириллу Іерусалимскому, а въ другомъ—св. Іоанну Златоусту[3].

II.

Сочиненія св. Кирилла, обращенныя къ инокамъ, имѣютъ предметомъ своимъ иноческую жизнь—ея значеніе и благоустроеніе. И потому характеръ ихъ двоякій: символическій и преимущественно нравственно-аскетическій. Мысли о значеніи иночества въ его разныхъ видахъ, о значеніи иноческихъ обѣтовъ и одеждъ святитель выражаетъ въ своей любимой формѣ: въ формѣ притчи и прообразованій, которыя сопровождаетъ толкованіями. Нравственныя наставленія касательно иночества запечатлѣны зрѣлостію и опытностію высокаго подвижника. Въ изложеніи замѣтно здѣсь менѣе витіеватости и искуственности, чѣмъ въ проповѣдяхъ, и тонъ болѣе ровный и спокойный.

---

2 Прологъ Новгор. Соф. библ. въ листъ, на 132 лист. безъ №. Здѣсь слово о слѣпцѣ и хромцѣ помѣщено подъ 28 числомъ сентября, л. 12 наобор. и озаглавлено: «Притча о тѣлѣ человѣцьстѣ и о души, и о воскресении мертвыхъ». Впрочемъ эта притча могла существовать въ Прологѣ и до Кирилла Туровскаго, и онъ, можетъ быть, взялъ ее изъ Пролога готовую и только подробно изъяснилъ въ своемъ словѣ: такъ какъ въ приступѣ слова онъ и обѣщается говорить не отъ себя, а отъ божественныхъ писаній.... Слово на соборъ 318 св. Отцевъ — въ Сборн. той же библ. въ листъ, № 578, л. 217.

3 Святому Кириллу Іерусалимскому—въ Сборн. XVII в. (Описан. рукоп. Царскаго 274), св. Златоусту — въ Сборникѣ XVI в. (моей библіот. № 65. л. 144).

Первое изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Сказаніе о черноризьчьстѣмъ чину отъ вътхаго закона и новаго», написано къ какому-то опредѣленному иноку, судя по обращеніямъ въ концѣ, но равно относится и ко всѣмъ инокамъ[4]. Во всей первой, самой обширной части, святитель преподаетъ иноку наставленія, примѣнительно къ разнымъ прообразовательнымъ событіямъ церкви ветхозаветной, особенно послѣ изшествія Израильтянъ изъ Египта: «Внимай своему образу и житію, мнише[1]. Подобно ветхозавѣтнымъ агнцамъ, какіе закалались въ пустынѣ на Пасху, ты принесъ себя въ жертву Богу. Будь же, подобно этимъ агнцамъ, безъ порока, безъ недостатка (Лев. 22, 22)..... По ветхому закону вольный обѣтъ, великій и малый, долженъ быть приносимъ Богу отъ чистаго сердца: да не будетъ и въ твоихъ мысляхъ порочнаго колебанія. Ты какъ свѣча: воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей, а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты какъ одежда: знай себя до тѣхъ поръ, пока не возмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; а по принятіи монашескаго образа всего себя отдай въ послушаніе и не скрывай въ себѣ нималаго своевольства. Не будь нерадивъ къ своему обѣту, что бы не сбылось на тебѣ слово писанія: лучше бы не познать пути правды, нежели познавъ, уклониться отъ него (2 Петр. 2, 21). Богъ сказалъ Моусею: изведи изъ Египта люди моя,

---

[4] Еще въ кормчей XIII в. сказаніе о черноризскомъ чинѣ помѣщено подъ именемъ: «Кюрила епископа Туровьскаго» (см. снимокъ съ этого заглавія въ Пам. Росс. Слов. XII в. и Карамз. И. Г. Р. III, примѣч. 29). Слѣд. подлинность сказанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Не упоминаемъ о позднѣйшихъ спискахъ (Опис. рук. Царск. 175. 443; Толст. 215; Рум. Муз. 287).

Израиля.... Израильтяне поспѣшно вышли и Египта и взяли съ собою кости Іосифовы; перешедши чрезъ Чермное море, они безъ труда питались манною, а ризы на нихъ сохранялись старыя, пока не пришли они къ Синайской горѣ..... А ты, братъ, желая послѣдовать Христу, ведущему тебя на небо, помышляй въ умѣ своемъ, для чего удалился ты изъ міра, мысленнаго Египта. Если пожелаетъ и старецъ и больной, близкій къ смерти,—надлежитъ постричь его въ иночество: это кости Іосифовы, которыя принесли Евреи въ землю обѣтованную. Перейди море вѣрою, т. е. забудь дѣла житейскія и, какъ манну, принимай отъ руки келаря хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился. Не люби богатой и мягкой одежды, но сохраняй старую разными заплатами, пока не дойдешь до горы боголюбезныхъ добродѣтелей...» и проч. и проч. Во второй части святитель изъясняетъ значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ: съ этою цѣлью онъ разсматриваетъ священныя одежды первосвященника Аарона примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ и слѣдствіямъ паденія Адамова и показываетъ соотвѣтствующія имъ по знаменованію одежды иноческія, потомъ перебираетъ обстоятельства страданій Христовыхъ и такъ же показываетъ соотвѣтствіе имъ въ одеждахъ и обѣтахъ иноческихъ. Эта часть вообще довольно хитрая и трудная къ уразумѣнію. Въ третьей, кратчайшей части св. отецъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ иноки называются носящими образъ ангельскій. Здѣсь, говоритъ онъ, подъ именемъ ангеловъ разумѣются не духи безплотные, а преподобные мужи ветхаго и новаго завѣта, благоугодно въ тѣлесной чистотѣ послужившіе Богу,—и въ подтвержденіе своей мысли приводитъ примѣры изъ свящ. Писанія, гдѣ имя ангеловъ усвояется людямъ. Наконецъ въ заключеніи слова обра-

щается съ наставленіями къ иноку: «вотъ и ты, о иноче, избралъ для себя ангельское, священное и чистое житіе; держись же его не на словахъ только, но укрась и добродѣтелію. Ты носишь на себѣ весь образъ священныхъ ризъ Аароновыхъ, обложивъ себя грѣхами преступленія Адамова: постарайся чрезъ терпѣніе Христово содѣлаться Сыномъ Божіимъ... Твердо подвизайся, переноси мужественно всякія скорби, ревнуя мученикамъ пролившимъ кровь свою за Христа, да и ты будешь наслѣдникомъ части преподобныхъ, ангельскаго вѣнца и небеснаго царства. Я говорилъ тебѣ не отъ себя, а отъ св. книгъ. Если кто мудрый иначе истолкуетъ все это, мы не станемъ противорѣчить. Мы не жнецы, а классособиратели и не хитры въ дѣлѣ книжномъ. Мы, грубые, всего болѣе отъ вашего старѣйшинства требуемъ св молитвы о Христѣ І. Господѣ нашемъ...»

Другое сочиненіе св. Кирилла о монашеской жизни написано въ видѣ «Притчи о бѣлоризцѣ человѣцѣ», къ Печерскому игумену Василію, хотя въ то же время обращено и ко всѣмъ Печерскимъ инокамъ[5]. Вотъ содержаніе этой притчи: «Въ нѣкоторомъ городѣ жилъ царь кроткій, милостивый и попечительный о своихъ подданныхъ; только въ одномъ онъ былъ неостороженъ, — не принималъ никакихъ мѣръ на случай военныхъ тревогъ и не держалъ ратнаго оружія. Онъ имѣлъ у себя многихъ совѣтниковъ и дочь отличнаго ума. Одинъ изъ совѣтниковъ, скорбя о неосторожности царской, искалъ удобнаго времени предложить ему нужное наставленіе. Однажды, ночью, случился сильный мятежъ въ городѣ. Царь вышелъ съ совѣтниками, чтобы усмирить мятежъ, но не на-

[5]) Причта эта извѣстна по рукописямъ XVI в., гдѣ и приписывается Кириллу, епископу Туровскому (Оп. рук. Толст. 215; Цар. 738).

шелъ виновныхъ; а городъ былъ въ ужасномъ волненіи. Тогда умный совѣтникъ повелъ царя и дочь его къ великой горѣ, гдѣ въ пещерѣ лежало много разнаго оружія. Чрезъ отверстіе взглянули они внутрь пещеры и увидѣли тамъ мужа облеченнаго рубищемъ: возлѣ него сидѣла его жена и пѣла пѣсни слаще всякаго брашна. Передъ ними стоялъ нѣкто высокій и прекрасный на твердомъ камнѣ; онъ подавалъ сидящему вино въ чашѣ. Когда мужъ принималъ пищу, тогда вѣнчали его похвалами. Царь, увидѣвъ это, призвалъ къ себѣ друзей своихъ и сказалъ имъ; что за чудо, друзья мои? Вы видите, какое снаружи худое житье; а лучше нашей державы веселится и свѣтлѣе внѣшняго сіяетъ внутреннее.» А вотъ истолкованіе притчи: «Городъ — человѣческое тѣло, люди, живущіе въ немъ — чувства тѣлесныя, царь — умъ, обладающій тѣломъ; дочь — душа, совѣтники и друзья — житейскія мысли; ночь — мірская, суетная жизнь; шумъ и тревога — болѣзнь или какое либо внезапное несчастіе; гора — монастырь, въ которомъ есть духовныя оружія противъ діавола, т. е. постъ, молитва, слезы, воздержаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, трудолюбіе, нестяжаніе. Къ этой горѣ благоразумный совѣтникъ приводитъ царя, т. е. печаль направляетъ умъ къ монастырю: ибо онъ есть гора Божія, гора тучная, гора усыренная, гора, юже благоволи Богъ жити въ ней (Пс. 67, 16, 17). Приближеніе къ горѣ — есть изреченіе обѣта Господу. Приниченіе къ оконцу — это слушаніе душеспасительнаго ученія. Христосъ никого силою не влечетъ къ покаянію, но вразумляетъ различными средствами, что бы познавшихъ Его ввести въ небесное царство. Глубокая пещера — есть церковь монастырская. Свѣтлая заря, сіяющая изъ пещеры — это богохвальныя воинства, немолчное

аллилуія, гласы псаломскіе. Внутренній вертепъ—это уставъ келейной жизни, по которому никто не имѣетъ своей воли, но у всѣхъ все общее, ибо всѣ подъ властію игумена—какъ тѣлесные члены подъ властію одной главы—связуемые духовными жилами. Мужь, сидящій въ вертепѣ и живущій въ крайней нищетѣ, есть весь иноческій чинъ; сидѣніе означаетъ безмолвіе; а жизнь въ крайней нищетѣ—это осужденіе, досады, укоризны, хулы, насмѣшки отъ мірянъ, которые не столько считаютъ иноковъ, работающими Богу, сколько обманщиками, погубляющими свою душу. Облеченіе въ рубище и безъ притчи означаетъ власяницу, суконныя одежды и облаченіе изъ козьихъ кожъ; ибо всякое украшеніе плоти чуждо монашескому обычаю; вмѣсто сего иноки облечены цѣломудріемъ, препоясаны правдою, украшены смиреніемъ. Присѣдящая ему присно жена есть неотлучная память смертная, поющая сію сладкую пѣснь: гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ (Пс. 117, 15). Праведницы во вѣки живутъ и мзда ихъ отъ Господа (Прем. Сол. 5, 15). Смерть праведнику покой. Богатство аще течетъ, не прилагайте сердца (Пс. 61, 11). Предстоящій мужь есть самъ Христосъ, краснѣйшій паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Сынъ Божій, сшедшій съ небеси и воплотивыйся ради нашего спасенія. Онъ подаетъ пищу и питіе всѣмъ вѣрнымъ — честное свое тѣло во оставленіе грѣховъ и святую свою кровь въ жизнь вѣчную. Хвалы, которыми вѣнчается пріемлющій чашу, означаютъ прославленіе пріобщающагося святаго тѣла и крови Христовой въ покаяніи и очищеніи души и тѣла; ибо Самъ Богъ ублажаетъ таковыхъ гласомъ пророка: блажени, имъ же оставишася беззаконія и им-же прикрышася грѣси, им-же не вмѣнитъ Господь грѣха (Пс. 31, 1. 2). Вѣнчаетъ ихъ Духъ

Святый, потому что почиваетъ на святыхъ причастникахъ, нашедши ихъ достойными сосудами для себя, и вселяется въ нихъ, потому что они измыли храмъ Его слезами, устлали люботрудными молитвами, украсили добродѣтелію, покадили частыми воздыханіями. Христосъ съ святыми ангелами веселится многою радостію; ибо радость на небеси бываетъ о грѣшникѣ кающемся: радуйтеся со мною, говоритъ Онъ, яко обрѣтохъ погибшую драхму (Лук. 15, 9). Усмотря все это, царь призвалъ друзей: усмотрѣніе есть благое намѣреніе отстать отъ грѣховныхъ обычаевъ и научиться богоугоднымъ, отвратить свои помыслы отъ суетной жизни, признать суету удовольствій міра сего и сказать съ Соломономъ: суета суетъ! Царь чудится ангельскому, богохранимому иноческому житію, все забываетъ, самую печаль тѣлесную: такъ узнавшій мірское непостоянство, обращается, наконецъ, къ попеченію о своей душѣ.» Послѣ истолкованія притчи слѣдуютъ нѣкоторыя общія размышленія и наставленія касательно иноческой жизни: «какъ древо хвалятъ не за ростъ и листья, а за плодъ; такъ и иноковъ не монастырь дѣлаетъ славными, но добродѣтель иноковъ даетъ славу монастырю: это видно изъ примѣра Ѳеодосія, игумена Печерскаго въ Кіевѣ, начальника общаго житія. Поелику онъ нелицемѣрно иночествовалъ, возлюбивъ Бога и свою братію, какъ свои члены; то и Богъ возлюбилъ его и прославилъ ради его сіе мѣсто болѣе всѣхъ монастырей Русскихъ. Сіи внутренніе добродѣтели жизни св. иноковъ сіяютъ чудесами, болѣе мірской власти; посему и мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ иноками, воздавая имъ достойную честь, какъ угодникамъ Божіимъ, по слову Господню: пріемляй праведника во имя праведниче мзду праведничу пріемлетъ (Мѳ. 10, 41). Если бы и мы вѣрно хра-

нили обѣтъ нашего постриженія, то не только бы получили очищеніе грѣховъ и честь на землѣ, какъ св. отцы чудотворцы, коимъ кланялись, падая ницъ, цари и князи, но и вселились бы въ небесное царство и видѣли лице Божіе;— чего бы не просили въ молитвѣ у Бога, все бы скоро получали. Пріемлющіе на себя обѣты и непреодолѣвающіе своихъ немощей, хотятъ получить освященіе, читаютъ Писаніе и думаютъ спастись безъ подвига. Но мы забываемъ, что сказалъ Павелъ: безъ подвига никто не вѣнчается (2 Тим. 2, 5). Спящій не побѣдитъ и лѣнивый не можетъ спастись. Впрочемъ нераскаянны дары Божіи: вѣренъ Ходатай ихъ на небесахъ Господь нашъ І. Христосъ, который туне спасаетъ иноческій чинъ. Онъ самъ молится за насъ, говоря: Отче святый! не о мірѣ молю, но о сихъ, ихъ же далъ Ми еси, соблюди я во имя Твое, да идѣже буду Азъ, ту и сіи будутъ со Мною и никто же отъ нихъ погибнетъ (Іоан. 17, 9. 11. 12). Иноки, имѣя такія обѣтованія, подвизайтесь; нельзя, чтобы и въ нынѣшнихъ апостолахъ не было Іуды, но да блюдетъ каждый изъ васъ себя; не продадимъ слова Божія на лжи; крадя, грабя, обижая, мысля злое на игумена, ложно клянясь, недостойно приступая къ причастію св. Таинъ, не распнемъ снова Христа, но во всемъ представимъ себе, по апостолу, яко Божія слуги, въ терпѣніи мнозѣ (2 Кор. 6, 4)... Какъ кони бѣгутъ, опережая одинъ другаго, такъ и вы ревнуйте подвигамъ св. отцевъ, превосходя другъ друга въ алканіи, бдѣніи, молитвахъ, въ дѣлахъ послушанія, дабы, разслабѣвъ объяденіемъ, пьянствомъ, плотскими похотями, не остановиться намъ въ адской пустынѣ и дабы тамъ не быть растерзанными отъ геенскихъ звѣрей, да не разсыплются кости наши при адѣ. Но расправимъ разумныя крылья, воз-

летимъ отъ губящаго насъ грѣха...» Сочиненіе оканчивается словами: «Богъ же мира многою милостію да сотворитъ, что бы усвоено было вами настоящее сказаніе, и да соблюдетъ души ваши чистыми и тѣла несквернымя и житіе непорочнымъ.. А мене, молю васъ, поминайте въ вашихъ святыхъ молитвахъ.»

Третье сочиненіе о монашествѣ, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію приписываемое святителю Туровскому Кириллу, есть посланіе его къ тому же игумену Печерскому Василію, обращенное лично къ нему одному[6]. Здѣсь, послѣ обычнаго привѣтствія и высокой похвалы достойному преемнику преп. Өеодосія Печерскаго, св. Кириллъ пишетъ: «Письмомъ твоимъ, ко мнѣ присланнымъ, господинъ мой, ты какъ бы спрашиваешь меня о великомъ и св. образѣ схимы, въ который издавна желаешь облечься. Конечно, не по невѣдѣнію вопрошаешь о семъ, но испытуешь мое убожество, какъ учитель ученика и господинъ раба. И я буду говорить тебѣ о святой схимѣ не отъ себя, но отъ священныхъ книгъ, или лучше—отъ словъ самаго Христа; укажу тебѣ на притчу Его о человѣкѣ, создавшемъ жилище свое на камнѣ (Мѳ. 8, 24. 25). Ты создалъ вокругъ всего Печерскаго монастыря высокія и прекрасныя, каменныя стѣны на твердомъ основаніи. Для сего, во-первыхъ, заготовилъ ты денежныя средства, потомъ, при помощи огня, приготовилъ плиноу, и, наконецъ, совершилъ дѣло при помощи воды и извести. Но это святое зданіе еще не таково, чтобы могло быть храмомъ Богу, чтобы вселился въ него Святый Духъ. Если хочешь

---

[6] Оно издано въ Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ X, 341—357. Тамъ же предварительно помѣщены соображенія о вѣроятной подлинности этого посланія.

устроить такое зданіе, если желаешь положить основаніе обители св. Троицы, то есть, обновиться святою схимою; то разочти имѣніе (Лук. 14, 28), то есть, помолившись Богу, сядь и напиши со вниманіемъ свой обѣтъ, который намѣреваешься соблюдать до смерти: воздерживаться ли совершенно день или два, въ недѣлю или въ мѣсяцъ, отъ пищи или отъ питія, — или проводить ночь въ молитвѣ; или хранить безмолвіе, — или невыходить въ обѣтный день изъ монастыря, — или раздавать милостыню по рукамъ, — или подавать всякому просящему, — или воздержаться отъ всякаго гнѣва. Ты исполни напередъ свое; Богъ не умедлитъ довершить Свое. Если же вздумаешь возложить на себя аналавъ и куколь безъ разсужденія, смотря на другихъ, которые только величаются своею схимою, и хотя трудятся въ постѣ и молитвахъ, но не имѣютъ твердой основы, такъ что ихъ храмина падаетъ не отъ дождя и не отъ вѣтра, но отъ собственнаго ихъ неразумія: въ иное время они воздерживаются отъ всего, а въ другое живутъ слабо, говоря: «нынѣ праздникъ», или «хочу разрѣшить на пищу и питіе ради друга»; или: «нынѣ звали къ себѣ христіане, послѣ опять наложу на себя постъ», — если, говорю, такъ будешь вести себя, то это будетъ значить то-же, что одною рукою созидать, а другою разрушать, или, омывшись послѣ прикосновенія къ мертвецу, снова прикасаться къ нему..... Ты въ бѣльцахъ и въ иночествѣ велъ жизнь богоугодную и душеполезную. А теперь, желая воспринять на себя иго совершеннѣйшихъ подвижниковъ, по апостолу, *задняя забывая, въ предняя простирайся* (Фил. 3, 13). Заботы о земномъ считай подѣліемъ, и всегда пекися, по правилу своего обѣта, о жизни небесной. Не подражай Лоту въ печаляхъ, но съ трезвеніемъ подражай Хри-

стову житію. Господь всѣмъ апостоламъ даровалъ въ себѣ общеніе: и ты имѣй все общее со всею братіею. Общій съ нею у тебя Богъ, общая да будетъ любовь, общее воздаяніе, общіе вѣнцы, такъ, чтобы во многихъ тѣлахъ была одна душа, и ты за всѣхъ получишь награду..... Когда ты хочешь созидать духовную храмину, то положи въ основаніе ея вѣру, и на немъ зижди надежду и любовь, какъ плиту; бреніе твоего тѣла смѣшай съ водою — съ цѣломудріемъ, чтобы душа твоя возвышалась, какъ храмъ. Поставь ей опору, какъ кастолпъ, Божію помощь, чтобы, если и сойдутъ на нее, какого бы то ни было рода, дождь и рѣки, она пребыла непоколебима, какъ наковальня, ни отъ добрыхъ, ни отъ худыхъ людей. Введи въ свою храмину матерь и жену, то есть кротость и смиреніе. Кротость Богу угодна; смиреніе возводитъ на небеса. Обнеси свою храмину отъ татей отовсюду оградою, т. е. страхомъ Божіимъ и молитвою, и приставь къ ней стража—умъ любомудрый. Если и случится тебѣ быть въ городѣ, или среди народа, или въ селеніи, или на торжищѣ, не позволяй своему сердцу разсѣваться въ нихъ мыслями, но, какъ бы въ келліи, помышляй о разлученіи, души отъ тѣла. Такимъ образомъ, внимая себѣ, ты пребудешь, какъ бы удалившійся въ пустыню. И если все сіе съ Божіею помощію совершишь, не надмевайся величаніемъ и не осуждай другихъ.» Въ заключеніи святитель проситъ снисхожденія себѣ и своему слабому письму и оканчиваетъ все желаніемъ игумену Василію благъ отъ Бога.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что св. Кириллъ, какъ въ своихъ проповѣдяхъ, такъ особенно въ посланіяхъ объ иноческой жизни, очень не рѣдко напоминаетъ о слабости и бѣдности своего ума, о грубости своего слова, а еще чаще о

томъ, что онъ говоритъ или пишетъ не отъ себя, но отъ священныхъ книгъ, отъ писаній ветхаго и новаго завѣта. Это сколько свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о христіанскомъ смиреніи нашего достопамятнаго писателя, столько же, съ другой, предполагаетъ господствовавшее тогда у насъ высокое уваженіе къ слову Божію и только къ тѣмъ духовнымъ сочиненіямъ, которыя изъ него заимствовались и на немъ основывались.

III.

Послѣдній отдѣлъ сочиненій св. Кирилла составляютъ его молитвы и канонъ молебный. Эти молитвы встрѣчаются во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVI в., иногда въ числѣ десяти, одиннадцати, а иногда въ числѣ двадцати двухъ. Въ послѣднихъ сборникахъ онѣ расположены по порядку дней седмицы, по нѣскольку молитвъ на каждый[7]. И именно: на воскресенье положены четыре молитвы: по заутрени, послѣ часовъ, предъ вечернею и по вечерни; въ понедѣльникъ— четыре: по заутрени, предъ часами, послѣ часовъ и по вечерни; во вторникъ—три: по заутрени, послѣ часовъ и по вечерни, въ среду—только двѣ: послѣ часовъ и по вечерни (а по заутрени положена молитва св. Германа Цареградскаго); въ четвергъ, пятницу и субботу—по три: по заутрени, послѣ

---

[7] Тѣ и другіе сборники означены у Калайдовича въ предисловіи къ Твор. св. Кирилла Туровскаго (стр. XXX—XXXII). Упомянемъ еще о Сборн. Новг. Соф. библ. XVI в. (№ 302, въ четверт. на 210 листахъ), которымъ мы пользовались: здѣсь помѣщены (л. 136—186) всѣ двадцать двѣ молитвы по порядку дней и каждая названа *твореніемъ Кирила, мниха Туровскаго.* Калайдовичь (Предисл. XXXI), указываетъ и на два печатныя изданія этихъ двадцати двухъ молитвъ XVI и XVII в., которыя, однако жь, нынѣ сдѣлались библіографическою рѣдкостію.

часовъ и по вечерни. Кромѣ того извѣстна еще молитва св. Кирилла ко всѣмъ святымъ[8]. Между молитвами на каждый день недѣли самыя обширныя и характеристическія тѣ, которыя положены послѣ заутрени: онѣ-то преимущественно соотвѣтствуютъ содержаніемъ своимъ церковному значенію дней. Такъ, въ понедѣльникъ первая молитва обращена къ ангеламъ, во вторникъ — къ св. Іоанну Предтечѣ, въ четвергъ ко всѣмъ апостоламъ. Прочія молитвы болѣе или менѣе кратки и менѣе приспособлены къ знаменованію дней. Находясь въ продолженіе вѣковъ въ народномъ употребленіи и будучи многократно переписываемы, молитвы святителя Туровскаго, естественно, могли подвергнуться нѣкоторымъ перемѣнамъ; но отсюдь нельзя сказать, чтобы древній языкъ въ нихъ былъ искаженъ и не носилъ на себѣ ясныхъ слѣдовъ своего происхожденія, и, какъ на существенныя, несомнѣнныя перемѣны, можно указать только на двѣ маловажныя вставки, находящіяся въ двухъ молитвахъ[9]. Чтобы судить о достоинствѣ этихъ молитвъ, равно какъ и канона молебнаго[10], понять ихъ силу и вліяніе на душу, надобно чи-

[8] Намъ извѣстна она по Сборн. Новг. Соф. Библ. XVI в. въ четв. № 498, л. 181—187.

[9] И именно въ концѣ молитвы по заутрени въ воскресенье читаемъ: «и спаси Господи, раба твоего *благовѣрнаго царя* и великаго князя, имярекъ». А въ молитвѣ ко всѣмъ святымъ призываются въ числѣ другихъ святыхъ новые чудотворцы Русскіе: Петръ и Алексѣй Московскіе, Преп. Сергій Радонежскій и Никонъ, Кириллъ, Андроникъ, Савва Новгородскій и Исидоръ Ростовскій.

[10] Канонъ этотъ сохранился въ «Обиходѣ церковномъ разныхъ моленій» Нов. Соф. Библ., XIII—XIV в., пис. въ четвертку на 295 л., по старому каталогу, № 13 или 15. Канонъ здѣсь занимаетъ листы 219 об.—232 и озаглавленъ: «Канонъ молебенъ Кюрила грѣшнаго», подобно тому, какъ озаглавлены и въ другомъ сборникѣ XIII вѣка подлинныя сочиненія св. Кирилла Туровскаго (Калайдов. предисл. къ Твор. св. Кирилла, стр. XXXIII).

тать ихъ на Славянскомъ языкѣ, а не въ переводѣ на Русскій. И потому мы представимъ здѣсь для примѣра въ подлинникѣ три молитвы и четыре первыя пѣсни канона.

1. *Въ недѣлю по заутрени молитва къ Господу Богу нашему Іисусу Христу, твореніе Кирила, мниха Туровскаго.* «Слава Тебѣ, Христе Боже мой, яко сподобилъ мя еси видѣти день преславнаго воскресенія Твоего, в онъ же свободилъ еси сущая во адѣ связанныя праведныхъ душа. Тоя свободы, Владыко, и азъ желаю, да разрѣшиши мя, связаннаго многими грѣхи, и да восіяетъ свѣтъ благодати Твоея во омраченей души моей. Вѣдѣ бо бесчисленыя Твоя щедроты и неизреченное Твое человѣколюбіе: яко отъ небытія въ бытіе сотворилъ мя еси и своего образа подобіемъ украси мя, словесемъ и разумомъ превыше скота вознесе мя и твари всей владыку устроилъ мя еси, свѣдый времена и лѣта живота моего, отъ юности и до нынѣ пекійся мною, дабы спасенъ былъ и, прекраснаго лика твоихъ ангелъ соглаголника хотя имѣти, заповѣдь предалъ ми еси, духовное дѣло въ чистотѣ совершити повелѣлъ ми еси. Азъ же, окаянный, запятъ бывъ умомъ къ своему хотѣнію любленіемъ плотнымъ, ввергохъ себе въ смрадную тину грѣховную, и далече ся сотворихъ отъ Твоея благодати; твой сынъ бывъ порожденіемъ купели духовныя, рабъ явихся грѣху. И того ради стоню изъ глубины сердечныя и слежу болѣзнію душевною, судный часъ помышляю, весь изнемогаю. Како убо обрящуся тамо, кое слово изреку за грѣхи моя и кій отвѣтъ будетъ ми отъ Судіи? Гдѣ ли скрыю беззаконій моихъ множество? Яко нѣсть помогающаго ми, ни избавляющаго. И что сотворю, Господи мой, Господи! не вѣдѣ, кому ся приближу, да спасена ми будетъ душа. Время живота моего мало; но

понеже отнынѣ пригвозди страсѣ Твоемъ плоть мою, да не нагъ обрящуся отъ добрыхъ дѣлъ, смѣхъ бывая дѣмономъ. Се бо, яко дѣтищь, запятъ быхъ отъ врага моего, въ послѣднюю погибель впадохъ; инъ человѣкъ не бысть отъ вѣка грѣшенъ, яко же азъ: злыхъ бо ради дѣлъ моихъ прогнахъ хранителя душа моея ангела и пріяхъ губителя, неподобная возлагающа на мое сердце. Но не остави мене до конца погибнути, Іисусе—сладкое имя, отъ земля создавый мя и животъ давый ми! Призри на смиреніе мое: аще бо безъ числа согрѣшихъ, но не воздѣхъ руку моею къ Богу чуждему, ни отчаяхся отнюдь, помышляя образъ Твоего человѣколюбія, еже имаши на грѣшницѣхъ. Но о Давидѣ помышляю: и, по царстѣмъ, въ ровъ любодѣянія впадъ, и убійство сотворивъ, и покаявся къ Тебѣ, Богу и Творцу, достоинъ бысть Твоея благости. И за Ахава самъ слово къ пророку вѣщаеши, глаголя: не имамъ сотворити преже реченнаго зла, яко видѣхъ его, како, сѣтуя, ходитъ о своихъ грѣсѣхъ. Ей, Владыко мой, и еще приложу, плачася предъ Тобою великихъ и неудобь цѣлимыхъ моихъ струповъ. Како Манасія, по идолослуженіи, пророки Твоя изби и Тя, Бога отецъ своихъ, прогнѣва, преданъ бывъ въ казнь иноплеменнику, его же въ сосудѣ мѣдянѣ заключше, яко скота травою питаху, видѣвъ же свое сокрушеніе и разумѣвъ сотворенныя отъ него грѣхи, возопи изъ среды узъ къ Тебѣ, Богу и Творцу, и чрезъ надежу изъятъ бысть оттуду преславно: тако же и азъ вся злая въ животѣ моемъ содѣяхъ и недостойна себѣ сотворихъ Твоей милости. И како на высоту къ Тебѣ возрю скверныма очима, како явлюся лицу Твоему, раздравъ первую боготканную одежду и осквернивъ плоти моея ризу? Но очисти мя, яко Спасъ; прости отъ всѣхъ, яко Богъ; призри на смиреніе

мое и не помяни злобы и грѣховъ, яже сотвори на убогую мою душу. Надѣю бо ся Твоея милости, вопію къ Тебѣ, воплемъ велiимъ: помяни, Господи, глаголъ пречистыхъ Твоихъ устъ, иже рече: ищите, обрящете; просите, дастъся вамъ. Не пришелъ бо еси, Владыко, призвати праведныхъ, но грѣшники на покаяніе, отъ нихъ же первый есмь азъ. И нынѣ исповѣдую на ся беззаконія моя: и мнѣ бо молчащу Ты свѣси я; но, о Премилостиве, пріими мя, яко разбойника, и мытаря, и блудницу, и блуднаго сына. Ти бо бѣша всѣми отчаями; Ты же пріятъ я и раю жителя сотвори я: пріими и мое покаяніе, недостойнаго раба Твоего (имярекъ). Господи Iисусе Христе! Словомъ очистивъ прокаженныя, очисти скверну душа моея и буди ми помощникъ, силою креста Твоего огради мя и Духомъ Святымъ Твоимъ утверди мя, и возврати посрамлены борющіяся со мною, и да исповѣдатъ уста моя множество милости Твоея, яко бысть помощникъ мой въ день печали моея. И спаси, Господи, раба Своего благовѣрнаго царя и великаго князя (имярекъ) и вся християны помилуй, молитвами пресвятыя Богородица и всѣхъ святыхъ: яко Ты еси Богъ нашъ и Тебѣ милися дѣемъ, яко Тя хвалять вся силы небесныя, Отче и Сыне и Святый Душе, нынѣ и и присно и во вѣки вѣкомъ аминь».

2. *Въ понедѣльникъ по заутрени молитва ко ангеломъ, о души глаголема, Кирила мниха Туровъскаго.*— «Къ вамъ, яко заступникомъ и хранителемъ живота нашего, азъ, окаянный и многогрѣшный (имярекъ), припадаю, моляшцися и просяще вашея милости, видци Божія величества! Святіи ангели, престолъ честный страшно оступающе и неизреченною свѣтлостію божественныя славы облистаемы, молите милостиваго и всещедраго человѣколюбца Бога, изба-

вите мя отъ всякаго зла, находящаго на мя. Михаиле святый и великій архангелъ, первый поклонниче святыя Троица, наводяй свѣтъ на вселенную! И мнѣ подаждь дневное пребываніе пре̇йти богоугодно — неискусну отъ злыхъ, отверзи слухъ ушію моею слышати Божія словеса, благая, полезная, и да прозрю внутренима очима и еще тмѣ грѣховней, обдержащи мя, въ ней же преходя во вся дни живота моего, прогнѣвахъ благаго, и беззлобиваго, и долготерпѣливаго моего Творца и владыку. Ему же предстояще со страхомъ, небесныя Силы, невещественными усты пресвятую взывающа пѣснь, молите за мя, по вся часы согрѣшающаго, да не поястъ мене мечь ярости Господня: зѣло бо превзыдоша беззаконія главу мою и яко бремя тяжкое отяготѣ души моей. Аще бо помяну мимошедше время живота моего, преступника себе сотворяю: разумѣю бо ся, паче всякаго человѣка, злая, и неподобная, и не милая Богу дѣла сотворихъ, и боюся, егда како сошедъ огнь съ небесе сожжетъ мя, или преисподняя пропасть жива пожретъ мя. Свѣдый же долготерпѣніе и пучину человѣколюбія Божія, яко не наводитъ казни на достойнаго мученія, но ожидаетъ моего покаянія, припадаю и молюся: святый Гавріиле, радости ходатаю, спасенію благовѣстниче, скорби примѣнителю и всякаго зла погубителю! Буди ми помощникъ въ годъ, егда побѣжаемъ буду отъ страсти; присѣти присѣщеніемъ благимъ; освѣти душу омеркъшую мнозѣми грѣхи, и укрѣпи мя творити добрая дѣла. Вопію къ тобѣ, не презри раба твоего (имркъ.), скоро подщися, даже не постигнетъ конецъ, даже смерть не варитъ; не восхити окаянныя моя душа, и еще злѣ стражуща въ скверныхъ обичеехъ, и поимеши мя не готова отъ житія, безъ отвѣта поставиши мя предъ Судящимъ по дѣломъ комуждо. Святый Уриле! Виждь бѣду мою

и брань вражію, ею же побѣждаемъ присно; помощника тя призываю: варивъ заступленіе мое, да очютится мой умъ отъ сна грѣховнаго. Дивлю бо ся въ себѣ, како крадомъ есмь по вся часы и обретаюся въ вещехъ, ихъ же ненавижу, и, неподобныя мысля, аки рукама разоряю благодать Божію, ожидающую моего обращенія. Увы мнѣ, како не имамъ тверда основанія покаянію! И кто дастъ очима моима источникъ слезъ, да ся плачу къ щедрому Богу, да пошлетъ Свою милость и исторгнетъ мя изъ моря житейскаго, волнующагося волнами грѣховными, въ немъ же погружаемъ не пріемлю обязанія исцѣленію скорымъ покаяніемъ? Свѣдый бо узы моя и не хощу изрѣшитися отъ нихъ. Святый Рафаиле! Подвигни легіона св. ангелъ, да молятъ Владыку Христа за убогую и смиренную мою душу, кающуся о прежде-сотворенныхъ и неподобныхъ ми дѣлъ. Вѣмъ бо свое естество, тлѣнно суще и скоро погибающе: егда како не достигну вечера и порадуетъ ми ся врагъ мой о мнѣ, глаголя: сей человѣкъ суетѣ уподобися и день его, яко сѣнь, преидоша. Но Господи мой І. Христе, Сыне Божій! Припадающи, молю ти ся: призри на мя и помилуй мя, и изведи душу мою изъ темницы беззаконныя, преже даже не пріиду на судъ страшный; пріими молящихъ Тя за ны святыя ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, силы и власти, престоли и господства, начала высокая; тѣхъ молитвами и Пречистыя Матере Твоея избави мя студа оного и тмы кромѣшныя и неусыпающаго ядовитаго черви: Ты бо еси агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра, распныйся на крестѣ нашего ради спасенія и принесый ся на жертву Богу и Отцу за ны грѣшныя. Вонми молитву мою и посли ангела хранителя души моея и тѣлу, да, тѣмъ наставляемъ, избавлюся отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ

и сподоблюся Твоея милости, егда пріидеши на судъ въ день онъ страшный, егоже трепещетъ душа моя. Ей, Владыко пресвятый, беззлобиве и долготерпѣливе, преклони ухо Твое и услыши глагола молитвы моея и помилуй мя и вся рабы Твоя (имрк), яко Ты еси Богъ нашъ и къ Тобѣ прибѣгаемъ, и на Тя надѣемся.... Аще и согрѣшихомъ много паче человѣкъ, но отъ Тебе не отступихомъ, ни рукъ нашихъ иному Богу воздѣхомъ, но и Тя благословимъ и Тобѣ кланяемся и благодаримъ пресвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь».

3. *Въ четвертокъ по заутрени молитва тогоже Кирила, мниха Туровъскаго.* — «Душе моя! Согрѣшающи по вся дни, почто невъстягнешися? Преступающи преданныя ти заповѣди, кую пріимеши отъ Бога милость, аще не преже конца останешися сластолюбиваго хотѣнія, удаляющаго тя отъ пути, ведущаго въ жизнь? Въспряни, убогая, отъ сна грѣховнаго, восплачися злыхъ своихъ дѣлъ, ими же прогнѣвахъ своего Владыку живодавца и благодателя, ожидающаго моего покаянія; нынѣ остапися несытыхъ похотей и горкихъ тлѣтворныхъ дѣлъ уклонися; припади же, вопіющи, къ божественнымъ апостоломъ, да помолятся ко Христу подати ми оставленіе грѣховъ. Святый Петре-первопрестолниче, твердый камень вѣре, недвижимое основаніе церкви, пастуше словеснаго стада Христова, ключарь небеснаго царствія, ловче глубинѣ неразумія! Тя молю всечестнѣ, да обыметъ мя Божественная мрежа и да извлечеши мя изъ глубины погибельныя. Вѣде бо тя, отъ Бога пріимша власть вязати и разрѣшати: разрѣши, молютися, связана мя ужы грѣховными; покажи твою милость на мнѣ, убозѣмъ рабѣ твоемъ (имрк.); оживи смиренную ми душу, яко же преже Тавиѳу отъ мерт-

выхъ воскреси; востави мя на теченіе благо, иже въ красныхъ вратѣхъ словомъ хромаго съ одра возстави и стѣнемъ своимъ недуги и болѣзни всякія прогониши; да осѣнитъ мя твоя благодать, исцѣляющи душевныя болѣзни и прогоняющи телесныя недуги. Вся бо можеши, пресвяте, силою Христовою, егоже ради все оставилъ еси и Того возлюбивъ послѣдовалъ еси пречистымъ Его стопамъ, и за Его святое имя узы поносивъ, къ Нему же помолися за мя окаяннаго, да избавлюся отъ всякаго зла твоими молитвами. Святый Павле, возлюблениче Христовъ, небесный человѣче и земный ангеле, проповѣдниче святыя вѣры, всѣхъ языкъ учителю, церковная труба, высоко летаяй орле, небесныхъ таинъ сказателю, пресловущи вѣтіе, вмѣстилище духовное, многія бѣды пострадавъ за имя Христово, пекыйся всѣми христіаны, забывая ранъ на телеси, море премѣривъ и землю обшедъ и насъ обративъ отъ лести идольскія! Тя молю и къ тебѣ вопію: не гнушайся мене ослѣпшаго душевными очима; возстави мя убогаго, разслаблена суща грѣховною лѣностію: ибо ты въ Лустрѣхъ отъ чрева рожденнаго хромца съ Варнавою возстави, и Евтиха, бывша мертва, оживи. Воскреси мене отъ мертвыхъ дѣлъ, иже молитвою отъ основанія темницу потрясе и узники разрѣши, и Іаасона отъ заколенія спасе: вся бо можеши данною ти отъ Бога властію. Вѣрою прошу: посѣти мене твоею милостію и исторгни мя отъ сѣти вражія, и укрѣпи мя творити добрая дѣла, яко сый великій Христовъ апостолъ. Святый Іоанне Богословче, сыну громовъ, наперстниче Христовъ, дѣвственный сосуде, душевная церкви, медоточный языче, громогласная уста, Асійское утверженіе, Ефесьская похвало, Патмоскій учителю, всего міра хранителю, Христова Евангелія списателю, надежа моя и прибѣжище! Не остави мене отъ твоего заступ-

ленія, не прогнѣвайся на мя многосогрѣшившаго. Иже сына Діоскоридова въ бани воскреси, и воина изъ моря по семи часъ жива отцу его извлече, прокаженнаго же въ Вофорѣ прикосновеніемъ руку очисти и Прокліанію отъ душегубнаго похотѣнія избави! избави мя тако же отъ всякаго грѣха, яко къ тебѣ унованіе мое возложихъ. Святый Луко, божественный Евангелисте, духовный скорописче, богопустынный врачю! Услыши молитву мою и уврачюй страсти душа моя; не мини мене, отъ дѣтьства уязвленнаго вражіими стрѣлами: можеши бо мя исцѣлити и отъ сего часа здрава сотворити. Святый Марко, Александрьскій свѣтилниче, Христовыхъ таинъ написателю и всѣхъ чюдесъ Его благовѣстниче! Работавъ Евангелію Христову, моли за мя человѣколюбца Бога, да порабощу тѣло божественнымъ заповѣдемъ Христовымъ и да свобожу душу отъ работы лукаваго твоими молитвами. Святый Матөею, оставивый мытницу и всѣхъ грѣховное собраніе разсыпавъ, воспріялъ еси на небесѣхъ неизготоваемое богатство, нескончаемое царство, сказывый намъ второе Христово пришествіе! Егда же явится съ небесе во множествѣ ангелъ, со славою небесною, враги страша и вѣрныя веселя: тогда и вы сядѣте на престолѣ судяще языкомъ. Увы и мнѣ, како явлюся тогда азъ грѣшный, всякаго зла исполненъ? Но буди ми нынѣ помощникъ, укрѣпи мя на теченіе благо, да избавлюся отъ вѣчныя муки горкыя. И вси святіи богоизбраніи апостоли: Андрѣю, Іаково, Өомо, Варфоломѣю, Симоне, Филиппе, Христови угодници, льсти искоренители и вѣры насадители! Услышите мя грѣшнаго, надѣющагося на вы. Уже бо нѣсть ми отъ дѣлъ спасенія, аще не покрыете мене отъ всякого кова вражія: се бо риская, яко левъ ходить, хотя мя поглотити. Но и сокрушите ему лукавьную главу, растръгнете

челюсти его и мене избавите вашими молитвами, да быхъ и еще на семь свѣтѣ моихъ грѣховъ покаялся, елико же сотворихъ на убогую душу мою. И молю Тя, Владыко мой, отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и даждь благодать разума моему недостоиньству: Ты бо еси Христосъ, Сынъ Божій, дая и молитву молящемуся и пріимая покаяніе кающихся. Пріими и мое покаяніе и отпусти нечестіе сердца моего и спаси мя по милости Твоей: яко азъ рабъ Твой и сынъ рабыня Твоея. Не даждь во смятеніе ногу моею, ни да воздремлетъ храняяй мене ангелъ; но вразуми и ублажи и освяти смиренную ми душу, да не возвращуся уничиженъ, посрамленъ, скорбленъ, но да получу, ихже желаю, безконечныхъ Твоихъ благъ. Еще молю Тя, пресвятый Царю, помяни милостію и щедротами рабы Твоя (имрк.) и отпусти намъ всяко согрѣшеніе молитвами святыхъ Апостолъ и Пресвятыя Ти матере, Владычица нашея Богородицы, и всѣхъ Святыхъ молитвами помилуй и спаси души наши: яко Ты еси Богъ нашь и Тебѣ ся мили дѣемъ, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ— аминь».

4. *Канонъ молебенъ Кюрила грѣшнаго. Гласъ є. пѣснь ā Ирмосъ.* «Моисѣйскую поминающе, о душе, десницю, бѣжи грѣхолюбиваго Іегипта и разумнаго Фараона отверзися работы, да крестную пріимеши палицю, и страстное проидеши море смѣреньемъ, вопьющи: поимъ Господеви, славно бо прославися.

Азъ есмь обличитель сущихъ во мнѣ золъ дѣяній, имиже прогнѣвахъ Христа, вся Того преступивъ заповѣди, и вся нынѣ писанью предахъ помыслы моя, словеса же и дѣлеса, скверны вся и безаконья на слышанье всему міру.

Доколѣ вязиши, убогая душе, обьята тѣлесными страстьми,

обидою и немилосердьемъ, гордынею и пьянствомъ? Си суть вражья тенета, иже тя живу до ада сведуть. Но возпи покаяньемъ: о Христе мой! растергни ми съузъ грѣховьный и спаси мя.

Якоже немолчно славять огнедохновеньными гласы, серафимстіи полци Тресвятую Троицю, всея твари Сдѣтеля: той припадаю, прося отпуста многихъ ми грѣховъ: о милостивый Творче! поне на конець спаси мя.

Яко уродивыя дѣвы, не имамъ покаяннаго свѣтильника, ни стяжахъ масла милостиваго, но всуе толку затвореномъ отъ мене дверемъ; но, о мати Божія, избави отъ мукы лютыя убогую ми душю.

Пѣ҃ в҃ ірмо. Вонми небо, рече Моіси, втораго написая закона перваго преступльшимъ: разумѣй, душе, свое паденіе; Богъ истиненъ, судяй праведно и въздая комуждо по дѣломъ его.:.

Адамьская помысливъ, в бѣсовская впадохъ; по законьная емьля, въ безаконья уклонихся, свѣтъ възненавидѣвъ, во тьмѣ грѣховнѣй заблудилъ есмь.:.

Грѣхи моя, аки Ламехъ, предъ всѣми исповѣдую, а своего зла обычая никогда же не останусся. О лютѣ мнѣ, окаяньному, всѣмъ мукамъ повиньному.:.

Яко Богъ милостивъ, пріими мя кающася и даждь ми оставленіе многихъ ми согрѣшеній, да в Троици прославлю Тя, Отца и Сына и Святаго Духа.

Яко всѣхъ сый грѣшнѣй, на небо возрѣти не смѣю, но к тобѣ припадая вопью: мати Божія пречистая! умилосердися на мя и избави мя вѣчнаго мученія.

Пѣ҃ г. ірмо. Яко Богъ всесиленъ грѣхми душу мою и сердце злыми запустѣвше, доброплодно створи: духомъ скрушеномъ молитву Ти принесу.

Аще вспомяну си дѣла, отнюдь отчаюся: яко Божія не сотворихъ воля, но всю плотьскую похоть, прельщенъ врагомъ, сдѣяхъ: да кто мене не плачетъ, погибшаго лютѣ?

Зѣло горька, о душе, темница и люта верига, яже о тебѣ злопомнѣнья страсти; и аще сихъ не останишися: злымъ себѣ предаси бѣсомъ и тѣми лютѣ, яко плѣнница, томима будеши.

Яко человѣкъ согрѣшихъ; но, яко Богъ, прости мя, Отче, Сыне и Святый Душе! Тобѣ вѣрою покланяюся и Твоея требую милости и до послѣдняго издыханія.

Явлена отъ вѣка всѣхъ крестьянъ заступнице и къ Богу ходатаица Марье, Бобоизбранная Владычице! Пріими мою молитву и подаждь отпустъ многихъ ми прегрѣшеній молитвами си.

Сѣ. гла. ѕ. О всестрастная душе! како уязвися, како злѣ осквернися, и како лютѣ неключима бысть! Потщися, покайся и припади, вопьющи къ Богу, нѣкли муки избавитъ тя.:.

Судъ безъ милости, о душе, милости не створшимъ: блюди, внимай, Христово слово дѣломъ покажи; масло щедротъ воспріими и свѣщю покаянья сблюди неугасающу, побди, ожидающи жениха, да внидеши в чертогъ спасеныхъ.

Пѣ д. ірмо. Провидя духомъ Амбакумъ, еже до моея нищеты, Твое, Христе, схоженье, укрѣпляяся смотрьно вопьяше: яростью напрязи на враги лукъ свой, избавляя отъ плѣна рабы Своя, немолчно вопьюща: слава силѣ Твоей, Господи.:.

Въ малъ часъ рабъ Христовъ нарекохся, во вся же дни и до нынѣ грѣховный рабъ свѣдѣся, дѣлатель бывъ всякаго беззаконья, всѣми нечистотами осквернився и всякой муцѣ повиненъ бывъ, окаянный.

Горе, грѣшная душе, часто каешися и всегда сгрѣшаеши: почто не бѣжиши змьѣ, ея же губительство вѣси? Како не

боишися скоропнѣ, смертное жало имущи? Пролей сльзы преже смерти, да ти угаснетъ вѣчный огнь.

Яже пріяхъ мнасу, и тою купля не творяхъ; но мысльную раскопавъ землю и лѣностьнымъ обивъ платомь, невѣрьемъ душа посыпахъ. Но Троице Святая! Аще и взя отъ мене свое, нъ въ кромѣшную тьму, связана, не посли мене.

Явленыхъ и неявленыхъ, вѣдомыхъ и чресъестьственыхъ беззаконій, яко Богъ, прости мя молитвами Богородица, яже за вся молиться, Христе многомилостиве! Тоя ради възведи мя изъ пропасти грѣховныя ⁘ —

Съ перваго взгляда очевидно, что слогъ въ канонѣ Святителя Туровскаго, дошедшемъ до насъ въ спискѣ XIII—VXI вѣка, сохранилъ на себѣ болѣе признаковъ древности, нежели слогъ въ молитвахъ, которыя извѣстны намъ по рукописямъ уже XVI столѣтія. Но, по составу своему и содержанію какъ канонъ, такъ и молитвы должны быть равно отнесены къ лучшимъ произведеніямъ въ томъ же родѣ, какія только существуютъ въ православной Церкви, и, безъ сомнѣнія, не столько своими проповѣдями и статьями объ иночествѣ, сколько своимъ канономъ и особенно молитвами, находившимися, такъ сказать, въ ежедневномъ употребленіи у народа, Святитель могъ имѣть на этомъ народѣ самое обширное и благотворное вліяніе.

IV.

Кромѣ сочиненій св. Кирилла Туровскаго, дошедшихъ до насъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, были еще сочиненія его, *потерянныя*, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остающіяся въ неизвѣстности, и есть сочиненія *сомнительныя*, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній.

Древній жизнеописатель нашего Святителя говоритъ о немъ, что онъ, еще будучи простымъ инокомъ, когда подвизался въ столпѣ, «многа божественная писанія изложи», а потомъ сдѣлавшись епископомъ, «Ѳеодорца, за укоризну тако нарицаема, отъ божественныхъ писаній ересь обличи..., Андрею же боголюбскому князю много посланія написа отъ Евангельскихъ и пророческихъ писаній, яже суть чтоми на праздники господскія — ина многа душеполезна словеса, яже къ Богу молитвы и похвалы многимъ святымъ, ина множайшая, написавъ, церкви предасть; канунъ великій о покаяніи створи къ Господу по главамъ азбуки[11]». На основаніи этого единственнаго свидѣтельства о письменныхъ трудахъ св. Кирилла, къ числу потерянныхъ его сочиненій можно отнести: 1) обличеніе на извѣстную ересь Ѳеодорца, епископа Ростовскаго, отъ божественныхъ писаній; 2) многія посланія къ В. Кн. Андрею Боголюбскому отъ Евангельскихъ и пророческихъ писаній; 3) нѣкоторыя душеполезныя слова на праздники Господскіе: ибо св. Кириллъ написалъ такія слова «многа», а до насъ дошли изъ нихъ только девять; 4) похвалы или похвальныя слова «многимъ» святымъ, къ числу которыхъ (похвалъ) изъ сохранившихся словъ можно отнести только два (въ недѣлю о мѵроносицахъ и на соборъ 318 св. отцевъ); 5) канонъ великій покаянный къ Господу по главамъ азбуки: ибо сохранившійся молебный канонъ св. Кирилла,

---

[11] *Востон.* Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 457. Снес. то же житіе, помѣщенное въ печатн. Прологѣ подъ 28 числомъ апрѣля. Составитель этого житія жилъ, вѣроятно, въ періодъ самаго тяжкаго господства Монголомъ надъ Россіею (въ XIII или XVI в.): потому что въ концѣ житія отъ лица соотечественниковъ взываетъ къ св. Кириллу «моли о насъ Вседержителя.... отъ настоящія намъ бѣды избавитися и отъ безбожныхъ Агарянъ, *присно мучащихъ насъ*».

хотя выражаетъ и чувствованія покаянныя, но вовсе не расположенъ по буквамъ азбуки и обращенъ не къ одному Господу Іисусу, а часто и ко всѣмъ лицамъ Св. Троицы; 6) вѣроятно, и многія другія сочиненія, которыми занимался св. Кириллъ, еще подвизаясь въ столпѣ, и потомъ въ числѣ «множайшимъ» предалъ церкви. Думать, будто бы подъ именемъ посланій къ Андрею Боголюбскому разумѣются собственно извѣстныя слова и поученія Святителя Кирилла потому только, что посланія эти, по выраженію жизнеописателя, написаны отъ Евангельскихъ и пророческихъ писаній, совершенно неосновательно: ибо и посланія къ Игумену Печерскому Василію, какъ говоритъ самъ св. Кириллъ, написаны то же отъ святыхъ книгъ, и почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій, иногда даже не разъ онъ повторяетъ, что пишетъ не отъ себя, а отъ Евангельскихъ и пророческихъ писаній. Жизнеописатель именно выражается, что св. Кириллъ «Андрею Боголюбскому князю многія посланія» написалъ; а извѣстныя слова на праздники написаны св. Кирилломъ для произнесенія въ церкви предъ народомъ и обращеній къ Андрею Боголюбскому никакихъ не содержатъ. Могъ, конечно, св. Кириллъ препровождать копіи съ своихъ словъ къ Андрею Боголюбскому, но уже это самое требовало сопутствовать ихъ посланіями къ князю или письмами [12]. Въ рукописяхъ встрѣчаются слова и поученія подъ именами: *Кирила мниха*, *св. Кирилла епископа*, *св. отца Кирилла* [13]. Можетъ быть, эти

---

[12] *Калайд.* Предисл. къ Твор. св. Кирилла XXXII.

[13] Напримѣръ: 1) *Кирила мниха* о преступленіи заповѣди Божіи и изгнаніе Адамле изъ рая (Опис. рук. Царск. 505); 2) *Кирила монаха* Похвала святыхъ и преп. Отецъ нашихъ Евѳимія великаго и Саввы освященнаго (тамъ же 68); 3) слово *св. Кирила епископа* о томъ, яко не забывати учителей своихъ (тамъ же 394); 4) Поученіе

сочиненія принадлежатъ къ числу потерянныхъ или неизвѣстныхъ намъ твореній св. Кирилла Туровскаго, тѣмъ болѣе, что подъ двумя первыми именами встрѣчаются и его подлинныя, несомнѣнныя сочиненія; но утверждать это съ рѣшительностію было бы неосновательно.

Сомнительными сочиненіями святителя Туровскаго мы признаемъ два поученія и два слова, помѣщенныя въ числѣ печатныхъ его твореній, именно: шестое — поученіе въ недѣлю пятую по Пасхѣ, десятое—поученіе на пятьдесятницу, одинадцатое—слово о премудрости и двѣнадцатое — слово о мытарствахъ. Относительно трехъ первыхъ статей самъ издатель сознается, что онѣ не надписаны именемъ св. Кирилла въ древнѣйшемъ Сборникѣ (XIII в.), въ которомъ находится большая часть изданныхъ его твореній; но присовокупляетъ: «одинъ слогъ, то же величіе и та же простота выраженій и непосредственная связь означенныхъ статей съ подлинными сочиненіями св. Кирилла дозволяютъ приписать оныя нашему святителю» (Предисл. стр. XXXIII). Основанія очень недостаточныя. И, во первыхъ, одно то уже, что эти три статьи не надписаны именемъ св. Кирилла въ томъ самомъ сборникѣ, въ которомъ всѣ прочія его сочиненія надписаны его именемъ, заставляетъ предположить, что составитель сборника или переписчикъ не признавалъ ненадписанныхъ статей твореніями святителя Туровскаго. Во вторыхъ, при ближайшемъ сличеніи этихъ статей съ достовѣрными сочиненіями св. Кирилла нельзя не чувствовать значительной разности между ними: въ

св. отца Кирила (— 81); 5) Слово *св. отца Кирила* о первосъланнѣмъ (—84); 6) Слово *св. отца Кирила* о страсѣ Божіи (—84. 133); 7) Слово *св. отца нашего Кирила* о злыхъ, о невѣрныхъ человѣцѣхъ (Опис. рук. Толстов. 601) и др.

статьяхъ и по слогу, и по составу, и по тону, болѣе простоты, менѣе витіеватости, искуственности, образности нежели въ сочиненіяхъ св. Кирилла. Въ третьихъ: въ чемъ состоитъ непосредственная связь этихъ статей съ сочиненіями святителя Туровскаго въ древнемъ Сборникѣ? Въ томъ, что первая статья—поученіе въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ помѣщена между словами его въ недѣлю четвертую и недѣлю шестую по Пасхѣ, а статьи вторая и третья слѣдуютъ за словомъ его на соборъ 318-ти св. Отцевъ и потомъ сопутствуются словами св. Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и другихъ.... Что же это за связь? И кому неизвѣстно, что въ Сборникахъ, въ которыхъ расположены слова и поученія по порядку недѣль и праздниковъ церковныхъ, весьма часто помѣщаются въ такой же связи сочиненія совершенно различныхъ писателей? Наконецъ, должно замѣтить, что не только въ спискѣ XIII в., но и въ спискахъ XIV, XV и послѣдующихъ столѣтій всѣ упомянутыя три статьи, сколько намъ извѣстно, ни разу не приписываются св. Кириллу Туровскому, напротивъ или усвояются другимъ писателямъ, Греческимъ, или, что гораздо чаще, не приписываются никакому писателю [14]. Пусть будетъ вѣр-

[14] Такъ—1) слово въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ — а) въ Сборн. Новг. Соф. библ. XIV—XV в. (№ 578, л. 219) надписано: «поученіе въ недѣлю четвертую по Пасцѣ» и не усвоено никому; б) въ Сборн. Рум. Муз. XV в. надписано: «поученіе, иже во святыхъ отца нашего Василія Кесарійскаго въ недѣлю вторую поста» (Опис. стр. 620); в) въ Сборн. XVI и XVII в. усвояется св. Іоанну Златоусту (Опис. рукоп. Царскаго 372. 786; Рум. Муз. 227. 231). 2) Поученіе на Пятидесятницу—а) въ Сборн. Новг. Соф. библ. XIV—XV в. (№ 573, л. 218 об.) надписано: «поученіе на св. Пятикостію» и не усвоено никому; б) въ Сборн. XV, иногда и XVI в. такъ же не усвоено никому (Опис. рук. Царск. 351. 358. 661, 672; Рум. Муз. 620); в) въ двухъ сборн. изъ которыхъ одинъ XVI в., а другой XVIII в., приписывается то

нымъ, что эти статьи не принадлежатъ тѣмъ, кому иногда усвояются; но на какомъ же основаніи мы станемъ усвоять ихъ именно нашему святителю Туровскому, когда ему онѣ нигдѣ не приписываются?

Перейдемъ къ послѣднему слову, — къ слову объ исходѣ души и о мытарствахъ. Въ большей части списковъ, начинающихся съ XIV столѣтія, оно называется словомъ вообще *св. Кирилла*, или *св. отца Кирилла* [15]; въ нѣкоторыхъ спискахъ XIV — XV и XVI в., надписывается именемъ *св. Кирилла философа* [16] и въ нѣкоторыхъ спискахъ XVI и XVII в. именемъ *св. Кирилла, епископа Туровскаго* [17]. Какому же изъ этихъ двухъ Кирилловъ слово принадлежитъ? Списки перваго рода здѣсь ничего не рѣшаютъ; а сравнивая списки втораго и третьяго рода, естественно болѣе склоняемся приписать слово св. Кириллу философу, нежели Кириллу Туровскому: такъ какъ вторые списки по времени начинаются прежде. Но не по надписямъ надъ списками, а по самому содержанію разсматриваемаго слова мы доходимъ до полной увѣренности, что оно принадлежитъ св. Кириллу философу. Въ этомъ словѣ только небольшой приступъ придѣланъ неизвѣстнымъ, а всё послѣдующее взято изъ сочи-

---

св. Іоанну Златоусту, то преп. Ѳеодору Студиту (Опис. рук. Царск. 372; Рум. Муз. 700. 701); 3) Наконецъ, слово о премудрости—а) въ Сборникѣ XIV в. надписано: «слово св. отецъ о наказаньи» и не усвоено никому лично (Опис. Рум. Муз. 234), и б) въ Сборникѣ XVI в. надписано: «поученіе нѣкоего вѣрнаго человѣка къ духовному брату» и такъ же не усвоено никому (тамъ же 232). Другихъ списковъ этого слова мы не знаемъ.

15 Опис. рук. Рум. Муз. 234. 227; Царск. 88. 142. 381; Толст. 382 Сборн. моей библ. XVI в., № 65, л. 303 об.

16 Опис. рукоп. Рум. Муз. 507; Царск. 141.

17 Опис. рукоп. Рум. Муз. 167; Толст. 412.

нeнія св. Кирилла философа. Представимъ начало слова: «Понеже тайна си не всѣмъ откровена бысть и многими человѣкы не свѣдома; но яко же *Кириллъ философъ* рече: не того ради створени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся, но да угодимъ Богови и будущая получимъ. Но понеже непытаніемъ Божественныхъ писаній заблудихомъ отъ истиннаго пути, ни помышляемъ, како ны есть почтилъ Богъ и создалъ въ утробѣ матерней и душу вложилъ, и паки и оттуду ны изведе. Егда убо, *рече*, всякъ младенецъ крещаемь бываетъ, тогда посылается отъ Бога аггелъ на храненіе въ всё житіе человѣческое». За тѣмъ непрерывно тянется рѣчь объ отношеніи ангела-хранителя къ человѣку впродолженіе жизни, объ исходѣ души изъ тѣла и странствованіи ея по мытарствамъ (очень подробно), о кончинѣ міра и послѣднемъ мздовоздаяніи праведникамъ и грѣшникамъ. Спрашивается, кто же это *рече*, отъ имени котораго излагается все послѣдующее слово? Изъ предыдущаго очевидно, что не кто другой, какъ Кириллъ философъ[18]. А что мы излагаемъ не одну произвольную досаду, — можемъ указать на самый источникъ, откуда заимствовано настоящее сочиненіе. Въ рукописяхъ встрѣчается слово, иже во святыхъ отца нашего *Кирилла философа* на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ[19]. Начало этого слова другое, нежели въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, но дальнѣйшее содер-

---

18 Въ одномъ спискѣ XVI вѣка, это слово о мытарствахъ начинается прямо отъ имени Кирилла философа: «ея же тайны не свѣдаютъ мнози, сію намъ Кирилъ философъ повѣда»... (Оп. рук. Цар. 88).

19 Слово это напечатано г. Розовымъ по рукописи XVII или начала XVIII в. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 8, Отд. IV, 1 — 21. Но, кажется, оно же встрѣчается и въ спискахъ XV и XVI в. (Опис. рукоп. Царск. 87; Толстов. 137).

жаніе объ ангелѣ-хранителѣ, о мытарствахъ и прочемъ — то же самое, только по мѣстамъ обширнѣе. И — что особенно замѣчательно — въ этомъ словѣ вмѣсто оборота: «егда убо, *рече*, всякъ младенецъ крещаемь бываетъ, тогда посылается отъ Бога ангелъ на храненіе во все житіе человѣческое», читаемъ: «*глаголю же убо*, егда крещаеми бываютъ младенцы, тогда посылаемь бываетъ ангелъ Господенъ на сохраненіе во всё житіе его человѣческое»... и т. д. Дѣло ясное, что въ словѣ на соборъ архистратига Михаила св. Кириллъ философъ говоритъ самъ отъ своего лица, тогда какъ въ словѣ объ исходѣ души и о мытарствяхъ говоритъ кто-то отъ имени св. Кирилла философа въ третьемъ лицѣ; слѣдовательно первое слово представляется собственнымъ его сочиненіемъ, а послѣднее есть заимствованіе[20]. Не скроемъ, что слово на соборъ архистратига Михаила извѣстно намъ въ позднѣйшемъ спискѣ и нечуждо распространеній и вставокъ (такъ, весьма неудачно по срединѣ помѣщено въ немъ цѣлое *поученіе къ попомъ*, приписываемое митрополиту Кіевскому Кириллу). Сознаемся, что мы не въ состояніи рѣшить, какому Кириллу философу принадлежитъ это слово: Славянскому ли апостолу, или св. Кириллу епископу Катанскому (Костенскому), учителю Сербовъ (XV вѣка), который также назывался философомъ[21], или еще другому Кириллу. Но во всякомъ случаѣ не сомнѣваемся повторить, что слово объ исходѣ души и о

---

20 Нельзя не замѣтить, что обширное слово Кирилла философа на соборъ архангела Михаила послужило источникомъ не только для слова о мытарствахъ, но и для другаго слова — о небесныхъ силахъ, къ которому неизвѣстнымъ придѣланъ тотъ же самый приступъ: какой и къ слову о мытарствахъ (Опис. рук. Рум. Муз. 227; Сборн. моей библ. № 65, л. 233).

21 Опис. рук. Царск. 419; Бодянск. о врем. происхожденія Слав. письменъ, стр. 66—69, примѣч. 66. 67. М. 1855.

мытарствахъ не есть произведеніе нашего святителя Туровскаго Кирилла, который никогда не назывался философомъ, а заимствовано все, кромѣ краткаго приступа, изъ другаго слова какого-то св. Кирилла философа[22].

Обращаясь снова къ подлиннымъ сочиненіямъ св. Кирилла Туровскаго, которыя мы обозрѣли, можемъ, въ заключеніе, сдѣлать о нихъ слѣдующій краткій отзывъ:

Въ проповѣдяхъ св. Кирилла преобладаетъ воображеніе и духовная поэзія; въ статьяхъ, обращенныхъ къ инокамъ, виднѣе мысль, подъ сильнымъ однакожь вліяніемъ воображенія и фантазіи; молитвы и канонъ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ. По самому изложенію—въ первыхъ болѣе витіеватости, искуственности, риторизма; во вторыхъ всѣ эти недостатки замѣтно ослабѣваютъ; третьи почти вездѣ запечатлѣны естественностію и простотою. И, кажется, не будетъ несправедливости, если на высшемъ мѣстѣ по достоинству поставить молитвы св. Кирилла, на среднемъ — статьи его къ инокамъ и на низшемъ — его церковныя поученія. Современники и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть святителя Туровскаго Русскимъ Златоустомъ, конечно,

---

22 Неизлишнимъ считаемъ присовокупить, что слово о мытарствахъ, приписываемое св. Кириллу, извѣстно намъ въ трехъ видахъ а) въ самомъ краткомъ, какъ оно напечатано г. Калайдовичемъ; б) въ самомъ обширномъ, какъ оно изложено въ словѣ Кирилла философа на соборъ Архист. Михаила, изд. 2. Розовымъ, и в) въ среднемъ между этими двумя видами, какъ оно находится, хотя къ сожалѣнію безъ начала, въ Сборникѣ Новг. Соф. Библ. XIV—XV в., по стар. катал. № 94, л. 15—17. Въ этой средней редакціи слово по мѣстамъ болѣе сходно съ краткою редакціею, а по мѣстамъ, особенно въ концѣ, съ обширною; но вставки (т. е. поученія къ попомъ), какая замѣчена въ обширной редакціи, не имѣетъ. Можетъ быть, средняя редакція и есть самая близкая къ первоначальному тексту слова, которое въ краткой редакціи сокращено, а въ обширной распространено.

не въ томъ смыслѣ, чтобы его сочиненія равнялись по достоинству и характеру съ твореніями древняго златословеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Изъ всѣхъ писателей Русской Церкви, жившихъ въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ, можно указать только на одного митрополита Иларіона, котораго, по нашему мнѣнію, не превосходилъ св. Кириллъ своими талантами и образованіемъ, хотя и превзошелъ количествомъ сочиненій. Главныя отличительныя свойства святителя Туровскаго, какъ писателя: живое, плодовитое, неистощимое воображеніе; мягкое, доброе, воспріимчивое чувство; легкій, свободный, витіеватый языкъ. А въ твореніяхъ митрополита Иларіона находимъ болѣе твердый и обширный умъ, болѣе зрѣлости и послѣдовательности въ мысляхъ, болѣе точности и правильности въ выраженіяхъ и, по мѣстамъ, самое высокое, истинно-ораторское одушевленіе.

V.

ЕЩЕ ЗАМѢТКИ

О ТВОРЕНІЯХЪ СВЯТАГО КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО.

И. И. Срезневскаго.

I.

Молитвы и Исповѣданіе.

Преосвященный Макарій, въ своемъ обозрѣніи произведеній св. Кирилла епископа Туровскаго, далъ замѣтить, что кромѣ тѣхъ, которые опять уже стали извѣстны, могутъ быть найдены еще и другія. Критикѣ послѣдующаго времени будетъ предстоять трудъ опредѣлить, что именно и въ какомъ именно видѣ изъ ихъ числа принадлежитъ дѣйствительно св. Кириллу; а пока не напрасны будутъ и простыя указанія на тѣ произведенія, которыя были у насъ приписываемы этому святителю.

Нѣсколько такихъ произведеній находятся въ канонникѣ братьевъ бояръ Салтыковыхъ, XVI вѣка, богатомъ разными любопытными древностями [1]).

---

[1]) Рукопись эта сообщена была мнѣ о. Архимандритомъ Макаріемъ.

Не упоминая о томъ, что извѣстно, между прочимъ и о «канонѣ по вся д҃ни», названномъ здѣсь «твореніемъ Кирилла философа» (№ 3), замѣтимъ, что въ немъ вписаны: подъ № 60 *двѣ молитвы* «инока Кирилла спати хотящимъ» [2]), подъ № 61 *молитва* ст҃го Кирилла ѡ искоушеніи сонны҃мъ» [3]); подъ № 83 въ «чинѣ бываемомъ на разлученіе д҃ши ѿ тѣла», послѣ псалма 80-го, *молитва* Кирила Тоуров'скаго» [4]), а въ концѣ чина «*молитва* а҃-я ав'вы Кирила Туровъскаго къ гдо҃у нашемоу ісо҃у хо҃у во исходъ д҃ши», и «*молитва* в҃-я на исходъ д҃ши того же Кирила Туров'скаго» [5]); кромѣ того подъ № 63 «*исповѣданіе* ко гдо҃у бго҃у іс҃у х҃у и прч҃тѣи ѐго мт҃ре. и всѣмъ ст҃ымъ ѐго. списано сщ҃енноеп҃помъ Кириломъ Тоуров'скимъ [6]). Изъ семи произведеній, тутъ обозначенныхъ, четыре положительно приписаны Кириллу Туровскому.

---

[2]) 1. «Гд҃и іс҃е х҃е с҃не бж҃ии, невечерніи свѣте. иже на кончаніе вѣка пришелъ еси на землю... п҃нѣ просвѣти ѡмрач'ное мое ср҃дце....

2. Гд҃и бж҃е нашь, въ него же вѣровахомъ... подай же ми вл҃дко на сѡнъ грядоущаго ѡслабоу д҃ши и тѣлоу.

[3]) Гд҃и бж҃е нш҃ъ истиное сіяніе ѿчее слн҃це праведное.. просвѣти в' нощи сеи мысленніи ѡчи мои.

[4]) Гд҃и вл҃дко животоу моемоу вѣкомъ твор'че. и кончинѣ свѣдѣтелю... молящеся вопію ти... ѿпоусти вся грѣхы моя. и конецъ бл҃гъ дароуи ми и тако мя ѿпоусти ѿ телесе моегъ?»...

[5]) 1. Ѡ вл҃ко цр҃ю іс҃е х҃е бж҃е мои. молюся ч҃колюбнеи твоеи бл҃гости... вся грѣхы моя ѡпоусти...

2. Вл҃ко гд҃и бж҃е вседръжителю ѿче гд҃а нашего іс҃а х҃а. иже всѣмъ ч҃ломъ хотяи сп҃тися. і в разумъ истин'ныи пріити... молимъ ти ся и мили ся дѣемъ. д҃шю раба твоего имрекъ, всякіа оузы раздрѣши...

[6]) Исповѣдаюся азъ мнѡгогрѣшныи, имр҃е, бг҃оу. и прч҃тѣи мт҃ри ѐго, и всѣмъ ст҃ымъ. припадаа с' гѡр'кими слезами. помилоуй мя г҃и»...

Болѣе другихъ любопытно «Исповѣданіе». Не считая умѣстнымъ выписывать все, приведу нѣсколько отрывковъ, для обозначенія содержанія и языка этой исповѣди: «Исповѣдаюся азъ многогрѣшныи». Ѿими г҃и ѿ мене брань сію блоуд'ноую, и всяко оумышленіе сатанин'ско, и всяко коварство вражіе. побѣженъ быхъ ѿ нихъ вл҃ко и порабощенъ. зачатъ есмъ во гресѣхъ. А ѿ нелѣ же роженъ есмъ кр҃щеніе ѡскерних. родителемъ непокоривъ быхъ, и ѿ нихъ прощеніе не полоучивъ. и д҃ховниковъ си стар'ца своего заповѣди не сохраних. і агг҃льскаг образа ѡбѣщаніа не соблюдохъ. и великіи образъ ѡбѣщаніа не съблюдѡхъ. великаго чина хиротонисаніе недостоинъ дерзнув; і в забытіи оума бес патрихиля слоужихъ. А се соуть грѣси мои, зависть, ненависть, ревность, ꙗрость, скоупость, дрьзость, лютость, ѡстроже́лчіе, нагло́д҃іе, свирѣп'ство, злокозньство роугательство, стропотьство, плѣненіе, помраченіе, пареніе, сложеніе, смѣхъ плищъ кличь, гнѣвъ сваръ, бѡи оубіи'ство, тат҃ба, л'жа свада, ѡбида враж҃да... виждь чл҃колюбче мѡи строупъ, моя ꙗзва, ѿ моея лѣности, а не ѿ иного пребывши ни кто ж семꙋ повиненъ, ни чл҃къ ни д҃хъ ни тѣло, ни д҃ша, ни ино что, но мѡи злыи ѡбычаи и небреже н е. оудалих'ся ѿ бл҃гдати твоея, елико ѿречен'но ст҃ыми книгами, і елико ѡтрѣкохся во ст҃омъ кр҃щеніи. въ всемъ тѡмъ сол'гахъ и престоупихъ вся преданіа православнаго хр҃тіян'ства. и нѣсть тогѡ грѣха его же не сотворихъ. ѡслаби ми соузꙋ самомоу себе бесловеснѣ связав'шю. И разрѣши всяко слѡво і ѿлоученіе. і клятву и проклятіе. понеже идеж есть клятва тоу есть и престоупленіе. мнѡжицею бо гнѣвомъ съдръжимъ бых клях'ся, и николи же смирихся со ѡскорбившим ми ся. таже гнѣвоу оупас'шоу, не возвратихъ на правыи чинъ д҃шевны н. аще ли смирих'ся, во клятву и престоу-

пленіе в'падωхъ. или паки смирих'ся, злопомнѣнію повиноух'-ся. братне прегрѣше"е видѣвъ посмѣıав'ся, ωсоудихъ и своя прегрѣшенія презрѣвъ, і ω нихъ не радихъ. но ω всѣхъ-сихъ нн҃ѣ каюся тебѣ гд҃оу бг҃оу сотвор'шемоу мя... Не достωинъ есмъ чл҃колюбія твоего. достоинъ есмь бесконечнѣи моуцѣ за моя бесчислен'ныа грѣхы. но воля твоя да боудетъ, ıако же хощеши оустрои вещъ и помилоуи ... аще чистаго сп҃сеши, ни что же дивно, достωини бо соуть твоея бл҃гости. но на мнѣ вл҃ко паче оудиви м҃ть твою, и покажи бл҃гоутрωбіе свое. тебе бо ωставленъ есмъ нищіи, всѣми ωбнищавъ добродѣтел'ми. Гд҃и сп҃си мя блоуднаго бл҃гости твоея ради. Ѡ пр҃таа вл҃ч҃це бц҃е. оумоли сн҃а своего ха҃ бг҃а нашего, избавити дш҃ю мою грѣшноую бѣдноую ѿ гор'кія сея смерти грѣхопадежныа. повсегда моучиму блоуднымъ бѣсомъ лютѣ. И ıако же во ѿчьницѣ писано, не прогнѣва бл҃дная брань братня, чл҃колюбіе сн҃а твоего... аже гж҃е пр҃таа бц҃е грѣшнымъ застоупнице, ıако тебѣ нн҃ѣ спор҃чницоу поставляю сн҃оу твоемоу и бг҃оу нашемоу... Ѡ ст҃ыи ιωан'не пр҃тче кр҃тителю гд҃нь, и покаıанію проповѣдниче. бл҃говоли і оумоли ха҃ иже ѿ дш҃а покаяти ми ся изъ среды ср҃дца твоимъ ходатаиствомъ. Ѿ ст҃іи ап҃тли искоренителіе безбωжіа, и вѣренасадителіе, оумолите ха҃ бг҃а иже ѿ дш҃а покаяти ми ся из среды ср҃ца. О ст҃іи ст҃ліе хв҃и і оучителіе всемирніи, василіе великіи григоріе бг҃ослове і иωанн' зла҃устыи, никωлае теплыи застоупникъ, игнатіе бг҃оносивы". подвигните съ собою весь лик ст҃льскіи. молите ха҃ бг҃а иже ѿ дш҃и покаяти ми ся из среды ср҃ца. Ѡ ст҃іи бг҃оносніи и пр҃подобніи ѿцы нашы, великіи антωніе і еоуфѵміе саво ефрѣме. великіи антоніе и феωдосіе печерскіи, і вси ст҃іи молите ха҃ бг҃а иже ѿ дш҃а покаяти ми ся из' среды ср҃ца, и во исходъ дш҃а

моея помозите ми! Слава ти гди гди сотвор'шему всяческая... пріими хоудѡе и гроубое моленіе мое і исповѣданіе самочин'ное и пребезчин'ное, ѿ скверны моих оусте. и грѣшна моего ѩзыка».

Изъ молитвъ особенно любопытною показалась мнѣ одна изъ двухъ «во исходъ души», въ которой упоминается между прочимъ и о мытарствахъ.

Ѡ вл҃ко црю исе хе бже мои. молюся чл҃колюбнеи твоеи бл҃гости. млтивъ боуди ми ги недостѡиному рабоу твоемоу. і еще в сеи настоящеи жизни. преже житіа кон'ца моего. вся грѣхы моя ѿпусти. покаяніемъ съвер'шена ѡчіщена мя ѩви... и да пріидоутъ аггли твои свѣтліи, разгоняща темныя помраченіа лица бѣсовъ. и да не видитъ дша моя мрачнаа тѣхъ ѡбразы но да пріимоутъ ю аг'гли твои свѣтовидніи. и покрыютъ тоу сщен'ными своими крилы, преводяща ю мытар'ства воздоуш'наа возносяще ю горѣ поклонитися пртлу твоемоу. и да ведоутъ ю въ свѣтлости праведныхъ до дне. егда паки хотя въ славѣ со агглы пріити на землю судити. тогда млтиве не посрами мене въ пришествіи твоемъ. Грѣхъ юности моея и беззаконіа не помяни преблагій ги... да не воздаси мнѣ ги по дѣломъ моимъ, но по щедротамъ млти твоея... и сподоби мя ѡдесную тебе стати и слышати гласа твоего, блговенныхъ зовуща въ цртво твое, въ свѣтъ невечерніи.

II.

Притча «о тѣлѣ ч'ловѣчьстѣ и о доуши».

Въ Запискѣ преосв. Макарія «о св. Кириллѣ епископѣ Туровскомъ» замѣчено между прочимъ, что притча «о тѣлѣ ч'ловѣчьстѣ и о доуши», пересказанная въ Словѣ о слѣпомъ

и хромомъ, помѣщена въ харат. Прологѣ Новг. Соф. Собора XIII—XIV вѣка, или какъ извлеченіе изъ помянутаго слова, или же какъ подлинникъ, давшій сочинителю Слова поводъ къ объясненіямъ. Въ томъ и другомъ случаѣ она любопытна, и потому представляется здѣсь по двумъ древнѣйшимъ спискамъ: 1) по Прологу Новг. Соф. библіотеки XIII в. (л. 187—188) и 2) по Прологу той же библіотеки начала XIV вѣка (л. 13—14).

Мца то въ ки. Въ тъж дьнь притча ѡ тѣлѣ члвцьстѣ и ѡ дши и ѡ въскрнии мьртвхъ.

Члвкъ нѣкто добра рода. насади виноградъ. и ѡплотомъ ѡгради. и ѿходѧ въ домъ своѥго ѡца. Кого реч створю стража моѥму *домоу* (XIV: виноград) и приташанию. аще бо ѡставлю сдѣ ѿ прѣдъстатель моихъ. тъ потеряють *ми троудъ* (XIV: троудъ мой). нъ сиче сътворю. (XIV: да) посажю оу вратъ слепца съ хромьчемъ. да аще кто ѿ врагъ моихъ *хощеть* (XIV: въсхощеть) ѡкрасти виноградъ мой. слепець оубо чюѥть а хромець видить. аще ли кто ѿ сею въсхощеть. хромець оубо нѣ имать ногоу дойти. *слепець же* (XIV: а слѣпець) аще (XIV: оубо) пойдеть тъ въ пропастьхъ оубьѥтьсѧ. (XIV: и) посадивъ ꙗ ѿиде. надълъзе же сѣдѧщима има. реч слепець къ хромчю. что оубо блгооуханиѥ *полътаѥть. изъ дноу* (XIV: повиваѥть изнутрь) вратъ. ѿвѣща хромець. многа *блга* (XIV: блгаꙗ) гна наю *оутрьоудоу* (XIV: внутрь) соуть. ихже *неиздреченьнаꙗ* (XIV: неиздреченьна) въкоушениꙗ. нъ понеже прѣмоудръ (*ѥсть*) гнъ наю. мене посади хромаго а тебе слепаго. и не можевѣ тѣхъ дойти и насытитисѧ. ѿвѣща слепець хромчю. (*ть*) почто ми ѥси *давно сего* (XIV: сихъ) не възвѣстилъ. да быхъве не жадала. аще оубо слепъ азъ (*ѥсмь*) нъ нозѣ

имамъ. и силенъ ѥсмь носити та. нынѣ оубо възми кошь и въсади на моѥ *плещи* (XIV: плещи мои) и азъ та несоу. ты ми поуть поведаи и вса блгаꙗ гна наю ѡбъѥмлевѣ. да ѥгда придеть гнъ наю. и оукрънетса дѣло наю ѿ него. аще бо мене въспросить. *и* азъ рекоу ты вѣси гне ꙗко слепъ ѥсмь. аще ли тебе въспросить. ты же рчи азъ хромъ ѥсмь. и тако *прѣмоудроуѥвъ* (XIV: премудруѥва) гна наю. *въсѣдъ же хромецъ* (XIV: въсѣдъшю же хромцю) на слепьча (и) шьдъша ѡкрадоста ѡвощь гна своѥго. по врѣмени же приде гнъ виноградо*у* и *видѣвъ* (XIV: винограда. видѣ) ѥго ѡкрадена. (*и*) повелѣ привести слепча. и гла. не добра ли та стража поставихъ виноградоу моѥмоу. (*тъ*) почто ѥси ѡкралъ ѥго. ѿвѣща (XIV: ѿвѣщавъ) слепецъ. ты ги вѣси ꙗко азъ слепъ ѥсмъ. аще быхъ хотѣлъ доити тъ *не вижи* (XIV: не вижю) пойти. нъ кралъ (XIV: ти) ѥсть хромецъ а нѣ азъ. (XIV: и) тогда повелѣ гнъ блюсти слепча. доньдеже *приведеть хромьца*. (XIV: призовуть) призваноу же хромцю (XIV: и) начаста ся *сама ѡбличати* (XIV: спирати) хромецъ (бо) глаше (слепчю) аще *бы нѣ ты* (XIV: не бы ты) носилъ мене. николи же быхъ моглъ тамо доити. понеже хромъ ѥсмь. слепецъ же глше аще *бы нѣ ты* (XIV: не бы ты) мнѣ поуть казалъ тъ нѣ быхъ азъ (поуть) тамо дошьлъ. тъгда гнъ сѣдъ на соудищи нача соудити *ре же гнъ*. (XIV: и рече има да) ꙗко же ѥсте крали. тако да въсядеть хромецъ на слепча. (XIV: и) въсѣдьшю (*же*) хромчю. на слепча. (XIV: и) повелѣ бити (*ѥго*) немлтвьно. Разоумѣите же *сеꙗ притча силоу*. (XIV: силу притча сеꙗ) члвкъ ѥсть добра рода хъ снъ бжіи. а виноградъ *земла и миръ глть* (XIV: море и землю нарицаѥть). а *ѡплотъ* (XIV: ѡплотъ) законъ и заповѣди. слоугы же соущаꙗ

с нимь анг҃лы мьнить. хромча (же) тѣло мнить чл҃вче. а҆ слепьча д҃шю єго. ꙗко (*же*) посади оу҆ вратъ. *члвк҃оу* (XIV: *чловѣку*) бо прѣдасть (*ѡ҆бласть*) всю землю. давъ є҆моу҆ законъ и заповѣди. чл҃вкоу бо *прѣстоупївъшю* (XIV: преступльшю) заповедь б҃ию и того ради смр҃тию ѡ҆соужепоу бывъшю. прїводитьсѧ д҃ша єго къ тѣлоу и҆ ѡправдаѥть сѧ гл҃щи ꙗко нѣ азъ єсмь прѣстоупила *заповѣди твоѥꙗ* (XIV: заповѣдь б҃ию) нъ тѣло. и҆ того ради *н҃ѣ моученьꙗ д҃шамъ* (XIV: дꙋшамъ нѣсть моученьꙗ) до вторага пришьствиꙗ. нъ *блюдомы* (XIV: блюдоми) соуть и҆деже б҃ъ вѣсть. єгда же придеть ѡ҆бновити землю, и҆ въскр҃сити оу҆мьршаꙗ по павлоу (XIV: павлоу ап҃лу) гл҃щю. тъгда вси соущии въ гробехъ оуслышать гла҃ с҃на б҃иꙗ и҆ ѡживоуть. (и҆) и҆зидоуть створше благаꙗ *въ въскрѣшениѥ* (XIV: въскр҃ниѥ) живота. а҆ *створше* (XIV: створшии) злаꙗ *въ въскрѣшениѥ* (въскр҃ниѥ) соуда. тъгда пакы д҃ша въ телеса в҄нидоуть. и҆ приимоуть *възданиꙗ* (XIV: възданиѥ) противоу дѣломъ своимъ. (*и҆*) *ѿслють* (XIV: ѿшлють) грѣшникы въ тмоу кромѣшнюю. тоу боудеть плачь и скрьжеть зоубомь. а҆ правьдничи възвеселаться.

III.

Вставки и разночтенія.

Что вставки и разночтенія отличаютъ разные списки словъ, приписываемыхъ св. Кириллу Туровскому, это замѣчено было уже Калайдовичемъ. Важныя дополненія къ его замѣчаніямъ сообщены послѣ А. Х. Востоковымъ (въ Описаніи рпсей Румянц. М. напр. стр. 700). Въ нашихъ Извѣстіяхъ указаны были также отличія списковъ, на которыя необходимо обращать вниманіе для возстановленія текста словъ въ ихъ первобытный видъ. Къ указанному прежде

присоединимъ еще выписку, сообщенную И. К. Купріяновымъ изъ рукописнаго Цвѣтника XVI в. ему принадлежащаго. Сообщаемою выпискою оканчивается поученіе въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ (см. въ Памят. XII в. стр. 53) [1])

---

[1]) Привожу все это поученіе по Цвѣтнику И. К. Купріянова, съ варіантами по изданію Калайдовича.

Нед. а̃ по всѣх стых. слово стго іωаннна злату. како жити хртьном.

Азъ оубо друзи и брат.е надѣахся на всяку недѣлю болѣ събрати въ црквь людій. на послоушаніе бжественых словесъ. нн҃ѣ же мнѣе приходите. но аще быхъ ω себѣ глалъ. то добрѣ бысте творилѣ неприходяще. нынѣж влдчня възвѣщаю вамъ (и грамоту Христову прочитаю вамъ, — уКал.). якож бо кто грамоту црву или кнжу въ град принесетъ. под рукою ег сущимъ. не пытают житья принесшаг. богатъ ли. или оубог. или грѣшен. или праведенъ. но тѣх точю чтомых, послушают: и тщитсѧ. абы ничтож ихъ незабыл. аще ли котораго слова недослышат (негораздо услышить). то прошаетъ слышавшаго. аще л бесчиненъ члкъ голку створил. то бьюще ωгонят и акы пакость творяща. да аще ω земнаг кнзя толико вниманіе бываетъ (будеть). колми пач здѣ внимати подобает намъ (вамъ). идеж аплωм влдка гь бесѣдуеть. тѣмь молю вы здѣ пришедших. да поучаите (да поучасте) не приходящих. и оувѣщаите (и увѣщасте я) приходити къ црквi. вы бо вкусисте ω меду оучнія. ωниж никакож. вкусите реч и оувидите ꙗко блгъ гь. вѣсте бо ω недостоинаг изводит (яко изводяй достойнаго отъ недостойнаго) достоинаго. ꙗко оуста сут хва. а понеж убо сия изрекох. послушаитеж да поучю вы ω млтвѣ. тою бо исправится вся добраа (исправляеться всяко доброе). аще ω оумильна срдца исходит. ꙗко блгоуханіе к бгу въсходит. того рад пррк глть. да ся исправит млтва моя. ꙗко кадило пред тобою. почто ꙗко кадило молитсѧ (почтоже яко и кадилу молиться исправити) исправитися

По^до^баеть вс̑ѣ^м^ вѣрны^м^ разсмотряа дѣати вся. да не вътще тру^д^ буде^т^ и в невидѣньи погибе^л^ дш҃и. что е^с^. и^ж^ ся пости^м^. а правды не творяще. то что успѣемъ. оудръжа^н^е ли постъ. гл҃етсся. или оудръжаніе похоти. аще бо брашна ся оудръжимъ. а похотии тѣла не оудержи^м^. ни мало нѣ^с^ пол'зы ѿ жестоты въздержания плоды злобны творящи^м^. аще рече и попе^л^ кто зобле^т^. а не правду дѣе^т^. зла ѡбычая не преста-не^т^. то не може^т^ сп҃тися. аще бо ѿ хлѣба ся оудръжи^м^ а гнѣваемся и завидимъ. обидимъ и упиваемся. то звѣрю есмы по^до^бни. то^т^ бо хлѣба не ясть. ꙗко и мы въ злобѣ снѣдаемъ другъ друга завистью и клеветою. сами ся губимъ. аще ^ж^

мл҃твѣ. имь^же^ те^м^ꙗнъ имѣетъ в'себѣ бл҃гоуханіе. егда на ѡгни буде^т^. тако^ж^ и мл҃тва егда ѿ горяча ср҃^д^ца буде^т^. то ꙗко бл҃гоуханіе въсходить, не разумѣсте ли поемаго. и еще ли бол'ша пооучю вы. аще внимаете и хощете на-оучити^с^. (аще и на болшая поучю вы, аще и внимаете и хощете научитися). аще^л^ не внимаете а^з^ оумолкну и не хотя вы осужени будете. имъ^ж^ оучащего не внимасте (имже и учащаго имѣюще, не внимасте), како бысте хо-тѣли тол'ки пути итти (толикъ путь ити). елико^ж^ ужьскаа цр҃ца приде. да слышитъ пр҃м^д^рѡсть соломоню. и се болѣ соломона е^с^ (сдѣ). поне^ж^ не мене ра^ди^ (не мене дѣля). а^з^ бо грѣшникъ есмь. но їеу҃альска^г^ оучн҃іа (нъ евангельскаго ради проповѣданья и апостольскаго ученія). повѣдете ми бра^т^е. аще въсходящю сл҃нцю. и сомжари^т^ кто ѡчи свои. не хотя видѣти свѣта сего. гл҃я лучьши е^с^ т'ма свѣта сего. или помилуеть его кто. а не паче възненавиди^т^ и ѿвръзе^т^ся его (и отвержеться его) то^ж^ и ѡ словеси оучн҃ія има^т^. свѣ^т^ бо слово бж҃іе в'писаніи нарече^т^ся. и тъ е^с^ болѣ (болій) видимаго сего свѣта се бо плотстѣи ѡчи просвѣщаеть. а ѡ^н^ дш҃евнѣи. того ради пр҃ркъ двдъ гл҃ть к' бг҃у. свѣтилни^к^ ногама моима зако^н^ твои и свѣ^т^ стезя^м^ моимъ. и пакы

въздержати^с хощеши ѿ рыбъ и ѿ мясъ. то пръвїе ѡстани гнѣва и ярости. гордости и клеветы. обиды. тат'бы. пьяньства. блуженїа и всякоя злобы и неправды. тогда не буде^м звѣрю подобны. но оуподобимся стмь добрая дѣла и правду творяще. аще^ж кто ѿ питья не испивае^т. ни мяса ясть. а злобу дръжить. и порабощаеть неповинныя. пущи скота таковыи. ни ясть бо ско^т мяса ни питья не пье^т. аще' кто и на голѣ земли легае^т. и по вся нощи не спи^т и молится. а зло мысли^т и дѣеть неправду и не милуеть оубогы^х и не подаеть просящи^м бга ради. ни тако ся хвали. не требуеть бо постели ско^т. но ни тѣ^х зло^б има^т. кыи оубо успѣ^х есть чл̃ку.

исаїа гле^т. лю^д е сѣдяще во т'мѣ ви^ди ша свѣ^т велїи. кто оубо помилуе^т (*помину?*) не хотящаго свѣта вн^ди ти. елико^ж ва приходи^т къ цркви (въ церковь). понужаите не приходящаа (не хотящихъ) приходити. и никто^ж не гдть. ꙗко не празденъ есмъ во ины^х дѣле^х. но помысли ѡны званныа на црьскую ве^ч рю и^ж многы такыи^ж извѣты сътвориша. ѡво^ж супругу воло^в искусити хощу. ѡвого^ж села купленаго доглядати (съглядати). а инъ жену пояту. и про то ра^з гнѣвася на ни^х црь. а вы едино^г чяса неможете (ли) ѿлучити гви (Богови). въ прошу вы. ѿвѣщаите ми. аще злато и сребро по вся дни раздавалъ бы^х. или ме^д или пиво (либо си пиво), не сами ли бысте приходили непозываемі (непризываемі). дру^г друга зовуще (и другъ друга бѣсте варили). нынѣ^ж словеса бжїя раздаваю па^ч меда и сота (лучьша паче злата и каменья драгаго и слажьша). лишаетеся и^х самохо^т. неприходяще къ цркви а тѣхъ^ж и злословлю и укаряю. якоже васъ приходящи^х хвалю (и благословлю, коꙗдо же васъ молю вы приходящихъ) здѣ вкушающе дховнаго се^г меду. аще суседа имате или ближники (родина). или жену или дѣти. то позываите вся въ црквь и поучаитеся дшеполезны^м словесе^м....

алкати плоᵀю. а оумиратиᶡ дѣлы. кая ли помоᵚ. ѿ яди въздержатиᶜ. а на блуᵈ съвокуплятиᶜ. и наполнятнися еправдами именїа. аще бо на суᵈ и на сваръ поститеᶜ. не такоᴦ поста избраˣ г҃лть г҃ь. но ѿверзи реᶣ всяку неправду. и все грѣховное събранїе и ѡставиᵐ грѣховныя похоти. да не будемъ скоᵀску телеси подобни. но д҃хвныхъ дѣлъ плоды д҃хвныя творяще. аг҃гломᵐ будемъ подобни и получиᵐ съ оугожьшими бг҃у жизнь вѣчную. бг҃оу н҃шему слава.

VI.

ПАМЯТНИКИ XV ВѢКА.

Акты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ.

М. А. Коркунова.

Дѣла по мѣстничеству, напечатанныя П. И. Ивановымъ въ «Историческомъ Сборникѣ», принадлежатъ къ XVI и XVII столѣтіямъ; самое древнее изъ нихъ, дѣло Василья Зюзина съ окольничимъ Ѳедоромъ Нагимъ, производилось въ 1576 году [1]. Въ «Сборникѣ Муханова» [2], въ «Описаніи Государственнаго Разряднаго Архива» [3], во «Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» [4], также помѣщено нѣсколько мѣстническихъ дѣлъ; одно изъ нихъ принадлежитъ ко времени царя Ѳедора Іоанновича, а всѣ прочія къ царствованіямъ Михаила Ѳеодоровича, сына его Алексѣя и внуковъ Петра и Іоанна Алексѣевичей. Въ «Симбирскомъ Сборникѣ», въ предисловіи къ Разрядной книгѣ, разсмотрѣно Валуевымъ много мѣстническихъ случаевъ, бывшихъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ [5]. Въ «Исторіи Государства Россійскаго» первый примѣръ мѣстничества показанъ Карамзинымъ, подъ 1500 годомъ [6].

Въ разрядной книгѣ, принадлежавшей нѣкогда Марку Григорьевичу Башмакову, а послѣ него стольнику Никитѣ Ивановичу Кобыльскому [7]), записанъ этотъ споръ о мѣстахъ также подъ 1500 (7008) годомъ, но въ ней есть еще другой мѣстническій споръ и судъ болѣе древній.

Подъ 1504 (7012) годомъ помѣщена въ «Башмаковской разрядной книгѣ» правая грамота великаго князя Іоанна Васильевича, данная Петру Михайловичу Плещееву на Петра Лобана Григорьевича Заболоцкаго, не хотѣвшаго ѣхать вмѣстѣ съ Плещеевымъ въ послахъ къ Польскому королю Александру. Въ этой правой грамотѣ прописаны двѣ «посыльныя» грамоты великаго князя Василія Васильевича Темнаго и правая великаго князя Іоанна Васильевича, въ которой разбирается споръ о мѣстахъ между Васильемъ Өедоровичемъ Сабуровымъ и Григорьемъ Васильевичемъ Заболоцкимъ. Она не имѣетъ datum, но упоминаемыя въ ней лица даютъ поводъ думать, что она написана въ XV вѣкѣ.

Князь Іоаннъ Васильевичъ, сынъ Василья Васильевича Темнаго, называется въ этой грамотѣ княземъ великимъ: «сесь судъ судилъ князь великій Иванъ Васильевичь» [8]). На великокняжескій престолъ Іоаннъ III вступилъ 27 марта 1462 года [9]), но и при жизни отца своего онъ именовался великимъ княземъ, съ 1451 года [10]).

Спорившія о мѣстахъ лица были Сабуровъ и Заболоцкій: «тягался Василей Өедоровичь Сабуровъ съ Григорьемъ Васильевичемъ Заболотцкимъ» [11]).

Сабуровъ, Василій Өедоровичъ, происходившій по родословнымъ книгамъ отъ мурзы Чета, пожалованъ въ бояре въ 146$\frac{4}{5}$ (6973) году [12]), былъ воеводою при покореніи Новгорода, въ 1478 [13]) и умеръ въ 148$\frac{4}{5}$ (6993) году [14]).

Заболоцкій, Григорій Васильевичъ, котораго родъ производятъ отъ князя Александра Всеволодовича, былъ уже бояриномъ при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ и умеръ въ $147\frac{2}{3}$ (6981) году [15]).

Василій Ѳедоровичъ Сабуровъ, въ жалобѣ своей на Григорья Васильевича Заболоцкаго, ссылался на бояръ Геннадія Бутурлина и Михаила Плещеева: «вѣдомо, господине, бояромъ старымъ Генадью Бутурлину да Михаилу Борисовичю Плещееву» [16]).

Геннадій Бутурлинъ, до постриженія въ монахи, назывался Григоріемъ и былъ второй сынъ Ивана Бутурли Андреевича [17]). Надо полагать, что онъ принялъ монашество еще при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ Темномъ, до 1462 года: потому что подъ 1462 годомъ, въ спискѣ бояръ великаго князя Василья Васильевича, нѣтъ уже его имени [18]).

Плещеевъ, Михаилъ Борисовичъ, происходилъ отъ Ѳедора Бякопта. Прадѣдъ его, Александръ Ѳедоровичъ Плещей, былъ младшій братъ Алексѣя чудотворца [19]). Во «Второй Софійской Лѣтописи» подъ 1446 (6955) годомъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, называнъ бояриномъ [20]); въ спискѣ бояръ великаго князя Василья Васильевича Темнаго, за 1462 годъ, онъ также поименованъ. Смерть Михаила Борисовича Плещеева показана, въ этомъ спискѣ, подъ $146\frac{7}{8}$ (6976) годомъ [21]).

Въ концѣ правой грамоты, данной Василью Ѳедоровичу Сабурову, написаны бояре, при которыхъ производился судъ и означено имя дьяка, подписавшаго грамоту: «па судѣ у великого князя были бояра, князь Иванъ Юрьевичь, да князь Василей Ивановичь, да Иванъ Ивановичь, да Ѳедоръ Давы-

довичь; а подписалъ великого князя дьякъ Алексѣй Полуехтовъ» [22]).

Князь Иванъ Юрьевичь былъ второй сынъ князя Юрья Патрикѣевича, зятя великаго князя Василья Дмитріевича [23]). Въ 1459 г., подъ начальствомъ князя Ивана Юрьевича совершенъ походъ на Вятку. Въ спискѣ бояръ великаго князя Василья Васильевича Темнаго, за 1462 годъ, онъ поставленъ ниже боярина Михаила Борисовича Плещеева. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ умеръ въ 1499 году [24]).

Князь Василій Ивановичь. При Іоаннѣ III, изъ князей показаны въ боярскомъ спискѣ четыре Патрикѣевыхъ, шесть Оболенскихъ, семь Тверскихъ удѣльныхъ (два Микулинскихъ, три Холмскихъ, Телятевскій и Дорогобужскій), четыре Ярославскихъ, два Ростовскихъ и два Ряполовскихъ, и изъ всѣхъ этихъ князей только одинъ бояринъ съ именемъ Василія Ивановича, а именно князь Косой Патрикѣевъ [25]). Но князь Василій Ивановичь Косой пожалованъ въ бояре въ 149$\frac{4}{5}$ (7003) году, когда уже не было въ живыхъ ни Григорія Васильевича Заболоцкаго ни Василья Өедоровича Сабурова, и при жизни ихъ, во время спора о мѣстахъ, онъ былъ очень молодъ, судя по времени его кончины. Извѣстно, что въ 1525 г., князь Василій Ивановичь Косой, во иночествѣ Вассіанъ, совѣтовалъ великому князю Василію Іоанновичу не разводиться съ неплодною Соломоніею [26]): если князь Косой въ 1525 году былъ 75 лѣтъ, то въ послѣдній годъ жизни Михайла Борисовича Плещеева, на котораго ссылался Сабуровъ на судѣ, ему было не болѣе 14 или 15 лѣтъ. При отцѣ Іоанна III-го, при Темномъ, извѣстенъ другой князь съ этимъ же именемъ, Василій Ивановичь Оболенскій: въ 1445 году онъ былъ

намѣстникомъ въ Муромѣ, а въ 1450 предводительствовалъ войскомъ Темнаго и разбилъ Димитрія Шемяку въ знаменитой битвѣ подъ Галичемъ [27]). При описаніи этой битвы, «Никоновская Лѣтопись» называетъ князя Василія Ивановича Оболенскаго «большимъ воеводою» [28]). Младшій родной братъ его, князь Семенъ Ивановичъ, наименованъ бояриномъ великаго князя Василія Васильевича въ договорной грамотѣ 1451 года [29]), а старшій сынъ его, князь Иванъ Васильевичъ Стрига, показанъ въ спискѣ бояръ Темнаго за 1462 годъ [30]). Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что изъ двухъ извѣстныхъ князей, носившихъ имя Василія Ивановича при Темномъ, Оболенскій, а не Косой присутствовалъ при разборѣ спора о мѣстничествѣ между Сабуровымъ и Заболоцкимъ, хотя и не найдено мною положительныхъ указаній, чтобы князь Василій Ивановичъ Оболенскій былъ бояриномъ.

Иванъ Ивановичъ. Въ спискѣ бояръ великаго князя Іоанна Васильевича поименовано двадцать три боярина, безъ княжескаго титула: трое Сабуровыхъ, пять Морозовыхъ [31]), шесть Бороздиныхъ, два Кошкиныхъ, два изъ рода Акинѳа Гавриловича, Хромой и Челяднинъ, два Плещеевыхъ, и по одному изъ фамилій: Воронцовыхъ, Заболоцкихъ и Добрынскихъ, и между этими боярами нѣтъ ни одного, который назывался бы Иваномъ Ивановичемъ [32]). При отцѣ же Іоанна III, великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ, былъ бояринъ, имѣвшій это имя и отчество; въ первомъ духовномъ завѣщаніи Темнаго онъ написанъ послѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева [33]). Кто же такой былъ этотъ Иванъ Ивановичъ, бояринъ Темнаго? Между аристократическими фамиліями двора Московскаго въ XV вѣкѣ, имя Ивана Ивановича встрѣчается нерѣдко: между Кошкиными Кобылиными внукъ зна-

менитаго Өедора Кошки [34]) назывался Иваномъ Ивановичемъ; въ родѣ Акинөа Гавриловича, родоначальника Челядниныхъ, Бутурлиныхъ, Хромыхъ, былъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ; въ родѣ Александра Всеволодовича извѣстенъ сынъ Ивана Дмитріевича, тесть князей Даніила Холмскаго, Ивана Булгака, Мниха Ряполовскаго и близкій родственникъ князя Андрея Владиміровича и князя Василія Оболенскаго; между Сабуровыми — Иванъ Ивановичъ Годунъ, и между Морозовыми — Иванъ Ивановичъ Чеглокъ, двоюродный дядя боярина Михаила Яковлевича Русалки Морозова. [35]) Двое изъ этихъ Ивановъ Ивановичей были въ родствѣ съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ: Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ по двоюродномъ братѣ своемъ Иванѣ Михайловичѣ, женатомъ на Еленѣ Юрьевнѣ Патрикѣевой, и Иванъ Ивановичъ Кошкинъ, по женѣ Темнаго великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, которая была дочь двоюродной его сестры [36]). Подъ первымъ завѣщаніемъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ подпись родственника его жены, Ивана Ивановича Кошкина. Отецъ его Иванъ Өедоровичъ пользовался особою довѣренностью великаго князя Василія Дмитріевича: «нынѣ у тебя — писалъ къ великому князю Эдигей — сынъ его (Өедора Кошки) Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина, и ты нынѣ изъ того слова, изъ того думы не выступаешь» [37]). Родная тетка Ивана Ивановича, баба великой княгини, боярыня Марія Голтяева Кошкина подарила одному изъ сыновей Темнаго, князю Борису Васильевичу, множество селъ и деревень [38]).

Өедоръ Давидовичъ принадлежитъ къ одному роду съ Бутурлиными: это видно изъ отписки къ нему, Геннадія Бутурлина, по дѣлу о мѣстничествѣ Григорія Заболоцкаго съ

Васильемъ Сабуровымъ. Отписка эта начинается словами: «господину Θедору Давыдовичю Генадей, господине, Бутурлинъ челомъ бьетъ на великомъ жалованьи, что, господине, жалуешь, печалуешься о своемъ братѣ о молодшемъ о Ондреѣ Бутурлинѣ» [39]). Андрей Бутурлинъ былъ троюродный братъ Θедору Давидовичу Хромому и младшій въ родѣ, потому что родной дѣдъ Андрея Ивановича, Иванъ Андреевичъ Бутурля, былъ по родословнымъ младшій братъ Ивана Андреевича Хромаго, роднаго дѣда Θедора Давидовича [40]). Геннадій же Бутурлинъ родной дядя Андрея Ивановича Бутурлина, того самаго, о которомъ говорится въ отпискѣ. Затѣмъ все дальнѣйшее содержаніе этой отписки исключительно принадлежитъ до дѣла о мѣстничествѣ Григорія Заболоцкаго съ Василіемъ Сабуровымъ. Поэтому, нельзя кажется, сомнѣваться что Θедоръ Давидовичъ, присутствовавшій на судѣ, гдѣ челобитчикъ Василій Сабуровъ, ссылался на стараго боярина Геннадія Бутурлина, и Θедоръ Давидовичъ, къ которому адресована отписка Геннадія Бутурлина, по дѣлу Заболоцкаго съ Сабуровымъ [41]), одно и тоже лицо, и именно Θедоръ Давидовичъ Хромой. Но въ спискѣ бояръ Іоанна III-го находится указаніе, что Θедоръ Давидовичъ Хромой былъ пожалованъ въ бояре въ $147\frac{0}{1}$ (6979) году [42]). Это обстоятельство можно бы объяснить временною опалою и отставкою, но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Θедоръ Давидовичъ Хромой, былъ бояриномъ Іоанна Васильевича до вступленія его на великокняжескій престолъ, а потомъ въ $147\frac{0}{1}$ (6979) году вновь пожалованъ боярствомъ, т. е. ему, бывшему боярину наслѣдника престола, дано мѣсто между боярами государя Московскаго. Дѣти великихъ князей имѣли собственныхъ бояръ и при жизни своихъ отцовъ; въ договорной гра-

мотѣ Димитрія Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1388 года, сказано между прочимъ: «кто иметъ жити моихъ бояръ и моего сына княжихъ Васильевыхъ и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ». Подобныя же слова, хотя и безъ имени Іоанна Васильевича, встрѣчаются и въ договорныхъ грамотахъ Василія Темнаго [43]).

Дьякъ Алексѣй Полуехтовъ въ 1474 году подписался, въ числѣ свидѣтелей, подъ поручной записью Ивана Никитича Воронцова по князѣ Даніилѣ Холмскомъ [44]), а въ октябрѣ 1475 сопровождалъ великаго князя Іоанна Васильевича въ поѣздкѣ его въ Новгородъ [45]). Подъ 1467 годомъ, Карамзинъ упоминаетъ о дворянинѣ Алексѣѣ Полуевктовѣ, котораго жену, Наталію, подозрѣвали въ смерти великой княгини Маріи, супруги Іоанна III: Настасья Полуевктова посылала къ ворожеѣ поясъ княгини [46].

Итакъ изъ четырехъ бояръ, присутствовавшихъ на судѣ о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ, только двое извѣстны положительно: князь Иванъ Юрьевичь Патрикѣевъ и Ѳедоръ Давидовичъ Хромой. Первый, подвергшись опалѣ, постригся въ монахи и умеръ въ 1499 году [47]), второй скончался ранѣе; смерть его въ спискѣ бояръ показана подъ $148\frac{2}{3}$ (6991) годомъ [48]).

Изъ всѣхъ же десяти лицъ, поименованныхъ въ правой грамотѣ, и во время суда по челобитью Сабурова находившихся въ живыхъ, умерли въ XV вѣкѣ: Плещеевъ, Григорій Заболоцкій, Хромой, Василій Сабуровъ, князь Иванъ Юрьевичъ, и, вѣроятно, Бутурлинъ; великій князь Іоаннъ Васильевичь III-й скончался 27 октября 1505 года [49]). Данная имъ Сабурову правая грамота, напи-

сана, по моему мнѣнію, еще при жизни великаго князя Василья Васильевича Темнаго. Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1) Григорій Васильевичь Заболоцкій не называется въ грамотѣ бояриномъ, а онъ пожалованъ въ это званіе при жизни Темнаго [50]).

2) Григорій Ивановичь Бутурлинъ наименованъ въ грамотѣ Геннадіемъ. Онъ не показанъ въ спискѣ бояръ Темнаго за 1462 годъ: слѣдовательно постригся въ монахи и принялъ имя Геннадія при жизни Темнаго [51]).

3) Князь Іоаннъ Васильевичь называется въ правой грамотѣ Сабурова великимъ княземъ. Съ этимъ титуломъ имя его встрѣчается въ грамотахъ великаго князя Василья Васильевича, писанныхъ около 1451 года [52]).

Поэтому правая грамота Сабурову о мѣстномъ старшинствѣ его передъ Заболоцкимъ написана не ранѣе 1451 и не позже 27 марта 1462 года, когда умеръ Темный.

Прочіе акты, напечатанные въ слѣдъ за правою грамотою принадлежатъ къ тому же времени и къ тому же дѣлу о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ, и безъ сомнѣнія написаны прежде правой грамоты. Но такъ какъ не сохранилось челобитной Сабурова, а въ правой грамотѣ сокращенно изложенъ весь ходъ дѣла, то она и помѣщена въ началѣ, прежде другихъ актовъ.

Память Геннадія Бутурлина до Михаила Борисовича (актъ III) была уже напечатана въ «Москвитянинѣ» 1843 г. [53]). Въ рукописи Новгородской Софійской Библіотеки № $\frac{10}{733}$ [54]) начала этой памяти, до словъ «княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ съ своими бояры чернцомъ Ондреемъ», недостаетъ за утратою листа. Въ рукописи Московской Синодальной Библіо-

теки № 789 [55]) находятся только двѣ первыя ея статьи, о выѣздѣ князя Юрія Патрикѣевича и о «мѣнѣ» боярами великаго князя Василія Дмитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ, и при томъ каждая отдѣльно. Первая имѣетъ заглавіе: «память Генадья Бутурлина да Михаила Борисовича», а вторая безъ заглавія, и между этою послѣднею статьею и первою, о выѣздѣ князя Юрья Патрикѣевича, помѣщены: «память Петра Костянтиновича» и выписки изъ духовныхъ завѣщаній великихъ князей Донскаго, Василья Дмитріевича и Темнаго, содержащія имена бояръ, присутствовавшихъ при составленіи завѣщаній. Поэтому память Геннадія Бутурлина раздѣлена мною на три статьи.

Первая статья содержитъ имена бояръ Московскаго великокняжескаго двора, во время пріѣзда въ Москву князя Юрія Патрикѣевича [56]). Въ «Никоновой Лѣтописи» показано, что отецъ Юрія князь Патрикій выѣхалъ изъ Литвы въ 1409 году: «того жъ лѣта (6917), мѣсяца іюля въ 26-й день, пріиде къ великому князю Василію Дмитріевичю, на Москву, изъ Брянска, князь Литовскій Свидригайло Олгердовичь служити, съ нимъ же и владыка Брянскій Исакій, да съ нимъ же князь Патрекѣй Звенигородской» и много другихъ князей и бояръ. Въ «Бархатной книгѣ» пріѣздъ князя Патрикія на основаніи «Степенной Книги» отнесенъ къ 6916 году. Подъ этимъ же самымъ годомъ находилось это извѣстіе и въ Троицкой харатейной Лѣтописи: «іулія въ 8 день, въ недѣлю, выѣха изъ града изъ Брянска Швитригайло, а на Москву пріѣха іулія въ 26» [57]). Въ рукописной родословной книгѣ Новгородской Софійской Библіотеки [58]) сказано, что вмѣстѣ съ княземъ Патрикѣемъ выѣхали и дѣти его: «Нариментовы сынове Патракѣй, Семіонъ, Патра-

кѣевы сынове Ѳедоръ, Юрьи, Олександръ пріѣхали отъ Витовта короля на Москву служити къ великому князю Василью Дмитревичю». Слѣдовательно князь Юрій Патрикѣевичь пріѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, 26 іюля 1408 года. Боярами при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ онъ засталъ тогда Константина Шею, Ивана Дмитріевича, Володиміра Даниловича, Дмитрія Васильевича и Ѳедора Кошкина Голтяя. Отъ этого почти самаго времени дошло до насъ духовное завѣщаніе великаго князя Василія Дмитріевича, написанное имъ по смерти митрополита Кипріана и при жизни великой княгини Евдокіи [59]). Въ этомъ завѣщаніи поименованы бывшіе при составленіи завѣщанія бояре великаго князя: «князь Юрьи Ивановичь, *Костянтинъ Дмитреевичь*, Дмитрей Афинѣевичъ, *Иванъ Дмитреевичь*, *Володимеръ...*, Иванъ Ѳедоровичь, *Ѳедоръ Ѳедоровичь»* [60]). Изъ родословныхъ книгъ извѣстно, что Константинъ Шея былъ родной братъ Ивана Дмитріевича, и что отецъ ихъ Дмитрій прозывался Зерномъ [61]) и что Ѳедоръ Кошкинъ Голтяй по отчеству назывался Ѳедоровичемъ [62]). Отчества боярина Володиміра Даниловича, отъ вѣтхости завѣщанія, нѣтъ въ печатномъ текстѣ; оно означено тамъ точками. Итакъ изъ пяти бояръ, которыхъ засталъ при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ князь Юрій Патрикѣевичь, въ іюлѣ 1408 года, только одного не находится въ завѣщаніи, написанномъ между 16 сентября 1406 и 7 іюня 1407 года.

Вторая статья памяти Бутурлина содержитъ перечисленіе шести великокняжескихъ бояръ, Димитрія Александровича, Семена Васильевича, Ивана Ѳедоровича, Ѳедора Андреевича, [63]) Ѳедора другаго Андреевича, Данила Ѳеофановича, въ бояре митрополичіе и пяти митрополичихъ, чернца

Андрея Ослобятя, Димитрія Афинеевича (въ Москв. Евѳимьевича), Степана Ѳеофановича, Демьяна Райковича (въ Москв. Романовича), Михаила Рая, въ бояре великокняжескіе. Имя боярина Димитрія Афинеевича находится въ завѣщаніи великаго князя Василія Дмитріевича, написанномъ около 1407 года [64]); смерть Семена Васильевича записана лѣтописцами подъ 1397 годомъ [65]); Даніилъ Ѳеофановичь скончался въ 1393 году, 13 февраля, въ четвертокъ на масляницѣ, постригшись передъ смертію въ монашество подъ именемъ Давида. «Постриженъ бысть отъ самаго руки Кипріана митрополита. Сій убо бысть единъ отъ вельможъ, старѣйшихъ болярь, лѣпшій и вяшшій, иже правый доброхотъ князя великого, вѣрою и правдою служивый ему, и въ Ордѣ и на Руси, якоже инъ никтоже... храборъ и голову свою складая по чужимъ странамъ, по незнаемымъ мѣстомъ, по невѣдомымъ землямъ... Толикуже любовь имѣ къ нему князь великій, яко прослезити ему по немъ и плакати на многъ часъ. Положенъ бысть въ монастыри св. Михаила честнаго Чуда, близъ гроба Алексія митрополита, дяди его» [66]). Про брата Даніила Ѳеофановича, Стефана, въ родословныхъ книгахъ находится извѣстіе, что к. в. Василій Дмитріевичь далъ его Кипріану митрополиту въ бояре [67]); внукъ Стефана Ѳеофановича, Ѳеодоръ Юрьевичь Степановъ, называется митрополичимъ бояриномъ, въ записи Ивана Васильевича Ощеры 27 февраля 1493 года [68]). Извѣстіе о кончинѣ боярина Даніила Ѳеофановича, послѣдовавшей 13 февраля 1393 года, даетъ возможность точнѣе опредѣлить время перечисленія великокняжескихъ бояръ въ митрополичьи и митрополичьихъ въ великокняжескіе. Митрополитъ Кипріанъ въ сентябрѣ 1389 года находился еще въ Константинополѣ [69]); безъ сомнѣнія онъ мѣнялся своими боярами

съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ по возвращеніи въ мартѣ слѣдующаго года въ Москву, т. е. между 1390 — 1393 годомъ. Вторая статья памяти Геннадія Бутурлина находится въ грамотахъ великаго князя Іоанна Васильевича 1483 (марта 17) и царя Θеодора Іоанновича 1584 (октября 30) объ оставленіи за Московскою митрополіею Слободки Святославли, уступленной великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ за городъ Алексинъ [70]), и безъ сомнѣнія выписана была изъ грамоты великаго князя Василія Дмитріевича или сына его Василья Васильевича Темнаго [71]). Но принадлежитъ ли эта статья къ «памяти» Бутурлина? Она должна исключиться изъ этого акта, если находящіяся въ ней слова «дѣдъ мой к. в. Василей Дмитріевичъ» не могли принадлежать Геннадію Бутурлину. Матеріаловъ для объясненія родственныхъ отношеній по женскимъ линіямъ сохранилось очень немного и мнѣ неизвѣстно изъ какого роду была мать Бутурлина; могу только указать, что Геннадій Бутурлинъ былъ двоюродный братъ Ивана Михайловича Челяднина, женатаго на княжнѣ Еленѣ Юрьевнѣ Патрикѣевой [72]), и что супруга князя Юрія Патрикѣевича, мать Елены, по мнѣнію Карамзина, была дочь великаго князя Василія Дмитріевича [73]). Но по этому дальнему родству Геннадій Бутурлинъ не имѣлъ еще права называть себя внукомъ в. к. Василія Дмитріевича, и мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что вторая статья не принадлежитъ къ «памяти» Бутурлина, а какъ нужная справка внесена была во время суда или отъ имени самаго судьи в. к. Іоанна Васильевича или отъ имени князя Ивана Юрьевича Патрикѣева.

Третья статья памяти Геннадія Бутурлина содержитъ списокъ бояръ по мѣстному ихъ старшинству. Въ рукописи

Новгородской Софійской Библіотеки № $\frac{10}{733}$ помѣщена и вмѣстѣ съ памятью и отдѣльно, съ измѣненіями и заглавіемъ [74]): «память которой бояринъ которого болши былъ и выше сѣдилъ». Въ отдѣльно помѣщенной нѣтъ Бориса Даниловича, а при имени Романа Александровича Безногаго прибавлено «Остѣевъ» [75]). Показанные въ третьей статьѣ памяти бояре отысканы мною въ родословныхъ книгахъ всѣ, кромѣ двухъ Бориса Даниловича и Бориса Константиновича Лыкова. Съ именемъ Өедора Сабура оказывается даже два лица, одинъ Өедоръ Сабуръ Ивановичь Дмитріевъ Зерновъ [76]), а другой Өедоръ Сабуръ Матвѣевичь Осиповъ [77]). Полагаю, что послѣдній участвовалъ въ Куликовской битвѣ, 1380 года, а первый присутствовалъ на свадебномъ пиру князя Юрія Патрикѣева въ 1418 году. Отецъ Өедора Ивановича Сабура, Иванъ Дмитріевичь, и дядя его Константинъ Шея показаны свидѣтелями въ первомъ завѣщаніи в. к. Василія Дмитріевича 140$\frac{6}{7}$ года и поименованы въ числѣ бояръ, которыхъ засталъ князь Юрій Патрикѣевичъ при Московскомъ дворѣ въ 1408 году; но имя Өедора Ивановича находится только въ завѣщаніи 1423 и 1424 годовъ. Поэтому, мнѣ кажется, можно полагать, что Өедоръ Ивановичь Сабуръ пожалованъ боярствомъ между 1408 и 1423 годами, что онъ, какъ и другіе бояре, показанные ниже его въ третьей статьѣ памяти Геннадія Бутурлина, не могли быть свидѣтелями при перечисленіи великокняжескихъ бояръ въ митрополичіе и митрополичихъ въ великокняжескіе, въ 1390—1393 г., и что третья статья не есть продолженіе второй, а статья особая, содержащая списокъ бояръ князя Василія Васильевича Темнаго. Эти соображенія подтверждаются и другими хронологическими данными. Братъ Андрея Константиновича

Добрынскаго, одиннадцатый въ спискѣ *третьей* статьи, Θедоръ Константиновичь, былъ воеводою въ 1429 году[78]); двоюродный братъ Бориса и Ивана Крюковыхъ, Семена Травы и Василья Собакина, Василій Вепревъ упоминается въ Софійской 2-й Лѣтописи подъ 1446 годомъ[79]); сынъ Тимоѳея Александровича, послѣдняго въ спискѣ, и племянникъ Романа Александровича, Василій Тимоѳѣевичь Остѣевъ вымѣнялъ у митрополита Іоны село Никольское, 25 августа 1458 г.[80]); старшій сынъ Θедора Сабура, Михаилъ Θедоровичь, называется бояриномъ въ 1448 году[81]). И о Степанѣ Дмитріевичѣ (Launchінѣ) есть указаніе, что онъ продалъ домъ свой Ивану Старкову[82]), можетъ быть, тому самому, который измѣнилъ Темному въ 1445 году[83]); но это извѣстіе довольно неопредѣленно.

Отписка Геннадія Бутурлина (актъ II) и память Θедора Ивановича (актъ V) непосредственно принадлежатъ до дѣла Сабурова съ Заболоцкимъ и время ихъ опредѣляется временемъ правой грамоты (актъ I), данной Сабурову.

I. Правая грамота Василью Θедоровичу Сабурову, о мѣстномъ старшинствѣ его передъ Григорьемъ Васильевичемъ Заболоцкимъ.

Сесь судъ судилъ князь великій Иванъ Васильевичь. Тягался Василей Θедоровичь Сабуровъ съ Григорьемъ Васильевичемъ Заболоцкимъ. Тако рекъ Василей: жалоба мнѣ, господине, на того Григорья: велѣлъ ми еси, господине, у себя сидѣти на пиру, и тотъ, господине, Григорей не далъ мнѣ мѣста выше себя сѣсти; а я, господине, мѣстомъ болши, а отецъ мой, господине, Θедоръ Сабуровъ сидѣлъ выше Григорьева отца Василья за многое (въ рукоп. «за мное»)

бояръ; а вѣдомо, господине, бояромъ старымъ Генадью Бутурлину да Михаилу Борисовичю Плещееву. И князь великій спросилъ Григорья: отвѣчай. И Григорей тако рекъ: я, господине, того не знаю, что Өедоръ Сабуровъ выше ль будетъ моего отца сидѣлъ или ниже, а отецъ, господине, тогды (въ рукоп. повторено «тогды») былъ молодъ, а я, господине, тогды былъ малъ, а тѣхъ, господине, бояръ у меня нѣтъ на то, кому бы было вѣдомо, какъ Өедоръ Сабуровъ съ моимъ отцомъ съ Васильемъ сидѣлъ; а обыщи, государь князь великій, самъ своими бояры того, какъ будетъ сидѣли отцы наши. И князь великій обыскалъ своими бояры, что Васильевъ отецъ, Өедоръ Сабуровъ, Григорьева отца Заболоцкого сидѣлъ выше за многое бояръ; и потому князь великій Иванъ Васильевичь Василья Өедоровича Сабурова оправилъ, а Григорья Васильевича Заболоцкого обинилъ. А на судѣ у великого князя были бояра: князь Иванъ Юрьевичь, да князь Василей Ивановичь, да Иванъ Ивановичь, да Өедоръ Давыдовичъ; а подписалъ великого князя дьякъ Алексѣй Полуехтовъ [84]).

II. Отписка инока Геннадія Бутурлина Өедору Давидовичу Хромому, относительно мѣстнаго старшинства Сабуровыхъ передъ Заболоцкими.

Господину Өедору Давыдовичю Генадей, господине, Бутурлинъ челомъ бьетъ на великомъ жалованьи, что, господине, жалуешь печалуешься о своемъ братѣ о молодшемъ [85]), о Ондреѣ Бутурлинѣ. А што еси писалъ, господине, о дѣлѣ о Григорьѣ о Заболоцкомъ, а печаловалъ [86]): есми, господине, вѣдаемъ то, что Өедоръ Өедоровичь Голтяй не далъ мѣста Ивану, Львову отцу. А Ондреева дѣда Иванова Бутурлина

мѣсто выше Иванова [87]) Дмитріевича, Дмитрія Васильевича, Игнатія Семенова сына Жеребцова, Өедора Колыча, Григорья Вантіева; тѣхъ всѣхъ былъ дѣдъ Ондреевъ [88]) мѣстомъ болши. А Григорью дядя Иванъ, да братъ Василья Губастово, да Юрьи Меня, да Глѣба Шухобалского, Семена, Василья Заболоцкѣе, Григорьевъ отецъ. То память Петрова Костянтиновича да и наша. А Василей Заболоцкой служилъ у князв Дмитрея у Меншого, и Василей Морозовъ не далъ ему мѣста и выше его сидѣлъ. Спроситъ насъ собѣ князь великій, и мы ему скажемъ въ чернцѣхъ [89]) кое послушество: Өедоръ Сабуръ Ивановичь сидѣлъ выше Никиты Воронцова, и Семена Травы, и Василья Собакина, и Романа Ивановича, и Өедора Веньяминова, и тѣхъ всѣхъ сидѣлъ выше Өедоръ Ивановичъ [90]).

III. Память инока Геннадія Бутурлина Михаилу Борисовичу Плещееву, о мѣстныхъ отношеніяхъ бояръ при в. к. Василіѣ Дмитріевичѣ и в. к. Васильѣ Васильевичѣ.

Память [91]) Генадья Бутурлина до [92]) Михаила Борисовича.

1. Какъ князь Юрьи Патрекѣевичь пріѣхалъ, а заѣхалъ бояръ Костянтина Шею, да Ивана Дмитреевичя, Володимера Даниловича, Дмитрея Васильевича, Өедора Кошкина Голтяя.

2. Мѣнилъ дѣдъ мой князь великій Василей Дмитріевичъ съ своимъ отцемъ съ Кипріаномъ митрополитомъ своими бояры Дмитріемъ Александровичемъ, Семеномъ Васильевичемъ, Иваномъ Өеодоровичемъ, Өеодоромъ Андреевичемъ [93]), другимъ Өеодоромъ Андреевичемъ, Даниломъ Өофановичемъ, а Кипреанъ митрополитъ мѣнилъ съ моимъ дѣдомъ великимъ князем Васильемъ Дмитріевичемъ своими бояры чернцомъ [94]) Андреемъ

Ослебятемъ, Дмитріемъ Офинѣевичемъ [95]), Степаномъ Өофановичемъ [96]), Демьяномъ Райковичемъ [97]), Михаиломъ Раемъ [98]).

3. Бояре сидѣли: Борисъ Даниловичь, а подъ Борисомъ сидѣлъ Өедоръ Сабуръ, а подъ Өедоромъ сидѣлъ подъ Сабуромъ [99]) Никита Ивановичь Воронцовъ, а подъ Никитою сидѣлъ Василей Дмитріевичь Мининъ, а подъ Васильемъ сидѣлъ братъ его Стефанъ Мининъ, а подъ Стефаномъ сидѣлъ Борисъ Михайловичь Крюковъ, а подъ Борисомъ сидѣлъ братъ его Иванъ Крюковъ, а подъ Иваномъ сидѣлъ Семенъ Ивановичь Трава, а подъ Семеномъ сидѣлъ Василей Ивановичь Собакинъ, а подъ Васильемъ сидѣлъ Ондрей Костянтиновичь Сахарникъ Добрынской, а подъ Андреемъ подъ Сахарникомъ [100]) сидѣлъ Борисъ Костянтиновичь Лыковъ, а подъ Борисомъ сидѣлъ Данило Ивановичь Сабуровъ, а подъ Даниломъ сидѣлъ Романъ Олександровичь Безногой, а подъ Романомъ сидѣлъ братъ его Тимоөей Олександровичь [101]).

IV. Другая редакція третьей статьи памяти Геннадія Бутурлина.

Память которой бояринъ котораго болше былъ и выше сѣдилъ. Өедоръ Сабуръ болши былъ Никиты Ивановича Воронцова, подъ Никитою былъ Василей Дмитріевичь Мининъ, подъ Васильемъ былъ братъ его Стефанъ, подъ Стефаномъ Борисъ Михайловичь Крюковъ, подъ Борисомъ братъ его Иванъ, подъ Иваномъ Семенъ Ивановичь Трава Собакинъ, подъ Иваномъ Семеновичемъ Травою братъ его Василей Ивановичь, подъ Васильемъ Ондрей Сахарникъ Костянтиновичь Добрынской, подъ Ондреемъ Борисъ Костянтиновичь Лыковъ, подъ Борисомъ Данило Ивановичь Сабуровъ, подъ Даниломъ Романъ Олександровичь Остѣевъ Безногой [102]), подъ Романомъ братъ его Тимоөей [103]).

V. Память Өедора Ивановича, о мѣстномъ старшинствѣ Өедора Ивановича Сабура передъ другими боярами.

Память Өедора Ивановича. Сабура Өедоръ былъ сидѣлъ выше Никиты Воронцова, и Стефана Минина, и Семена Травы, и Василья Собакина, и Лыковыхъ, и Ивана Крюка, и Бориса Заболоцкого, и Романа Ивановича, и Өедора Волуева, и Өедора Вельяминова; а тѣхъ всѣхъ выше сидѣлъ Өедоръ Ивановичъ Сабуръ. А Данило былъ Ивановичъ меншой братъ Өедору Сабуру, болѣ Өедора Вельяминовича: коли Данило Городокъ держалъ, а Өедоръ былъ Вельяминовъ [104]) заставою, и грамоты были посылныя отъ великого князя къ Данилу да къ Өедору, а отъ Данила да отъ Өедора были грамоты къ великому князю за Даниловою печатью. И пріѣхали изъ Новагорода Данило и Өедоръ; а писалъ къ нимъ князь великій вмѣстѣ, и Данило напередъ пришолъ и послѣ его пошолъ Өедоръ Вельяминовъ. Иванъ Өедоровичъ да Өедоръ же подумали: Өедору бити челомъ великому князю; и князь великій не далъ съ Даниломъ ни помянути. А князю Юрью Патракѣевичю князь великій мѣсто упросилъ у бояръ, коли за него далъ сестру свою великую княжню Анну. А братъ былъ болшой у князя Юрья Патракѣевича Хованской; и Өедоръ Сабуръ на свадбѣ княжъ Юрьевѣ Патракѣевича брата болшого посѣлъ Хованского. И Хованской молвилъ Сабуру: «посяди брата моего меншого, князя Юрья Патракѣевича». И Өедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: «у того Богъ въ кикѣ, а у тобя Бога въ кикѣ нѣтъ», да сѣлъ Хованского выше [105]).

—

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Русскій Историч. Сборникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., т. II и V. 28 мѣстническихъ дѣлъ.

[2]) № 93, стр. 150—168.

[3]) Стр. 337—357. Семь небольшихъ дѣлъ.

[4]) Кн. 5-я 1850 г. Смѣсь стр. 12. Кн. 6-я 1850 г. Смѣсь стр. 15. Кн. 7-я 1850 г. Смѣсь стр. 65. Кн. 14-я 1852 г. Матеріалы стр. 1—192.

[5]) Стр. 16—184.

[6]) На основаніи Архивской Разрядной книги. VI, 299 и пр. 489.

[7]) Рукопись конца XVII столѣтія. Разряды въ ней начинаются Тверскимъ походомъ 6883 (1375) и оканчиваются 7117 (1609) годомъ. Принадлежность Башмакову и Кобыльскому означена въ самой рукописи, въ началѣ. Доставлена въ Археолог. Общество свящ. Цвѣтковымъ.

[8]) Правая грамота; см. далѣе, стр. 17.

[9]) Истор. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, V. 356 и Собр. Гос. Грам. и Догов. I. 208, въ прим.—Василій Васильевичъ Темный умеръ въ субботу, слѣдов. 27, а не 17 марта.

[10]) Собр. Гос. грам. I. стр. 171. Ист. Госуд. Рос. Карамз., изд. 2, V. 332.

[11]) См. на стр. 17, правую грамоту.

[12]) Родосл. кн. во «Временникѣ» Общ. Ист. и Древн. Рос. № 10. 1851 г. стр. 93. Древн. Росс. Вивл. XX. 2.

[13]) Истор. Гос. Рос. Карамз., изд. 2, VI. 111, 113 и 118.

[14]) Древн. Вивл. XX. 6.

[15]) Тамъ же 2 и 3.

[16]) См. на стр. 18, правую грамоту.

[17]) Бархат. кн. I. стр. 338. 335 и 309.

[18]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2.

[19]) Барх. кн. I. 276, 298 и 299.

[20]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI. 177. Полагаю, что здѣсь сентябрьскій годъ.

[21]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2 и 3.

[22]) См. на стр. 18, правую грамоту.

[23]) Барх. кн. I. 31. Ист. Гос. Рос., Карамз., изд. 2, V, пр. 254 подъ 1418 годомъ.

[24]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2, 9. Истор. Гос. Рос., Карамзина, изд. 2, V. пр. 367 и VI. пр. 454.

[25]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2—12.

[26]) Ист. Гос. Рос., изд. 2, VII. 137. Рос. Iерарх. II. XXVI въ прим. О боярствѣ кн. В. И. Косаго Патрикѣева. см. Древн. Вивл. XX. 7.

[27]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, V. 313 и 339.

[28]) V. 216.

[29]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 178. Барх. кн. I. 212.

[30]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2.

[31]) Къ роду же Морозовыхъ принадлежалъ и Шеинъ.

[32]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2—12.

[33]) Собр. Гос. Грам. и догов. I. 206.

[34]) Его уважали и въ ордѣ; князь Эдигей писалъ къ в. к. Василію Дмитріевичу: «добрыи нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ ордѣ отъ Ѳедора отъ Кошки: добрый былъ человѣкъ». Тамъ же II. 16.

[35]) Временникъ 1851 № 10, стр. 103, 95, 93 и 109.

[36]) «У Михайла у Ондреевича у Свиблова, у осмого, сынъ Иванъ Михайловичъ, а за нимъ была княжъ Юрьева дочь Патрикѣевича Олена». Рук. Синод. подъ № 789, стр. 332. «Князь велики (Василій Васильевичъ) обручалъ за себя княжну Марью, дщерь Ярославлю, а внуку Марьи Голтяевы» (жены Ѳедора Ѳедоровича Голтяя Кошкина). Пол. Собр. Рус. Лѣт. VI. 148

[37]) Собр. Гос. грам. и догов. II. 16.

[38]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 203.

[39]) См. на стр. 18, отписку Геннадія Бутурлина.

[40]) Родственныя отношенія Бутурлиныхъ къ Ѳедору Давидовичу Хромому яснѣе видны изъ слѣдующаго родословія:

Андрей

2. Иванъ Хромой.	3. Александръ Остей.	4. Иванъ Бутурля.	8. Михаилъ Челядня.
Давидъ	1. Романъ 2. Тимоѳей Безногой.	1. Иванъ 2. Григорій (Геннадій).	Иванъ (мужъ кн. Елены Патрикѣевой).
Ѳедоръ.		Андрей.	

[41]) См. на стр. 17—19, правую грамоту и отписку Бутурлина.

[42]) Древ. Рос. Вивл. XX. 3.

[43]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 57, 197 и 200.

[44]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 250.

[45]) Истор. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, VI. пр. 139.

[46]) Ист. Гос. Рос. изд. 2, VI. 12.

[47]) Древн. Рос. Вивл. XX. 9. Ист. Гос. Рос., изд. 2, VI. 281, пр. 454.

[48]) Древн. Рос. Вивл. XX. 5.

[49]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, VI. 338.

[50]) Древн. Рос. Вивл. XX. 2.

[51]) Тамъ же.

[52]) Собр. Госуд. грам. и догов. I. 171, 174, 177.

[53]) № 1, 233—234.

[54]) Стр. 198. Сборникъ XVII столѣтія.

[55]) Стр. 333—334. Писана въ первой половинѣ XVI столѣтія.

[56]) См. далѣе, на стр. 19, память Бутурлина.

[57]) Ист. Гос. Рос., изд. 2, V. пр. 200. Замѣчательно, что Никоновская Лѣтопись событіе 6916 г. помѣщаетъ подъ 6917 годомъ сентябрскимъ. Барх. кн. I. 186. Степ. Кн. I. 572.

[58]) Сборникъ № $^{10}/_{733}$, стр. 169.

[59]) Карамз., изд. 2, V. пр. 228. Кипріанъ митрополитъ умеръ 16-го сентября 1406, а княгиня Евдокія «во вторникъ» 7 іюня 1407 года.

[60]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 74.

[61]) Кромѣ Димитрія Зерна, отца Димитрія Шеи, извѣстенъ еще другой Зерно, убитый въ 1304 году; но его звали Александромъ. Ист. Гос. Рос., изд. 2, IV. пр. 209.

[62]) Временникъ Общ. Истор. и Древн. 1851 г. № 10, стр. 88.

[63]) ВъМоскв. 1843 г. нѣтъ «Ѳедора Андреевича». См. Акт. Ист. I. 409.

[64]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 74.

[65]) Ист. Гос. Рос. изд. 2, V. пр. 254.

[66]) Ист. Гос. Рос. V. пр. 254. Въ выпискахъ изъ Троицкой харатейной Лѣтописи. Въ Ников. и Софійс. II-й это извѣстіе уже измѣнено.

[67]) Барх. кн. I. 276.

[68]) Синод. рук. № 173, л. 49.

[69]) Акт. Истор. I. 473—474.

[70]) Рукоп. Синод. № 173. л. 14 и Акт. Истор. I. 408. Лицо, которому жаловались отъ митрополита помѣстныя земли, обязывалось ихъ «не освоити, ни окняжити, ни обоярити».

[71]) См. начало грамоты Царя Ѳеодора Іоанновича, въ Акт. Истор. I. 408.

[72]) Временникъ. 1851. № 10. стр. 104.

[73]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, V. пр. 254, подъ 1418 г.

[74]) Послѣ рода Софроновскихъ и Проестевыхъ, стр. 192 об.

[75]) См. на стр. 20 актъ IV.

[76]) Временникъ, 1851. № 10. стр. 93.

[77]) Рукоп. Родословная книга, принадлежащая графу А. С. Уварову. Написана для кн. Ромодановскаго, см. Родъ Долгово-Сабуровыхъ. Прадѣдъ этого Ѳедора Сабура, Татарскій мурза, крестился при Александрѣ Невскомъ (✝1263).

[78]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI. 143.

[79]) Тамъ же. 175.

[80]) Син. рук. № 173. стр. 144.

[81]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI. 178.

[82]) Собр. Гос. грам. и догов. I. 193. Въ грамотѣ говорится о двухъ сыновьяхъ Степана Дмитріевича Григоріи и Ѳедорѣ, но по родословнымъ у Степана Дмитріевича Минина извѣстенъ только одинъ сынъ, Ѳедоръ.

[83]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. 2, V. 315.

[84]) Грамота эта въ Башмаковской разрядной книгѣ на 48 л. подъ 7012 годомъ.

[85]) Отписка инока Геннадія Бутурлина напечатана здѣсь по рук. Новг. Соф. Библ. № $^{10}/_{733}$; въ ней: «о лутчемъ»; у М. П. Погодина (Москв. 1843 № 1): «о молодшемъ».

[86]) Въ рук. «печавалъ».

[87]) Словъ «Бутурлина мѣсто выше Иванова» нѣтъ въ рукоп. Заимствованы изъ списка, напечатаннаго г. Погодинымъ.

[88]) Въ рукоп. Новг. Соф. Библ. «Ондрей».

[89]) Въ рукоп. Новг. Соф. Библ. «чернце».

[90]) «И Ѳедора Веньяминова — Ѳедоръ Ивановичъ» недостаетъ въ рукоп. Новг. Соф. Библ. № $^{10}/_{733}$. См. Моск. 1843 г. № 1.

[91]) Начала памяти до словъ, во второй статьѣ, «княземъ Васильемъ своими бояры черницомъ Ондреемъ» нѣтъ въ Новг. рукоп. № $^{10}/_{733}$. Заглавіе взято изъ Москв. (1843 № 1), а первая статья изъ рукоп. Синод. № 789.

[92]) Въ рукоп. Синод. № 789: «да».

[93]) «Ѳедоромъ Андреевичемъ» недостаетъ въ Москв. (1843 № 1).

[94]) Въ рукоп. Новг. № $^{10}/_{733}$ «съ чернцомъ». Въ Москв., въ Акт. Ист. (т. I. 409) и въ Син. рукоп. № 789 безъ предлога.

[95]) Въ Москв. «Еѵѳимьевичемъ», а въ Новг. рукоп. № $^{10}/_{733}$ «Окинфіевичемъ».

[96]) Въ Москв. и Новг. рукоп. № $^{10}/_{733}$ «Ѳеофановичемъ».

[97]) Въ Москв. «Романовичемъ».

[98]) Вторая статья напечатана по рукоп. Синод. № 173, гдѣ она составляетъ конецъ грамоты 17 марта 1483 г. (л. 15).

99) Въ рукоп. Новг. № $^{10}/_{733}$ «Сабуровымъ». Въ Москв. «Сабуромъ».

100) Въ Москв. «Сахарникомъ»: въ рукоп. Новг. № $^{10}/_{733}$. «Сахарниковымъ».

101) Третія статья напеч. по рук. Новг. Соф. Биб. № $^{10}/_{733}$ л. 198.

102) Въ рукоп. «безносой». Въ Бархат. кн. (I. 336) «безногой».

103) Память эта находится въ той же Новг. рукоп. № $^{10}/_{733}$ л. 192.

104) «За» нѣтъ въ рукоп.

105) Память Өедора Ивановича находится въ рукоп. Новг. Соф. Библ. № $^{10}/_{733}$ л.199—200. Кикою, полагаю, называется здѣсь вѣнецъ.

VII.

О ГРИГОРІѢ ЦАМБЛАКѢ, МИТРОПОЛИТѢ КІЕВСКОМЪ,

КАКЪ ПИСАТЕЛѢ.

О. А. Преосвященнаго Макарія, Епископа Тамбовскаго.

«Григорій Цамблакъ (бѣ) книженъ зело, изученъ книжней мудрости всяцей изъ дѣтства и много писанія сотворивъ остави». Никон. Лѣт. V, 73.

Сочиненія Григорія Цамблака, митрополита Кіевскаго, доселѣ почти всѣ остаются въ рукописяхъ и извѣстны только по своимъ названіямъ: ни одно изъ нихъ не было еще разобрано и оцѣнено, такъ что судъ о самомъ сочинителѣ, вѣрный и основательный, не установился въ Русской литературѣ [1]). А между тѣмъ Григорій принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей древняго періода. Въ продолженіе двухъ столѣтій, четырнадцатаго и пятнадцатаго, когда жилъ онъ и святительствовалъ, въ Россіи не было ни одного писателя-проповѣдника, который бы могъ срав-

[1]) Изчисленіе сочиненій Григорія можно видѣть въ «Обзорѣ Русской Дух. Литературы» Преосвящ. Харьковскаго *Филарета* (Учен. Записки II-го Отд. Импер. Ак. Наукъ т. III, стр. 90), и въ его же «Исторіи Русск. Церкви» Ч. III, § 13.

няться съ нимъ по краснорѣчію и по внутреннему достоинству своихъ твореній. Скажемъ болѣе: въ продолженіе первыхъ пяти вѣковъ нашей Церкви, не смотря на всю многочисленность бывшихъ у насъ писателей [2]), мы едва можемъ указать двухъ-трехъ духовныхъ ораторовъ, которые имѣли бы одинакое право съ Григоріемъ занять мѣсто въ исторіи Русской словесности. Это — митрополитъ Иларіонъ XI-го вѣка, св. Кириллъ епископъ Туровскій XII-го и Серапіонъ епископъ Владимірскій XIII-го.

Современники и ближайшіе потомки Григорія Цамвлака весьма высоко цѣнили его произведенія, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства. Извѣстна судьба этого святителя. Онъ былъ родомъ Болгаринъ или Сербъ [3]) и до прибытія своего въ Россію проходилъ разныя должности: то въ Болгаріи, гдѣ состоялъ при Терновскомъ патріархѣ Евѳиміѣ, съ которымъ вмѣстѣ имѣлъ случай встрѣчать (въ 1379 г.) Русскаго митрополита Кипріана, посѣтившаго свой отечественный городъ на пути въ Константинополь; то въ Мол-

---

[2]) Въ помянутомъ «Обзорѣ Русск. Д. Литературы» ихъ изчислено до 120.

[3]) Болгариномъ прямо называютъ его наши лѣтописи (П. Собр. Р. Лѣт. III, 106; V. 259; Ник. Лѣт. V, 73). За Серба онъ, по видимому, выдаетъ самъ себя, когда въ похвальномъ словѣ Митрополиту Русскому Кипріану, который былъ родомъ Сербъ, выражается: «его же наше отечество изнесе». Впрочемъ, и при единствѣ отечества, одинъ изъ нихъ могъ быть Болгаринъ, а другой Сербъ. Что касается до прозванія — *Цамблакъ, Цамвлакъ, Самвлакъ, Семивлакъ* и под., — то не есть ли это извращенное произношеніе слова: *Семи-влахъ* (Semi-Vlachus), т. е. полу-влахъ? Какъ бы то ни было впрочемъ, только прозваніе это извѣстно было и въ XIV в., когда нѣкто Арсеній *Цамвлакъ* (1330 — 1350) занималъ важную должность при дворѣ Греческаго Императора и владѣлъ значительнымъ имуществомъ въ Солунѣ (Cantacuz. Histor. lib. II, c. 22. 24; lib. III, c. 42 lib. IV. c. 32).

довлахіи, гдѣ былъ *пресвитеромъ великой*, т. е. соборной, каѳедральной, *Молдовлахійской церкви*, находившейся въ Сочавѣ; то въ Сербіи, гдѣ былъ *игуменомъ Пантократоровой* обители въ *Дечахъ* и еще игуменомъ какой-то обители *Плинаирской*, не извѣстно гдѣ находившейся [4]). Вызванный въ Россію по письму митрополита Кипріана, Григорій уже не засталъ въ живыхъ своего покровителя († 1406) и остановился въ предѣлахъ западной Россіи. Здѣсь, своими ли проповѣдями, изъ которыхъ извѣстно похвальное слово скончавшемуся митрополиту Кипріану, или вообще своими достоинствами, Григорій вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе, такъ, что Литовскій князь Витовтъ, заботившійся тогда открыть въ своихъ владѣніяхъ особую православную Митрополію, отдѣльную отъ Московской, рѣшился избрать его въ митрополита, и, несмотря на несогласіе Цареградскаго патріарха, на сопротивленіе Москвы, дѣйствительно возвелъ Григорія соборовъ Западно-Русскихъ епископовъ на каѳедру новооткрытой митрополіи Кіевской и Литовской (1416). Признавая дѣло незаконнымъ, Московской первосвятитель Фотій съ соборомъ своихъ епископовъ предалъ Григорія-анаѳемѣ, и эта анаѳема тогда же обнародована была всѣмъ Христіанамъ въ Россіи и, будучи внесена въ архіерейскую присягу, еще въ XVI вѣкѣ была произносима торжественно вновь поставляемыми епископами [5]). Не станемъ разбирать

---

[4]) Почти всѣ эти должности, какія проходилъ Григорій, означены, какъ увидимъ, въ заглавіяхъ его сочиненій, хотя нельзя сказать, преемственно ли одну за другою онъ проходилъ эти должности, или нѣкоторыя совмѣстно: онъ могъ, на-примѣръ, быть игуменомъ Дечанской Пантократоровой (т. е. созданной во имя Пантократора-Вседержителя) обители и сохранять почетный титулъ пресвитера великой Молдовлахійской Церкви и под.

[5]) О вызовѣ своемъ въ Россію Митрополитомъ Кипріаномъ сви-

ни поступка Витовтова, ни поступка Фотіева: для нашей цѣли то и другое не нужно. Но замѣтимъ, что, не смотря на проклятіе, связанное отселѣ съ именемъ Григорія Цамвлака, уваженіе къ его сочиненіямъ сохранилось въ полной силѣ даже въ предѣлахъ восточной Россіи. Еще въ XV вѣкѣ проповѣди его иногда вносимы были въ сборники церковныхъ поученій на ряду съ проповѣдями Іоанна Златоустаго и другихъ св. Отцевъ, хотя и безъ имени автора [6]); а въ шестнадцатомъ — вносимы были уже весьма часто то подъ именемъ *Григорія, архіепископа Россійскаго*, то подъ именемъ *Григорія мниха и пресвитера*, то подъ именемъ *Григорія игумена обители Пантократоровы*, или *обители Плинаирской*, то подъ именемъ *Григорія мниха и пресвитера великой церкви Молдовлахійской* и под. [7]). Даже самъ митрополитъ Московскій Макарій около половины XVI столѣнія внесъ сочиненія Григорія Цамвлака въ свою знаменитую Чети-минею, помѣстивъ ихъ подъ разными числами мѣ-

---

дѣтельствуетъ самъ Цамвлакъ въ похвальномъ словѣ Кипріану: «и мы, *того писаніемъ* подвигшеся, тщахомся достигнути вашея области»... О возведеніи Цамвлака на Митрополитскую каѳедру и анаѳематствованіи его — см. П. Собр. Р. Лѣт. II, 353; III, 106; V, 259; Ник. Лѣт. V, 58; Акт. Истор. 1, № 19; Акт. Запад. Россіи I, №№ 23 — 25. Въ XVI столѣтіи, въ присягѣ архіерейской, между прочимъ, читалось: «отрицаюся и проклинаю Григоріева Цамвлакова раздранія, якожъ и есть проклято; также отрицаюся Исидорова къ нему пріобщенія»... Рукоп. Волоколам. монастыря № 286.

[6]) Такъ, въ Сборн. Новг. Соф. библ. XV в., въ листъ, № 528, л. 226, помѣщено, безъ имени автора, слово похвальное Григорія Самвлака св. Георгію побѣдоносцу. Не знаемъ, къ какому вѣку относится рукопись Москов. Сѵнодал. библ. № 384, гдѣ помѣщены 21 слово Григорія Самвлака и подъ его именемъ: рукописи этой мы не видали.

[7]) На-примѣръ, Сборн. Новг. Соф. библ. №№ 524. 525; Румянц. Муз. № 336; библ. Графа Толстова №№ 106. 256 и друг.

сяцевъ и потомъ соединивъ большую часть изъ нихъ въ концѣ іюльской книги подъ заглавіемъ: «книга Григорія Самвлака» [8]).

Желая познакомиться съ произведеніями словесности, пользовавшимися нѣкогда такимъ почетомъ, мы старались собрать ихъ изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ, преимущественно Новгородской Софійской библіотеки, и дѣйствительно собрали, если не всѣ, по крайней мѣрѣ, столько, что можемъ составить довольно вѣрное понятіе о характерѣ и достоинствѣ самаго сочинителя.

Всѣхъ сочиненій Григорія Цамвлака извѣстно намъ до 25-ти. Это почти исключительно проповѣди, и именно восемь на праздники Господни и Богородичные, семь на праздники Святыхъ и шесть на дни воскресные, недѣльные и на особые случаи. Къ проповѣдямъ надобно присовокупить три историческихъ сказанія о Святыхъ и богослужебный стихъ на успеніе Пресв. Богородицы. Всѣ ли эти сочиненія Григорія написаны имъ въ Россіи, въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни (1407—1419), или нѣкоторыя написаны прежде, опредѣлить нѣтъ возможности: потому что тѣ же самыя сочиненія, которыя въ однихъ рукописяхъ надписываются именемъ Григорія мниха и пресвитера или игумена Пантократовой обители, въ другихъ, какъ увидимъ, надписываются именемъ Григорія архіепископа Россійскаго, а нѣкоторыя проповѣди, составленныя имъ еще на родинѣ, онъ могъ вновь произнесть въ Россіи.

Что говорятъ эти сочиненія о самомъ сочинителѣ? То, что онъ былъ человѣкъ весьма способный и весьма образо-

[8]) См. Оглавленіе Макар. Чети-миней, въ Чтен. Московск. Ист. Общ., годъ III, № 4, отд. IV, стр. 59. 60. 66. 68. 69. 72.

ванный для своего времени. Онъ основательно зналъ священное писаніе, — въ чемъ отдаютъ ему справедливость даже иноземцы [9]) и любилъ толкованія преимущественно въ смыслѣ иносказательномъ, таинственномъ. Основательно и подробно изучилъ писанія св. Отцевъ и учителей Церкви, которымъ старался слѣдовать не только въ мысляхъ, но и во внѣшнемъ изложеніи ихъ, въ составѣ проповѣдей, въ самыхъ пріемахъ и оборотахъ рѣчи. Болѣе всего Григорій подражалъ знаменитѣйшему изъ христіанскихъ витій — св. Іоанну Златоусту; но нерѣдко пользовался мыслями изъ поученій св. Василія великаго, св. Епифанія, св. Андрея Критскаго, св. Іоанна Дамаскина и другихъ, переработывая впрочемъ эти заимствованія такъ, что сообщалъ имъ характеръ самостоятельный, своеобразный. Талантъ Григорія Цамвлака былъ по преимуществу талантъ ораторскій: онъ не отличался глубокомысліемъ, но отличался воспріимчивостію, гибкостію, плодовитостію. Стремленіе къ витіеватости, сравненія, противоположенія, метафоры, вообще тропы и фигуры встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Иногда эта витіеватая рѣчь отзывается искуственностію, холодностію, напыщенностію, но гораздо чаще она согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута сильною мыслію и одушевленіемъ. Въ проповѣдяхъ Григорія Цамвлака, какъ и въ проповѣдяхъ древнихъ учителей Церкви, нельзя искать строгаго расположенія мыслей по правиламъ риторики; но однакожъ всегда соблюдается порядокъ рѣчи болѣе или менѣе естественный, бесѣдуетъ ли авторъ объ одномъ предметѣ въ цѣлой проповѣди, или о различныхъ.

---

[9]) Gregorius Cemivlacus vir singularis eruditionis, in sacra scriptura commendatus. *Alb. Koialowicz*, Miscell. rerum ad stat. eccles. in magno Lituaniae ducatu, Wiinae. 1650, pag. 43.

Большая часть проповѣдей Цамвлака посвящена древнимъ священнымъ событіямъ, воспоминаемымъ Церковію; но въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ отозвался на событія ему современныя или близкія по времени: такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ вооружается противъ ереси Акиндиновой, волновавшей тогда Грецію; въ другой — противъ обычая Латинянъ совершать евхаристію на опрѣснокахъ; третью написалъ въ похвалу недавно скончавшемуся покровителю своему Кипріану, митрополиту Русскому; четвертую — въ похвалу другому своему бывшему покровителю и руководителю Евѳимію патріарху Терновскому; всѣ три историческія сказанія Григорія повѣствуютъ о новоявленныхъ угодникахъ его родины — Сербіи. Господствующее направленіе въ проповѣдяхъ его, въ однихъ догматическое, въ другихъ историческое, но нравственныхъ наставленій слушателямъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ проповѣдей, къ изумленію, почти не встрѣчается. Проповѣди Григорія вообще довольно обширны, а нѣкоторые даже очень обширны. Слогъ его есть чистый Славянскій и удобопонятный, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и двухъ-трехъ Греческихъ словъ [10]).

Чтобы потвердить сказанное нами о Григоріѣ Цамвлакѣ, какъ писателѣ, разсмотримъ теперь его сочиненія, намъ доступныя, удерживая сдѣланное выше раздѣленіе ихъ на четыре класса, — а потомъ одну изъ его проповѣдей, для примѣра, представимъ въ полномъ составѣ и въ Русскомъ переводѣ.

---

[10]) Такъ въ словѣ на Воздвиженіе Креста Григорій употребилъ два техническихъ Греческихъ термина: *катартъ* — καταρτίον — парусъ и *тропіонъ* — τρόπις — киль. Вѣрно, эти термины употреблялись у южныхъ Славянъ.

Г. Слова на праздники Господни и Богородичные.

Восемь словъ Григорія Цамвлака на праздники Господни и Богородичные суть слѣдующіе: 1) въ недѣлю Ваій или цвѣтную, 2) въ великій Четвертокъ, 3) въ великій Пятокъ, 4) на Вознесеніе Господне, 5) на Преображеніе Господне, 6) на Воздвиженіе честнаго Креста, 7) на рождество Пресв. Богородицы и 8) на успеніе Пресв. Богородицы.

1) Въ началѣ перваго слова [11]) видны уже пріемы ораторскіе: «Пакы Спасъ въ Іерусалимъ въсходитъ, — восклицаетъ проповѣдникъ, — и пакы чудеса! Пакы въскресенія увѣреніе, пакы мерьтвіи въстаютъ! Но не якоже вдовыя сына въскреси, тако и Лазаря! Онаго бо абіе умерша и из града износима отъ одра въздвиже: сего же четверодневна и смердяща из гроба възва словомъ. Тогда убо смиренѣйше божества своего силу открываше, — понеже и еще далече бяше время спасительныя страсти, — Іудейское възражая стремленіе: нынѣ же, понеже на сіе пришелъ бяше, съ многою властію себе являетъ. Грядетъ же преже шестіихъ дний Пасхы, яко да не смутное праздника съхранитъ, яко да Пасхы радостное тогда исполнитъ народомъ: понеже сѣтованіе тѣмъ предлежаше, на праздникъ тому распинаему, и свѣтиломъ померкшимъ, и земли отъ основанія трясущися».

Въ самомъ словѣ проповѣдникъ по порядку разсматриваетъ обстоятельства и подробности празднуемаго событія, и то показываетъ ихъ прообразовательное значеніе, то сводитъ

---

[11]) Списки этого слова находятся — а) въ Сборн. Новг. Соф. библ. № 524, л. 107, подъ заглавіемъ: «Григорія *архіепископа Россійскаго* слово въ недѣлю цвѣтную», и б) библ. Толстов. Отд. I, № 256: «слово въ недѣлю цвѣтную Григорія *архіепископа Россійскаго*», — при чемъ въ скобахъ замѣчено — *Цамвлака*.

относящіяся къ нимъ пророчества, то дѣлаетъ перифразъ Евангельскаго сказанія. На-примѣръ: «*Изыдоша*, рече, *въ срѣтеніе Его*, — и не просто, но вземше ваия отъ финикъ. И не се токмо, но и зваахy некое земное и обычное царемъ благохваленіе, но паче человѣка и Богу единому достойное: *осанна, благословенъ грядый въ имя Господне, Царь Израилевъ. Осанна — спаси* же толкуется по Еврейскому, якоже въ сто и седмьнадесятомъ псалмѣ преведено бысть отъ седмьдесятихъ. Господи спаси же — еже на Бога единого въсходитъ. Аще ли же кто либо прится ключимъ быти сей рѣчи тогдашнихъ царей благохваленію, да слышитъ Давида въ псалмѣ поюща: *не спасется царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея*. Иже убо себе спасти царь не могъ бы многою силою: како отъ толика множества на спасеніе призыватися хотяаше? Но сіе отъ Бого-Отца пророчьскы речено бысть издавна, нынѣ же конець пріатъ. Кому бо отъ царей рекоша сіе, еже *благословенъ грядый въ имя Господне?* Ни кому же; но ниже кого отъ пророкъ тако почтоша тогда отци ихъ. Но взыщемъ, кто сихъ подвиже, кто научи таковѣмъ образомъ того срѣтати, кто упремудри тако звати, кто таково съгласіе толикымъ народомъ вложи, кто непознаваемыя отъ различныхъ мѣстъ люди въ единогласіе благохваленіа управи, кто простыя невѣжда, на селехъ живущая богоподобными хвалами и паче о Немъ писаными усрѣтати сътвори. Кто инъ, развѣ иже вся дѣйствуяй Духъ Святый?» Или вотъ другой примѣръ: «*Радуйся зѣло дщи Сионова*, — не отчасти, не в мѣру, но *зѣло*, паче всѣхъ радостей, бывшихъ в тебѣ. Забуди, рече, первыя радости, въ благоденьствіихъ твоихъ усрѣтьшая тя: понеже злодѣйства живущихъ в тебѣ умножишася, на злоденьство благо-

деньствіа твоя преложиша, и веселіа праздники твоя на плачь и сѣтованіе; понеже посѣщеніе истинныя радости далече бяше отъ тебе. Нынѣ же зѣло радуйся: грядетъ бо, уже в тебѣ есть, омываяй тя отъ безаконій твоихъ своею кровію, избавляяй тя из руки врагъ твоихъ, подписуя ти свобоженіе — не узрѣти злаа к тому. *Се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ и спасаа.* Слыши сего кротка и спасающа; да не мыслиши такова быти, якоже Давида, понеже и онъ царь бѣ, и кротокъ нарицаашеся,—якоже молятся въ пѣсни, уже отъ плененіи людіи: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его,* — и Голиафа убити, и побѣду въздвиже Иизраилю, и отраду не малу. Но кротокъ есть, понеже яко овча на заколеніе грядетъ, яко Богъ же ада устраши, и Лазаря въскреси многою властію, и небеснаа съ земными съединити хощеть кровію завѣта своего. *Радуйся зѣло дщи Сионова, проповѣдуй дщи Иерусалимова.* Что повѣлеваеши, о пророче, проповѣдати? Проповѣдуй, въздвижа гласъ, величіа Божіа: понеже призрѣ на смиреніе твое Царь твой, понеже въцаритися грядетъ в тебѣ, еже погубити оружіе изъ Ефрема, и конь изъ Ерусалима, и потребити всяко оружіе бранное. Се бо о немъ же пророкъ глаголааше: *лукъ съкрушить и сломить оружіе, и щитъ съжжетъ огнемъ.* Проповѣдуй зѣло радостнымъ гласомъ: понеже Избавитель посѣти тя, понеже Свободитель помилова тя, да не к тому в работу будеши, да не к тому в страсѣ и подвизѣ, но въ смирени и тишинѣ велицей будеши, яко оружіа и меча на орала и серпы прековати; занеже не к тому копіе врагъ твоихъ ко вратомъ приближится. Крестъ бо Царя твоего посрѣдѣ тебе станеть, съхраняяй та. *Проповѣдуй дщи Іерусалимова,* — проповѣдуй, яко *отъ Сиона изыдетъ законъ и слово Господне отъ*

Іерусалима. Посли проповѣдпікы дщери Вавилоньстей, сътрывшей тя и плѣнившей иногда; сказуй той пришедшую ти славу и радость... Посли и на въстокы благовѣстіа: ибо *въстокъ имя Ему*, якоже въ псалмѣ пишетъ, — и истинно есть писаніе: въсіа бо намъ въ тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдящимъ. Посли на запады, възвѣщая възшедшаго на запады, да яко вся съдержа и исполнитъ своея славы, и на лучьшаа възведетъ. Къ югу же не труди посланнікы, — самъ бо оттуду пріиде по Аввакуму: *Богъ отъ юга пріидетъ...*» и проч.

Заключеніе слова состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ: «Егоже (т. е. І. Христа) и мы нынѣ съ отрокы, яко побѣдителя смерти, въспѣваемъ; яко Царю и Богу нашему, покланяемся—сподобити насъ и тридневному своему въскресенію, въ второе же Его пришествіе достойны сътворитъ насъ, срѣсти Его на облацѣхъ по блаженному Павлу, и съ чистою съвѣстію явитися лицю Его, и тако всегда съ Нимъ быти. Яко тому подобаетъ слава и держава и покланяніе, съ безначальнымъ Отцемъ и с пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно и въ бесконечныя вѣкы, аминь».

2. Слово въ великій четвертокъ [12]) вовсе не имѣетъ при-

---

[12]) Въ Сборн. Новг. Соф. библ. № 524, л. 208, оно озаглавлено: «На часѣхъ въ святый великій четвертокъ — слово Григорія *мниха и пресвитера, игумена обители Пантократоровы,* на преданіе Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа, и о Іюдѣ и на иже опрѣснокы приносяшихъ таинствомъ, и о сребролюбіи». А верху этого слова тою же рукою по страницамъ помѣчено: «Григор. *Самблака* въ вел. четверт.». Въ началѣ же Сборника, въ общемъ оглавленіи статей, тою же рукою написано: «слово Григорія *Россійска* о опрѣсноцѣхъ». Въ Сборн. Толстов. библ. отд. I, № 256, слово это озаглавлено: «Григорія, *игумена Пантократоровой обители,* на преданіе Господа и Бога и Спаса нашего...» и проч.

ступа, а прямо начинаетъ говорить о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя совершились въ этотъ день. Оно состоитъ изъ трехъ частей: въ первой ораторъ бесѣдуетъ о преданіи нашего Господа I. Христа Іудою Искаріотскимъ; во второй—объ установленіи Господомъ таинства евхаристіи, причемъ сильно возстаетъ противъ Латинянъ за употребленіе ими опрѣсноковъ; въ третьей, составляющей какъ бы нравственное приложеніе первой части, возбуждаетъ милосердіе и порицаетъ сребролюбіе, которое и погубило несчастнаго Іуду. При составленіи этого слова Григорій Самвлакъ, несомнѣнно, находился подъ вліяніемъ подобнаго же слова въ великій четвертокъ Златоустова, откуда и заимствовалъ нѣкоторыя мысли [13]; но, не смотря на то, вполнѣ сохранилъ характеръ самостоятельности какъ въ порядкѣ и раскрытіи, такъ и въ изложеніи своей проповѣди. Какъ одну изъ лучшихъ, мы не станемъ подробно разбирать ее здѣсь, а представимъ всю въ концѣ нашего обзора въ Русскомъ переводѣ.

3. Къ числу лучшихъ надобно отнести и слово Григорія Цамвлака въ великій пятокъ [14]: по мѣстамъ, оно исполнено истиннаго одушевленія и священной поэзіи, хотя вообще

---

[13]) См. *Св. Іоанна Златоустаго* «Бесѣд. о предательствѣ Іуды, о пасхѣ, о пріобщеніи Таинъ и о забвеніи обидъ, говор. въ святый и великій Четвертокъ», — напеч. по-Русски въ Хр. Чтеніи 1824, XIV, 3 — 29.

[14]) Въ Сборн. Новг. Соф. библ. № 524, л. 246, и въ Сборн. Импер. Публ. библ. отд. I. in F., № 250, слово это надписано: «Въ святый великій Пятокъ Григорія, *мниха и пресвитера, игумена обители Пантократоровы*, о еже: *узрите животъ вашъ висящь предъ очима вашима*, и на еретикы, и о еже: *жено, се Сынъ твой*, и къ ученику: *се мати твоя*, — въ распятіе Господа и Бога и Спаса нашего I. Христа». Но въ Новгор. Сборникѣ и надъ этимъ словомъ по страницамъ помѣчено: «Григорія *Самвлака*, а въ общемъ оглавленіи статей: «слово Григорія *Россійска*».

очень растянуто. Въ словѣ этомъ можно различать двѣ половины.

Въ первой — проповѣдникъ разсматриваетъ самое распятіе нашего Господа, — и сначала выражаетъ изумленіе и ужасъ предъ величіемъ событія, предъ слѣпотою, неблагодарностію и ожесточеніемъ Іудеевъ. «Моусей великій онъ, иже море раздѣливый, иже Егупетъ казнивый, иже Фараона потопивый, духомъ пророча бюдущая: *узрите*, рече, *животъ вашь предъ очима вашима висящь*. И сіе днесь исплънися, Господу славы на крестѣ висящу! Ужасися небо, и земля основаніа потряси; яко иже васъ въ началѣ сътворивый посредѣ вселеныя на крестѣ плотію стражетъ; иже морю положивый предѣлъ пѣсокъ, гвоздми пригвождяется; иже Адама създавый отъ рабовъ на смерть осуждается, отъ рабовъ неблагодарныхъ, отъ рабовъ невѣрныхъ, отъ рабовъ законопреступныхъ. О дивныхъ вещей! о ужасныхъ тайнествъ! Отъ христоубійць Жидовъ тръпить волею Благодатель, иже тѣхъ праотца отъ работы избавлей горкыя, иже тѣмъ чермьную глубину на сушу преложивый, и иже тѣхъ наставлей столпомъ облачномъ въ дне и в нощи столпомъ огненомъ, — ихже въ пустыни препита лѣтъ четыридесяте, пищею готовою и беструдною, имже Мерру услади, ис камени источивый воду, имже законъ дасть, явлейся на горѣ, и землю обѣтованіа предасть в наслѣдіе. *Узрите животъ вашь висящь предъ очима вашима.* Узрѣша богоубійца Іудеи, тщаніе надѣло изведши, свой животъ предъ тѣхъ очима висящь»... и т. дал. Потомъ проповѣдникъ изображаетъ, какъ вся тварь сочувствовала страждущему Господу и готова была возстать противъ распинателей: «Кто не удивится крайнему длъготръпѣнію Владычню? Кто не ужаснется, пріемъ въ умъ, яже

тогда дѣявшаяся отъ неразумныхъ людій? Како сътрьпѣшя мысленыя силы таковое смѣаніе безаконныхъ? Како мльчаніемъ пренесоша стихыя дрьзаемое? Како, нераступився, пожреть земля тако досаждающихъ Избавителю, яко же иногда сѣни купно и сродства всего Кореова събора ради еже на Моѵсеа роптаніа? И слънце убо померче, и луна въ мракъ преложися: жестокосердечный же Іизраиль в чювьство не прихождаше милости, и одушевленаа тварь бездушныя бѣаше нечювьственѣйши. И каменіе распадаашеся, състражда Зижителю: пророкоубійственный же съборъ и господоубійственъ нарешися спѣшааше. Сего ради всяка тварь, съ страхомъ измѣняющися, подвигнутися готова бяше котораждо по своему естьству, казнити безаконныя: небо свыше, якоже пращами, громы и млъніами, и каменіемь градпымъ, побивати досадителя, солнце же и луна и звѣзды и прочее огня естьство — трѣновеніа пламенемъ поядати; въздухъ сьгущеніемъ засквдавливати; земля зинувъ пожирати; море, расторгъ предѣлы, пѣскомъ потопляти и вторый потопъ съдѣловати всякой плоти. Но не оставляше сихъ в дѣло изыти вседѣйственая Распятаго сила, понеже смотреніе бяше съвершаемое. Но и премирныя аггелькыя силы вся, приникше свыше, къ отмщенію оставитися моляху Господа славы: остави, Владыко, глаголюще, остави, да въскорѣ судъ нанесемъ злосмертному роду, иже толико облагодѣтельствованному и в толико суровьство исшедшему. Тебе, непостижимаго Бога нашего, смерти осудиша! Сіа ли суть въздааніа, яко вся видимая и невидимая тѣхъ ради уготова? Сіа ли тебѣ въздають, яко отъ персти тѣхъ създа, и рай дарова, насадивъ на въстоцѣхъ? Сіа ли, яко суща тѣмъ въ дѣланіе и пищу управи?»... и проч. Наконецъ, вооружается противъ еретиковъ и, снося пророчества

о распятіи Господа и Евангельскія сказанія, доказываетъ, что Онъ есть и совершенный Богъ и совершенный человѣкъ: «О бесмертное и бестрастное естьство Божественое! Но слава длъготрьпѣнію Твоему и неизреченному смотренію: вся бо хощеши обновити крестомъ и страстію Ти. О сем бо смотреніи глаголааше Давидъ въ псалмѣ: *възшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, приялъ еси дааніе въ человѣцѣхъ.* О семъ възнесеніи Ісаіа възывааше: *се разумѣеть отрокъ мой, и вознесется, и прославится, и вознесется зѣло; имже образомъ удивятся мнози о тебѣ, сице обезславится отъ человѣкъ видѣніе твое и слава твоя отъ сыновъ человѣчьскыхъ*, и пакы: *нѣсть видѣніа его, ни славы, и видѣхомъ его, и неимяше видѣніа ни доброты, но видѣніе его бесчестно, изчезновено отъ сыновъ человѣчьскыхъ. Человѣкъ въ язвѣ сый, вѣдый трьпѣти болѣзни.* Да постыдятся иже божеству страсть прилагающеи, и пакы — иже худа человѣка глаголющеи Господа: единымъ бо симъ верженіемь пророкъ, иже отъ обоюду стояща ереси, низложи. Еже бо рещи: *человѣкъ въ язвѣ сый,* человѣчьству страдати устави; а еже: *вѣдый трьпѣти болѣзни,* си рече, вѣдяше вся хотящая быти. Бога бо есть единого вѣдящаго яже прежде бытіа, — егоже естьство бестрастно пребысть, трьпѣвши болѣзни съединившойся тому по съставу плоти. Но они, и отъ сего Пророка обличаеми къ истинѣ слѣпотующимъ, и свою ересь съставити хотяще, на ино прибѣгають. Добрѣ бо отъ Господа реченное, злѣ же отъ нихъ приемлемое: и аще не худъ бѣ человѣкъ, рече, како моляшеся, яко оставленъ, глаголя: *Боже, Боже мой, въскую мя остави?* Мы же к нимъ: аще не въскресе по третиемъ дни, иже сіа рекый? Тако есть, якоже глаголеши, еретике.

Аще не каменіе распадеся, тому волею плотію стражущу? Аще не померкоша свѣтила? Аще не земля потрясеся? Аще не гроби отвръзошася, святыхъ тѣлеса жива издающе? Аще не тма бысть по всей земли, отъ шестаго часа до девятаго, о ней же чюдный прорекъ Амосъ: *и будетъ в полудне тма, ни день, ни нощь и к вечеру свѣтъ?* Сіа о простѣ человѣцѣ и отъ случьшихся единомъ не ключимо бѣ съдѣатися, аще не съвръшенъ въ обоихъ быти хотяше Господь нашь, божествѣ глаголя и человѣчьствѣ»... и проч.

Во второй половинѣ слова проповѣдникъ излагаетъ главныя обстоятельства, послѣдовавшія за распятіемъ Господа. Тогда, какъ всѣ близкіе и знаемые оставили распятаго Іисуса и разбѣжались, приходятъ ко кресту Его Матерь Его съ двумя благочестивыми женами и возлюбленный Его ученикъ — Іоаннъ. И пречистая, «раздѣляя матерскы сыновняя страсти», такъ изливаетъ свою скорбную душу: «Что страшное сіе и моима очима нестерпимое видѣніе, Владыко? Что всяку мысль и самыя солнечныа заря отемневающее чудо, Сыну мой? Что недоумѣнное сіе таиньство, сладкый Іисусе? Не тръплю превъжделѣнне зрѣти пречистыя твоя пригвождаемыя уды; не пріемлю нага видѣти, иже облакы одѣвающаго небесныя кругы. И Ты убо, неприкосновенный Свѣте, одѣваешися свѣтомъ яко ризою: воини же о одежди метають жребіа, еяже азъ руками исткахъ. И азъ растерзаюся ютробою: се ли есть престолъ отца твоего Давида, Іисусе мой, его же Гавріилъ, небесный онъ воинъ, обѣтоваше отъ Бога датися тебѣ? Нынѣ не яко царя, но яко злодѣя посредѣ двою разбойнику зрю. И единого убо с собою вводиши в рай, языкомъ носящаго образъ; сегоже долготрьпиши хуляща, Іудейскаго сувовьства знаменіа носяща. Но ты, Жизподавче, на

высоцѣ посредѣ вселеныя древѣ, простеръ руцѣ, събрати хощеши языкы, и исцѣляеши простершаяся древле неудръжанно в раи къ снѣди древа рукы: азъ же печалію задавляюся. О зависти! вся иже отъ вѣка праведныя обходя, и моему коснуся сладчѣйшему Чаду. Но Онъ грѣха не сътвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его, и самъ предваривъ рече, завѣщавая ученикомъ завѣтъ новъ, яко грядеть міра сего князь, и въ мнѣ обрящеть ничтоже. Блаженна вь матерехъ Рахиль, понеже проданіе Іосіфово не видѣ: аз же ублажихся убо паче иже отъ вѣка бывшихъ матерей всѣхъ, такова рождьши Сына, иже Соломону премудрость давшаго, — но на плачь преложившамися блаженьства, не точію продана но и пробадаема зрящи Тебе, иже аггеломъ Царя... О солнце! Състражди сладкому моему Чяду, въ мракъ оболкъся: уже бо помалѣ подъ землю зайдетъ свѣтъ моею очію. О луна! съпрятай лучя: уже бъ въ гробъ входить душа моея заря. Нынѣ събышася на мнѣ, яже ми Сімеонъ иногда, престарѣвыйся человѣкъ онъ, Духомъ прорече, егда по закону въ святилище вьзнесохъ Тя, иже святилищу Господа, — и сердце мое оружіе горко проходить. Гдѣ доброта Твоя зайде, краснѣйшій отъ сыновъ человѣчьскыхъ? Гдѣ свѣтлость очію Твоею, бездны иссушающее Око?»... Послѣ этого плача Богоматери, изложеннаго весьма обширно, и представляющаго въ одномъ мѣстѣ ту странность, что Пресв. Дѣва приводитъ изреченіе св. Апостола Павла, проповѣдникъ изъясняетъ слова Распятаго, сказанныя къ Ней: *жено, се сынъ твой*, и сказанныя къ Іоанну: *се мати твоя*, выражаетъ подробнѣе, какъ много должна была страдать Пречистая Дѣва при видѣ страждущаго на крестѣ и умирающаго своего Божественнаго Сына, представляетъ рѣчь Ея къ Іосифу Аримаѳейскому о снятіи

со креста тѣла Іисусова, рѣчь Іосифа къ Пилату, плачь Іосифа при снятіи и погребеніи тѣла Господня и заключаетъ: «С нимже (Іосифомъ) и мы, искупленіи отъ законныя клятвы честною Ти кровію, покланяемся безстрастію ходатайственымъ Ти страстемъ и смерти волной, насъ оживльшой; цѣлуемже и крестъ, и губу, и трость, и копіе, и гвоздія съ багряницею, егоже поруганъ бысть Сладости церковнаа. Прилагаемъ к симъ устны, и очи, и сердца, и просимъ триднев-ное Ти въскресеніе видѣти, въ оставленіе, ихже съгрѣшаемъ Ти на кыйждо день, грѣховъ, и вѣчныхъ Твоихъ сподобитися благъ. Яко Тебѣ подобаетъ всяка слава, честь и покланяніе, и великолѣпіе, съ безначялнымъ Ти Отцемъ, и пресвятымъ и благымъ и животворящимъ Ти Духомъ, нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ, аминь».

Нельзя не замѣтить, что настоящее слово Григорія Самвлака, въ которомъ онъ влагаетъ длинныя рѣчи въ уста Богородицы, самаго Спасителя и Іосифа Аримаѳейскаго, живо напоминаетъ собою подобное же слово другаго нашего проповѣдника, Кирилла Туровскаго, о снятіи тѣла Христова со креста, хотя и не содержитъ въ себѣ никакихъ заимствованій изъ этого послѣдняго слова.

4. Слово на Преображеніе Господне [15]) начинается такъ: «Небесе подобна днесь устроися Ѳаворская гора, славы ради Спасовы, нынѣ явльшеся на ней: Божества бо красоту изъобличиста на ней, иже и Пѣвецъ издалеча плета пѣснь, глаголаше: *гора Божія, гора усыренная, гора тучная, гора,*

---

[15]) а) *Библ. Толстов.* Отд. I, № 306: «Григорія, *игумена обители Пантократоровы* слово на преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа».; б) *Библ. Толстов.* отд. II, № 205: «Григорія *Россійска* на преображеніе Господа»..

юже благоволи Богъ жити въ ней. На ту бо вшед Владыка крестную произъяви тайпу. На той воскресения свѣтлость предпоказа. На той славу Святыхъ предзнаменова. На той извести, яко живыми и мертвыми владаетъ. На той зависть Іудейскую обличи, и яко небо противенъ есть и научи. На той славу свою ученикомъ верховнѣйшимъ яви, яко да навыкнутъ, учителе хотяще быти вселенней». Далѣе проповѣдникъ сравниваетъ Ѳаворъ съ Араратомъ и находитъ, что первый слаще послѣдняго: потому что на Араратѣ остановился ковчегъ, а на Ѳаворѣ — самъ Господь, наведшій потопъ и спасшій отъ потопа остатокъ человѣческаго рода».

Послѣ такого приступа витія переходитъ къ изъясненію дневнаго Евангелія и посвящаетъ ему всю свою послѣдующую бесѣду. Главныя черты изъясненія позаимствованы у св. Іоанна Дамаскина[16]), кромѣ слѣдующихъ словъ, направленныхъ противъ лжеученія Акиндинова, которыя мы потому и приведемъ: «*Просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же быша бѣлы яко свѣтъ.* И здѣ свѣтъ не рече свѣтъ суще, яко да не вмѣниши созданнаго свѣта бѣлость ризамъ, и просвѣтение Владычняго лица солнечныя зара блѣсокъ, но вспомянеши на лица падшая ученикы, отъ еже не терпѣти не созданнаго онаго и божественнаго естества лучи, отъ пречистыя Господня плоти изскачающая, елико взможно быше стерпети боговидцемъ. Ниже взможе Еванъгелистъ другое свѣтило обрѣсти свѣтлѣйши къ изявленію, ниже бо... отъ видимыхъ солнца свѣтлѣйши. Аще бо обрал (обрѣлъ) что иное свѣтлѣйшее, не реклъ бы, яко солнце, или яко свѣтъ, но яко се или оно. Еже и Марко исправляя рече: *ризы Его*

---

[16]) См. Слово его на преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, въ Хр. Чтеніи 1842. II, 166.

быша блещащася бѣлы зѣло, яко снѣгъ, яковыхъ не можетъ бѣлилникъ убѣлити на земли. Зриши ли, како отъ преумножениа Еванъгелисты скверныя еретикомъ, яко же нѣкоторыи пуще мечеве, языки пресецаютъ? Еже бо рещи: *яко солнце* и *яко свѣтъ,* и еже — *видѣніе его ино и одияние его бѣло блистаяся,* и еже — *ризы его блещащася бѣлы зѣло, яко снѣгъ,* и таже яковыхъ же не можетъ бѣлилникъ убѣлити на землѣ, и еже ученикомъ на земли божественно являетъ и присносущно сияние свѣта онаго. Всегда бо созданнаго на службу свѣта видим и къ самому солнечному кругу опираемъ очи, и ничто же таково страждемъ, яко бо пострадша свѣтіи они, не возмогше в вещи суще невещественнаго причастіе вмѣстити. Таже о славѣ будущаго воскресенія ввѣрено бяше творимое, егда солнцу, якоже Господь рече, померкнути нужда, лунѣ не дати свѣта своего, звѣздамъ же яко листвію спаднути, егда праведницы просіяютъ паче солнца. И кая бяше нужда, рцы ми, о будущей славѣ взирающу временная тогда и погибающая в среду приводити? Но окаянныхъ Акинъдианы таковая умышления».

5. Слово въ день Воздвиженія честнаго креста [17]), отъ начала до конца, есть одна непрерывная и вдохновенная рѣчь о силѣ и дѣйствіяхъ креста Христова.

Прежде всего проповѣдникъ изображаетъ эти дѣйствія въ общихъ чертахъ, но дѣйствія главныя, относящіяся непосредственно къ нашему искупленію. «Возносится днесь крестъ, и плѣняется адъ, и поклоняется Христосъ. Сіе бо Давидъ

---

[17]) а) *Новгор. Соф. библ.* Макар. Чети-Мин. за Сентябрь подъ 14 числомъ: «Григорія *архппа Россійскаго,* слово на воздвиженіе честнаго креста»... б) *Румянц. Муз.* № 437 — «Григорія, *архппа Россійскаго,* слова на воздвиженіе честнаго креста».

съ веселіемъ поя издалеча, пророчествуяше глаголя: *вшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, пріалъ еси дааніе во человѣцѣхъ.* Крестъ возносится: и царьствуетъ распятый; крестъ возносится: падаютъ бѣсове; крестъ возносится: и родъ Іудейскый погыбаетъ, — кровь бо Господня, яже на себе призваша, глаголюще: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ,* уже тѣхъ постиже. Крестъ возносится: и торжествуетъ Христіанскій родъ. Крестъ возносится: и совозноситъ землю, еяже посреди водруженъ бысть. Крестъ возносится: и бываютъ вся нова. Крестъ возносится: и четвероконечный міръ собираетъ. Крестъ возносится: и небеса земля соединяется: тому бо посреди сихъ обоихъ ставшу, падеся средостѣніе... Да пріидетъ Адамъ съ праматерію и съ нами да возноситъ его и со Давидомъ вопіетъ: *возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу его, яко святъ есть.* Да веселится, объемля его; да величаетъ славу его, да проповѣдуетъ силу его, да исповѣдуетъ спасеніе его, — иже древа ради изъ раа изгнанъ бысть и нетлѣнныа одежда обнаженъ, и въ потѣ лица своего хлѣбъ снѣдати осуженъ и послѣднее знаменіе в землю возвращатися отъ неяже взятъ быхъ... О чюдесе! Тамо древо и здѣ древо: оно посреди рая, и се посреди земля; и оно убо зелено и благорасленo, и листвіемъ украшено, и плодомъ угобзено, и плодомъ привлачающимъ очіи, поджигающимъ желаніемъ; добрѣ бо бяше насаждено, аще добрѣ потребоватися хотящимъ, но преслушаніе введе, но смерть исходатаи, но роду клятву нанесе. Сіе же невлажное, сухое, дѣланное, — но благословеніе нанесе, но безсмертіе дарова, но преслушаніе исправи. Елма бо убо гордыни и прослушаніе всѣмъ злымъ и смерти виновна бывши, смиреніемъ и послушаніемъ Христовымъ вся

благаа и животъ вводится, да спротивными спротивнаа праведно низложатся. Имиже со сосуда діаволъ надъ человѣки воцарися, тѣмиже паки и царства да изгнанъ будетъ и смѣху да преданъ будетъ»... и такъ далѣе.

Потомъ витія указываетъ различные образы креста какъ во внѣшней природѣ, такъ особенно бывшіе въ Церкви ветхозавѣтной, которые, будучи только образами креста, являютъ однакожъ или являли спасительныя дѣйствія. «И зри, како не токмо воображаемь и носимь спасаеть всекрѣкый, но и просто образа его виды спасительни бываютъ. Вселеннаа бо четырьми конци описуется, и четырьми стихіами человѣческое естество составляется; четырьми времены кругь лѣту вѣнчавается и четырьми вѣтры вселеннаа прохлажается. Но и человѣчьское видѣніе креста подобіе носить: сего ради Боговидець онъ собою того прообрази на горѣ, внегда побѣждати Амалика, простертиемь руку на высоту. Но и корабляный *катарть*, без негоже безбѣдно невозможно плавати, пучину креста образно стоить, рогама, якоже нѣкоторыма крылома горѣ, надъ волнами держа корабль и неоставляа тяготы ради погрузитися. Чтоже ли нарицаемаа *тропіоне*, иже все ставленіе корабленое содержится, не потомужде ли креста виду согвождена есть? Тѣмже и сама всегда въ водахъ, рыбѣ подобно, плаваа неисходнѣ, прочее корабля всеи людіе бремя на себѣ нося немокрено водами храня. Аще же и кивотъ завѣта испытаеши: по томужде образу устроенъ обрящеши. Такоже и храмъ, и жертвеникъ, и рога, яже на олтари, — вся *четвероуглена*, *креста сладкое* видѣніе являющи: и ниединоже сихъ тще и всуе бываема, но вся ко спасенію ключима, вся по неисчетеной и сильной Божіи премудрости дѣйствуема, по блаженому паки Павлу, къ Ефисеомъ

пишющю: *да возможете постигнути со всѣми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота, разумѣти же преспѣющей разумъ любве Христовы, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе.* Сего и во благословеніи внуков великій онъ патріархъ прояви преложши руку: яко бо юнѣйшаго внука, отъ лѣвыя бедры поставлена ощюти, старѣйшаго же — одесную, прелагаеть духомъ руки крестообразнѣ и десною касается главѣ юного благословляя... Сего образъ и во Чермнемъ сотвори превеликое чюдо, пресѣкъ непресѣцаемо естьство... Сего Елисей проназнаменова, внегда древомъ извести изъ глубины железное естество.... И что ми креста, яже отъ пророкъ, исчитати образы и гаданіа? Саміи серафими, царьскаго оного престола и превознесенаго служителіе и предстателіе, сего образу тайно научиша великаго Исаіа, внегда лица и ногы закрывати прочима крилома, среднима же летати, — и познавше пророкъ креста таинство... Мѣдную ону въ пустыни змію Моисій воздвиже внегда людемъ вредитися отъ змій. О чюдеси! Мѣднаа зміа недвижимыа нечувственое воздвиженіе живыхъ и ядовитыхъ змій вредъ потребляаше — единѣмь токмо на ня возрѣніемь. Да аще образъ креста толико силенъ, толико спасителенъ: какова самаа истинна, яже небо и землю и воздухъ исподняа исполни силою! Видиша бо вси, иже во адѣ отъ вѣка, того видѣша силу, внегда вереямь и вратомъ мѣднымъ отъ лица его сокрушатися; видѣша разбойника, крестомъ в раи ликовствующа; видѣша пламенное оружіе отлучаемо и входа не браняющее иже крестъ носящимъ».

Наконецъ святитель перечисляетъ нѣкоторыя спасительныя дѣйствія креста, извѣстныя изъ исторіи церкви новозавѣтной. «Такова креста дарованіа! Такови плодови Голго-

финьскаго древа! Сего царіе благочестивіи держаще, сопротивныя полки побѣждають: скипетръ бо есть небесного Царя, имже все воиньство гордаго низложися, и адова твердыня раззорися. Симъ небо украсися, внегда звѣзднымъ видомъ того показати блаженному оному и первому во царѣхъ Костянтину: с нимъ Персы, и Парфы, и Миды, и колесничныя Скифы побѣди, и предѣлы распространи Христіанскыя. Крестомъ Святителие, иже Апостоломъ пріемници, бѣсомъ жертвища, ова убо отъ самыхъ основаній развратиша, ова же затвориша, и яже въ нихъ дѣйствуя прелести силу затвориша, крѣпость прочее не имѣти, ниже простиратися на пагубу человѣкомъ, запретивше, и слово истинное распространивше, доброе приемьство благодати въ роды родовъ преподавающа, и церкви составляющи во славу Троици, имже крестъ утверженіе. Крестомъ Мученицы вооружившеся и сташа, мужески сопротивльшеся прельсти, и свѣдетели бывающе истинни и непобѣдими. Чюдо зрѣти же и слышати толикихъ лѣтъ прельстъ, толикихъ временъ басенныя лжа, толикаа изобрѣтеніа бѣсовскіа хитрости — единѣмъ истиннымъ словомъ разоряема, и безгласію предаема... Сего и иже на земли ангели, иноци глаголю любомудрени, и наставника, и хранителя, и оружіе, и пищю, и питіе, и одежду имуть. Того бо любовию возмше, повелѣніе Господне послушавъше, глаголющее: *иже аще не возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми, нѣсть мнѣ достоинъ*, ставляеми суть ангельскои ретитися жизни, и токмо по плоти обложениемь славы онѣхъ остаяти... Оружіе же тѣмъ есть: понеже, нань надѣющеся, исходятъ на мысленнаа бореніа, и вся рати, и вся прилоги, вся ополченіа, въ мысли состоящаяся, побѣждають, низлагають, гонять. Той бо тѣмъ хоругва, и копіо, и щитъ, и мечь, и лукъ, и тулъ, испол-

ненъ благополучныхъ стрѣлъ, и броня, и шлемъ»..... и такъ далѣе.

6. Приступъ слова на рождество Пресв. Богородицы [18]) запечатлѣнъ особенною торжественностію. Здѣсь, съ одной стороны, выражается чувство живѣйшей радости по случаю рожденія Пресв. Дѣвы Маріи, а съ другой — ублажаются родители Ея Іоакимъ и Анна. «Да предначинаетъ настоящему торжеству Давидъ — Богоотецъ, созываа тварь всю къ веселію, и да играетъ, ударяа въ гусли! Се бо кивотъ происходитъ упокоенія Божія, и престолъ готовится, хотяй подьяти Царя Іизраилева. И да поетъ псаломскыа воздвижа гласы: *слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и вожделѣетъ царь доброты твоей.* Да радуетжеся Іоакимъ и Анна: яко родиша намъ хотящую паче слова Зижителя ражати, хотящую бывати человѣкомъ къ Богу залогъ, хотящую Бога ко человѣкомъ примирити; яко израстиша намъ отъ неплодныхъ боку живоносную вѣтвь; яко прозябоша намъ отъ сухаго корене садъ Богоданьный, хотящій плодоносити миръ Іизраилю и спасеніе языкомъ. Да веселится и первый онъ человѣкъ Адамъ: яко родися того внука, упразднити хотящаа пламенное оружіе не ктому стрещи врата едему; не ктому затворена тому будуть врата райскаа вожделѣннаго оного и божественаго жилища; не ктому змій тамо позавидѣвый ангельской оной и безсмертной жизни; не ктому листвіе смоковное преступленіа опоясаніа не лѣпое, и не ктому терніе и волчьца осужена будеть тому приносити земля, ниже проклята быти въ дѣлехъ его, или въ потѣ лица своего снѣдати хлѣбъ, — и не услышить

[18]) *Новгор. Соф. библ.* Четіи Мин. Макар. за Сентябрь подъ 8 числомъ: «Григорія, *мниха и презвитера*, слово на всечестное рождество Пресв. Владычицы нашея Богородицы».

прочее: *яко земля еси и въ землю пойдеши.* Вся бо сія на благо преложи рождшіася Всецарица: рай отверзе, зміа прогна, одежду раздра преступленія, терніе и волчьца искорени, клятву потреби, благословеніе распростреть, хлѣбъ небесный и Христа предложи, отъ него же ядущеи не умираемь, и не въ землю отходити, но на небо преселятися устрои. И простой всякой твари радость возвѣщаетъ своимъ рожествомъ Богоотроковица. Да срадуются Іоакиму колѣна Іизраилева: яко породи дщерь хотящую избавленіе родити дому Іаковлю. И Аннѣ да сликовствують матеря: яко достоить питательницу жизни нашеа. Блаженъ въ родителехъ онъ и въ плѣмени Іюдовѣ свѣтлѣйшій! Блаженна и ты въ матерехъ, богомудраа Анно, и плодъ чрева твоего благословенъ! Призрѣ Господь на смиреніе ваше, и на сѣтованіе ваше умилися, и молитвы услыша, отъятъ поношеніе безчадія, в ризу веселія облече благочадіемь, свѣтлитися сотвори и проявляти, а не крыти и плакати, красящимся ко храму приходити и дары приносити, а не возвращатися с дары болѣзненою душею и лица стыдѣніемъ. Даръ бо принесосте Господеви, небесъ высочайше, и самыхъ ангелъ без рассуженія святѣйши. Паче всѣхъ человѣкъ ублажистеся, паче всѣхъ колѣнъ благословистеся, паче патріархъ и пророкъ возвеличистеся: отъ родовъ бо пронареченой, отъ пророкъ превозвѣщенной родителе бысте, всебогатіи, в няже вселится Богъ, расточенаа собрати Іизраилева и страстьми обетшавшаа обновити человѣчество».

Во всей трактаціи, т. е. самой главной части слова проповѣдникъ перебираетъ разные прообразы Пресв. Богородицы, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ, каковы: ковчегъ Ноевъ, сѣнь Авраамова, лѣствица Іакова, купина Моvсеева, переходъ чрезъ Чермное море, руно Гедеоново и проч., а за

тѣмъ сводитъ разныя предсказанія о Ней и видѣнія пророковъ: Давида, Исаіи, Даніила, Аввакума и другихъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой части: «Ноевъ бо онъ ковчегъ, сохранивый сѣмя второму міру отъ всероднаго потопа онаго, сію (Марію) образоваше: спасе бо отъ потопа душевнаго не останокъ роду малъ, но всю вселеную. Но и сѣнь Авраамова сію сѣнописааше, являюще, яко на послѣдняя времена отъ сѣмене его воплотився Богъ съ человѣки поживеть.... Но и купина она, явльшіася на горѣ Моисею, ея же убо и посреди и окрестъ пламень обвиваше, зеленѣйшу же и младѣйшу сохраняаше, палительному огню на влажное прелагающуся, — что ино прописуаше, развѣ Богоотроковицу сію? Не опально бо пріятъ Божества огнь во естествѣ тлѣнномъ, и не тлѣнно плоть тому отъ чистыхъ своихъ кровій заимствовахъ. И понеже безсмертію виновна хотяше бывати, изути сапогъ ногу своею повелѣвашеся пророкъ: яко святу сущу мѣсту, на немже стояше.... Пріидемъ отсюду на Гедеоново руно еже на гумнѣ пріимшее росу въ невремя росы, и узримъ гумно убо вселенную всю, руно же Марію, росу же Еммануила, прохладившаго естство согорѣвшее Адамово. Отсюду пріидемъ на Давида и Соломона, и узримъ тамо явственнѣйшаа о Ней прореченія. Что убо рече Давидъ? *Предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащеннахъ одѣана и преиспещрена*, подобающую честь Матери воздающу Сыну во славѣ своей деснаго предстоянія, позлащенныа же ризы превосходящая всяку мысль Божественныа славы дарованія. Достояше бо таковаго Царя бывшей Матери спричастницы быти славѣ сыновнѣй и царскими украшатися ризами чистоты.... Видимъ и Даніила, — мужа желаній, по премногу таковыхъ божественнымъ тайнамъ наученаго, и царемъ видѣніа рѣшающаго:

что наричеть непорочную сію Дѣву, внегда сказовати Вавилонскому царю видѣніе? Гору нѣкую высоку, отъ неаже безъ прикосновенія руки мужескія камень отсѣчеся, о немже камени учитель церковный вопіетъ Павелъ: *камень же бѣ Христосъ*, иже сокруши и истни образа оного, иже на поли, злато и сребро и медъ и железо и скудель, и возрасте и исполни вся земля».

Въ заключеніе витія обращается къ дщерямъ Іерусалимскимъ и взываетъ: «Дщере Іерусалимскія! Взыграйте, и во слѣдъ Ея потечете; начните со Давидомъ въ тимпани и лици псаломское оно пѣніе поюще: *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея, искренняя ея приведутся тебѣ, приведутся въ веселіе и радость, приведутся въ церковь цареву*. Се бо церкви царева, въ нюже великій внидеть Святитель, очищеніе устроя Іизраилево. И, дѣвы, восплещете: се бо происходить дѣвая и Мати Царева. Отроковица, веселитеся, — Богоотроковицю свѣтлу срѣтающе. Обыдете Ея, ликъ составите о Ней и дѣвьственыа вѣнца исплетайте Ей: Та бо есть одръ Соломоновъ, его же шестьдесятъ окружаху сіаній, вси вооружени мечи опоясани. Возвысите гласъ сію восхваляюще.... Вопросимъ васъ, Сіоненкы юныа, аще вѣсте, вопросимъ васъ: кто сіа явльшіася и отъ котораго рода? Вѣмы, рече, отъ пѣсней Степеныхъ навыкше: се слышахомъ ю во Ефрафѳѣ, обрѣтохомъ я въ полехъ дубравы, слышахомъ я, рече, человѣчьскаго роду сущу, семене Давидова, пророческаго и царьскаго, и отъ Вифлеема града Егова»... и проч.

Разсмотрѣвъ шесть словъ Григорія Самвлака изъ числа осьми на праздники Господни и Богородичные, мы опускаемъ безъ разбора два остальные слова, какъ не бывшія у насъ

подъ руками: слово на Вознесеніе Господне [19]) и слово въ день Успенія Пресв. Богородицы [20]), и переходимъ къ второму отдѣлу сочиненій нашего автора.

II. Слова на праздники Святыхъ.

Къ этому отдѣлу относятся слова, большею частію, похвальныя, и именно 1) похвальное Св. Пророку Иліѣ, 2) на рождество Св. Іоанна Крестителя, 3) на усѣкновеніе главы св. Іоанна Крестителя, 4) похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу, 5) похвальное св. великомученику Георгію, 6) похвальное св. великомученику Димитрію и 7) похвальное св. сороку мученикамъ.

1. Похвальное слово св. пророку Иліѣ [21]) изображаетъ, какъ и естественно, жизнь, отличительныя свойства и дѣянія великаго пророка.

Въ приступѣ все это излагается кратко, общими чертами: «Пророци оубо вси въплощеніе Единороднаго послани быша жестосердому проповѣдати Іизраилю. Илиа же къ Іизраилю

---

[19]) а) *Библ. Толстов.* Отд. I. № 106 — «Григорія, епископа *Россійска* на вознесеніе Господа»... б) *Румянц. Муз.* № 437 — «Григорія, *епископа Россійска*, на славное *вознесеніе*»...

[20]) *Библ. Толст.* отд. II, № 205—«Григорія *Россійска* слово на успеніе Божія Матери».... б) *Румянц. Муз.*—«Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово на всечестное преставленіе преславныя Владычицы и Богородицы»....

[21]) а) *Публичн. Библ.* отд. I in F., № 242—«слово *святаго* Григорія *мниха-презвитера и игумена обители Пантократоровы*, св. пророку Иліи Боговидцу». б) *Публ. Библ.* отд. I in F. № 261—«Григорія *мниха и презвитера и игумена Пантократоровы обители*, св. пророку и Боговидцу Иліи». Есть это слово подъ такимъ же названіемъ: в) *въ библ. Толст.* отд. I, № 806; г) въ *Румянц. Муз.* № 437; д) въ Сборн. моей библ. № 2, л. 176 об. и е) въ Сборн. моей библ. № 39, л. 219.

посланъ бысть, по второму Его пришествію предотеча съхраненъ бысть, за еже проповѣдати, якоже оубо при дверехъ Владычнихъ приходъ и лукаваго предсказати мечтателное и лукавое царство антихристово глаголя, — о немъ же къ Июдѣомъ глаголаше Спасъ: *азъ пріидохъ о имени отца моего: и не приемлете меня; аще же инъ пріидетъ о своемъ имени: сего пріемлете с радостію.* Іліа видѣвый Бога на Хоривѣ иногда въ гласѣ хлада тонка, сѣни служа закона, и пакы той въ благодати, плодоносяща оузрѣ на Фаворьстѣй горѣ, и третее чяя и оувидѣти и оусрѣсти на облацѣхъ съ славою грядуща Судію живымъ и мертвымъ. Илія гражанинъ горы Кармиловы, заеже единъ единому сбесѣдовати; послѣдний мученикъ въ пророцехъ, яко во апостолѣхъ Стефанъ первый. Иліа Ахавовъ обличитель, якоже Иоаннъ Иродовъ. Иліа Езавелинъ потребітель, якоже Креститель Иродиядінъ; иже ключя положивый небу по обычяю не напояти земли, иже огнь съ небеси молитвою низведе, и студныя священникы студа исполнь, егоже горьсть мукы Сареѳътанина вдовица не оумалися и малый чванець масла не оскудѣ, его же молитвою тоя отрокъ оумрый въскресе, и въсприятъ жена отъ въскресеніа мертваго своего, якоже премудрый апостолъ рече. Иже аще хощетъ, да яже о немъ въкратцѣ въсприемши, ваший любви скажемъ».

Въ трактаціи слова проповѣдникъ излагаетъ дѣянія пророка въ трехъ частныхъ отдѣлахъ.

Въ первомъ повѣствуетъ, какъ Илія обличилъ нечестіе Ахаава и Іезавели, предсказалъ имъ гнѣвъ Божій и дѣйствительно казнилъ все царство ихъ страшнымъ бездождіемъ и засухою, а самъ удалился на гору Кармилъ, гдѣ получалъ пищу отъ врана. Любопытно замѣчаніе, сдѣланное на это послѣд-

нее обстоятельство. «Что творитъ благокозненый Богъ? Врана посылаетъ на кийжды день — пищу тому приносити, яко да питаемъ отъ такова пища оумилится совѣсти того обличающи, и своеплемянному разрѣшитъ казнь, есть бо чядоненавистинъ сей птица. Егда бо родитъ яйца, сихъ грѣетъ въ гнѣздѣ, дондеже птенци оустроятся; егда же сихъ тако водитъ, оставляетъ сихъ безспромысленыи тако изомрети, и самъ отлучнется во иная мѣста, птенцижъ гладомъ оудручаеми зияютъ подвижющи оумиленно главы и гласъ испущающь горѣ зряще. Всякому же дыханию промышляи Богъ, посылаетъ отъ воздуха мухы и нѣкыя, и тоя пищи достойныя, и приходящи сами влѣтаютъ в тѣхъ оуста; ти жъ сихъ поглотаютъ и питаются, дондеже възрастутъ и лѣтати возмогутъ. О сихъ глаша пророкъ: *дающему скотомъ пищу и птенцомъ врановымъ призывающимъ его*. Сего ради такова питателя посылаетъ Богъ пророку, яко глаголалъ бы к нему обличителнѣ: вижь, како сей вранъ таковый лоукавый, чядоненавистный, дивий, нечистый, иже спасъшему его Ною отъ потопа иногда вѣру не съхранивый, како тебѣ работаетъ человѣку, не человѣкы токмо, но и скоты и птица оуморити хотящему, како хотя трудится о трапезѣ твоей, иже своя чяда презираяй, таже аще инъ своя презирая птица обычаю служитъ своего рода и еже отъ отца пострада тожде и той птенцемъ въздаетъ, оному подобяся: ты же не подивишися Авраамy и Моѵсею отцемъ своимъ, егда ово оубо глаголаше ко мнѣ о Содомлянехъ: *не погуби праведнаго с нечестивыми и будетъ праведный яко нечестивъ*; хотяй судити всей земли — Моисей, егда хотѣ на водѣ пререканiа потребити люди, молящеся глаголя: *аще оубо хощеши сихъ помиловати, помилуй; аще ли же и меня с ними потреби*; сего ради

и ты состави томление. Да якоже ниже таковымъ образомъ прелагаше сей,—повелѣваетъ Богъ, и потокъ исше, отъ него же пророкъ піаше, ту пребываніе творя и страдаше.»

Во второмъ отдѣлѣ изображаются пребываніе и чудеса пророка въ Сарептѣ Сидонской,—при чемъ, повѣствуя о воскрешеніи Иліею сына Сарептской вдовицы, проповѣдникъ говоритъ: «И дунувъ на отрочища трижды, Троица таинство являетъ, и яко кромѣ еже в ту исповѣданія невозможно вѣчный получити животъ, призва Господа и рече... не презри прошеніе мое, аще и азъ преслушахъ повелѣвающу ти, да възвратится душа отрочища сего в онь, да прославится, рече, имя твое моего Господа и Бога въскресшу отроку твоимъ призваниемъ, да будетъ сей отрокъ начало въскресеніа мертвымъ въ образъ твой, понеже и ты пьрвенець изъ мертвыхъ будеши, да познаютъ вси, яко преступленіе оубо смерть исходатаи, твоя же благость—въскресеніе; оутѣши вдовую, оу нея же азъ страньствую, ея же трапезы стыжусь, ея же служеніа срамляюся, ею же чтомъ есмь, яко твой служитель, да не начало прихода моего радостно той, исходъ же послѣдняя исполнь печали будетъ, и да възвратится душа отрочища сего в онь, да будетъ онъ проповѣдникъ преже Лазаря твоея власти, яко отъ мертвыхъ того въскреси и рукою моею рукамъ отдастъ матернимъ: и бысть тако»...

Въ третьемъ отдѣлѣ повѣствуется о новомъ пришествіи Иліи къ Ахааву, о чудѣ, совершенномъ пророкомъ надъ жертвою, и низведеніи дождя, объ избіеніи Вааловыхъ жрецовъ и удаленіи пророка въ пустыню, о Хоривскомъ боговидѣніи и вознесеніи Иліи на небо. При этомъ въ созданіи жертвенника Иліею проповѣдникъ находитъ слѣдующія символическія прообразованія: «Вземлетъ же зижда жерътвеникъ дванаде-

сять камений равночисленыи колѣномъ дванадесятіимъ патріархъ: мню образомъ симъ сердца люди Божіимъ жертвамъ създавати чистымъ закономъ; зане и Давыдъ сердце чисто създати в немъ Богови молити; но и дванадесять апостолъ таковое число назнаменоваетъ. Иліе же бескровный създа жертвеникъ, ископа окрестъ, рече, вмѣщеніе воды глубоко, яко да вода обьстоя дрова и жертвы, преславно сътворитъ жертвы таинество, понеже и таино не како являеши и крещеніе баня и нашу жертву, но и водоносы апостолы непщую предсказывати, ибо оутра являеми дванадесять бываютъ: оудвойте, рече, но утроиша, и пакы Троица трисоставное являетъ, якоже надъ мертвымъ отрокомъ дунувъ трищи»... А сказавъ о Хоривскомъ боговидѣніи, передаетъ такъ бесѣду Божію къ Иліи: «Елма ты Илія человѣкъ жестокъ еси, Іизраилю съгрѣшающу трьпѣти не можеши, ниже человѣческыми страстьми преклоняешися, —первие не ключится тебѣ съ человѣкы жити; но взыди ты ко Мнѣ, да Азъ къ человѣкомъ сниду, измѣна да будетъ посреди насъ: да въздетъ человѣкъ и да снидетъ Богъ. Азъ бо не Іизраиля единого, но всѣхъ языкъ, неправды беззаконія зря и долготерпя крайныя ради благости, понеже человѣколюбецъ Азъ и грѣхъ ихъ понесу, кромѣ грѣха тѣмъ оуподоблеся, рѣхъ бо Давиду: *аще оставятъ сынове твои завѣтъ мой, в судахъ моихъ не пойдутъ, аще оправданія мои осквернятъ и заповѣди моя не съхранятъ: посѣщу жезломъ беззаконіа ихъ и ранами неправедныхъ, — милость же моя не разорю отъ нихъ.* Взыди ты съ плотію, да Азъ сниду взяти плоть, безплотный; взыди ты на колесницѣ огненнѣй ко Мнѣ, да Азъ к тебѣ сниду, якоже на руно дождь: ты яко въ трусѣ на небо, Азъ же яко в тишинѣ на землю; ты горѣ яко да снидеши, Азъ же

долу яко да възыду, обоживъ въспріатіе. Азъ сниду, — елма ты не можеши въ богоразумія мрежахъ люди оудержати, и вселенную всю обоиму Петровою мрежею и тростію Ивановою; — възыди, пророче, да снидетъ проповѣдуемый».

Заключеніе слова, какъ и многихъ другихъ словъ Григорія Самвлака, весьма кратко: «Мы же здѣ бывше славу въздадимъ образы и вещьми тѣмъ преславная съдѣлавшему Сыну Божію Господу нашему І. Христу, с Нимъ же безначялному Его Отцу слава и держава и покланеніе Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и въ вѣкы и вѣкомъ.»

2. Слово на рождество св. Іоанна Предтечи [22]), очень обширное, начинается выраженіемъ радости по случаю наступившаго торжества и краткою похвалою Крестителю Господню: «Креститель намъ днесь раждается, и кто не возрадуется? Притча намъ является, и кто не возвеселится? Воинъ царевъ предгрядетъ, и кто не притечеть? Гласъ Слова вопіеть, и кто не услышить? Вси усрѣтаемъ, вси радуемся, вси торжественная празднуемъ, и руцѣ простерше съ веселіемъ на пеленахъ того држати мнимся. Іоаннъ раждается, иже во пророцѣхъ большій и до его же пророчества: *вси бо*, рече, *пророци до Іоанна прорекоша*. Іоаннъ, ему же точенъ никто же вста въ рожденныхъ женами. Іоаннъ — предначинатель крещенія и составитель обрѣзанія. Іоаннъ же отъ пророковъ пророкъ, священническыхъ и престарившихся чреслъ священнѣйшая и младая отрасль неплодныя и старица, садъ

---

[22]) а) *Новгор. Соф. библ.* Чети-Мин. Макар. за Іюнь — «Григорія, *мниха и презвитера*, слово на рождество предтечи и крестителя Іоанна»; б) *Рум. Муз.* № 437 — съ такимъ же заглавіемъ; в) *Библ. Толст.* отд. II, № 205 — «Слово *архіепскопа Россійска* Григорія на рождество Предтечи»...

богоданный и многоплодный. Іоаннъ — другій Илья пустынь-ства токмо образомъ, житіемъ же и достоиньствомъ и того и всѣхъ превшедый. Звѣзда, превосіавающіа праведному солнцу; горлица пустынпаа, весну предвозвѣщевающіа спасительну; другъ Жениховъ, иже во чревѣ играя и въ пустыни вопіа: *покайтеся,* и во адѣ благовѣствуяй. Іоаннъ, иже отъ обѣтованія рожденный, иже роженіемъ своимъ отчее разрѣши безгласіе и матернее неплодіе»... и проч.

Самое слово состоитъ все изъ толкованія на дневное Евангеліе о рожденіи Іоанна Предтечи и обстоятельствахъ рожденія. Въ этомъ толкованіи проповѣдникъ то показываетъ смыслъ евангельскихъ сказаній, то дѣлаетъ имъ перифразъ и распространяетъ ихъ своими соображеніями, то обращается къ виновнику торжества св. Іоанну и снова восхваляетъ его. Напримѣръ: «Мнози отъ обѣтованіа рождени быша и неплодныхъ матерей, но не многымъ даромъ, якоже Іоаннъ, сподобишася, иже въ рожденныихъ женами больши свидѣтельствовани быша. Рожденъ бысть Ісаакъ отъ старческыихъ Авраамлихъ чреслъ и неплодныа Сарры и отъ обѣтованія; рожденъ бысть и Сампсонъ, крѣпкій онъ въ человѣцѣхъ, отъ обѣтованія; подобно роди и Анна молитвеннаго плода Самуила. И Ісаакъ убо еже о немъ исполнитися обѣтованію даръ пріятъ, и еже царемъ отъ него изыти, отъ него же и Христосъ по плоти. Сампсонъ еже судити Израилю, еже Назорей быти, еже иноплеменники побѣждати. Самуилъ еже отъ младеньства данъ быти Богови, еже помазовати царя, еже зватися зряй предняя. Іоаннъ же многимъ и великимъ даромъ таинникъ бысть отъ самыхъ зачалъ зачатія, отъ самыхъ матернихъ ложеснъ, еже Духа Святаго исполнитися прежде рожденіа, еже пророкъ всѣхъ большему быти, еже ходатаю вет-

хаго и новаго завѣта, еже отъ Гавріила благовѣщену быти, еже всемірныя Радости предтечи явитися, еже уединенное и несмѣсное житіе, еже пустыня предпочести жестокая, еже паче человѣка пища имѣти, еже и проповѣдати покаяніе и крещати во Іерданѣ, исходящи къ нему всей Іудейской странѣ и Іерусалимской, еже познати во плоти крыющагося Бога, еже того показовати народомъ: *се агнецъ*, глаголя, *Божій, вземляй грѣхи міра*, еже рукою коснутися пречистому оному и нетлѣнному верху и въ рѣчныхъ погрузити струяхъ, еже Отечь гласъ слышати крещаемаго свидѣтельствующій, еже Духъ Святый видѣти чувственныма очима, яко голубь сходящь на Нь, еже люди учити подобающему крещеніа и покаяніа житію, еже чистоту законополагати и воины наказовати любомудрствовати и довольни быти своими оброкы, еже царя обличити беззаконнующа, еже не бѣгати Иродіады бояся, якоже Илья Іезавелина прещеніа четыридесяте дне и толикыхъ же нощій, еже съ дерзновеніемъ обличити приходящая Іудеа и исчадія ехиднина нарицати, еже въ темници мечемъ усѣчену быти и во адѣ благовѣстити чаемое избавленіе. Таковъ Елисаветинъ плодъ неплодныа старица!» И далѣе: «Чтожъ къ нему ангелъ? *Не бойся, Захаріа.* Сице и къ Дѣвѣи рече: *не бойся Маріамъ*, и женамъ у гроба явлейся ангелъ *не бойтеся*, рече. Обычно сіе благому оному и безплотному естьству, еже первіе страхъ отгонити и тако благовѣстіе приносити, яко да прочее безмятежнѣ устроени бывше, сладцѣ пріиметъ благовѣствуемое. *Не бойся, Захаріа, понеже услышана молитва твоя и жена твоя родитъ тебя чадо.* Таже не о еже молишись родити сына, но о людехъ услышана бысть молитва твоя; пріата бысть, рече, а не отриновена, якоже хотящихъ по тебѣ въ той бывати

службѣ. Они бо егда воздѣютъ руки твоя къ Богу, якоже Исаіемъ Господь глагола, отврати лице свое отъ нихъ, всесожженіа овенъ и тукъ агнечь и кровь юнецъ и козелъ не хощетъ, аще принесутъ семидалъ, суетно, фимьямъ мерзость Ему есть, новомѣсячіа и субботы ихъ и день великъ не терпитъ, посты и праздники ихъ ненавидитъ душа Его; аще умножатъ молитву, не послушаетъ: руцѣ бо ихъ исполнь будуть крове Сына Его. Твоя же молитва услышана бысть, яже сотворилъ еси о себѣ и о людскыхъ невѣжествіихъ. И якоже Ааронъ первый въ сей службѣ бысть, тако и ты послѣдній тоя будеши: уже бо законъ, обетшавшій, изнемогшій упокоити хощетъ, иже закону Господь. И не токмо молитва твоя услышана бысть, но и жена твоя родитъ тебѣ чадо, измѣнятся и неплодства печали и поношеніе, иже отъ неплодія; не ктому сѣтованъ и поничущи на землю къ храму пріидетъ явитися Господеви, но свѣтла и хвалящеся о благочадіи. *И наречеши имя ему Іоаннъ:* понеже не сѣни закона, якоже ты, но благодати Сына Божія служитель будетъ.... *Будетъ,* рече, *великъ предъ Богомъ.* О непостижимыхъ Божіихъ судьбахъ! О крайняго человѣколюбія! О величеству достоиньства Іоаннова! *Будетъ великъ предъ Богомъ.* Ангели служебнии дуси, но не велици предъ Богомъ: тьмы бо ангелъ служатъ Ему, якоже въ Данилѣ пишется, и тысяща архангелъ. Но и серафими не велики предъ Богомъ: являетжеся во Исаіи лица и ноги закрывающе съ толицѣмъ страхомъ, съ толицѣмъ спрятаніемъ стояще окрестъ престола оного царскаго и превознесеннаго. О Іоаннѣ же тъ самый Гавріилъ, иже ангеломъ начальникъ, *будетъ,* рече, *великъ предъ Богомъ.* И въ лѣпоту такову достояше быти другу женихову!... *Бысть,* рече, *яко услыша Елисаветъ целованіе Маріино, взыграся мла-*

денецъ во чревѣ еа. Позна рабъ своего Владыку, видѣ воинъ своего Царя, въ багряницу плоти облачащася, якоже въ чертозѣ коемъ ложеснъ Маріиныхъ, и весь нѣкако любопряшеся ко исходу. Елма же сему время не у пришло бяше и языкъ не еще вѣщающъ имяше. Играетъ убо во чревѣ, тому кланяяся, матери же даетъ своего языка даръ пророчествовати и почести Цареву Матерь пришедшую. Аще бо онъ не взыгрался бы, Елисаветъ не исполнитися хотяше Духа Свята. Тѣмъ же яже отъ неа къ Маріи глаголи Іоаннови бяху. О чудеси! Свершенъ пророкъ бяше, не еще чувства свершена имѣяй младенецъ, ниже еще на воздухъ дхнувъ! Кто видѣ или кто слыша младенца—пророка не на рукахъ, не въ пеленахъ, не отдоена, но въ чревѣ шестомѣсячна? Тогда бо и Духа Святаго исполнися, егда и возыграся, — а идѣже Духъ, вся совершена суть дѣйствомъ Его и недостаточная прелагаема на совершеніе». Или еще: *«Отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ и бѣ въ пустыняхъ до явленія его ко Израилю:* поелику бо тѣломъ растяше, и духовное дарованіе пріемляше, ращенію тѣлесному спротяжютися благодати, дондеже мужа свершена того возрасти и духовнаго устрои, и крѣпляше духомъ. Дивлюся, помышляа, и инъ отъ иного бываю, како отроча, матерняго сосца лишено, и пеленнаго одѣяніа, жестость стерпѣ пустынную! Но Духъ тому съсецъ бяше, и одѣяніе, и прочаго попеченіа матерняго мѣсто исполняше, яко да непричастенъ будетъ иже въ мірѣ злобамъ, яко достойно вѣренъ будетъ отъ пустыня авлься ко Израилю, яко да благопріятно будетъ его во свидѣтельство о Христѣ, яко да честенъ будетъ всѣмъ отъ крайнаго пустыньства, отъ одѣаніа, отъ нестяжаніа, отъ пища безпищныа, яко да обличителенъ будетъ, яко да не на лица зритъ. И достоитъ со

мнозѣмъ опасьствомъ божественаго оного мужа смотрити житіе, како въ естьствѣ человѣчестѣ бѣ и выше человѣка пребываніемъ зряшеся. Кая бо пища Іоанова? Верміе дубное и медъ дивій, — самоуготовлена трапеза, нетруднаа, неотяготительнаа, нетучнѣющіа, не могущаа воевати на духовную крѣпость. Чтожъ питіе? Вода чистительнаа, быстраа, трезвеная, несмущающая надглавный мозгъ. Каково жъ одѣаніе? Вельбужіи власа, — любомудреное украшеніе, пустыннаа багряница, древнее прародителей одѣаніе. Чтожъ поясъ? Отъ кожа, — мужественое являа отсюду, и еже въ подвизѣ быти всегда и дѣланіи, а не въ сластолюбіи и разслабленіи, и понеже кожа мертва животнаго есть часть, назнаменоваше о чреслѣхъ его стоя усьменый онъ поясъ, яко весь Христу живяше, мертвъ же бѣ отъ человѣческыхъ всѣхъ».

3. Слово въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи[23]). Начало этого слова заимствовано, съ нѣкоторыми перемѣнами, изъ знаменитаго слова Златоустаго противъ Евдокіи: «Паки Иродіада бѣснуется».... И нашъ проповѣдникъ восклицаетъ: «Пакы Иродия (Іудея?) жадаетъ пророческія крове, пакы Иліи ищетъ Езавель на смерть, пакы на колесницы гонитъ! И она убо, гоня, непостиже праведника: тояже прелукавая внука беззаконнымъ прошеніемъ главу Предтечеву на блюдѣ посредѣ пира непреподобнаго носитися устрои, — главу, апостоломъ честную; главу, Отецъ (Отечь) гласъ слышавшую, и Сына крестившую и Святый Духъ видѣвшую».... и проч.

---

[23]) а) *Библ. Толст.* отд. II, № 205 — «Григорія *архіепископа Россійска* на усекновеніе главы честнаго и славнаго пророка и предтечи и крестителя Іоанна»; б) *Рум. Муз.* № 437 — съ такимъ же заглавіемъ.

Упомянувъ потомъ объ Иродѣ и сообщивъ о немъ нѣсколько историческихъ замѣтокъ, проповѣдникъ обращается къ изъясненію дневнаго Евангелія объ убіеніи Предтечи. Это изъясненіе, составляющее содержаніе всей проповѣди, сдѣлано вообще по руководству св. Іоанна Златоуста, а толкованіе стиха: *и пославъ, усѣкну....* даже буквально взято изъ проповѣди Златоустовой[24]). Потому приводить отрывки изъ настоящаго слова считаемъ излишнимъ, кромѣ слѣдующаго, гдѣ Цамвлакъ говоритъ отъ себя противъ Иродіады и ея пляски: «Егда подобающимъ дѣвамъ стыдѣніемъ и съ *сѣпратонисомъ*, еда благоуправлено ступая и благоговѣйно зря и благочинно вѣщая, егда умолити царя образы умильными и словесы премудрыми сущихъ въ темници свободити? Нѣсть се, нѣсть,— но плясати вниде (Иродиада) и плясавши угоди Иродови. Таковыми таковии угождаеми бываютъ: блудныи страстными ухищреніи веселятися. Что бо отъ иже страстей подвижущихъ, но творяше скверная она игранница тогда от еже плясати рукама обнаженныма до лактей или и множае, и нѣкия гласы ухищренныя, паче неже естественныя, испущати и словеса подобная симъ прилагати и едино отъ обоихъ страсти творити взгорение отъ еже извиватися и въскакати и главѣ семо и онамо обращатись и власовъ соединенію на многа раздѣлятися части. Яже вся беснующихся суть, а не целомудрствующихъ. О безстудныя оны! И дѣвамъ ли достоитъ играти тако и плясати посредѣ пира назирателей блудныхъ, или крытися и бѣгати со многимъ тщаниемъ и стыдениемъ?»...

Проповѣдь свою заключаетъ проповѣдникъ такъ: «Люблю, аще кто отънеслъ и поставилъ бы мя тамо, да припад прило-

---

[24]) *Златоустаго* — Бесѣд. на усѣкновеніе главы Крестителя, въ Хр. Чт. 1837, III, 136—149.

жу лице ко святому оному праху и почерплю освященіе, благожелания не мало пріемъ исполнение — о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава.... и проч.

4. Слово похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу [25]) по объему своему есть самое обширное изъ всѣхъ словъ Григорія Самвлака, но не отличается ни отдѣлкою, ни послѣдовательностію. Много въ немъ восклицаній и разныхъ метафоръ, но мало жизни и теплоты чувства. Содержаніе слова — жизнь и подвиги первоверховныхъ апостоловъ. Для примѣра достаточнымъ считаемъ привести изъ него одинъ-два отрывка.

Вотъ начало слова: «Возсияша намъ днесь свѣтила великая и незаходимая, Церковь веселящая и вселенную просвѣщающая, Петръ и Павелъ, Троицѣ служебная двоица и избранная, лику апостольскому верховнии, полку учительскому израднии, тму прогонителе и ко свѣту руководителе и царствія наслѣдницы, Евангелия проповѣдателе, и вышнего Ерусалиму граждане, иже язви Господа Спаса на тѣлѣ носяще и отъ бѣсовъ уязвленыя цѣляще, врачеве великосочтенія уврачевавше посреде волковъ и волчее стремление отвращающе на овчую кротость, раздѣленая тѣлесы, а совокупленая духомъ и Евангелие ревностно же и течениемъ образомъ скончания. Петръ камень вѣры, послѣдовавый первѣе иныхъ Учителю, оставивый корабли и Церковь восприимый, повергій мрежа и Евангеліе распространевый, отринувый море и вселенную удержавый. Иже рыбное ловленіе презревъ и человѣки ловити

---

[25]) *Библ. Толст.* отд. II, № 205—«Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово похвально св. и верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу»; б) *Рум. Муз.* № 437 — «Григорія, *мниха и презвитера*, слово»....

научився, — рече бо къ нимъ Спасъ: *грядите по мнѣ и сотворю васъ ловца человѣкомъ.* Петръ твердый основания камени церковнаго, Петръ теплѣйшій во Апостолѣхъ, иже со Учителемъ и умрети и ради сего хваляйся. Петръ даже до двора Каиѳина со Избавителемъ связаннымъ вниде. Коликими, рцы ми, стрѣлами скорби Петрово сердце уязвляемо бяше, тогда зрящу въ таковыхъ Господа. Аще бо и отвержеся, но явлей бяше отъ неже послѣдовати, отъ неже плакати по отверженіи, яко со Учителемъ усерденъ бѣ умрети. И осмотрительнѣ отверженію быти попусти Спасъ: ово убо человѣческую обличая немощь и нехвалитися наказуя, овоже и апостола милостива быти творяй согрѣшающимъ. Понеже предстательство тому даровати хотяще вселенныя и ключи вручати царствия небеснаго, да от иже самъ помилованъ бысть, щедръ будетъ согрѣшающимъ. И кто блаженнаго сего мужа словомъ, яже ко Учителю, представитъ любовь теплѣйшую? В Кесаріи бо Филиповѣ иногда бывшу Христу не вопрошающу ученики на лучшая мудрованія ихъ возводящу: *кого мя глаголютъ человѣцы сына суща человѣческаго,* — они же рѣша: *Иоана Крестителя, инии же Илию, овии же Иеремию или единаго отъ пророкъ. Вы же кого мя глаголете быти?* Отвещава теплый Петръ, всѣмъ апостоломъ устроився языкъ: *ты еси,* рече, *Христосъ сынъ Бога живаго.* О блаженнаго языка онаго! О самыхъ небесъ высочайшаго мудрования!»...

Вотъ объясненіе словъ Спасителя къ апостолу Петру: любиши ли мя... «*Симоне Ионинъ,* рече Господь, *любиши ли мя паче сихъ?* Томужъ любити отвѣщавшу и того самаго любимаго свидѣтеля поставльшу любви: *паси агнца моя,* рече Спасъ. Таже паки второе: *Симоне Ионинъ любиши ли*

мя? И паки любити рекшу и тогожде поставльше свидѣтеля: *паси,* рече, *овца моя.* И недоволенъ бысть сими иже сердца и утробы испытуяй, но и третие приложи вопрошеніе: *Симоне Ионинъ любиши ли мя?* Оскорблшу же ему ради множественнаго вопрошенія: *Господи, ты вся,* рече, *вѣси, ты вѣси, яко люблю тя,*—ты вѣси, рече, яко и хвалился семь умрети съ Тобою; Ты вѣси, яко и нынѣ готовъ есмь по Тебѣ умрети. Но якоже тогда предреклъ ми еси отверженіе, никакоже поучаемое во мнѣ: тако и нынѣ отъ еже вопрошатися трижды мню нѣкое мое паденіе здѣ Ти всезрительному Ти оку хотящему мнѣ приключатися праведная. Се назнаменоваше Еуангелистъ глаголя: *оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третие: любиши ли мя.* Еже оскорбѣ — убояся рече. Обычно Божественному Писанію именемъ скорби страхъ па знаменовати, якоже и Давидъ въ страсѣ сый и подвизѣ, егда гонимъ бяше,—скорби и бѣды обыдоша мя, рече. *Паси овца моя:* в пастырния подвиги влагаю тя, рече, ихъ же ничтоже величайше, тѣмъ же еже о овцахъ твое попеченіе моея любви будетъ знаменіе. Азъ искупихъ ихъ моею кровію, ты же упаси ихъ своими поты. Сладокъ тобѣ буди иже о нихъ трудъ, ибо и азъ сладцѣ о нихъ умрохъ. Добрый бо пастырь душу свою полагаетъ за овцы. Такова Петрова любовь къ Учителю и таковии чести отъ Него сподобись. Понеже таково и велико стадо примаше и съ волки боротися хотяше, ихъ же полна бяше тогда вселенная. Ключимо бяше не нагу изъити, но одѣятися силою свыше, юже приятъ купно с прочими апостолы.»

Изъ этого послѣдняго отрывка видно, что Русскій митрополитъ объяснялъ бесѣду Спасителя съ апостоломъ Петромъ (*любиши ли мя...*) согласно съ древними православ-

ными учителями, а не какъ толкуютъ ее нынѣшніе ревнители папства.

5. Слово похвальное св. великомученику Георгію [26] принадлежитъ къ числу лучшихъ словъ Григорія Цамвлака, а въ ряду похвальныхъ должно быть поставлено по справедливости на первое мѣсто.

«Вчера, любимици, — такъ начинается слово, — свѣтлый въскресеніа празновахомъ празникъ, и днесь страстотръпца всемірное торжество. Вчера горкый и несытый попранъ бысть адъ, и съмерть оумерщвена бысть, и діаволъ постыдѣся: и днесь страстотерпецъ мучителя низложи, и врага посрами, и побѣды оувязеся вѣнцемъ. Вчера намъ Владыка, еже на діавола одолѣніе постави, и діаволее моучительство разруши, и ради въскресеніа поуть намъ въ спасеніе дарова: и днесь мученикъ съ діаволомъ съплетъся и мужъскы къ ополченію оустремився, на землю храборскы того низверже, и всю его супостатноую силу оубѣжати сътвори, — и се ни щитомъ, ни копіемъ, ни бронями, ни шлемомъ, но назѣмъ тѣломъ и знаменіемъ креста. О сило креста! Ороужіа въполчаються, мечеве обнажаються, слоугы подвизаються, огнь претить, коло дръзаетъ, скары огнемъ изваряемы суть, все воиньство въ подвизѣ есть, — и наго тѣло съ знаменіемъ крестнымъ вся препобѣждаетъ.... Днесь, братіе, ангели играютъ и вся небесныя силы веселятся, человѣцы тръжествоуютъ, въздухъ очищается, рѣкы быстро теченіе истекаютъ, море оутишаеться, делфи и играютъ, земля сады испущаетъ, сади цвѣти процвѣтаютъ и страстотерпецъ язвы, яко дары всѣхъ Владыцѣ при-

[26]) Сборн. Новг. библ. въ листъ, № 528, л. 226. Спес. оглавл. Макар. Чети Минеи за Іюль, въ Чтен. Моск. Истор. Общ.; годъ III, № 4, отд. IV, стр. 66.

носитъ, всякъ праздноуютъ Христову въскресенію, вся поклоняються, вся прославляютъ иже изъ мертвыхъ въсіавшаго. Да не кто Іудей здѣ, да не кто Еллинъ, да не Анна и Каіафа, да не Діоклетіанъ и Магнентіе, да възметсл нечестивый и кождо ихъ, яко да не видитъ славы Господня, сынове же Сіонови да възрадуются о Цари своемъ, да въсхвалятъ имя Его въ лицѣ, въ тимбанѣ и псалтири да поютъ Ему, овъ убо въскресеніа ради таинства, ово же ради съвосіавшаго страстотерпца торжества. Не тако испещрена есть земля различными цвѣты, якоже страстотерпеское тѣло различными ранами. Не тако источници различнѣ истекають, якоже мученика язвы кровныя струя. Въси оубо мученичьстіи подвизи прославлени и чюдимо есть всюду праведныхъ страданіе. Но идѣже обзорное приводится страстотръпца поприще, тамо и безгласный языкъ къ похвалѣ вздвижется. Кого бо не привлачи къ похвалѣ блаженный Георгіе, иже единѣмъ точію именемъ свой назнаменоваетъ санъ? Вси оубо мученици нареченіа имоутъ различна, но и Георгіе въздѣланъ Богомъ бысть; Георгіе, иже въ мученицѣхъ свѣтлый; Георгіе, въ бранѣхъ свѣтлѣйшій храборникъ; Георгіе, твердѣйшій адамантъ и душею и тѣломъ; Георгіе, въ бѣдахъ скорый предстатель. Видите ли, любимици, каково постигохомъ торжество? Видите ли, какова съторжника стяжахомъ?»...

Въ трактаціи слова витія излагаетъ повѣствованіе о мученическомъ подвигѣ св. великомученика, но излагаетъ не какъ спокойный историкъ, а какъ вдохновенный ораторъ, съ силою и чувствомъ, дѣлаетъ отступленія, замѣчанія, воззванія и под. Сказавъ, напримѣръ, что никакія пытки не могли поколебать вѣры св. Георгія, проповѣдникъ восклицаетъ: «О сокровище неотъемлемое стяжавшому тя! О сокровище вѣры,

никымъ же навѣтоватися могущее! *Имамы бо*, рече, *скровище въ съсудѣхъ скудѣлныхъ.* О сокровище божественныя любви! Сіе сокровище тщаашеся объяти діаволъ и слугы его, но и страдалецъ вѣрою непреклонимъ пребысть. И ни до сего доволни быша несмысленни, но пакы горшаа раны отъ первыхъ приготоваютъ, сугоубы низводящаа капля отъ тѣлесе, овы оубо крове текущяя, овы же плотъ таящая. Святый же на лѣствици, яко на одрѣ оукрашенѣ и яко на цвѣтохъ на югліѣхъ лежя бяше и сице съ сладостію бываемая зряше. Ты же, слышавъ лѣствицу желѣзну, въспомяни лѣствицу мыслeную, яже видѣ Іаковъ, досяжоущую до небесъ. Внемли оубо съ опасьствомъ лѣствица и лѣствица: оною оубо съхождааху ангели, сію же оубо възыде мученикъ, на обою же оутвержаася Богъ.» И спустя нѣсколько: «Два подвига и ополчени бѣша тамо видѣти: едино ополченіе мученичьско и другое мучительско, но ови оубо суть въоружени, овъже назѣмъ тѣломъ одолѣваетъ и побѣда нагаго, а не въоруженныхъ бываетъ. Кто оубо не оудивиться? Біемый одолѣваетъ біющемоу, связанный—разрѣшенному, съжагаемый—съжагающому, оумираяй — оубивающому. И оубо на чювьственѣй брани воинства обоюду стоя огражденна, свѣтящася оружіемъ и землю озаряюща и стрѣлы пущаемы соуть отъвсоуду, покрывающа въздоухъ множьствомъ, рѣкы же кровей отвсоуду и многа въсоуду троупіа, якоже на жатвѣ класовомъ, сице воиномъ другъ отъ друга низлагаемомъ. Сіа оубо аще и страшна, но и по естъствоу бываютъ; она же всяко превъсходятъ естество и всяко вещемъ послѣдованіе, да навыкнеши, яко благодати Божіа есть все. Что сея брани неправеднѣйшее? Что бореній тѣхъ законопреступнѣйше? На бранехъ бо, ово и ополчаются ратующеися; здѣ же не тако, но и овъ оубо нагъ

есть, ови же въороужени. Въ подвигохъ пакы: обоимъ лѣть есть руцѣ въздвизати; здѣ же овъ оубо связанъ есть, ови же съ властію наводятъ раны. Сице съплетаються съ святымъ и ниже тако побѣждаютъ; но и Георгіе всякъ видъ моукамъ претрьпѣвъ, яже на діавола постави побѣду, да не бо единѣмъ образомъ побѣдникъ, иже истинный подвижникъ показоваашеся, но и къ всякому виду злобы тогда мучителемъ дѣйствующимъ, себе различною добродѣтелію раздѣливъ всѣмъ съплетеся и преодолѣ всѣмъ.» Окончивъ сказаніе о мученической кончинѣ св. Георгія, ораторъ набрасываетъ слѣдующій очеркъ его доблестей: «Кый оубо похвалный языкъ того доблести похвалити възможетъ? Душя кроткое, нрава благоприступное, обычая милостивное, пищьми питателное, болнымъ съпострадателное, въ темницахъ сущимъ посѣтителное, къ другомъ благоувѣтливое, къ рабомъ благоказателное, къ страннымъ благопріятное, къ святымъ благоусръдное, къ церквамъ нелѣностное, къ родителемъ благопокорное, къ окрьстнымъ непререкателное, и сіа оубо душевнаа. Тѣлесе же пакы: възраста сродное, лица зѣлное благообразіе, власовъ красное и съкращеннѣ рещи: въсяко благо въ немъ обрѣсти бяше. Сіа предвѣдый, якоже мня, Соломонъ глаголааше: *веселися юно въ юности своей и красуйся въ путехъ сердца своего.* Съ въсѣми оубо своими благыми великый Георгіе изряднѣе чистоту и цѣломудріе храня бяше, поминая присно въсѣхъ, иже прежде его чистоту съхраншіихъ. Чистота Іосифа отъ рова свободи и отъ темниця избави и царя Египту сдѣла. Чистота Ісуса сына Навіина слугу сътвори и Моисеу преемника сътвори. Чистота звѣря оукроти и съніа сказати сдѣла. Чистота пещь огньную угаси и небо не одъждити оустрои, и Іорданъ милотію раздѣли. Чистота Захаріи

языкъ связа. Чистота насъ къ небеснымъ съчета. Чистота дѣвственника Богословца сдѣла. Чистота ада попра и съмерть раздруши и въскресеніе въсему міру дарова и на небеса възыде и сѣдѣ одесную величьствіа на высокыхъ. Сіа оубо великый Георгіе Богови съприноситъ дары. Сіа Георгіева исправленіа произволеніа, отвръженіе міра и яже въ мірѣ сущихъ,— житіе чисто, вѣру несумнѣнную, благочьстіе, оусръдіе еже страдати, сердце смерено, ихже ничтоже вышьшее, ихже кромѣ видѣти Бога невъзможно, отъ нихже оуготовися къ подвигомъ и не смоутися. Доблый оубо Георгіе, подвигомъ добрымъ подвизася, теченіе съконча, вѣру съблюде, тѣмже и пріятъ побѣдный вѣнецъ отъ Спаса Христа и нынѣ съ въсѣми святыми въдворяется, наслаждаяся тамо, иже паче оума блаженства съ пророкы, съ апостолы, съ мученикы, съ святителіи, съ патріархы, съ преподобными.»

Замѣчательно и заключеніе этого слова: потому что содержитъ въ себѣ назиданіе слушателямъ, — чего въ другихъ проповѣдяхъ Цамвлака мы доселѣ не встрѣчали. «Подражаимъ и мы, говоритъ онъ, страстотерпца, възлюбимъ възлюбъшаго насъ, будемъ и другъ другоу блази, милостиви, милосерди, братолюбни: конецъ же въсѣмъ любы отъ чиста сердца и съвѣсти правы. Живописуемъ страданіа мученика въ нашей души, овогда оубо того на сковрадахъ лежаща, овогда же по юглію простърта, овогда палицами біема, овогда же волуами жилами, овогда въ ровъ връжена, овогда же въ сапогы железны обувена, овогда къ древу привязуема, овогда же главѣ отъемлемѣ, яко да различіемъ живописательства сего свѣтлоу строивше храминоу ключимо небесному царю поставимъ обиталище и аще видитъ такова въ нашей мысли писаніа пріидетъ съ Отцемъ и Святыимъ Духомъ и обитель въ насъ сътворитъ.

Но, о страдальцемъ украшеніе Георгіе и благовъздѣланный класе и благочестію нерушимаа стѣно, яко имѣя дерзновеніе къ Господоу, помилуй насъ, огради насъ топлымъ своимъ предстателствомъ, въстааніа языческаа оутоли, сирымъ боуди помощникъ, алчющіимъ питатель, скоръбнымъ оутѣшитель, въ бранѣхъ поборникъ, старости подпоръ, юннымъ казатель, плѣненымъ свободитель, въсѣмъ подаждь яже ко спасенію прошеніа. И въся, иже въ *храмъ твой славный* пришедшяя днесь, съхрани и съблюди въсякаго навѣта вражіа ненавѣтны, непоткновены, незазорны, и пріиди посредѣ насъ невидимо и въсѣхъ насъ моленіа, яже тебѣ ради Богови въсилаемаа, пріими и принеси исходатайстъвнѣ въсѣхъ Творцу и Избавителю, иже въ Троици святѣй поклоняемому, истинномоу Богу нашему, яко да съгрѣшеніомъ оставленіе полоучивше въ день судный вѣчныхъ благъ пріимемъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же Отцу купно съ Святымъ Духомъ слава и велелѣпіе, честь и покланяніе нынѣ и присно и въ бесконечны вѣкъ вѣкомъ, аминь.»

6. Слово похвальное св. великомученику Димитрію [27]) рѣзко отличается отъ предыдущаго: сколько то живо и одушевлено, столько это тихо и спокойно. Отъ начала до конца оно представляетъ собою простой историческій разсказъ о страданіяхъ и смерти св. Димитрія, почти безъ всякихъ замѣчаній и соображеній со стороны автора, и болѣе походитъ на житіе, нежели на церковное поученіе. Прочитаемъ для примѣра начало слова: «Преже Христова плотьскаго смотрѣніа человѣкомъ страшна бяше смерть; егда же Онъ человѣкъ

---

[27]) **Новг. Соф. библ. Чети-Мин. Макар. за Октябрь подъ 26 числомъ, л. 417—«Григоріа, *архіепископа Россійскаго*, слово похвальное святому и славному великомученику и мvроточцу Димитрію».**

бысть и смерть за человѣкы вкуси, тогда сладка человѣкомъ оустроися смерть и со многою любовію искома и пріемлема, яко да тоя ради возданіа сотворятъ иже насъ ради оумершемоу и страстьми почтутъ пострадавшаго Владыку. Аще оубо Онъ о рабѣхъ таже согрѣшшихъ оумреть, много паче рабомъ достояше согрѣшшимъ со мнозѣмъ оусердіемъ о таковѣмъ Владыцѣ еже съмерти възмездіе творити. Тѣмъ же и великій онъ и непобѣдимый истинный страдалецъ Димитріе доброе днесь сотвори возмездіе, многоцѣнныа дары принесъ великодаровитому Цареви, время полоучивъ отъ многъ томоу желаемое, яко да не благочестіе самъ къ себѣ хранитъ и свое отечьство томоужде оучитъ, но исповѣсть явѣ предъ всѣми, еже Господня любве явленнѣйшее есть знаменіе: *иже бе аще исповѣсть мя*, рече, *предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ своимъ, иже на небесѣхъ.*»

7. Слово св. четыредесяти мученикамъ Севастійскимъ[28]) написано, несомнѣнно, подъ вліяніемъ такого же слова св. Василія Великаго[29]), хотя прямыхъ или буквальныхъ заимствованій не представляетъ.

Приступъ слова очень кратокъ: «Елма праведному похваляему, якоже рече Соломонъ, возвеселятся людіе: како не весь міръ възвеселится четыредесятимъ мужемъ похваляемомъ, четвероконечнаго міра свѣтиломъ и защитникомъ, иже похвалъ всяческихъ вышши суть? Толикій и таковый ликъ,— ликъ богоизбранный, ликъ святый, воинство небесное, връста

---

[28]) а) *Новгор. Соф. библ.* № 525—«Григорія, мниха-игумена обители Пантократоровы, похвально слово св. великомученикамъ четыредесятымъ»; б) *Библ. Толст.* отд. II, № 205 — «слово *Григаріа Россійска* св. великомученикамъ четыредесятымъ.»

[29]) См. Бесѣду его на св. четыредесять мученикъ въ Твор. Св. Отц. VIII, 294.

богоставнаа, братіа духомъ, а не рожденіемъ, паче же и порожденіемъ, еже свыше, едина душа в четырдесятихъ, раздѣлени тѣлесы, едино дышуще, на едино зряще, едино смотряюще земное на небесномъ измѣнити воинства.»

Въ самомъ словѣ начертана подробная картина страданія и смерти св. сорока мучениковъ. Изображая при этомъ, какъ св. страстотерпцы утѣшали другъ друга, будучи ввергнуты въ озеро, проповѣдникъ влагаетъ въ уста ихъ слѣдующую рѣчь: «Пріимемъ въ умъ, о братіе, како в толики брани входяще многажды за еже въ едино дръжатися и едино мудръствовати, и едино исповѣдовати еже въ Христа вѣру, полкы обращаху чужихъ и всѣмъ страшни и ужасни бѣхомъ и тѣмъ самымъ бѣсомъ, отъ тлѣннаго же царя чюдими и честемъ сподобляеми, отъ друговъ и отъ велможей удивляеми и благохвалими, — и сіа намъ сладка являхуся тако въ погибель ведущая: нынѣ же ли не побѣдимъ съпротивныя полки, къ коимъ намъ брань, якоже рече нашъ учитель — церковныа очи — Павелъ: *яко нѣсть намъ брань къ крови и плоти, но к началомъ, къ властемъ, к міродръжителемъ тмы вѣка сего, къ духовнымъ злобѣ поднебеснымъ;* не възвеселимли небеснаго царя, желающаго насъ вѣнчати нетлѣніа вѣнцы, не снидутли к намъ аггели, укрѣпляюще и помогающе намъ и конечное съотводяще Церкви силамъ; мало претрьпимъ страждуще, да вѣчно радуемся; пренебрежемъ плоть, да одѣемся нетлѣніемъ; претрьпимъ мразъ, яко да съгрѣетъ насъ патріарха Авраама нѣдро; яра зима, но пріатенъ рай, болѣзненъ ледъ, но сладко въспріатіе; нужно разлученіе еже отъ тѣла, но нужнѣйши еже отъ духа; всяко бо аще не умремъ нынѣ, не умремли по послѣдованью естьства по малѣ: тѣмь же сътворимъ нужду любочестіе, умремъ похвалною смертію, ни

на самой кончинѣ не дадимъ порока славѣ нашей, не уничижимъ воинства имя, — дѣлы имянованіе запечатлѣимъ, проидемъ тѣсными враты и прискорбнымъ путемъ, вводящемъ в животъ, якоже насъ учитъ въ Евагеліи Господь; погубимъ душа его ради, яко да пріобрящемъ я, да не како раслабившеся сими малыми и ничтоже сущи погубимъ душа своа, и что прочее дамы измѣну за душа своя; но отпадетъ нога, да съ аггелы ликоствуеть, всяко бо отпадеть растлѣваема въ гробѣ, аще сію и нынѣ съхранимъ; да отскочитъ рука, яко да речемъ съ дрьзновеніемъ: въздѣаніе руку нашею жрътва не вечерняя, но всегдашняа яко да въздѣется къ Богу очищена водою и отсѣчена; такоже и око да затворится, яко да съ многоочитыми взираемъ славу Единороднаго; но и языкъ да свяжется, яко да серафимы въспѣваетъ, но естьствено есть студу изгнати душю отъ тѣла нужно; сего ради паче того възлюбимъ. яко да наскоре насъ въ кровы небесныа отслетъ»....

Заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ слову и довольно обширно: «Кто сихъ не удивится трьпѣнію? Кто не подражаеть усердію? Кто не ублажитъ еже въ всѣхъ тѣхъ искусное и съ премудростію бываемое? Не бысть тѣмъ Сиона, — долнее воинство къ добродѣтелемъ, но сіе преходяще горнее тщахуся достигнути. Паки же егда предсташа, како опасно тѣхъ бяше и непристрашно видѣніе и стояніе и движеніе; что же ли отвѣти мали убо, но огнь обьемлюще гордую ону и нечестивую мучителю душю; въ езерѣ же какова тѣхъ яже другъ къ другу поученіа къ терпѣнію въ оной лютости, яже токмо и въспоминаема грозу содѣловаетъ. О ополченіе храброе и вѣнечници евагелстіи! И нынѣ не токмо благочестивіи, елицы населяютъ землю, тѣхъ на помощь призываютъ и мощемъ покланяются, но и Парфи и Мидяне, Прьси же и Масагете, Индіяни

же и Ефіопляне, отъ своихъ движущеся отечьствъ, Севастійскій градъ достижутъ и мѣсту покланяются припадающе, идѣже подвизашася они в лѣпоту непобѣдиміи: таковъ бо нашъ Владыка и тако прославляетъ иже того прославльшимъ; аще бо женѣ грѣшнѣй приступльши и алавастръ мvра изліавши, за еже грѣхомъ пріати оставленіе, Онъ не точію сіе дарова, но *идѣже проповѣстьця*, рече, *Евангеліе сіе въ всемъ мірѣ, речется, еже сътвори* та в память ея; просимаа убо дарми превъсходя, и отъ преумноженіа прослави ю. Како сіихъ, иже крови своея изліявшихъ, не прославити хотяше достойною славою, къ нимже и мы рцемъ: о благосъставное воинство и церковныя звѣзды, и нынѣ насъ, иже вашу память вседушнѣ цѣлующихъ и подвиги блажащихъ, свыше посѣтите, и нынѣшнее и предъидущее наше жительство наставляюще к полезнымъ и блажайшимъ, и мутныя потоки ереси всякія иссушающи, молитвами вашими, яко да едина Церковь вси бывше, единѣми усты и сердцы единаго прославимъ, иже въ Троици Бога, Сына въ Отци съ Святымъ Духомъ, яко тому подобаетъ слава и честь, великолѣпіе же и покланяніе, нынѣ же и не въ скончаемыя вѣкы вѣкомъ. Аминь.»

III. Слова на дни воскресные, недѣльные и на особые случаи.

Къ этому отдѣлу мы относимъ: 1) слово «о пяти днехъ», сказанное Григоріемъ въ воскресеніе предъ Рождествомъ Христовымъ (именно за *пять дней* до праздника); 2) слово о преподобныхъ отцахъ, въ постѣ просіявшихъ, сказанное въ субботу недѣли сыропустной; 3) слово о иноческомъ житіи,

сказанное за нѣсколько дней прежде [30]); 4) слово объ усопшихъ, сказанное, вѣроятно, въ день общаго поминовенія ихъ; 5) слово въ похвалу Терновскому патріарху Евѳимію, который еще не былъ тогда причтенъ къ лику святыхъ, произнесенное, можетъ быть, въ день его памяти, и 6) слово надгробное Кипріану, митрополиту Русскому, такъ же еще не прославленному въ то время, и произнесенное, вѣроятно, въ день его памяти. Но изъ этихъ словъ мы остановимся только на двухъ первыхъ: такъ какъ послѣднія четыре намъ извѣстны по однимъ своимъ заглавіямъ [31]). Оба эти слова, — черта ихъ особенная, — имѣютъ нравственное направленіе.

1. Слово «о пяти днехъ», или какъ въ другомъ спискѣ, «о божественныхъ тайнахъ» [32]) сказано 20 декабря, въ день предпразднества Рождества Христова, когда вѣрующіе готовились приступить къ св. Христовымъ тайнамъ, и вмѣстѣ въ день памяти св. отца нашего Филогонія. А потому состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится о достойномъ приготовленіи къ таинству причащенія и къ великому празднику Рождества Христова, равно какъ о самомъ рождествѣ

---

[30]) Въ словѣ объ отцахъ, въ постѣ просіявшихъ, Цамблакъ говоритъ: «Мы, понеже тѣхъ (отцевъ) память паста и понеже *прежде малыхъ дній* вамъ *о иноческомъ* бесѣдующе *житіи*, обѣщахомся и о сихъ пробесѣдовати, нынѣ да исполнимъ.»

[31]) Слова—о иноческомъ житіи и митрополиту Кипріану извѣстны только по списку Москов. Синодал. библ. № 384, а слова — объ усопшихъ и патріарху Евѳимію—только по списку библіот. Толстов отд. II, № 205.

[32]) Словомъ «о пяти днехъ» названо оно въ спискѣ Моск. Синод. библ, № 384, и названо потому, какъ объяснено тамъ же, что «сіе слово чтется до пяти дней Рождества Христова». А въ рукописной Чети-Минеи Моск. Дух. Акад. оно обозначено такъ: «слово о божественныхъ тайнахъ, яко достоитъ причащающомуся испытовати себе и о еже непамятозлобствовати».

или воплощеніи Сына Божія; вторая посвящена вся св. мученику Филогонію.

«Обыкоша, — начинаетъ проповѣдникъ первую часть, — иже къ царю земному грядущеи, егда близъ будутъ уже ко входу двора царскаго, тогда множайшимъ страхомъ ограждати себѣ: тако и мы елма спасительнаго, якоже нѣкый долгъ путь, прейдохомъ и близъ уже рожественскаго праздника Владычняго и хощемъ приступати къ безсмертной трапезѣ, всяко спрятаніе и всяко истязаніе совѣсти достоить имѣти. Пять дни посредѣ суть и праздникъ приходить и праздникомъ начало, и хощетъ трапеза предлагатись, имуще тѣло Владычне и кровь. И блюдете, съ какою совѣстію приступати хощете; слышите что рече уста Господня Павелъ: *да испытуетъ каждо себе и тако отъ хлѣба сего да ястъ и отъ чаши да піетъ, да не въ судъ себѣ ястъ и піетъ: ядый бо и піа недостойне судъ себѣ ястъ и піетъ* Не презирай Божественнаа, человѣче, не дерзай совѣсти обличающи, уступай страхомъ и трепетомъ. Аще бо ризѣ земнаго царя скверными рукама коснувся кто тмами подъемлетъ злаа: и ты не избѣжиши геены, тѣлу Божественному и пречистой крови причащаяся оскверненною душою. И которую милость имѣти хощеши, рци ми, который отвѣтъ? Не вѣси ли, яко по яже пріати окаяному Іудѣ недостойнѣ хлѣбъ, вниде въ него сатана? Зри да не и ты искусишися Божіимъ гнѣвомъ. Ибо еже о судіахъ сказуетъ писаніе, яко ковчегу завѣта и иногда возиму юнцу, Оза нѣкто коснуся колеси, за еже поддержати, абіе попаленъ бысть. Та же нужа таковѣй настоащи и бѣдующу къ ниспаденію кивоту правымъ притече и благочестіа разумомъ: но понеже недостоинъ бѣ таковаго приближеніа, ниже въ таковое служеніе избранъ бѣ, въ

правду искусися. Аще убо кивотъ окованный златомъ, иже отъ земля изрыемымъ, въ немъ же бѣ стамна токмо имущіа манну, и скрижали завѣта, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и попали дерзнувшаго онаго: како ты не трепещеши, хотя приступати къ таковымъ таинствомъ, яже обстоятъ ангели со страхомъ и ужасомъ? И ты убо священника зриши, не зриши же мысленныя силы. Идѣже бо честнаа священнодѣйствуютъ и предстоятъ съ благоговѣніемъ, дивящеся Владычней иже къ намъ любви. Толико бо свое созданіе возлюбивъ Создатель, елико и сына своего соприсносущнаго дати намъ на смерть, да тѣмъ насъ оживитъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ, какую чистоту должны имѣть христіане, чтобы достойно встрѣтить праздникъ Рождества Христова и пріобщиться св. таинъ, проповѣдникъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на нѣкоторыя священнодѣйствія Литургіи, гдѣ выражается тоже требованіе чистоты. «Слыши, что глаголетъ діаконъ велегласно, хотящу іерею раздробляти святый хлѣбъ: *вонмемъ*. Что еще глаголетъ — *вонмемъ*? Себе, рече, испытаемъ сердце, истяжимъ совѣсть, изъвыпрашаемъ мысль, да не кто блудникъ, да не кто прелюбодѣй, да не кто убійца, да не кто немилосердъ, да не кто презоривъ и гордъ, да не кто памятозлобивъ, да не кто піаница и скверножителенъ. И аще обрящешися таковъ, уступай, рече, да не опаленъ будеши приходя недостойнѣ. Таже по еже рещи діакону — *вонмемъ*, таже внутрь іерей обѣба рукама подвижа святый хлѣбъ на высоту, показуя того къ хотящимъ причаститися, глаголетъ велегласно: *святая святымъ*. А еже глаголетъ, се есть *святая* не инымъ даются, токмо *святымъ*; и аще святъ еси, приступи: *святи будете, яко азъ святъ есмъ*; аще Исаи подобенъ еси, при.

ступи и страхомъ божественнаго огня прими устнами, да услышиши и ты отъ iереа, паче же отъ Серафима; со коснуся устомъ твоимъ и вся грѣхи оцѣсти»...

Главными условiями къ прiобрѣтенiю чистоты душевной проповѣдникъ полагаетъ искреннее сокрушенiе сердца и прощенiе обидъ. «Таковымъ очищенiемъ предочистимся, имже Богоотецъ онъ на кождо день обновляше себѣ и насъ уча глаголаше *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. И паки: *оклеветающаго тай искренняго своего, се изгоняхъ*... Таковеми муры помажемъ себе, уготоваимся къ приатiю иже насъ ради младеньствовавшаго Владыку. Аще постъ принесеши, аще дѣвство, аще бдѣнiе, аще ни зу леганiе, сердце же съкрушено не принесеши, ниже оставиши брату своему; ни чтоже пользовася, но и речется къ тебѣ, еже и къ Израелю речеся Пророкомъ: *не таковъ постъ хощу*, глаголетъ Господь. Слыши, что глаголетъ Господь къ верховному Апостоломъ Петру, воспросившу Его: аще до седмицы братъ согрѣшитъ, отпущати ли ему? Iисусъ же не до седмъ кратъ, но и седьмъ седмерицею, — сiе являетъ, яко, аще и въ всей своей жизни съгрѣшаютъ тебѣ братiа, оставляти имъ и аще не оставляеши долгъ брату своему, како речеши въ молитвѣ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*? И паки: *аще оставляете человѣкомъ съгрѣшенiя ихъ, и Отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ съгрѣшенiа ваша»*.

Слѣдующiя за тѣмъ наставленiя показываютъ въ проповѣдникѣ наблюдательность надъ самолюбiемъ сердца человѣческаго: «Но многы слышахъ глаголюще — не могу оставити; зѣло преобидѣ мя, вельми обезчести мя, премного опагуби мя,

врага и ратника судомъ приложися мнѣ. Не глаголи ми студныя сія и смѣху достойны глаголы, но истрезвися, яко отъ піанства, безсловесныя ярости и познай, кто бѣ первѣе и кто еси нынѣ. Не врагъ ли бяще первѣе Божій и нынѣ другъ, премѣненъ *кровію Сына Его,* якоже рече Павелъ? Не тебе ли ради нынѣ раждается и пеленами повивается и въ худѣ вертепѣ и скотіахъ яслѣхъ полагается? Не тебе ли ради онъ человѣкъ бываетъ и по естеству и по дѣйству, яко да ты Богъ будеши? Аще убо Христосъ не обладѣтельствова тебѣ суща врага и ратника, ниже ты обидѣвшему тя. Аще ли Онъ поискавъ тя и обрѣтъ и на рамо веземъ къ Отцю принесе, съ наслѣдника тя творя Отчяя славы: который получиши отвѣтъ, не премѣняяся на опечалившаго тя, которую милость и который судъ? И Владыка убо о распинающихъ моляшеся: *Отче, остави имъ грѣхъ сей,* — и ты глаголеши: не могу оставити; — можеши и ина величайша исправити, аще токмо восхощеши, аще писанія исправиши, аще христіанскымъ потечешь путемъ. Таже почему увѣримся, яко христіанинъ есмь (еси), аще не отъ еже терпѣти сладцѣ обидиму бывающу и гониму, уничижаему и хулиму?»

Противопоставивъ внушеніямъ самолюбія требованія закона Божественнаго, отъ исполненія котораго зависитъ внѣшнее и внутреннее благосостояніе христіанства, Самвлакъ направляетъ слово свое къ Іудеямъ, которые, издѣваясь надъ христіанскою вѣрою, возражали противъ ученія о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія отъ Отца. «Поболѣзновавше о такой хулѣ, рѣчемъ къ нимъ: Сына убо раждаетъ Отецъ соприсносущна и безлѣтна и превѣчна неизреченно и несказано, имже и творить мысленныя силы, служителе своеа славы и въспѣвателе немолчныа, яко же бо Іовъ глаголетъ: *егда*

быша звѣзды, въсхвалиша мя ангели мои, оградихъ же море вѣтры, егда раждашеся. И понеже *рожденъ есть,* яко отрасль отъ корене и сіаніе отъ солнца и слово отъ ума, Сынъ наречется Слово и Отецъ наречется Отецъ, понеже раждаетъ безлѣтно единосущное Слово. Слово же не несоставно непщуй, якоже наше и на въздухъ разливаемо, но съставно (т. е. ѵпостасное), свой имѣя съставъ (ѵпостась), понеже Сынъ въ всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденіа, равномощно и равносильно, *имъ же вся быша и безъ него ничтоже бысть еже бысть,* по Богословіа гласу, *имъже вѣкы сотвори,* по премудрому Павлу. Слыши и Пророка отъ Бога свидѣтельствованнаго и отъ насъ пріемлемаго: *словесемъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Несмѣя (пророкъ) рещи явленно Отца съ Сыномъ и Духомъ, яко да не едино Божество на три не подобни раздѣляютъ части и славы, иже единого Бога, оставльше и идоламъ языческимъ поклонишася, ниже пакы умолча всяческы, но премудро не како и покровено святыа Троица единовластіе и Божество въ малихъ сихъ словесѣхъ проповѣда. Еже бо рещи словесемъ Господнимъ — Отца съ Сыномъ и Духа Святаго, внегда — Духомъ устъ Его вся сила ихъ. Но и великій Моисей кимъ путемъ пріиде къ вамъ, яко да не слышавше Отца имуща Сына страстно вмѣнити божественное, но премудро сложивъ едино Божество Троица, краткыми убо многъ же разумъ имущими словесы научи рекъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть.* Еже бо рещи — *Господь...* Отца сказуетъ, а еже — *Богъ твой* — Сына и пакы *Господь* — Духа Святаго, сирѣчь едино Божество триемъ симъ и пребожествен-

нымъ съставомъ (лицамъ). Видѣши ли, о Іудею, Отца имуща Сына соприсносущна и нетлѣнна и безлѣтна».

Продолжая рѣчь о Сынѣ Божіемъ, витія касается тайны искупленія, въ которомъ выразилась безпредѣльная любовь Божія къ людямъ: «Понеже согрѣши и паде человѣкъ и падшю тому вся смятошася: смерть укрѣпися отъ Адама до Моисея, земля проклята бысть, адъ разверзеся, рай затворися, небо заключися, діаволъ же воинствуаше на насъ, тогда Богъ человѣколюбецъ сый и не хотя погубити еже по образу человѣку, глаголаше: кого послю и кто пойдеть, ибо и прежде егда хотяше създати человѣка по образу нашему и по подобію: аще и здѣ въ поновленіи и назданіи естества: кого послю и кто пойдеть? Всѣмъ же молчащимъ глаголаше Сынъ: се азъ; посли мя. Тогда глагола: иди; дасть Ему человѣка яко да будетъ самое Слово плоть и пріемъ плоть во всемъ исправить. И родися отъ Дѣвицы чистыя и неблазненыа и тоя дѣвство соблюдей въ богорожденіи, ниже отъ безлѣтнаго рождества иступи ради въспріатіа, но пріемъ еже не бѣ и еже бяше пребысть въ двою естеству единъ съставъ, предаетъ бо ся тому, яко врачу, исцѣлити угрызеніе зміево, яко животу въздвигнути мертваго, яко свѣту просвѣтити тму, яко слову сущу обновити словесное. Яко убо тому предаша вся и бывъ человѣкъ, абіе исправишася и съвершишася вся: земля вмѣсто клятвы благословена бысть, рай отверзеся разбойнику, адъ устрашися и гроби отверзошася въстающимъ мертвецемъ, двери небесныя взяшася».

Во второй части слова изображаются высокіе подвиги св. Филогонія. Цѣль какую предположилъ при этомъ проповѣдникъ, есть та, чтобы воспламенить въ слушателяхъ большее усердіе въ стремленіи къ добродѣтели. Сначала онъ

описываетъ время, въ которое жилъ Филогоній, — время жесточайшее всякой зимы и бури, въ которое самый даже воздухъ оскверненъ былъ «сварами». Отецъ предавалъ на смерть сына, братъ брата, грады опустѣли, но люди Божіи соглашались лучше жить со звѣрями, нежели съ бѣсовскими служителями, покидая имѣнія, села и стяжанія. Узилища и темницы были наполнены людьми благочестивыми. Въ такое смутное время для христіанъ явился и Филогоній, подобно звѣздѣ, сіяющей среди ночи. Съ юности еще онъ любилъ упражняться въ чтеніи Божественнаго писанія и прежде принятія епископскаго сана зналъ апостольское ученіе и славился добродѣтельною жизнію. Не только словомъ онъ научалъ остерегаться прелести людской, но ходилъ по темницамъ для укрѣпленія въ вѣрѣ слабыхъ христіанъ, выкупалъ плѣнныхъ и подражалъ Христу, полагая душу свою за ближнихъ. Таковъ былъ блаженный Филогоній!

Онъ имѣлъ жену и былъ отцомъ единородной дочери; но супружеская жизнь нимало не препятствовала ему быть ревнителемъ добродѣтели. Потому общимъ согласіемъ архіереевъ и благодатію Св. Духа онъ посвященъ во епископа, чтобы противободрствовать возникшимъ въ то время ересямъ. И въ этомъ отношеніи былъ другимъ Давидомъ: потому что пращею слова низложилъ гордаго Галіафа — Маркіона. Но и по прекращеніи гоненія Филогоній не оставилъ епископской каѳедры, подобно Іонѣ, а препоясавшись упованіемъ, мужественно управлялъ волнуемымъ кораблемъ церкви Христовой. И не столько прославился Авраамъ плѣненіемъ царей, плѣнившихъ Лота, сколько Филогоній истребленіемъ еретиковъ. И не столько Іосивъ пропиталъ пшеницею во время глада, сколько этотъ — восточныя и южныя страны — словомъ Бо-

жіимъ. Когда онъ почилъ отъ своихъ трудовъ, то весь Востокъ плакалъ объ немъ, какъ будто лишился свѣта. И нынѣ онъ съ апостолами новый апостолъ, съ мучениками новый мученикъ, съ пастырями добрый пастырь, стаду любезный, волкамъ страшный. Таковъ былъ блаженный Филогоній!

Проповѣдникъ увѣщаваетъ своихъ слушателей послѣдовать ревности и добродѣтелямъ празднуемаго святаго, представляя для каждаго возраста примѣры подражанія въ его жизни. «Юніи (поревнуютъ) въ юности того погвигомъ и къ добродѣтели теченію, состаревшеися иже въ старости того премудрости и опаству, иже въспражени того чистотѣ и страннопріимству. Ибо онъ и дѣтству спожитъ, достойно и чисте бракъ почте и архіерейство прослави».

Въ заключеніе слова Григорій Самвлакъ молитъ своихъ слушателей, чтобы они старались навыкнуть любомудрствовать и, какъ сына свѣта, сіяли всѣми добродѣтелями, дабы потомъ достойно «встрѣтить Владыку, грядуща смѣсити земная съ небесными, во второе же и страшное пришествіе услышать блаженный онъ гласъ: *пріидите благословенніи Отца моего»*... и проч.

Здѣсь справедливость требуетъ замѣтить, что при составленіи настоящаго слова нашъ проповѣдникъ воспользовался, въ главныхъ чертахъ, такимъ же словомъ св. Іоанна Златоустаго, съ тѣмъ только различіемъ, что Златоустъ въ первой части проповѣди сказалъ о добродѣтеляхъ блаженнаго Филогонія, а въ послѣдней — о приготовленіи слушателей къ празднику Рождества Христова и таинству причащенія, тогда какъ Григорій Самвлакъ сдѣлалъ на оборотъ [33]). Замѣ-

---

[33] *Златоуст.* слово въ похвалу Филогонію, in Opp. t. I, p. 492, ed. *Montfaucon.* Paris 1718.

чательно такъ же, что въ настоящее слово Григорій внесъ извѣстный намъ отрывокъ изъ слова своего въ великій Четвертокъ объ опрѣснокахъ противъ Латинянъ.

2. Въ приступѣ къ похвальному слову св. отцамъ, въ постѣ просіявшимъ [34]), Самвлакъ выражаетъ сознаніе своей слабости предъ величіемъ предмета: «Хощу къ похвалѣ отецъ языкъ подвинути, — и ужасаюся; хощу онѣхъ помянути, — и недоумѣніе объемлетъ мя; хощу тѣхъ въ среду привести, — и весь умомъ изступаю, помышляя о нихъ высокое, и непостиженія покрываетъ мя облакъ. Убо желаніе не оставляетъ, нудя, недостоинство безгласиемъ связуетъ языкъ: иже бо онѣхъ хотя творити слово, онѣмъ подобенъ во всемъ достоинъ быти, яко да к величеству похваляемыхъ теченіемъ слова достигнетъ. Обаче ниже возможетъ въ тѣлѣ сый. Аще бо Павелъ толикий и таковый, до третьяго небесе восхитивый, о ихже тамо видѣ и слыша, глаголюще, намъ сказуя:... како инъ кто, много отъ Павловы добродѣтели отстоя, возможетъ по достоянію онѣхъ неизрѣченную славу похвальнымъ представити словомъ»?

Въ трактаціи слова проповѣдникъ сначала обозрѣваетъ разныя обѣтованія, общія всѣмъ праведникамъ, а потомъ обращается къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенности съ похвалою. Прежде другихъ говоритъ онъ объ Антоніѣ великомъ, сравниваетъ его съ Авраамомъ и Іаковомъ и, разсуждая о духовной брани отца подвижниковъ, спрашиваетъ: «кто такову побѣду видѣ когда, военачальнику купно и воины без-

---

[34] *Библ. Толстов.* Отд. II, № 402—«Слово въ субботу сыропустную, похвала преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ, иже въ постѣ просіявшимъ, списано преподобнымъ отцемъ Григоріемъ, игуменомъ обители Пантократоровы».

молвствующу, и сопротивнымъ падати всѣмъ?» Одержалъ побѣды и «Македонянинъ онъ», но ни одинъ герой древности не превзошелъ Антонія: потому что побѣда надъ цѣлою вселенною ничто въ сравненіи съ побѣдою, одержанной подвижникомъ надъ діаволомъ. И величайшіе изъ мудрецовъ Греческихъ должны сознаться въ своемъ невѣжествѣ и неразуміи предъ Антоніемъ, потому что никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о смиренномудріи: «что къ сему речетъ Платонъ, иже нарицаемую Стою Аѳинеонъ показавый, или Пифагоръ и Сократъ и Аристотель, и прочихъ философъ сонмъ? Всяко вопрошаеши, яко истукани были бы къ отвѣту молчаще. И яко Моѵсеовъ жезлъ пожралъ жезлы ложныхъ змій Египетскихъ волхвовъ, аше и онѣхъ суетное любомудріе обличено бысть и истинныя премудрости мужа явленными образы. Что же ли нарочитый онъ философъ, иже въ делвѣ (бочкѣ), его же что достойно похвалимъ, общеполезно человѣкомъ никакоже слышахомъ сотворша, токмо еже сидѣніе въ делвѣ? Тажъ могуща тогда, имже напослѣдокъ оставити своея славы знаменія, сопротивное жъ паче погрѣшаше пріобрѣтая: ибо и Александра рѣша пришедша къ нему, въ желаніи имуща и видѣти и слышати клучимая любомудрия и дѣла и наказания и вопросиша рещи, еже аще хощетъ прошеніе по имени нѣкое. И таковы премудрости и царствия достойно быти прошение оно: мужу сие тому даровати рекшу, еже солнечныя не заблести заря; случибось тогда грѣятись на солнцѣ философу. Достояше свободу просити отечеству, или грады здати нѣкія или еже законы благочинны поставити человѣкомъ или воинамъ оставити хищеное, или такова удержати неправеднаго насилованія и стремления и довольну быти отечества добрыми словесы царя удивити и такову душу любо-

мудреннѣйшу содѣлати, и симъ честь тому достойну принести и довольно въ бесѣдѣ истощити время и вещьми и словесы еже о себѣ имъ показати истинно и царя отпустити облагодѣтельттвована паче, неже благодѣтельствоваша. Но ни едино отъ сихъ сотвори: ниже бо ученикъ Христовъ бяше, яко возсіяетъ свѣтъ его предъ человѣки, но осуетенъ бяше помышленми своими, якоже рече Апостолъ, и мня мудръ быти, уродъ предлежаше и не уродъ просто, но и бѣснующъ, еже нагу и въ делвѣ сидѣти и не еже по разуму творити прошенія бѣсованія». Далѣе витія замѣчаетъ, что о Зороастрѣ Замолксѣ очень немногіе знаютъ, тогда какъ объ Антоніѣ имѣютъ понятіе и Скиѳы и дѣти.

Отъ Антонія проповѣдникъ переходитъ къ изображенію подвиговъ Антоніевыхъ подражателей. О св. Ефремѣ Сиринѣ говоритъ: «Колицы Аѳинеи, колицы филосовы, колицы риторы возжелѣли бы, да поне отъ тысящи единой сего Ефрема похвалѣ причастницы будутъ! Но понеже любомудрствоваша, сего ради и онѣхъ память съ шумомъ погибе. Аще ли же что гдѣ о сихъ помянется, смѣху паче, а не пользѣ, достойно судится. Сиріанинъ же по всей вселеннѣй чуденъ есть и похваляемъ и тогова наказанія многажды князи и вельможи и сами царіе на руку держаще прочитаютъ и паче меда и сота свои души услаждаютъ» Послѣ св. Ефрема витія перечисляетъ еще до 80 подвижниковъ съ краткою похвалою каждому, повторяя одинъ и тотъ же оборотъ: «вѣмъ такого-то», или «вѣси такого-то»...

Въ заключеніе слова проповѣдникъ убѣждаетъ своихъ слушателей, чтобы воспоминаніе о святыхъ не осталось для нихъ мертвымъ, а послужило бы имъ лѣстницею отъ земли на небо.

IV. Историческія сказанія о святыхъ и богослужебный стихъ на Успеніе Пресвятой Богородицы.

Изъ трехъ историческихъ статей Григорія Самвлака одна, — «Сказаніе о перенесеніи св. мощей преп. Параскевіи въ Сербскую землю», — извѣстна намъ только по имени[35]), а двѣ остальныя издавна печатаются въ общедоступныхъ книгахъ: именно — «Повѣствованіе о Сербскомъ царѣ Стефанѣ» — въ Прологѣ подъ 9-мъ числомъ мая и «Страданіе св. великомученика Іоанна Новаго, Сочавскаго» — въ Чети-Минеи подъ 2-мъ числомъ іюня Потому останавливаться на этихъ статьяхъ считаемъ излишнимъ, хотя не можемъ не замѣтить, что слогъ послѣдней статьи, помѣщенной въ Чети-Минеи, значительно измѣненъ и поновленъ [36]). Что касается до богослужебнаго стиха на Успеніе Пресвятой Богородицы: то хотя и онъ недавно напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ одной статьѣ [37]), но частію по краткости и высокому достоинству этого стиха, а частію и потому, что онъ не довольно еще извѣстенъ, мы представляемъ его здѣсь сполна.

«Мѣсяца августа въ 15 день, на Успеніе Пресвятой Богородицы, поемъ сей стихъ на цѣлованіе, твореніе киръ Григорія Россійскаго, Цамблакъ... Слава и нынѣ, гласъ осмый, осмогласникъ.

Днесь Владычица и Богородица, пресвятая Дѣво Царица, преходитъ отъ земныхъ къ премірнымъ, ко Царю царьствующему, къ Сыну своему и Богу, сопричаститися царствію

[35]) Упоминается въ Опис. рукописей *Царскаго* № 135, стр. 17.

[36]) Намъ извѣстна эта статья по Новгород. Макаріевской Чети-Минеи за Іюнь, л. 16—18.

[37]) *Ундольскаго* Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1846, № 3, отд. I, стр. 4—6.

вѣчному, паче же превѣчному и конца неимущему, не на колесницѣ рабски, якоже Илья, но матерьски Царица царски, на Сыновнихъ рукахъ со множествы вой херувимьскихъ. И тогда лучшіи апостоломъ предпосылаеми по облакомъ предпоставляеми пресвѣтлыми ангелы пречистому твоему и богопріятному тѣлу, преукрашеннѣй церкви Царя небеснаго (гласъ 1), въ ней непостижимый и неприкосновенный написуется плоть, и отъ сосцу животочну доится, Богъ убо сый сподоби за милосердіе совершенно вообразитися Ею во человѣчество и подати ему Божества достояніе. И предсташа весь ликъ богословецъ, не дванадѣсятѣхъ, но и седмьдесятѣхъ, исходныя пѣсни пояху, честь воздающе апостольскаго сословія, глаголюще: Что Тебѣ речемъ? Кіими міры проводимъ Тя міропріемнице небесная? Кое кадило принесемъ ти, златая кадильнице? Недоумѣемся и удивляемся, како одръ великаго Царя, на малѣ одрѣ мертволѣпно безъ дыханія лежитъ. (5.) Пріимъ же Петрово воспѣваніе, Павелъ, сосудъ избранный, весь изступль, весь восхищенъ, весь обожаемь, о чюдеси! глаголавъ, како затворишася дѣвственніи очи, отъ самѣхъ пеленъ ангелы зрѣти навыкоша? Како питательницаа жизни смертію обьята быть? Како и не сохранися безсмертна якоже нетлѣнна по рожествѣ сохранена бысть? Како небесная лѣствица, по ней же сниде Богъ ко человѣкомъ, затворитися грядетъ? Како гора превысокая и великая Божія, на малѣ одрѣ лежитъ, въ ней же вселися до конца Господь? Како жезлъ присноцвѣтущій, нынѣ увянувъ зрится? (2.) О преславнаго зрѣнія! О непостижимаго таинства! О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко не испытаны судьбы его и не изслѣдованы пути его! Кто разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть? (6.) Почто отлетѣ

отъ насъ, отъ своихъ рабъ, голубице неблазненная? Почто удалися отъ насъ горлица сладкогласная? На кого возримъ прочее? Кто намъ провѣщаетъ? Кто же отъ навѣтъ Іудейскихъ печаль нашу утѣшитъ? На Тя бо зряще, онаго зрѣти мнѣхомъ, иже неизрѣченно изъ Тебе возсіявшаго. Вознесеся ко Спасу, и мы надежду нашу вси на Тя имѣхомъ, и сладцѣ терпѣхомъ и труды и гоненія, о проповѣди истиннѣй (3.); нынѣ же послѣднее сиротьство объятъ насъ. Како внезапу угасе свѣтильньче свѣту? но смотреніе еже на Тебе бываемое, а не одолѣніе смертное, ниже возмогла бы, яже единою Твоимъ Сыномъ умертвившися смерти, Тебѣ животу привязатися; но да не вмѣнится привидѣніе вочеловѣченія истина подобь и безсмертному Твоему плоду естества долгъ отдаеши. (7.) И вся къ чести ключима, исходному времени пѣсни пояху, присно-Дѣвѣй Божіи Матери Іяковъ великій Божій Братъ, со Иванномъ, сыномъ Громовѣмъ, и иніи богословесніи мужіе, достойніи предстояній пречистаго Ти тѣлесе, мрежею Евангельскою и Павлимъ языкомъ уловлени, Діонисіе и Ерофеи и Тимофее, глаголюще: поиди Владычице, поиди, яко землю освятила еси рожествомъ своимъ, тако и воздухъ освятиши пришествіемъ си. Поиди Всецарице, поиди, и сцарьствуй съ Сыномъ Своимъ и Богомъ нашимъ. (4.) Да отверзутся Тебѣ врата небесныя, со мнозѣмъ удивленіемъ, яко Евва убо врата Едему затвори, Ты же и небесная врата отверзе. Ниже убо достойно есть двери непроходимѣй, еюже Господь единъ вниде и изыде, затворенну остави на земли стояти; но взятей быти ко уготовленному тоя чертогу. Да подымутъ Тя Дѣво херувими, да прославятъ Тя силы, да предтекутъ Ти престоли, зряще Тя престолъ неописаннаго и безтруднаго естества. Поиди невѣсто неневѣстная, въ невѣ-

стникъ небесный! Сія богословяху и иная многая, чюдніи они мужи, яко же никтоже можетъ по достоинству изрещи, ко гробу провождающе жизни Матерь (8). Мы же что къ ней речемъ? Како родъ нашъ почетшую почтемъ? Како воспоемъ многопѣтую Дѣву? Како возвеличимъ, юже вси роди величаютъ, якоже прорече? Но возопіемъ съ Гавріиломъ: радуйся двере жизни, радуйся горо присѣнная, радуйся мосте преводяй всѣхъ, иже вѣрою Твое преставленіе чтущая, къ вѣчному. Подобаетъ бо Ти Матери Божіи, яко царицѣ, царьскими добротами дароноситися, — преходиши бо къ небеснѣй странѣ, небесная невѣсто, и паки жива представляешися къ Божественнѣй свѣтлости, яко отъ чертога населенія Твоего, отъ земли взимаешися, и совозводиши съ собою множество, ходатайствомъ си. Предпосылаютъ ти ся Апостоли со Ангельскими воинствы, и дѣвственіи лици тайно окрестъ одра Дѣвы Богородицы предстоятъ, и душа праведныхъ прелѣтѣвщи, Царицу славятъ, и молятся овн невещественно пѣніе добродѣтелей принесше. Царица небесная, и многопѣтая Владычце! сродна присвоенія не забуди и не оскудѣй назирающи, и не забуди Царя и градъ, и люди, иноцы и простіи. Мы бо люди Твои и овца пажити Твоея, имя Твое призываемъ и вѣрно празднуемъ всесвятое Твое Успеніе».

V. Слово въ великій четвертокъ, переведенное на Русскій языкъ.

Довольно уже мы представили подлинныхъ выписокъ изъ сочиненій разбираемаго нами писателя. Довольно могли познакомиться съ его духомъ, образомъ мыслей, способомъ въ раскрытіи ихъ, съ его складомъ рѣчи, любимыми пріемами и оборотами. Теперь, чтобы все это сдѣлалось для всякаго

еще осязательнѣе и нагляднѣе, прочитаемъ одно изъ словъ Григорія Самвлака не въ отрывкахъ, а въ цѣломъ составѣ и въ переводѣ на современный Русскій языкъ. Слово это сказано нашимъ святителемъ въ великій четвертокъ. Вотъ оно:

«Печаль объемлетъ мою душу и недоумѣніе останавливаетъ мой помыслъ, когда я вспоминаю объ окаянномъ Іудѣ. Съ такой высоты и въ какую пропасть онъ повергъ себя! Отъ такой славы апостольскаго чина къ какому, страстный, пришелъ безчестію! Отпалъ отъ такой сладости Учителя и обложилъ себя такою горечью сребролюбія! Оно-то и довело его до горькой смерти отъ удавленія. И сбылось на немъ пророческое слово: *удаляющеся отъ Тебе погибнутъ.*

Владыка и словомъ и дѣломъ отвлекалъ его отъ паденія. Дѣломъ, — когда омылъ ему ноги и сподобилъ вечери. Словомъ, — когда говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ мя,* выражаясь вообще, а не желая обличить его предъ всѣми, — обличая только его совѣсть и возбуждая ее къ покаянію. Кого не умилили бы эти слова: *Сынъ человѣческій идетъ по реченному: обаче горе человѣку тому, имже продается* (Лук. 22, 22)! Но Іуда не внялъ.... Такова-то жестокая душа: ей трудно придти къ исправленію, она постоянно взираетъ на погибель, къ которой стремится. Посмотри, какой примѣръ къ исправленію видѣлъ Іуда въ блудной женѣ. Но онъ не обратилъ вниманія на ея покаяніе, а погибалъ въ то самое время, когда она спасалась. Повѣствуя объ этомъ, Евангелистъ говоритъ: *тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій, ко Архіереомъ рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ его* (Матѳ. 26, 14). *Тогда шедъ....* когда же? Когда блудница возненавидѣла грѣхи и пришла къ покаянію, когда совлеклась скверь-

ной одежды блуженія, когда притекла къ Учителю, являя много любви въ многоцѣнности принесеннаго дара, когда слезами омочила пречистыя ноги Его и власами своими отерла ихъ, когда получила совершенное отпущеніе многихъ грѣховъ, раздрала рукописаніе ихъ и посрамила діавола.... А Іуда то, гда шелъ соглашаться въ цѣнѣ, помрачивъ духовное око свое сребролюбіемъ. Онъ уже не чувствовалъ, съ какой высоты падалъ. О чудо! Какое внезапное измѣненіе той и другаго! Одна, бывши рабою врага спасенія, получила свободу, припавъ къ Избавителю,—другой отошелъ отъ Учителя и сталъ рабомъ сребра. Та, блудная и посрамленная, пріобщалась къ чину мvроносицъ,—этотъ имя ученика измѣнялъ на мерзость предательства. Та удостоивалась благохваленія во всемъ мірѣ, по слову Господа: *аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и иже сотвори вія, въ память ея* (Матѳ. 26, 13),—а этотъ покрывалъ себя безславіемъ. О окаянство Іудино! Потому-то и говоритъ Павелъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12).

Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте.... рече.... этимъ показалъ Евангелистъ, что Іуда былъ не изъ числа другихъ учениковъ, т. е. семидесяти, но изъ двѣнадцати, всегда пребывавшихъ со Христомъ, слушавшихъ Его сладостное, небесное ученіе и въ церкви, и среди народа, и на-единѣ,— изъ двѣнадцати, которымъ даровалъ Господь силу творить чудеса, власть изгонять бѣсовъ и повелѣніе крестить,—изъ тѣхъ двѣнадцати, которымъ Онъ обѣтовалъ, что они возсядутъ на двѣнадцати престолахъ и будутъ судить обѣманадесяти колѣнамъ Израилевымъ. *Единъ отъ обоюнадесяте...*, сказалъ Евангелистъ, чтобы показать, на какой высотѣ сто

ялъ Іуда и въ какую пучину злобы низвергъ себя. Прибавилъ къ имени его и отчество, сказавъ: *Іуда Искаріотскій*, потому что былъ и другой Іуда, называемый Іаковлевымъ.

Они же поставиша ему тридесять сребренникъ. И за чѣмъ ты, Іуда, для чего продаешь Учителя? За чѣмъ цѣнишь безцѣннаго? За чѣмъ спѣшишь отнять отъ Сіона камень краеугольный? И что тебя подвигло на предательство? Или Онъ оставилъ тебя, нарицая другихъ Апостолами? Или, бесѣдуя съ ними, отгонялъ тебя? Или имъ вручилъ ковчежецъ утаивъ отъ тебя? Или, вкушая съ ними, презрѣлъ тебя? Или, омывъ ноги имъ, тобою возгнушался? О слѣпота! Ты говоришь: *что ми хощете дати?* Да что больше хочешь ты получить въ замѣнъ оставляемаго тобою? Оставляешь свѣтъ и становишся тьмою; оставляешь то, чего *око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его,* — и принимаешь вѣчное поношеніе; оставляешь новую чашу, которую Владыка обѣщалъ дать другамъ своимъ въ Царствіи своемъ, и испиваешь горькую чашу удавленія; оставляешь право быть судіею вселенной вмѣстѣ съ Петромъ и прочими учениками, и становишся рабомъ діавола. О безуміе Іудино! Ты говоришь: *что ми хощете дати?* Такъ-то ты исполняешь повелѣніе Учителя.... Онъ заповѣдывалъ не стяжать сребра и злата, не облачаться въ двѣ ризы, не имѣть при поясахъ мѣди и влагалища, — а ты безстыдно говоришь: *что ми хощете дати....* О, крайнее нечувствіе! Ты не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Учителемъ, Его частыхъ и уединенныхъ собесѣдованій: ибо много разъ Господь принималъ ихъ (двѣнадцать учениковъ) наединѣ, уча ихъ въ безмолвномъ мѣстѣ приготовить сердца свои къ принятію словесъ Его. Не вспомнилъ ты чудесъ Его,

предсказаній будущаго, таинства той самой вечери, когда Онъ изрекъ: *желаніемъ возжелахъ сію пасху ясти съ вами.* Ты не устыдился наконецъ Владыки, встающаго съ вечери, снимающаго ризы, препоясывающагося лентіемъ, по обычаю рабовъ, вливающаго воду въ умывальницу и умывающаго ноги ученикамъ, и, какъ говорятъ церковные богословы, прежде другихъ умывшаго ноги предателя....

Что же ты, о Іуда?... Если прочіе ученики омывали ноги, будучи чистыми,—какъ сказалъ Господь: *вы чисти есте, но не вси,* исправляя тебя,—то они, добрые дѣлатели правды, готовились къ проповѣди и сѣянію Евангелія; имъ надлежало въ скоромъ времени идти въ міръ весь для благовѣстія, пріявъ крещеніе и совершеніе отъ Утѣшителя. А ты, къ чему ты готовясь, простираешь безстыдно ноги для омовенія? Къ тому ли, чтобы скоро идти на преданіе Господа и увидѣть сребренники въ рукахъ своихъ? О неразуміе предателя! Когда другіе ученики, — будучи таинниками и князьями вселенной,—*поставиши бо ихъ,* сказалъ Давидъ, *князи по всей земли,*—когда они принимали таинства, которыми имѣли обновить вселенную: тогда ты, будучи предателемъ, за чѣмъ дерзостно простираешь руку твою къ хлѣбу? За тѣмъ ли, чтобы вскорѣ предать себя лукавому, чтобы исполнилось надъ тобою псаломское предреченіе: *ядый хлѣбы моя возвеличилъ есть на мя пяту?* Этого не слушалъ и не помыслилъ неразумный ученикъ, но остался неисправимымъ. Душа, однажды потерявшая стыдъ, не уцѣломудривается жестокими словами и не умиляется краткими, но бываетъ подобна тому городу, о которомъ пророкъ, рыдая, сказалъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. 3, 3).

Такъ пострадалъ окаянный Іуда! Подобно ему страждутъ и тѣ, которые приносятъ опрѣсноки въ жертву, прельщающіе и прельщаемые, и говорящіе безъ стыда, будто Господь въ вечеръ таинства далъ опрѣснокъ, произнеся: *сіе есть тѣло мое.* Они не слышатъ Павла, учителя языковъ, вопіющаго и говорящаго: *азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. 11, 23. 24. 26). Апостолъ сказалъ: *азъ пріяхъ отъ Господа;*—они же, не стыдясь, предлагаютъ безквасное. Имъ прилично сказать: вы ли, своезаконники, истиннѣе, или Павелъ, учитель вселенной, Павелъ,—эта душа, досягавшая до небесъ, Павелъ,—этотъ человѣкъ, восхищенный до третьяго неба, толикій и таковый, Павелъ, кого, хотя онъ былъ прежде гонителемъ, послалъ Богъ во языки проповѣдывать таинство Евангелія, сказавши: *яко сосудъ избранъ ми еси?* Онъ (Павелъ) не сказалъ — *опрѣснокъ,* хотя бы могъ сказать, если бы хотѣлъ, но сказалъ—*хлѣбъ.* А хлѣбомъ никогда не называется безквасное, какъ несовершенное. И какъ назвать хлѣбомъ брашно съ водою безъ кваса, когда оно носитъ на себѣ образъ мертвенности? Хлѣбомъ же и называется и есть только квасное, какъ имѣющее въ квасѣ образъ жизни, по причинѣ восходительнаго (свойства), принимаемаго за образъ души разумной и словесной. И потому всякій, приносящій въ жертву опрѣсноки, недугуетъ ересію Аполлинаріевою и Евагріевою, дерзнувшею называть плоть Господню бездушною и неразумною.

Но евангелистъ, говорятъ, сказалъ: *въ первый день опрѣсночный приступиша къ Іисусу ученицы, глаголюще: гдѣ хощеши, да уготоваемъ ти ясти пасху?* Если же это былъ первый день опрѣсноковъ, то ясно, что сообразно съ закономъ Господь и самъ вкушалъ опрѣсноки, и преподалъ ученикамъ. Нѣтъ, нѣтъ! Евангелистъ ничего не сказалъ о снѣди опрѣсночной, но сказалъ: *ядущимъ имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое.* Какъ же могъ Господь назвать вещію бездушною тѣло свое, когда Онъ пріялъ плоть разумную и одушевленную? Какъ Онъ могъ дать опрѣсноки, когда они еще не начинались, а квасный хлѣбъ еще не былъ оставленъ? Въ четырнадцатый день мѣсяца овча закалалось къ вечеру, когда и Владыка нашъ былъ пожренъ на крестѣ, установляя законную жертву. Въ тотъ день, въ шестый часъ труба возвѣщала отложеніе и оставленіе кваснаго хлѣба. И въ ту ночь до утра ѣли пасху, какъ повелѣвалъ законъ, обувшись, стоя и подпершись жезлами. Тогда не было ничего варенаго въ водѣ, но все печеное огнемъ безъ сокрушенія кости, съ сожженіемъ остатковъ. На разсвѣтѣ пятнадцатаго дня, въ субботу, начинали ѣсть опрѣсноки съ горькими травами и ѣли въ продолженіи осьми дней. Это былъ праздникъ опрѣсноковъ, называемый пасхою. Первымъ же днемъ опрѣсночнымъ Евангелистъ назвалъ не самый день опрѣсночный, пятнадцатый мѣсяца, но третій передъ тѣмъ, тринадцатый того мѣсяца, какъ прежде бывшій. Такъ Матѳей (26, 17) и Маркъ (14, 12) говорятъ: *въ первый день опрѣсночный, егда пасху жряху, глаголаша Ему ученицы Его: гдѣ хощеши, шедше уготоваемъ, да яси пасху?* А премудрый Лука (говоритъ): *пріиде день опрѣсноковъ, въ*

онъ же подобаше жрети пасху: и посла Петра и Іоанна, рекъ: шедше уготовайте намъ пасху да ямы (22, 7. 8). Сказалъ: *пріиде день опрѣсноковъ*, т. е. уже при дверяхъ былъ, наступалъ, какъ и мы говоримъ при исходѣ зимы, что весна пришла, — не потому, будто мы вошли въ нее, но потому, что она близка. Подобно тому, какъ о друзьяхъ и знакомыхъ, слыша, что они идутъ къ намъ, мы съ радостію говоримъ къ находящимся съ нами: «онъ пришелъ сюда!» — между тѣмъ какъ его раздѣляетъ отъ насъ еще далекое разстояніе. Также — и о жатвѣ. Предвидя ея приближеніе, когда еще зеленѣютъ колосья, земледѣльцы говорятъ: «жатва пришла», — говорятъ, чтобы при вѣсти о приходѣ ея изострились серпы, приготовились жнецы, гумно очистилось, житницы были прибраны. Такъ же и здѣсь сказано: *пріиде*, потому что былъ близокъ.

Шедша же, пишетъ Евангелистъ, *обрѣтоста, якоже рече има, и уготоваста пасху* (13), и потомъ, ни о чемъ другомъ не упомянувъ, продолжаетъ: *и егда бысть часъ, возлеже, и обонадесяте апостолы съ Нимъ. И рече къ нимъ: желаніемъ возжелахъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ*. Вечерю эту Господь назвалъ пасхою; сказалъ: *желаніемъ возжелахъ*, чтобы показать, какъ близко было время таинства Его преданія и крестной смерти. *И пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи, и даде имъ, глаголя: сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо: сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша — новый завѣтъ моею кровію, яже за вы проливается* (19. 20). Итакъ видишь ли, какъ ученики совершали законное приготовленіе къ пасхѣ и чаяли (видѣть) обычный законный день, а Владыка творилъ тайную

вечерю, назвавъ ее вожделѣнною пасхою, на которой предалъ таинство другамъ своимъ? Потому-то они и не стояли, какъ повелѣвалъ законъ, подпершись жезлами и вкушая печеное, но возлежали и употребляли вареное. Тамъ была соль, въ которой владыка омочивъ хлѣбъ далъ лукавому ученику. *Пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи и даде имъ*, научая ихъ священнодѣйствію и возбуждая ихъ разумы къ благодаренію за то, что такимъ великимъ дарамъ они сподоблялись. *Сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо....* за васъ и послѣдующихъ Мнѣ и пріобщающихся скорбямъ моимъ и гоненію, за всю вселенную, которую вы хотите крестить, ходя овцами посреди волковъ, превращая ихъ звѣрство въ овчую кротость. *Сіе творите въ мое воспоминаніе*, потому что я пріискреннѣ пріобщился плоти и крови и уже иду исполнить всесмотрѣніе таинства и уже не буду жить съ вами, какъ прежде. Но печаль да необъемлетъ сердца ваши, что я оставляю васъ, единожды избранныхъ мною: вкушая хлѣбъ сей—плоть мою—и чашу сію—кровь мою,—вы во мнѣ пребудете и я въ васъ.

Но окаянный Іуда остался сему чуждымъ. Онъ принялъ отъ руки Господней хлѣбъ сребролюбивою рукою, и *по хлѣбѣ вошелъ въ него сатана*, какъ сказалъ возлюбленный Іоаннъ. До тѣхъ поръ сатана искушалъ его, подстрекая на предательство; а теперь, такъ какъ Іуда былъ совсѣмъ оставленъ по непреоборимому своему стремленію, совершенно овладѣлъ его душою: ибо такое безчувствіе одержало его, что и въ солило безстыдно простеръ свою руку. Потому и Господь въ слѣдствіе такой дерзости, омочивъ хлѣбъ въ солило, далъ Іудѣ, являя тѣмъ ученику, тайно спросившему, что сей-то и есть предатель, а самому предателю сказалъ: *еже твориши, сотвори скоро* (Іоан. 23, 27), скрывая отъ учениковъ его на-

мѣреніе. Ибо, еслибы предательство было узнано, теплый вѣрою Петръ, отрѣзавшій ухо архіерейскому рабу передъ множествомъ воиновъ, чего не захотѣлъ бы сдѣлать съ Іудою, когда теперь Петру ничто не препятствовало? Онъ непремѣнно убилъ бы Іуду.

Сего же никто же разумѣ отъ возлежащихъ, продолжаетъ евангелистъ, *къ чесому рече ему. Нѣцыи же мняху, понеже ковчежецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи еже требуемъ на праздникъ, или нищимъ да нѣчто дастъ* (28, 29). Слышите ли вы, презирающіе нищихъ и собирающіе сребро, какъ Владыка, по безмѣрному милосердію, обнищавшій даже до подобія раба, не имѣвшій, гдѣ главы приклонить, даетъ милостыню? А ты, имѣя дома четырехкровные и трехкровные, не пускаешь нищаго даже на дворъ.... Онъ, не имѣя доходовъ, предлагалъ дневную, убогую пищу не Себѣ только, но и такому лику учениковъ, даже и нищимъ еще: а ты, владѣющій селами, стяжаніями и доходами, не вспомнишь объ убогихъ? Какой ты думаешь имѣть отвѣтъ, презирая ученіе Владыки, которое внушалъ Онъ и дѣломъ и словомъ, когда самъ подавалъ милостыню и когда заповѣдывалъ: *будете милосерды, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть*, и еще чрезъ пророка сказалъ: *расточи и даждь убогимъ. Правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка*: а ты, дѣлая противное Ему, собираешь сокровища, и чѣмъ больше соберешь, тѣмъ больше стараешься пріумножить собранное? Таковъ лютый мучитель сребролюбія: чѣмъ болѣе поѣдаетъ, тѣмъ болѣе становится ненасытнымъ, доколѣ не приведетъ въ послѣднее осмѣяніе окаяннаго рачителя сребра, когда сбудется на немъ пророческое слово: *се человѣкъ, иже не положи Бога помощника*

себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею. Земля даетъ сребро, по владычнему повелѣнію, на потребу тѣмъ, которые въ пользу его принимаютъ. А ты на-оборотъ, скрываешь сребро въ нѣдрахъ земли, воспаляя имъ геенну, угрожающую немилостивымъ, и становясь по страсти ненасытимости безчувственнѣе земли, недугуя подобно окаянному Іудѣ. Что, предалъ ли бы онъ Господа и Господь былъ ли бы преданъ, если бы Іуда не хотѣлъ опутать душу свою мрежами сребролюбія? Размышляя о великости предательства, уподобляю ему немилосердіе къ братіи Христовой; ибо Господь сказалъ: *не ктому васъ нареку рабы, но братію;* и еще: *понеже сотворите единому отъ сихъ меньшихъ братій моихъ, мнѣ сотвористе.* Видишь ли, кто суть братія Его, о которыхъ Онъ всегда промышляетъ? Ибо и самъ понесъ немощи наши. Онъ былъ пастырь добрый, *ему же* были *овцы своя,* и Онъ пекся объ нихъ, подъемля слабыхъ, заботясь о покинутыхъ и осуществляя на самомъ дѣлѣ то, что сказалъ: *азъ душу мою полагаю за овцы* (Іоан. 10, 15). Этого мало. Не насытилась его любовь къ овцамъ даже тѣмъ, что Онъ положилъ за нихъ душу свою; но смотри: *и ины овцы имамъ,* сказалъ Онъ, *яже не суть отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести, и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16). Ибо не во дворѣ закона и не въ оградѣ писаній пророческихъ находились язычники, но заблуждались въ горахъ и пустыняхъ, дѣлаясь каждый день пищею мысленнаго звѣря. И ихъ освободилъ Пастырь, предавъ Себя, и сотворилъ единое стадо, предложивъ имъ тѣло свое въ снѣдь и чашу своей крови. Потомъ, поручая ихъ Петру, сказалъ: *аще любиши мя..., паси овцы моя* (Іоан. 21, 16), и не однажды, а трижды спро-

силъ: *любиши ли мя,* — не для того, чтобы узнать объ этомъ: ибо есть единый создавшій сердца и разумѣющій всѣ дѣла ихъ, но чтобы мы видѣли, какое Онъ имѣетъ попеченіе объ овцахъ. А такъ какъ Онъ искупилъ насъ не сребромъ или златомъ, но своею кровію, то да блюдется же всякій, чтобы, называясь овцею Христова стада, не уклониться къ волкамъ и противникамъ благочестія—еретикамъ, являясь по имени—Христовымъ, а на дѣлѣ—сыномъ діавола. Такъ поступалъ и Іуда: жилъ съ апостолами, а сходился съ фарисеями; хлѣбъ принималъ отъ рукъ пречистыхъ, а сребренники взялъ отъ рукъ беззаконныхъ; вечерялъ съ Учителемъ, а сердцемъ возсѣдалъ среди безумныхъ старѣйшинъ.

Прошу любовь вашу, да никто изъ васъ не будетъ по сребролюбію христопредатетемъ. Если бы этою страстію не объята была душа окаяннаго Іуды, онъ не дерзнулъ бы на предательство, какъ я сказалъ прежде. Ибо какъ ты причастишься тѣлу и крови Владычней неосужденно, нося на себѣ недугъ предателевъ? Нѣтъ, молю васъ.... Но, оставивъ этотъ горькій недугъ, который св. Павелъ назвалъ *идолослуженіемъ* и *корнемъ всѣхъ золъ,* приступимъ къ тайной вечери во оставленіе грѣховъ и съ надеждою будущихъ благъ, которыя получить да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же безначальному Его Отцу и пресвятому и животворящему Его Духу слава и держава и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.»

VIII.

ДРЕВНѢЙШІЯ ДОГОВОРНЫЯ ГРАМОТЫ НОВГОРОДА СЪ НѢМЦАМИ:

1199 и 1263 гг.

Чтеніе *И. И. Срезневскаго.*

Изслѣдователи отечественныхъ древностей оцѣнятъ, безъ сомнѣнія, какъ одно изъ самыхъ важныхъ для археологическихъ розысканій разнаго рода—новое великолѣпное изданіе Археографической Коммиссіи, вышедшее подъ заглавіемъ: Грамоты касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Найдены въ Рижскомъ архивѣ К. Ѳ. Напіерскимъ и изданы Археографическою Коммиссіею. Спб. 1857. (въ листъ: 22 стр. и 8 литогр. снимковъ). Здѣсь помѣщены въ превосходныхъ снимкахъ и въ спискахъ слѣдующіе акты:

— Договоръ в. к. Александра Невскаго и Новгородцевъ съ Нѣмецкими послами о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ 1257—1259 г. *). Съ нимъ вмѣстѣ на томъ же листѣ пергамена тѣмъ же письмомъ написанъ, какъ бы для новаго подтвержденія:

— Мирный договоръ к. Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмецкими послами около 1195 г.

— Грамота Литовскаго к. Герденя о заключеніи имъ, въ качествѣ князя Полоцкаго и Витебскаго, мирнаго дого-

*) Годы актовъ означены здѣсь тѣ же, что и въ въ изданіи.

вора съ Ливонскимъ геррмейстеромъ, 22 дек. 1264 г. (въ древ. спискѣ).

— Грамота Полоцкаго к. Изяслава Ливонскому геррмейстеру и Рижанамъ о свободной торговлѣ и продолженіи мирныхъ сношеній, около 1265 г. (въ спискѣ на томъ же листѣ, тою же рукою, что и предъидущій актъ).

— Грамота Рижскаго архіепископа къ в. к. Ѳеодору Ростиславичу Смоленскому съ обвиненіемъ жителей Витебска (Витьблянъ) въ несправедливой жалобѣ на Рижанъ, около 1281—1297 (въ др. спискѣ).

— Правая грамота Смоленскаго в. к. Ѳеодора Ростиславича по судному дѣлу о Нѣмецкомъ колоколѣ 1284 г.

— Грамота Новгородскаго в. к. Андрея Александровича къ мужамъ Датскаго короля въ Ревелѣ, около 1294 — 1304 г.

— Грамота Полоцкаго епископа Іакова къ Рижскому пробсту и Рижскимъ ратманамъ, относительно мирныхъ сношеній и пропуска хлѣба въ Полоцкъ, около 1300 г.

— Торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою о товарахъ, около 1330 г.

— Грамота Смоленскаго к. Александра Глѣбовича къ Рижанамъ о подтвержденіи дружественныхъ сношеній Смоленска съ Ригою, около 1300.

— Грамота в. к. Андрея Александровича, данная въ Новгородѣ Ганзейскому союзу о торговыхъ путяхъ, около 1301.

Всѣ эти грамоты, исключая послѣдней, оставались до сихъ поръ неизвѣстны; да и эта послѣдняя была напечатана (въ Вѣстникѣ Евр. 1811. № XI и въ Дополненіяхъ къ Актамъ Истор. 1. № 6) по другому изводу. Приложенныя къ спискамъ грамотъ объясненія сами по себѣ не обширны, но заключаютъ въ себѣ результаты обширныхъ изслѣдованій (А. А. Куника).

Каждая изъ сихъ грамотъ вноситъ новый свѣтъ въ древность Руси; каждая достойна особаго разсмотрѣнія. Всѣхъ важнѣе, и по древности и по содержанію, мирный договоръ

Новгорода съ Нѣмцами, конца XII в., въ спискѣ половины XIII вѣка. Послѣ договоровъ Кіевскихъ князей съ Греками X вѣка, это древнѣйшій дипломатическій актъ Русскій, объясняющій сношенія Руси съ другими народами. Второе мѣсто послѣ него занимаютъ изводы договорной грамоты Смоленска съ Ригой 1228 и 1229 г., а третье — та грамота Александра Невскаго, которая тутъ же издана и при которой приложена въ спискѣ вышеозначенная грамота конца XII вѣка. На первый разъ останавливаемся на грамотахъ Ярослава Владиміровича и Александра Невскаго *).

---

*) При частныхъ изслѣдованіяхъ и сравненіяхъ касательно двухъ этихъ грамотъ, кромѣ лѣтописей и грамотъ вышепоименованныхъ, вновь изданныхъ Археографическою Коммиссіею, были въ виду слѣдующіе акты:

— Русская Правда—по Синодальному списку, сравненному мною съ другими, и, гдѣ нужно было, по Академическому Софійскому.

— Жалованная грамота Новгород. князя Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, около 1128, въ двухъ позднихъ спискахъ.

— Уставъ кн. Святослава Новгородскому Софійскому собору 1137 г., въ спискѣ.

— Жалованныя грамоты Смоленскаго князя Ростислава церкви Богородицы и епископу 1150 г., въ спискахъ.

— Грамота императора Фридриха I о границахъ Любека и пр., 1188 г. Сент. 19.

— Грамота Датскаго короля Вальдемара о томъ же, 1204 г. дек. 7.

— Любекскій тарифъ 1220—1226 г.

— Оба извода договорной грамоты Смоленска съ Ригой 1228 и 1229 г.

— Проэктъ договора Нѣмцевъ съ Новгородомъ XIII в.

— Древнѣйшая Скра Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ 1250 года и другая Скра второй половины XIII в.

— Грамота князя Ярослава Ярославича о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ Новгородцевъ и гостей Нѣмецкихъ и Готландскихъ въ Новгородѣ, написанная Нѣмцами 1269 г., и договорныя грамоты того же князя съ Новгородцами 1264, 1265 и 1270 гг.

I.

ГРАМОТА ЯРОСЛАВА ВОЛОДИМИРОВИЧА.

Се ꙗзъ князь Ꙗрославъ Володимѣричь сгадавъ с посадникомь с Мирошкою и с тысяцкымь Ꙗковомь и съ всѣми Новгородьци потвердихомъ мира старого с посломь Арбоудомь и съ всѣми Нѣмьцкыми сыны и съ Гты и съ всемь Латиньскымь ꙗзыкомь.

— Подтвердихомъ мира старого. Это упоминаніе о старомъ мирѣ заставляетъ предполагать, что и до заключенія договора Новгородцевъ съ «Латинскимъ языкомъ» при посредствѣ посла Арбуда, были заключаемы договоры.

— Миръ былъ заключенъ «съ всѣми Нѣмьцкыми сыны и съ Гъты и съ всемь Латинскымь языкомь». Именемъ *Готовъ* постоянно называли у насъ Готландцевъ, которыхъ портовый городъ Визби съ половины XII вѣка первенствовалъ въ торговлѣ Балтійской. Объ этихъ Готахъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (Гътѣ, Готѣ) въ числѣ Варяжскихъ народовъ; о несчастномъ поѣздѣ гостей «съ Готъ изъ заморія» къ Новгороду въ 1130 году вспоминаетъ 1-я Новг. лѣтопись (стр. 6). Нѣмецкіе сынове и весь Латинскъ языкъ могли быть тѣже Готландцы, тѣже торговцы города Визби; societas Gutlandorum было и не у насъ равносильно съ universi, omnes или Romani imperii mercatores (Lappenberg, Urkundl. Geschichte der Deutsch. Hanse. I. 10 и слѣд.), особенно съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Лотарій упрочилъ за Визбянами значительныя права. Въ думѣ города Визби какъ члены постоянно засѣдали съ Готами и Нѣмцы, и изъ двухъ фохтовъ одинъ былъ всегда Готъ, а другой Нѣмецъ. Впрочемъ подъ Нѣмцами легко понимать и Любчанъ: съ 1163 года Любекъ, уравнясь правами съ Визби, остался съ нимъ въ

тѣсныхъ связяхъ, подъ покровительствомъ того же герцога Генриха Льва, и легко могъ стараться объ утвержденіи связей съ Новгородомъ (Lappenberg, I. 12).

Послалъ ꙗесмь посла своꙗего Григоу на сеи правдѣ:

Правда принята здѣсь, какъ кажется, въ значеніи законныхъ предложеній, а не въ значеніи рѣшенія. Новгородскій посолъ съ тѣмъ и посланъ былъ, чтобъ эти предложенія были окончательно подтверждены. Что они дѣйствительно были подтверждены Готландцами, это явно изъ того, что весь договоръ внесенъ, какъ законное приложеніе къ договору, заключенному при Александрѣ Невскомъ; но едва ли въ такомъ именно видѣ былъ онъ утвержденъ печатями въ подлинникѣ: въ немъ недостаетъ заключенія.

Первое. ходити Новгородцю послу и всакомоу Новгородцю в миръ в Нѣмеүьскоу землю и на Гъцкъ берегъ. тако же ходити Нѣмьүьмь и Гтаномъ в Новъгородъ безъ пакости не ѡбидимъ никъым же.

Аүе боудеть соудъ кназю Новгороцкъмоу Новѣгородѣ или Нѣмецкъмоу въ Нѣмүьхъ. а в томь мироу ити гостю домовь бес пакости; а кого Богъ поставить. кназа а съ тѣмъ мира потвердить. любо ли земла без мироу станеть.

— Аче боудеть соудъ князю Новгороцкъмоу Новѣгородѣ или Нѣмецкъмоу въ Нѣмчьхъ: если князь Новгородскій будетъ судиться въ Новѣгородѣ или Нѣмецкій въ Нѣмецкой землѣ, т. е. если между княземъ и его подданными выйдетъ неудовольствіе. Это обстоятельство нерѣдко повторялось въ Новгородѣ, и, конечно, могло мѣшать обычному производству торговыхъ дѣлъ, а потому могло быть и предметомъ заботы торговцевъ. Въ такомъ смыслѣ слово *судъ* находится въ Новгор. грамотѣ

1301 года: какъ боудешь — говорятъ Новгородцы — въ Новѣгородѣ у отца своего у владыцѣ и у своихъ мужь нашь съ нимъ (съ Борисомъ Константиновичемъ) *судъ* передъ тобою, господине (С. Г. Гр. 1. № 11. стр. 14). Въ томъ же смыслѣ находится слово *судъ* въ древ. переводѣ. Евангелія: «сѫдъ приꙗти съ тобою» — σοι κριθῆναι, judicio contendere, Matth. V, 40.— Грамота обусловливаетъ, чтобы при такой размолвкѣ между княземъ и народомъ гости могли отходить домой безъ обиды. Срав. въ Любек. проэктѣ договора XIII в.: item si aliqua werra, и въ Договорѣ 1270 г.: schut en twist.

— любо ли земля без мироу станеть: если же за размолвкой князя съ народомъ послѣдуетъ раздоръ, и назначенъ будетъ другой князь, то съ этимъ новымъ княземъ прежній миръ долженъ быть подтвержденъ.

А оже оубьють Новгородца посла за моремъ или Нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ. то за тоу головоу к҃ гривенъ серебра.

— а оже оубьють посла. Смоленскою грамотою 1228 и 1229 гг. означена та же вира въ 20 гривенъ, т. е. двойная: «послоу и попу что оучинять за двое того оузяти», два платежа = аще послови пригодиться пакость или попови въ въсякои обидѣ. за два чл҃вка платити зань»: одиночный платежь, за свободнаго человѣка, 10 гривенъ, какъ показано ниже. Та же вира и въ Русской Правдѣ: «оже убьєть мужь мужа... ожели не будеть кто єго мьстя, то положити за голову 80 гривенъ»: тутъ только означены гривны кунъ, которыя относились къ гривнамъ серебра какъ 4 къ 1, что и замѣчено въ Смоленской грамотѣ 1229 г.: А за гривну серебра по 4 гривны коунами или пенязи. Любекскій проэктъ XIII в. также отличаетъ гривну кунъ отъ гривны серебра: marcam kunen и marcam argenti а равно и двойную плату въ 20 гривенъ серебра: du

plicem emendam scilicet XX marc. argenti за убійство священника, олдермана и посла: si clericus in sacris ordinibus constitutus, oldermanus et nuncius malo casu occidantur, quod absit, dupli emendo satisfiet, scilicet XX marc. argenti. Тоже и въ Договорѣ 1270 г.: werden... bode (посолъ) gesclagen, dhen sal men beteren mit XX marc silueres... Dhese be nomeden beteringe sal men oc don uor enen prester (за священника) un vor enen olderman.

А ѡже оубьють купчиноу Новгородца или Нѣмчина коупчиноу Новѣгородѣ. то за тоу головоу і҃ гривенъ серебра.

— а оже оубьють коупчиноу. Въ Смоленской грамотѣ 1228 и 1229 г. тоже: «аже боудеть свободѣныи чявкъ оубитъ. 10 гривенъ серебра за голову = оже убьють волного чявка платити за голову 10 гривенъ». Тоже и въ Рус. Правдѣ, но тамъ означены княжескіе люди, а не купцы: «аже въ княжи отроцѣ или въ конюсѣ или въ поварѣ то 40 гривенъ» — разумѣется кунами. Въ Договорѣ 1270 г. такъ же точно, какъ въ разсматриваемой грамотѣ: un vor ene copman X marc. silueres. Въ Любск. проэктѣ XIII в. общѣе: si vero *alius* interficitur, emendabitur cum III marc. argenti.

А ѡже моужа свяжють без вины. то ві҃ гривенъ за соромъ старыхъ коунъ.

— 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ. Эти *старыя куны* тѣ самыя, которыхъ 4 гривны равнялись одной гривнѣ серебра. Обстоятельство это осталось незамѣченнымъ въ Рус. Правдѣ. Въ Смоленск. грамотѣ оно выражено такъ: «аже мьжю Русиномъ и Латинескъмъ свяжеть дроугъ дроуга без вины. за то платити 3 гривны серебра = аще Роусинъ или Немчичь дроугъ дроуга свяжеть без вины. 3 гривны за соромъ».

Ѿже оударать моужа ѡроужеіемь любо коломъ, то ѕ҃ гривенъ за раноу старыіе.

— ѕ҃ гривенъ за раноу старыіе: 6 гривенъ кунами, т. е. $1^1/_2$ гривны серебромъ. Въ Смолен. грамотѣ: аже кого оуранять. полуторы гривны серебра. аже боудѣте безвѣка = аще кто дроуга ранить а хромоты на тѣлѣ не боудеть. полуторы гривны серебра платити». «Кто биеть дроуга деревъмъ, а боудѣте синь любо кровавъ. полуторы гривны серебра платити зань = аще кто деревомь оударить чл҃вка до крови. полуторы гривны серебра». Въ Любекскомъ проэктѣ за такое преступленіе назначено 2 гривны, вѣроятно вмѣсто $1^1/_2$; но въ Договорѣ 1270 г. правильно: wert ein man gewunt mit eggachteme wapene, of mit chuppelene, men schal eme beteren *anderhalve* mark silueres Тоже и въ Скрѣ Новгородской: So we uorwunen wert dat he den anderen geslagen hebbe, blav eder blot, de scal betere *anderehalve* marc silueres.

Ѿже оупьхнеть любо мятель роздрьть, то г҃ гривны старыіе.

— г҃ гривны старыіе, т. е. $^3/_4$ гривны серебра. Въ Смолен. грамотѣ такое наказаніе положено за ударъ по уху и другой подобный: «по оухоу оударить, г҃ четвьрти серебра = аще оударить по лицю или за волосы иметь, или батогомь шибеть, платити безъ четвьрти гривна серебра». Въ Рус. Правдѣ: «или пьхнеть моужь моужа... любо по лицю оударить, или жердью оударить... то г҃ гривны». Въ Договорѣ 1270 г.: Slet en man dhen andern an sin ore, oft an sinen hals (или по шеѣ), he schal eme beteren III verdinge. Любекскій проэктъ говоритъ о пощечинѣ: qui alii dedit alapam, emendabit dimidiam marcam argenti. По разбираемой грамотѣ тою же пенею наказывается тотъ, кто «мятель роздрьть»: это преступленіе упоминается въ Скрѣ Новгородской (eder siue cledere to spleten hebbe), но съ наказаніемъ въ $1^1/_2$ гривны серебра.

Ѡже пошибаѥть мѹжескоу женоу любо дъчерь. то кнѧзю м҃ гривенъ ветхъми кѹнами. а женѣ или моужьскоѥ дъчери м҃ гривенъ ветхыми коунами.

— оже пошибаетъ моужьскоу женоу любо дчьрь. Объ этомъ упоминается въ Уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ: «Аже кто пошибаетъ боярскую дщерь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота (И. Г. Р. II. пр. 108. П. Собр. Лѣт. VI. стр. 85. Преосв. Макарія Ист. Р. Ц. II. стр. 354. 355).

Ѡже съгренеть чюжеѥ женѣ повои с головы или дщьри. ѩвитсѧ простоволоса. г҃ гривенъ старыѥ за соромъ.

— оже съгренеть чюжеи женѣ повой. *Повой* — повойникъ: «Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра. а 50 гривенъ золота. а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью и все да и до повоя» (Ипат. Лѣт. подъ 1158 г. стр. 82.)

Ѡже тѧжа родитсѧ бес крови. сниидутсѧ послуси и Русь и Немци. то вергоуть жеребеѥ. кому сѧ въıнмьть. ротѣ шьдъ свою правдоу възмоуть.

— оже тяжа родится безъ крови, то (послуси) вергуть жеребьи. Въ Рус. Правдѣ по Академич. списку: «аще ли пхнеть... или жердію ударить, а безъ знаменья... оже будешь Варягъ или Колобягъ крещенія не имѣя, а будетъ има бои, а видока не будетъ, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на *жребій*, а виноватый въ продажѣ, во что обложатъ. Въ Договорѣ 1270 г.: is oc dat se schelet, un se ouer en nicht ene dreget, so solen se *loten* under en, so wes *lot* sic ut nemet, dhe is recht an sineme tuge. Тоже и въ Любекскомъ проэктѣ: Si Ruthenus et hospes

discordaverint in testimonio, et neuter eorum velit pretestificari: super hoc *sorcientur*, quis eorum pretistificetur et qui pretistificatus fuerit, evincet in causa, de qua tractatur; въ свидѣтели приводятъ *duos* hospites (Нѣмцевъ) et duos Ruthenos.

Ѿже ієматн скотъ Варѧгоу на Роусннѣ нлн Русниоу на Варѧзѣ. а сѧ ієго запрнть. то вї мужь послоухы ндеть ротѣ. възметъ своіє.

— оже ѥмати скотъ. Эта статья въ Русской Правдѣ выражена такъ: «А оже кто възищеть кунъ (или скота) на дрꙋзѣ. а онъ ся начнеть запирати. то оже нань выведетъ послꙋхы. то ти пойдутъ на ротꙋ. а онъ възметь своѥ кꙋны». Въ Академич. спискѣ упомянуто именно о 12 послухахъ: «ити ему на изводъ передъ 12 человѣка».

Ѿже роднтсѧ тѧжа в Нѣмцехъ Новгородцю. любо Нѣмчнну Новѣгородѣ. то рубежа не творнтн. на другоіє лѣто жаловатн. Ѿже не правѧть. то кнѧзю ѩвѧ н людемъ взѧтн своіє оу гостн. ѿже тѧжа роднтсѧ в Новѣгородѣ.

— рубежа не творити: не задерживать. Въ Любск. проэктѣ это выражено такъ: Si aliqua dissensio emergit inter hospites et Ruthenos in Nogardia, illa dissensio ita debet complanari et terminari, ut cum hospites estivi venerint, cum dissensione prehabita nichil habeant disponere, sive terminata sit eadem dissensio sive non. Si etiam aliqua dissensio orta fuerit inter hospitem et Ruthenum sedari et complanari debet secundum jura, ut cum hospes abire disposuerit racione dissensionis *nullatenus impediatur*. Въ Смолен. грамотѣ: «аже боудеть Роусиноу товаръ имати на Немчичи... то ити истьцю къ истьцю и взяти емоу та правда. которая въ томь городѣ. а роубежа не дѣяти. а Немчичю таже правда взяти в Роуси».

— оже не правять: если не рѣшаютъ дѣла. Въ Любск. проэктѣ далѣе: Item si fuerit discordia inter hospites et Nogardienses, sedari debet in loco, ubi orta est; si autem sedari non possit, nulla *pandatio* fiet primo et secundo anno, sed si in tercio anno dissensio complanari non possit, et fiat *pandatio*, admittetur. Въ Договорѣ 1270 г.: So war so in *pandinge* geschut, des ersten iares sal men et kundigen un nicht nemen, un dhes anderes iares also; un wert it nicht af ge leget, dhes dherden iares sal men *panden* un nemen sin gut. Pandatio, panding и *рубежь* тутъ равносильны по смыслу.

Оже тяжа родить въ иное земли в Рускыхъ городѣхъ. то оу тѣхъ свое тяже прашати. искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы а Нѣмцинъ свободь и Новгороци.

— оже тяжа родить въ інок земли. Это обстоятельство выражено въ нѣсколькихъ договорныхъ грамотахъ, между прочимъ и въ грамотѣ Александра Ярославича, которая будетъ разсмотрѣна ниже.

Оже придетъ въ своиеи лодьи в Нѣмецкои домовь. аче самъ не поидьть в неи ѡпать мужь. дастъ кърмьникоу.

— кърмьникъ — тоже что въ Договорѣ 1270 г. lodienman.

Нѣмцина не сажати в погребъ Новъгородѣ ни Новгородца въ Нѣмцьхъ. нъ имати свое оу виновата.

— не сажати въ погребъ. Въ Смоленск. грамотѣ «Аже извиниться Роусинъ оу Ризе или на Гочкъмъ березе. оу дыбоу его не сажати. аже извиниться Латининъ оу Смольнѣскѣ. не мьтати его оу погрѣбъ. аже не боудѣтѣ пороукы. то оу жельза оусадить = аще Роусьскыи гость въ Ризѣ или на Готьскомь березѣ извинится. никакоже его въсадити въ дыбоу. не боудетъ ли пороукы. то лзѣ и

въ желѣзо въсадити. или Немечьскыи гость извинится Смоленьске: нелзѣ его вървречи въ погребъ. ожо не боудеть пони пороукы. лзѣ его въ желѣза въсадити. Въ Договорѣ 1270 г.: is dhe Nogardere schuldig tote Gotlande, men ene sal nicht en setten in dhe pogarden. Liker wis al so ne sal men to Nogarden dhen Dhutschen of dhen Goten don. *Погребъ* — тюрьма: «Дружину (Святослава Ростиславича) въ погребъ въсажаша» (I Новг. Л. 13). «Ярославъ вбѣгъ въ Переяславль повелѣ вметати въ погребъ что есть Новгородьцъ. а иныхъ въ гридницю» (I. Новг. Л. стр. 35). Дыба тоже что погребъ: это Нѣмецкое Daube, Провансъ. doga, Норм. douve, ср. Лат. dova, doga и doa — fossa. (Примѣры см. у Дюканжа и у Дица въ Etymol. Wörterbuch der Rom. S. стр. 125—126). Въ смыслѣ fossa употреблялось и наше погрѣбъ: «боуевище Петрятино дворище отъ прежнихъ двереи св. великого Ивана до погрѣба (рва), отъ погрѣба до Концаньского мосту (грам. Всеволода. Р. Дост. Г. стр. 81). Гриммъ въ Deuts. Wörterbuch (II. стр. 829—830) замѣчаетъ, что in daube wie in dauge liegt der begriff des festhaltenden.

Ѡже кто робу поверьжть насилыемь а не соромить. то за ѡбиду гривна. пакы ли соромить собѣ свободна·

— оже кто рабоу поверьжеть. Въ Смолен. грамотѣ иначе: «аже насилоуеть робѣ. а боудоуть на него послоуси. дати ему гривна серебра = аще которыи Немчичь оучинить насилье надъ робою. гривна серебра засоромъ».

Ѡже оубьють таль или попъ Новгороцкоιе или Нѣмецкыιе Новѣгородѣ. то к҃ гривенъ серебра за головоу.

— оже оубьють таль или попъ: о наказаніи за убіеніе священника было уже выше. Объ убіеніи таля — заложника, нигдѣ ничего нѣтъ.

Припоминая подробности содержанія грамоты Ярослава Владимировича сравнительно съ другими актами нашими,

находимъ, что не только общій характеръ, но и частности «правды» въ ней тѣже, что и въ Русской Правдѣ и въ Смоленской грамотѣ Мстислава; что тоже и отношеніе курса старой гривны кунъ и гривны серебра; а изъ юридическихъ обычаевъ, какъ рѣдкость своего рода бросается тутъ въ глаза обида боярыни, когда ей сбиваютъ съ головы повойникъ и вмѣстѣ безчестіе рабы, дающее ей свободу, потомъ еще постановленіе считать таля-заложника по важности наравнѣ съ священникомъ и посломъ.

Когда же писана эта грамота? Начальныя слова ея (се язъ князь Ярославъ Владимировичь сгадавъ съ посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкымъ Яковомъ) указываютъ на время, но неопредѣленно. Ярославъ Владимировичь княжилъ въ Новѣгородѣ три раза: въ 1182 — 1184, въ 1187—1196 и въ 1197—1199; Мирошка Нездиничь посадничалъ, съ перемѣжками, въ 1189 — 1203 г.: изъ этихъ данныхъ можно заключить только то, что грамота писана не ранѣе 1189 и не позже 1199 г. Но въ какой же именно изъ этихъ годовъ? Издатели грамоты обозначили по преимуществу 1195 годъ: «около 1195 года». Что привело ихъ къ такому заключенію, это не видно ни изъ ихъ объясненій, ни изъ сказаній лѣтописныхъ показаній, относящихся къ связямъ Новгорода съ Варяжскими заморцами въ годы княженія Ярослава Владимировича. Разсмотримъ эти показанія; ихъ же при томъ и очень немного.

— Въ лѣто 6692 (1184) заложи архіепископъ Илія съ братомъ церковь святого Іоана камяну (1 Новг. л. стр. 18); въ лѣто 6700 (1192) пренесли церковь древяну Іоанна Предтечи на иное мѣсто, а на томъ мѣстѣ поставиша Нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чюдо о посадники Добрыни» (3-я Новг. л. стр. 216). Въ обозначеніи года перенесенія деревянной церкви, переписчикъ лѣтописи сдѣлалъ ошибку; потому что въ 1192 году посадничалъ не Добрыня, а Мирошка Нездиничь. Во всякомъ случаѣ перенесеніе деревянной церкви могло случиться уже послѣ заложенія церкви

каменной. Слѣдовательно не ранѣе 1184 года, и слѣдовательно гораздо позже того Добрыни, который посадничалъ въ Новгородѣ до 1119, и умеръ въ этомъ году декабря 6-го (1 Новг. л. стр. 4); не слишкомъ, впрочемъ, позже 1184 г.» потому съ 1186 по 1192 посадничалъ: Михаилъ Степаничь. Онъ же былъ посадникомъ и въ 1180 году, когда «отъяша посадничьство у Завида (Неревинича) и вдаша» ему (1 Новг. л. стр. 17). Долго ли онъ въ этотъ разъ былъ посадникомъ? остался ли и въ 1182 при перемѣнѣ князя, когда мѣсто Владиміра Святославича занялъ Ярославъ Владимировичь? Этого не видно изъ лѣтописи. Черезъ два года въ Новѣгородѣ княжилъ уже не Ярославъ, а Мстиславъ Давидовичь: былъ новый случай для смѣны посадника, — и опять въ лѣтописи нѣтъ ничего о посадникѣ; а подъ 1186 годомъ читаемъ: «иде Завидъ къ Давыду Смольньску и въдаша посадничьство Михалеви Степаничю». Не долго послѣ отхода Завида оставался и Мстиславъ княземъ: и онъ пошелъ къ тому же Давыду, къ отцу своему. Изъ этого можно заключить, что Завидъ вновь выбранъ посадникомъ около того же времени, какъ и Мстиславъ князь, т. е. около 1184 или 1185 г. Онъ же, прежде лишился посадничества, когда въ 1180, по смерти Мстислава Ростиславича, сдѣлался княземъ Владимиръ Святославичь; мѣсто его занялъ тогда Михаилъ Степаничь. Ни тотъ ни другой не былъ посадникомъ въ 1182 — 1184 (1185), когда княжилъ Ярославъ Владимировичь, но и кто былъ посадникомъ тоже не извѣстно: очень можетъ быть, Добрыня. «Чюдо о посадникѣ Добрынѣ», помянутое въ лѣтописи, подробно передано въ одной изъ рукописей Волоколамскаго монастыря; извлеченіе изъ нея помѣщено Карамзинымъ въ 244 примѣчаніи къ III-му тому его Исторіи, какъ «сказка, сочиненная въ новѣйшія времена». Сказочнаго въ ней впрочемъ нѣтъ почти ничего. Нѣмцы просили у архіепископа и Новгородцевъ дать мѣсто посереди города, гдѣ бы они могли поставить божницу по своей вѣрѣ и обычаю. Новгородцы

отмолвили имъ: «у насъ стоять церкви все православныя; ино кое причастье свѣту ко тьмѣ». Тогда Нѣмцы обратились къ посаднику Добрынѣ, дали ему «посулъ великъ», и Добрыня посовѣтовалъ имъ сказать старостамъ купецкимъ и купцамъ: «если не будетъ наша божница, храмъ св. апостолъ Петра и Павла въ Новѣгородѣ, то не бывать и вашимъ церквамъ у насъ въ нашихъ городахъ». Слово сказано, и старосты купецкіе и всѣ гости Новгородскіе стали бить архіепископу челомъ, чтобъ онъ позволилъ Нѣмцамъ поставить ропату. Съ ними за одно говорилъ и Добрыня. Архіепископъ и Новгородцы согласились, предоставя посаднику указать мѣсто. Выбрали Нѣмцы мѣсто посреди торга, гдѣ деревянная церковь св. Іоанна Предтечи, и Добрыня «ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ» повелѣлъ церковь св. Предтечи снести на иное мѣсто. Какъ же ѣхалъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ черезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими, вдругъ поднялся вихрь, поднялъ насадъ болѣе чѣмъ на двѣ сажени, и ударилъ имъ о воду. Тутъ Добрыня пошелъ ко дну. Прочихъ всѣхъ переимали перевозчики въ малыхъ судахъ, а тѣло Добрыни едва нашли неводами и мережами. Такъ за свое лукавство онъ не получилъ погребенія. — Все это передано разсказчикомъ со словъ о. Сергія, игумена Островскаго Николаевскаго монастыря, и все очень могло быть такъ, какъ разсказано. Католическая церковь св. Петра поминается съ XIII вѣка. Угроза Новгородцамъ, что имъ можетъ быть не позволено ставить церквей въ городахъ Нѣмецкихъ, то же не простое красное слово: Русская церковь существовала на Готландѣ, въ Визби, если вѣрить соображенію Шведскихъ ученыхъ, сообщенному въ Nova acta Societ. Upsal *). Добрыня улица, упоминается въ лѣтописяхъ съ

*) Devehebautur merces... Visbiam usque, utpote in centro Baltici oceani, et in qua sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convehendis ac permutandis mercibus propriam. II. 101—102.

1181 г. и въ Уставѣ Ярослава о мостовыхъ. Что утопшіе лишались погребенія, этому тоже находимъ подтвержденіе въ показаніи лѣтописи того же времени о потопленіи двухъ священниковъ. Всего болѣе отступаетъ отъ истины этотъ разсказъ въ томъ, что представляетъ Нѣмецкую церковь св. Петра какъ первую неправославную въ Новѣгородѣ. Церковь Варяжская существовала на торжищѣ Новгородскомъ уже до 1152 г.: «въ 1152 г. погорѣ вьсь търгъ.... и церкви въ горѣ 8, а 9-я Варяжьская (1-я Новг. л. стр. 11); въ 1156 «поставиша заморьстіи церковь св. Пятьницѣ на търговищи (1-я Новг. л. стр. 17); въ лѣто 1181 мѣсяца юля въ 3 зажьжена бысть цьркы отъ грома Варяжьская на търговищи (1 Новг. л. стр. 18); въ 1207 съвершиша церковь св. Пятниця заморьскии, августа въ 30 (1 Новг. л. стр. 30). Это впрочемъ не та церковь св. Пятницы о которой въ Любекскомъ проэктѣ договора упоминается подъ именемъ S. Vridach (Freytag): si hospes veniens de superioribus partibus terre versus Gotlandiam ire voluerit, dabit ecclesie s. Vridach marcam argenti, non plus. Эта Пятницкая церковь была не Варяжская, а Русская; но и церковь Пятницкая Варяжская была не подалеку отъ нашей. Пересказчику преданія не было дѣла до Пятницкой церкви, онъ могъ и не знать о ея существованіи; но изъ этого не слѣдуетъ засчитывать весь расказъ за сказку, и тѣмъ менѣе отвергать показаніе 3-й Новгородской лѣтописи о построеніи Нѣмецкой церкви св. Петра около 1184 года. Напротивъ въ этомъ показаніи — свидѣтельство о времени прочнаго основанія Нѣмецкаго (Любекскаго) поселенія въ Новѣгородѣ, того поселенія, въ которомъ Петровская церковь была не только божницей, но и хранилищемъ товаровъ; значеніе св. Петра подробно обозначено въ Новгородской Скрѣ. Смѣшивать Готское по-селеніе съ Нѣмецкимъ (какъ сдѣлалъ г. Красовъ въ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 98), безъ сомнѣнія, не должно. Напротивъ должно изслѣдовать внимательно, гдѣ именно были

церкви Пятницкая и Петровская. Въ Уставѣ о мостовыхъ, между прочимъ сказано, что князь обязанъ класть мостовую «отъ великого ряду до Нѣмечкого вымола», Готы до Геральдов вымола до задняго и далѣе «до Бутятина вымола», остальное же Ильинцы, т. е. жители Ильинской улицы, «до Матфѣева вымола».

— Въ грамотѣ Фридриха II, 1187 г. Русскимъ торговцамъ въ Любекѣ даны права наравнѣ съ Готландцами и Норманнами: Ruteni, Goti, Normanni et cetere gentes orientales ad civitatem sepius dictam veniant et recedant.

— Въ лѣто 6696 (1188) рубоша Новгородьцѣ Варяги на Гътѣхъ Нѣьмцѣ въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ. а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море. ни съла вѣдаша Варягомъ. но пустиша я безъ мира (1 Новг. лѣт. стр. 20. Новг. лѣт. 946—1441 въ Прод. Древ. Рос. Вивл. II. 420: рубиша Варязи—на Хтѣхъ Нѣмци въ Хорюжку и в Новотръцихъ): Варяги, Нѣмцы Готландскіе порубили Новгородцевъ въ Хоружкѣ и въ Новомъ Торжкѣ, и за это весною изъ Новгорода не былъ пущенъ за море ни одинъ мужь, ни посолъ не посланъ къ Варягамъ, и отпущены они безъ мира. Другая подобная замѣтка занесена подъ 6642 (1134) годомъ: «томъ же лѣтѣ рубиша Новгородьць за моремъ въ Дони» — (т. е. въ Даніи (1. Новг. лѣт. стр. 6). «Рубити» значило тогда тоже что сажать въ порубъ: «Игоря яша 5 день по побоищи и порубиша и, а на осень вымолися постричься и пострижеся. (1 Новг. л. подъ 1146 г. стр. 10: срав. въ 4-й Новг. л. подъ тѣмъ же годомъ, стр. 7; *всади и въ порубъ*). «Яша князя Глѣба и съ сыномъ и Мьстислава съ братомъ Ярополкомъ. порубиша я (1-я Новг. л. подъ 1176 г. стр. 16: срав. въ 4-й Новг. л. стр. 15: изимаша, повязаша и *всадиша въ порубы*). По *рубить* значило и просто захватывать: «А что князь Михаило товаръ *порубилъ* братьи нашей до Новоторьского взятья, и того товара весь Новъгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступитися. а что товаръ Новгородскѣй и Ново-

торьскый въ Торъшку взятъ въ полонъ. а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступится (Дог: грам. Новг. 1317. С. Г. Гр. I. № 13, стр. 16). «Ольгердъ.... гостей Псковскихъ *порубu*. а товаръ отня. а на самыхъ окупъ поимавъ отпусти (2-я Псков. л. подъ 1348 г. стр. 14: срав. въ 1-й Псков. лѣт. подъ тѣмъ же годомъ, стр. 190: «Что бяше гостей Псковскихъ въ Полотскѣ или въ Литвѣ, тѣхъ *переимаше* Олигердъ и сынъ его Андрей и товаръ ихъ весь отняли и кони. а самыхъ окупъ поимше и отпустили прочь»). «Пограбленное и *порубленное* велѣли бы есте поотдавати (Лит. Метр. Сбор. Муханова № 13, стр. 14). «Гдѣ... учинится татьба или *порубъ* или грабежь или голову убьютъ:.. ино о томъ послы послати» (т. ж. № 19, стр. 21). «А что товаръ пойманъ у Новгородьскыхъ купець и у Новоторскыхъ изъ лодѣй *рубежомъ* до Новторского взятья, тотъ товаръ князю Михаилу подавати Новгородьскымъ купцамъ и Новторскымъ все чисто, по целованью (Новг. Грам. 1375 г. С. Г. Гр. I. № 17, стр. 22). *Рубить, нарубать, обрубать* значило и набирать людей на работу, въ дѣло и т. п. «Владимиръ нача ставити городы по Деснѣ и по Востри и по Трубежевѣ и по Сулѣ и по Стугнѣ. и поча нарубати мужи лучшіѣ отъ Словенъ отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь. и отъ сихъ насели грады» (Лавр. л. подъ 988 г. стр. 52): «Иная сила Псковская не *рубленіи* люди. охвочей человѣкъ. ходиша за Изборскъ. (1 Псков. лѣт. стр. 223). «Всѣмъ Псковомъ почаша по всѣмъ концемъ *рубитися* искрѣпка. и посадниковъ и бояръ великихъ на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ начали *обрубати* доспѣхи и съ коньми» (1 Псков. подъ 1471. стр. 240). «Поѣхаша посадники и мужи Псковичи той ночи и на завтрѣя много поѣхали. той ночи и *срубившеся* (по другому списку: скрутившеся) съ 4 сохъ конь (и человѣкъ) (1 Псков. подъ 1480. стр. 263). «Псковичи рклись на помочь итти, и *срубилися* съ 10-ти сохъ человѣкъ конной=*срубили* съ 10 сохъ человѣкъ конный (1 Псков. подъ 1495. стр. 269). — «Варязи *рубиша*

Новъгородьцѣ» значитъ захватили, взяли, всего вѣроятнѣе, съ товаромъ. Срав. выше о *рубежѣ*=pandatio.

— Въ лѣто 6699 (1191) ходи князь Ярославъ на Лукы позванъ Полотьскою княжьею и Полоцяны. и поя съ собою Новъгородьць передьнюю дружину. и съняшася на рубежи. и положиша межи собою любъвь. яко на зиму всѣмъ сънятися, любо на Литву, любо на Чюдь. и приде князь Новугороду Ярославъ одаренъ.» (1 Новг. л. стр. 20). Позже (1198) видимъ Полочанъ въ союзѣ съ Литвою, и вмѣстѣ ихъ неволю смириться передъ Новгородцами (т. ж. стр. 24). Отмѣчая эти событія, имѣю въ виду, что подъ ихъ сухимъ недомолвленнымъ пересказомъ можетъ быть затаено что нибудь касающееся успѣховъ Нѣмцевъ на Ливонскихъ берегахъ. Первыя попытки ихъ съ первымъ Лифляндскимъ эпископомъ Меингардомъ были сдѣланы при соизволеніи князя Володаря Глѣбовича (Генрихъ Лотышь называетъ его королемъ Полоцкимъ), безъ сомнѣнія, ранѣе 1191 года. Въ 1196 году Меингардъ умеръ; а въ 1198 году былъ совершенъ подъ предводительствомъ миссіонера Бертольда первый крестовый походъ на Ливовъ (см. подробности въ Bulletin hist. philol. de l'Academie XI. стр. 51—52). Въ слѣдъ за тѣмъ положено эпископомъ Альбертомъ основаніе Риги.

— Въ лѣто 6703 (1195) послаша Новгородци къ нему в. к. (Всеволоду) Мирошку посадника. просяче сына и Ярослава негодуючи... Всеволодъ иде на Черниговъ и вожаше съ собою посадника Мирошку (1-я Новг. л. стр. 23) и уже только въ лѣто 6705 (1197) Мирошка приде (въ Новгородъ) посадникъ, сѣдѣвъ два лѣта за Новгородъ (т. ж. стр. 24).

Эти послѣднія извѣстія всего яснѣе показываютъ, что разсматриваемая грамота Ярослава Владимировича могла быть написана всего менѣе около 1195 года, потому что въ этомъ году и въ два слѣдующихъ Мирошки, имя котораго стоитъ въ грамотѣ рядомъ съ именемъ князя, не было въ Новгородѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не заставляетъ предполагать, что грамота писана ранѣе 1195 года; а позже возврата Мирошки въ Новгородъ, именно подъ 6709 (1201) г. читаемъ въ лѣтописи: «(Новгородьци) пустиша Варягы безъ мира за море... а на осень придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всеи воли своей». (1 Новг. л. стр. 25). По видимому это показаніе не можетъ относиться къ разсматриваемой грамотѣ, потому что Ярославъ Владимировичь княжилъ въ Новѣгородѣ только до лѣта 1199 года; но нельзя его и устранить, какъ важное свидѣтельство о заключеніи договора съ Нѣмцами въ 1201, почти непосредственно по отбытіи князя Ярослава Владимировича изъ Новгорода, когда мѣсто его занималъ новый князь младенецъ Святославъ Всеволодовичь (родившійся въ мартѣ 1196 г.). Припоминая, что при заключеніи новаго договора съ Нѣмцами черезъ пятдесятъ лѣтъ слишкомъ сослались не на какую другую, а именно на разсматриваемую грамоту Ярослава Владимировича, я позволяю себѣ думать, что грамота отослана была къ Нѣмцамъ еще при Ярославѣ, вѣроятно, весною 1199 года, когда еще никто не зналъ судьбы этого князя; а миръ окончательно утвержденъ уже позже, въ 1201 году, при Святославѣ. Утвердительная грамота отъ имени князя Святослава могла быть составлена и другая, но не заключая въ себѣ законодательныхъ соглашеній не могла считаться столь важною, какъ Ярославова, и потому на нее не для чего было ссылаться приновыхъ переговорахъ. А что грамота Ярославова въ отношеніи законодательномъ считалась важнѣйшею, это доказывается заключеніемъ договорной грамоты Александра Невскаго съ Нѣмцами, при которой она приложена. Въ этомъ заключеніи о грамотѣ Ярославовой сказано: «А се старая наша правда и грамота, на чемь цѣловали отци ваши и наши крестъ. А иные грамоты оу насъ нѣтнуть. ни потаили. ксмы. ни вѣдакмь, на томъ кресть цѣлоукмъ». Но вотъ она вся какъ есть.

II.

ГРАМОТА АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА.

Се азъ князь Ѡлександръ и сынъ мои Дмитрии с посадникомъ Михаилъмь и с тысяцькымь Жирославомь и съ всѣми Новгородци доконцахомъ миръ с посломь Нѣмьцкымь Шивордомь и съ Любьцкымь посломь Тидрикомь и с Гъцкымь посломь Ѡлъстенъмъ и съ всѣмъ Латиньскымь ꙗзыкомь.

— Съ посломъ Нѣмьцкымъ Шивордомъ и с Любьцкымъ посломъ Тидрикомъ и съ Гъцкымъ посломъ Олъстенъмъ. Подъ именемъ Нѣмецкаго посла тутъ должно понимать посла Рижскаго. Тидрикъ Любекскій посолъ упоминается въ грамотѣ Любекской 1262 г. 20 ноября: pro dilectis in Christo Heinrico, Conrado et *Thiderico* et eorum sociis, concivibus nostris, qui cum venerabili patre, domino Bremensi archiepiscopo, stipulationem seu obligationem.... inierunt. (Urkundenbuch d. S. Lübeck. I. стр. 247).

Что ся оучинило таже межи Новгороци и межю Нѣмци и Гты и со всѣмъ Латиньскымь ꙗзыкъмь. то все ѡтложихомъ. а миръ доконцахъмъ на сеи правдѣ: Новгороцмъ гостити на Гоцъкыи берегъ бес пакости, а Нѣмцьмъ и Гтъмъ гостити в Новъгородъ бес пакости и всемѹ Латиньскомоу ꙗзыкоу на старыи миръ.

Поудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ по своіеи воли и по любви.

— Поудъ отложихомъ и скалви поставихомъ. *Скалви* (двойств. число отъ *скалва*—вѣсовая чашка): вѣсы чашечныя (срав. въ договорѣ Риги съ Полоцкомъ ок. 1330 г.: нъ тяжелѣи нашего (Рижскаго) полупуда тотъ товаръ, которой вѣсити на скалвахъ и языкъ пускати на товаръ). *Скалви*

поставихомъ: мы поставили чашечныя вѣсы; а *пудъ отложихомъ*: отложили вѣшанье пудами? Впрочемъ, что именно значитъ здѣсь пудъ, это неясно: способъ ли вѣшанья, особенная ли мѣра вѣса или же вѣсчее съ пуда? то и другое могло оказаться непригоднымъ. Кстати здѣсь вспомнить мѣсто изъ Смоленскаго договора, гдѣ въ изводѣ 1229 года употреблено слово *пудъ*, а въ изводѣ 1228 *капь*: аще ся вощнѣи поудъ исказить. лежить капь въ стое бце на горѣ. а дроугая въ Немецьскои бци. то темь поудъ извераче право оучинити = аже капь. чимь то весятѣ излѣмльна боудѣте, а любо льгче боудеть. то ть споускати ѡбѣ в ѣдино мѣсто. что лѣжить оу стое бце на горе. а дроугая оу Латинескои црквu. ѡбѣ ровнати». Въ другомъ мѣстѣ той же грамоты извода 1229 г. читаемъ: «а поудъ дали Немци Волочаномъ иже то имь товаръ возити (вѣсити) на Волоцѣ всякомоу гостьи. то ци да коли исказиться. а подроугъ его лежить въ Немецьскои божници. а дроугѣи ковати изверньши тѣмь». По видимому пудъ и капь одно и тоже, а между тѣмъ въ разсматриваемой грамотѣ вмѣстѣ «съ поудъ отложихомъ» положено «платити по двѣ коунѣ отъ капи и отъ всякого вѣсного товара что кладоуть на скалви.» Пудами преимущественно вѣсился медъ: см. въ грамотѣ Всеволода церкви Іоанна на Опокахъ: 20 пудъ меду, 10 пудъ меду, 5 пудъ меду; въ 1 Новг. л. подъ 1170: медъ по 10 кунъ пудъ; былъ впрочемъ и пудъ вощаной: см. въ помянутой грамотѣ Всеволода: «даю св. великому Іоанну отъ своего имѣнія великаго на строеніе церкви во вѣки вѣсъ вощаной, а въ Торжку даю пудъ вощаной» (вѣсъ въ Новѣгородѣ, а пудъ въ Торжкѣ).

А к Ратшиноу тяжю платили ѥсмы к҃ гривенъ серебра за двѣ голове. а третьюю выдахомъ.

— Ратшина тяжа. Ратша вспоминается въ лѣтописяхъ подъ 1255 годомъ, когда по случаю возстанія Новгородцевъ противъ своего князя Василія, Александръ Невскій, его отецъ, пошелъ на Новгородъ ратью, и когда Ратша

(Ратишка) встрѣтилъ его перевѣтомъ (1-я Новг. л. стр. 55). «Ратша, Ратиша, Ратишка» уменьшительное отъ Ратиславъ или отъ Ратиборъ. Ратислава въ это время въ Новѣгородѣ не поминается никакого, а Ратибора знаемъ какъ тысяцкаго, и съ такимъ характеромъ, какой выказалъ Ратша (Ратишка). Въ 1255 г. Ратша (Ратишка) выдалъ Новгородцевъ Александру Ярославичу, хотя и стоя за князя Ярослава Ярославича; Ратиборъ, избранный тысяцкимъ въ 1269 г. «по княжи воли», по случаю возстанія Новгородцевъ противъ князя Ярослава Ярославича въ 1270 г. бѣжалъ къ князю на Городище, посланъ имъ къ Татарамъ съ просьбою о помощи противъ Новгорода, и тамъ испросилъ у хана войска для Ярослава «лживымъ словомъ», «рече бо царю: Новгородци тебе не слушають; мы (съ княземъ Ярославомъ) дани прошали тобѣ, а они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы ваша разграбили, а Ярослава безчьствовали» (1-я Новг. стр, 61—62). Позволяю себѣ думать, что Ратша (Ратишка) и Ратиборъ одно и то же лице. Какъ бы то ни было, трудно опредѣлить, о какой Ратишиной тяжи вспоминаетъ грамота, и по какому случаю: можетъ быть, въ дѣлѣ борьбы Александра Невскаго съ братомъ Ярославомъ въ 1255 г., когда Ратша держалъ перевѣтъ за Ярослава противъ Новгородцевъ, принимали какое нибудь вольное или невольное участіе и Нѣмцы Новгородскіе, и тогда, послѣ умиренія Александра Невскаго съ Новгородцами, положено было одного изъ трехъ захваченныхъ выдавать лицомъ, а за остальныхъ платить по 10 гривенъ съ человѣка; можетъ быть въ грамотѣ предлагалось тоже вновь, по случаю новаго захваченья Нѣмцевъ....

А Нѣмцьмъ и Гтъмъ и всемоу Латиньскомоу ѩзыкоу платити по двѣ коунѣ ѿтъ капи и ѿтъ всѧкого вѣснаго товара что кладоуть на скалви. и продавше и коупивше.

— Платити по двѣ коунѣ отъ капи. Значеніе капи опредѣлено въ проэктѣ договора XIII вѣка: Stat(er) lode

qui dicitur *cap* debet in gravitate continere VIII livonica talenta. Тоже въ Договорѣ 1270: dhat *cap* sal halden an dhere wichte VIII punt. liv., что, по расчету г. Прозоровскаго, равняется $4^1/_5$ пудовъ нынѣшняго вѣса (Жур. М. Нар. Просв. 1855. іюль. II. 178).

А старыи миръ до Котлигнѣ. А Новгородцьмъ въ становищи на Гоцкомъ березѣ бес пакости въ старыи миръ. А зимнии гость оже не поиметь нашего посла ни Новгородцьскыхъ коупець изъ Новагорода или съ Гъцького берега. а что ся оучинить ис Котлингъ до Новагорода или из Новагорода до Котлингъ Немецкъмоу гости. оже бес посла поидоуть. то Новоугородоу тяжа не надобе. въ старыи миръ.

— старый миръ до Котлигнѣ, т. е. до Котлина. Тоже въ Договорѣ 1270 г.: Dhen olden vredhe to dher Nuwart binnin Ketlingen van Gotlande un wedher van Nogarden bin tote Ketlingen.

— становище на Гоцкомъ березѣ — что то въ родѣ подворья Новгородцевъ въ Визби, гдѣ, какъ уже было замѣчено, находилась и Русская церковь.

— а зимній гость и пр. Совершенно тоже въ Договорѣ 1270: dhe wintergast sal comen uppe des koninges haut des borgreuen unde al dher Nogardere.... unde of se dhen Nogardeschen boden nene nemet, geschut en wat tusgen Nogarden unde Ketlingen, dhar ne heuet dhe koning un dhe Nogardere nicht mede to donde.

Оже кто гостить в Корѣлоу или Нѣмци или Гтяне. а что ся оучинитъ. а то Новоугородоу тяжа не надобе.

— Оже кто гостить въ Корѣлоу. И это обстоятельство записано одинаково въ Договорѣ 1270 года: So welic Dhudische of te Gote veret copfart to dhen Crelen, geschut eme dar wat, dhar ne hebbet dhe Nogardere nicht mede to donde.

А которыхъ треіє дворць въпросили ваша братья посли. а тѣхъ ся ієсмы ѿтстоупили по своієи воли.

— треи дворць въпросили ваша братья. Дѣло идетъ о трехъ дворахъ Нѣмецкихъ въ Новѣгородѣ: древнѣйшій изъ нихъ былъ Готскій, при которомъ церковь Варяжская св. Пятницы была еще до 1152 года. Другой былъ Любекскій, при которомъ церковь св. Петра была построена, какъ выше было показано, въ 1184 (1185) году. Третій дворъ былъ Рижскій: Item illi de Riga admissi sunt ad servandum terciam partem curie Neugardensis (грамота Любец. соглашенія 1363 г. 24 іюня въ Hans. Urkundenbuch. стр. 524). Свидѣтельство разсматриваемой грамоты о существованіи трехъ дворовъ Нѣмецкихъ во время Александра Невскаго очень важно. Съ этимъ мѣстомъ ея надобно сличить и начало, гдѣ поминаются три посла: Нѣмецкій (Рижскій), Любекскій и Готскій. Нельзя тутъ не припомнить и словъ Устава Ярославова о мостовыхъ касательно трехъ Нѣмецкихъ вымоловъ: князь мостить и чинитъ мостовую отъ великаго ряду до Нѣмецкаго вымола, Нѣмцы до Ивана вымола, Готы до Гералдова вымола до задняго.

А се старая наша правда и грамота. на чемь цѣловали ѿтци ваши и наши крестъ.

— а се старая наша правда и грамота. Очевидно что эти слова относятся къ вышеразобранной грамотѣ Ярослава Владимировича, приписанной въ слѣдъ за разсматриваемою.

А гдѣ ся тяжа родить, тоу ю кончати.

— См. объ этомъ въ грамотѣ Ярослава Владимировича.

А иноіє грамоты оу насъ нѣтоуть. ни потаили ієсмы. ни вѣдаієм. на томь крестъ цѣлоуієм.

— иное грамоты оу насъ нѣтъ: и это относится къ грамотѣ Ярослава Владимировича, давая знать о ея законодательной важности.

Издатели выразили свое мнѣніе, что эта грамота писана въ 1257 — 1259; но, основываясь на именахъ князя Дмитрія, посадника Михаила и тысяцкаго Жирослава, упоминаемыхъ въ грамотѣ, приходимъ къ нѣсколько другому заключенію о времени написанія грамоты.

Въ 1259 году князь Александръ Ярославичь Невскій, собираясь къ Татарамъ, посадилъ на столѣ Новгородскомъ сына своего Дмитрія (1 Нов. л. стр. 57) и князь Дмитрій княжилъ въ Новѣгородѣ до тѣхъ поръ пока, по смерти отца его Александра (въ 1263), Новгородцы его «выгнаша» въ 1264 году. Во все это время посадникомъ былъ Михаилъ Ѳедоровичь, вызванный на это мѣсто изъ Ладоги въ 1257 году (1-я Новг. л. стр. 56, 4-я Новг. л. стр. 39). Въ этомъ же году «тысячьское Жироху даша» (т. ж. стр. 56 и стр. 39). Изъ этого видно, что грамота писана около 1259 — 1264 года. Точнѣе опредѣляется время написанія грамоты временемъ похода подъ Юрьевъ: «Въ лѣто 6770 (1262) въ осенинѣ идоша Новгородци съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ великъımъ полкомъ подъ Юрьевъ. бяше тогда и Костянтинъ князь зять Александровъ. и Ярославъ братъ Александровъ съ своими мужи. и Полотьскъıи князь Товтивилъ. съ нимъ Полочанъ и Литвы 500. а (княжихъ полковъ и) Новгородьского полку безъ числа. толко Богъ вѣсть. (И приидоша къ городу Нѣмецкому ко Юрьеву. и сташа подъ городомъ). и бяше градъ твердъ Юрьевъ въ 3 стѣны (каменпыя). и множьство людей въ немъ всякыхъ. и бяху пристроили собѣ брань на градѣ крѣпкоу. но честнаго креста сила и святои Софеи всегда низлагаетъ неправду дѣющихъ. тако и сіи градъ. Ни во что же твердость та бысть. но помощью Божьею одинымъ приступленіемъ взятъ бысть. и люди многы града того овы побиша а другы изъимаша живы а иніи огнемъ пожжени и жены ихъ и дѣти. и взяша товара безъ числа и полона. а мужа добра застрѣлиша съ города. и Петра убиша Мясниковича. и приде князь Дмитреи въ Новъгородъ со всѣ-

ии Новгородци съ многымъ товаромъ (1 Новг. л. стр. 57, Воскресен. л. стр. 163. Сравн. 4-я Новг. л. стр. 39. 1-я Псков. л. стр. 180. 1-я Соф. л. стр. 190—191).

Въ слѣдствіе этой битвы заключенъ былъ миръ, и однимъ изъ слѣдствій его легко могла быть и разсматриваемая грамота. Если же такъ, то грамота написана въ 1263 году, когда Александръ Ярославичь былъ еще живъ, а сынъ его Дмитрій былъ еще Новгородскимъ князѣмъ.

